

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 11 Ноябрь

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомаи (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 11 November

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

*Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83*

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 11

США: экономика, политика

Белый рабочий класс США как основа электората Трампа <i>О. Богаевская, В. Журавлева</i>	5
Перспективы политики США в сфере ПРО при администрации Дж. Байдена <i>О. Криволапов</i>	15
Внутриполитические факторы ближневосточной стратегии администрации Байдена <i>И. Шумилина</i>	24

Экономика, экономическая теория

“Эффект колеи” во внешнеторговом сотрудничестве Японии и США <i>З. Подоба, В. Горшков</i>	31
Конец эпохи энергетического угля <i>М. Синицын</i>	40
Фармацевтическое лидерство стран: роль накопительного эффекта расходов на НИОКР и эффекта непрерывности импорта <i>С. Балашова, Н. Волгина</i>	49
Биоинформационные технологии в медицинской сфере: достижения и вызовы <i>В. Сауткина</i>	60

Европа: новые реалии

“Вокс”: испанский вариант праворадикальной партии в современной Европе <i>С Хенкин</i>	69
---	----

Страны и регионы

Продвижение российских экономических интересов на юге Африки <i>А. Кузнецов</i>	79
Российско-турецкие отношения после 2015 г: новые тренды, старые дилеммы <i>С. Шерстюков, Н. Бодиштяну</i>	88

Миграции в современном мире

“Исламский фактор” и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции <i>Н. Лапина</i>	97
Иностранные боевики-террористы как фактор секьюритизации миграционной политики ЕС <i>О. Потемкина</i>	106

“The Common Spaces”

Эгейское море противоречий (Часть II) <i>П. Гудев</i>	115
Россия на Северном морском пути: в погоне за двумя зайцами? <i>А. Тодоров</i>	123

Из истории ИМЭМО

Академик Нодари Симония – последний марксист <i>П. Черкасов</i>	131
--	-----

Вышли из печати

Реляционный взгляд на международные отношения <i>Н. Гудалов</i>	141
Новый взгляд на проблему неравенства в доходах <i>В. Клинов</i>	147

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 11

USA: Politics and Society

The White Working Class as Trump's Electorate Base <i>O. Bogaevskaya, V. Zhuravleva</i>	5
The U.S. Missile Defense Policy Perspectives during the J. Biden Administration <i>O. Krivolapov</i>	15
Domestic Factors of the Biden Administration's Strategy in the Middle East <i>I. Shumilina</i>	24

Economy, Economic Theory

"Path-Dependency" Effect in Japan-U.S. Trade <i>Z. Podoba, V. Gorshkov</i>	31
End of Energy Coal Era <i>M. Sinitsyn</i>	40
Pharmaceutical Leadership of Countries: Role of Accumulative Effect of R&D Expenditures and Effect of Imports Continuity <i>S. Balashova, N. Volgina</i>	49
Bioinformation Technologies in the Medical Field: Achievements and Challenges <i>V. Sautkina</i>	60

Europe: New Realities

Vox – Spanish Variant of Radical Right Party in Present-Day Europe <i>S. Khenkin</i>	69
---	----

Countries and Regions

Promoting Russian Economic Interests in Southern Africa <i>A. Kuznetsov</i>	79
Russian-Turkish Relations after 2015: New Trends, Old Dilemmas <i>S. Sherstyukov, N. Bodishteanu</i>	88

Migration in Contemporary World

"Islamic Factor" and Socio-Political Debate on Immigration in Modern France <i>N. Lapina</i>	97
Foreign Terrorist Fighters as a Factor of Securitization of the EU Migration Policy <i>O. Potemkina</i>	106

"The Common Spaces"

The Aegean Sea of Contradictions (Part II) <i>P. Gudev</i>	115
Russia on the Northern Sea Route: Having the Cake and Eating It Too? <i>A. Todorov</i>	123

From the history of IMEMO

Academician Nodari Simonia – the Last Marxist <i>P. Cherkasov</i>	131
--	-----

Around Books

A Relational Look at International Relations <i>N. Gudalov</i>	141
A New View Point on Income Inequality <i>V. Klinov</i>	147

БЕЛЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС США КАК ОСНОВА ЭЛЕКТОРАТА ТРАМПА (Кто они и что с ними будет дальше?)

© 2021 г. О. Богаевская, В. Журавлева

*БОГАЕВСКАЯ Оксана Викторовна, кандидат экономических наук,
ORCID 0000-0003-2127-0475, bogaevsk@gmail.com
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

*ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0003-1911-625X, zhvika@imemo.ru
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Статья поступила в редакцию 09.07.2021.

На протяжении всего президентства Д. Трампа его стабильно поддерживало примерно 38% американского общества. Большую часть этого базового электората бывшего президента составляли представители белого рабочего класса. Статья дает социально-экономический портрет этой части общества, которая за 45 лет из опоры экономической системы, основной группы электората, важнейшего потребителя и реализатора “американской мечты” превратилась в аутсайдеров, забытых обеими партиями. Трамп стал их рупором, вернув их в политическую игру и сделав центром тех длительных трансформационных процессов, через которые проходят сегодня Демократическая и Республиканская партии.

Ключевые слова: белый рабочий класс, электорат Д. Трампа, Республиканская партия, Демократическая партия, глобализация торговли, автоматизация производства, “американская мечта”, “реднек”, противостояние ценностных моделей, поляризация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-5-14

После поражения на выборах в 2020 г. Трамп, в отличие от большинства предыдущих президентов, не ушел в тень: покинув Белый дом, он обещал очень скоро вернуться. Действительно после небольшого затишья Трамп вернулся к публичным выступлениям и комментариям в прессе. Блокировка аккаунтов в *Twitter* и *Facebook* серьезно ограничила его сетевую активность, но не вытеснила полностью из информационного пространства. Несмотря на то что действующая администрация, поддерживаемая либеральной прессой, постаралась побыстрее перевернуть страницу президентства Д. Трампа, максимально избегая упоминания его имени в официальных и публичных выступлениях, предать забвению его у Вашингтона не получилось. Трамп регулярно напоминал стране о том, что ждет пересмотра голосований Верховным судом и вернется в Белый дом уже к августу 2021 г. И хотя не было никаких юридических и конституционных оснований для реализации такого сценария, 29% республиканцев верили, что это возможно [1]. Какой бы малой ни казалась эта цифра, она всего на 9% меньше базовой поддержки Трампа со стороны американцев на протяжении всего его нахождения у власти. Кто же эти люди, которые непоколебимо поддерживали скандального прези-

дента на всем его пути и до сих продолжают верить в него?

В этой статье мы не будем говорить о радикальных группировках крайне правых, о различных теориях заговоров, ставших популярными на правом фланге американского общества [2]. Наша задача — дать социально-экономический портрет основного сегмента базового электората Д. Трампа — белого рабочего класса. В начале XX в. он оказался в эпицентре общемировых процессов трансформации рынка труда, связанного с автоматизацией производства и глобализацией мировой торговли. К 2000-м годам в ходе этих процессов он превратился из опоры американской социально-экономической и ценностной модели и базового электората, за которого конкурировали обе партии, в экономическое и ценностное аутсайдера, к чужакам которого мало прислушивались в Вашингтоне. Трамп на своем пути завоевания Белого дома в обход традиционной карьерной лестницы сделал ставку именно на этом сегменте электората, став его рупором. Потерянный электорат проснулся, и, казалось бы, теперь на его проблемы Вашингтону будет сложнее закрывать глаза. Однако останется ли он неожиданно приобретенным ресурсом

Республиканской партии, или эффект Трампа постепенно испарится, как только неудавшийся политик перестанет играть со своим электоратом в затянувшуюся игру “вернуться в Белый дом”?

БЕЛЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС: КТО ОНИ?

К категории “белый рабочий класс”, как правило, относят представителей белого населения неиспанского происхождения без высшего образования (не закончивших колледж). Если в 1975 г. белые американцы без высшего образования старше 25 лет составляли 71% взрослого населения США, то к 2019 г. их доля снизилась до 43%. При этом численность белого рабочего класса превышает 50% взрослого населения только на Среднем Западе Соединенных Штатов, в остальных регионах он является самой многочисленной, но уже не преобладающей группой населения [3].

Сокращение белого рабочего класса происходило как из-за роста доли американцев, получающих высшее образование, так и за счет роста доли небелого населения в США. Однако есть и неблагоприятные факторы, способствующие уменьшению его численности, к которым в первую очередь относится рост смертности среди белых мужчин без высшего образования.

Тенденции смертности среди белых американцев неиспанского происхождения в возрасте 45–54 лет изменились с 1998 г. Если с 1978 по 1998 г. смертность среди этой категории населения снижалась в среднем на 2% в год, что примерно соответствовало аналогичным трендам в других развитых странах, то в 1998–2013 гг. она стала увеличиваться в среднем на 0.5% в год. Такой негативный разворот коснулся только этой специфической категории населения, ни одна другая (американцы испанского происхождения, афроамериканцы, американцы более старшего возраста и т. п.) не была затронута. Среди причин перелома в статистике смертности среди белых американцев среднего возраста неиспанского происхождения – рост самоубийств

и смертей от употребления наркотиков и алкоголя. При этом в основном рост смертности в данной группе происходит за счет лиц без высшего образования. Смертность от всех причин среди этой группы в период с 1999 по 2013 г. возросла на 134 случая на 100 тыс. человек (с 601.4 в 1999 г. до 735.8 в 2013 г.) [4, p. 3].

Снижение численности рабочего класса и рост его неблагополучия были в значительной степени обусловлены сокращением рабочих мест в промышленности начиная с 2000 г. (см. табл. 1). В 2017 г. мужчины трудоспособного возраста без высшего образования работали в среднем на 200 часов в год меньше, чем в 2000 г. Снижение занятости в обрабатывающей промышленности оказалось связанным с уменьшением занятости и в других секторах, особенно среди наименее образованных рабочих в возрасте 21–55 лет, причем эти процессы локализируются на тех территориях, где происходит сокращение численности промышленных рабочих. Кроме того, существует корреляция между сокращением рабочих мест в обрабатывающей промышленности и ростом употребления наркотиков и смертности [5].

Для американского белого рабочего класса стали наиболее болезненными два объективных процесса, которые привели к существенному ухудшению его экономического положения, – автоматизация промышленного производства и глобализация торговли (прежде всего стремительный рост импорта из Китая в США). Результатом обоих этих процессов стало сокращение рабочих мест в промышленности, а в числе наиболее сильно пострадавших районов оказался “ржавый пояс” – промышленный Средний Запад. Однако начиная с 2012 г. занятость в американской обрабатывающей промышленности стабилизировалась, что было частично связано с изменениями на рынке труда в Китае, который постепенно перестает быть главным мировым поставщиком дешевой рабочей силы, а позднее – с проводимой администрацией Д. Трампа протекционистской политикой. С 2005

Таблица 1. Потери рабочих мест в промышленности США и торговля с Китаем

	2000	2001	2012	2014	2016	2017	2018	2019	2020
Объем экспорта из США в Китай, млрд долл.	16.2	19.2	110.5	123.7	115.6	130.0	120.3	106.4	124.6
Объем импорта из США в Китай, млрд долл.	100.0	102.3	425.6	468.5	462.4	505.2	539.2	451.7	435.4
Торговый дефицит США с Китаем, млрд долл.	83.8	83.1	315.1	344.8	346.8	375.2	419.0	345.2	310.8
Число занятых в обрабатывающей промышленности США ¹ , млн человек	17.2	15.7	12.0	12.3	12.4	12.5	12.8	12.8	12.2
Уровень безработицы в обрабатывающей промышленности США ¹ , %	3.3	6.3	7.5	3.9	4.0	3.3	2.8	2.7	4.3
Реальный объем производства в обрабатывающей промышленности США ¹ , % (уровень 2012 г. берется за 100%)	98.3	92.7	100.2	103.5	102.2	103.4	106.0	104.9	102.3

¹ Данные на конец соответствующего года.

Составлено авторами на основе статистических данных.

по 2016 г. средняя заработная плата в китайской обрабатывающей промышленности выросла в 3 раза и превысила среднюю заработную плату в Мексике, Бразилии и Аргентине [6]. Помимо роста заработных плат в традиционных экспортных отраслях Китая (электронная, текстильная, обувная промышленность) в его экспортной структуре происходят сдвиги в сторону более высокотехнологичных отраслей, где требуется более квалифицированная и, значит, более высокооплачиваемая рабочая сила.

В то время как технологические изменения затрагивают общенациональный рынок труда и сокращение рабочей силы распределяется достаточно равномерно по отраслям и территориям, торговая конкуренция сильнее влияет на локальные рынки труда. При этом потери рабочих мест в промышленности оказывают негативный эффект на занятость в пострадавших регионах в целом. С 1990 по 2007 г. районы США, в которых была более развита обрабатывающая промышленность, в значительной степени пострадали от конкуренции товаров из КНР, а среди районов с развитой промышленностью пострадали те, где производились товары, имевшие китайские конкурентные аналоги. В этих районах увеличилось число безработных и лиц, прекративших поиски работы (что означало сокращение экономически активного населения), причем это происходило за счет сокращения рабочих мест как в обрабатывающей промышленности, так и в других отраслях [7]. Это подтверждает некоторую обоснованность настроений той части американских избирателей, которые выступают против расширения торговли с Китаем.

С 1999 по 2011 г. количество рабочих мест только в обрабатывающей промышленности США сократилось более чем на 5 млн. Значительная часть этих потерь была вызвана стремительным ростом импорта товаров из Китая, который начался после вступления последнего в ВТО в 2001 г. (см. табл. 1). По одной из оценок, сокращение рабочих мест в американской экономике в этот период, вызванное увеличением импорта из Китая, оценивается в 2.0–2.4 млн [8]. Только в обрабатывающей промышленности США за 1999–2011 г. прямые и косвенные потери рабочих мест составили 985 тыс. [7]. Это означает, что конкуренция с китайскими товарами стала причиной потери как минимум пятой части рабочих мест в обрабатывающей промышленности за эти годы. Согласно еще одной оценке прямого и косвенного воздействия роста импорта китайских товаров, с 1999 по 2011 г. в США было потеряно 2.4 млн рабочих мест [7]. При этом занятость упала не только в отраслях, которые были непосредственно подвержены конкуренции импортных китайских товаров, но и в целом в тех районах, где преимущественно находились предприятия этих отраслей, а производственные связи между

секторами (отраслями) скорее усугубили, чем смягчили негативное воздействие на занятость как на региональном, так и на национальном уровне.

Эксперты из Института экономической политики (*The Economic Policy Institute*) оценивают общие потери рабочих мест в США в результате роста торгового оборота с Китаем в 2001–2013 гг. в 3.2 млн, из которых 2.4 млн (75%) пришлось на обрабатывающую промышленность [9]. Согласно другому исследованию, в результате роста торгового оборота с Китаем в 2001–2011 гг. было уволено 2.7 млн человек (в том числе 2.1 млн – в обрабатывающей промышленности), а прямые потери работников от сокращения заработной платы составили 37 млрд долл. только в 2011 г. [10]. При этом косвенные потери заработной платы примерно в 5 раз превышали прямые потери непосредственно пострадавших от увольнений работников, а общее число пострадавших от китайского импорта рабочих практически в 40 раз превышало число непосредственно уволенных, поскольку косвенные потери в виде понижения заработной платы понесли все представители рабочего класса. Пострадавшими оказались почти все американцы без высшего образования, которые в 2012 г. составляли около 70% американской рабочей силы, или около 100 млн человек. Большое число уволенных работников пополнило ряды постоянно безработных, а многие перестали искать работу. Среди тех, кто был уволен и нашел новую работу, средняя заработная плата на новом месте снизилась на 17.5% [9].

В последние 20 лет происходило относительное сокращение не только численности, но и благосостояния представителей белого рабочего класса. Реальная медианная почасовая заработная плата белых мужчин без высшего образования сократилась с 19.76 долл. в 1979 г. до 17.5 долл. в 2014 г. [11]. Доля доходов представителей этой группы в совокупных доходах американцев снижалась быстрее, чем доля в численности населения. По данным исследования, где сравнивались периоды 1989–1998 и 2010–2016 гг., медианные доходы семей, принадлежащих к белому среднему классу, снизились с 91 до 87% медианного дохода всех домохозяйств США [12].

Несмотря на то что промышленные рабочие – по-прежнему важная составляющая рабочего класса, во многом определяющая его экономическое положение, их доля в данной социальной группе существенно снизилась. Значительная часть рабочего класса – это работники сферы услуг, а именно розничной торговли, общественного питания, транспорта, бытовых и социальных услуг, а также занятые в сельском хозяйстве.

Наибольший уровень бедности в США зафиксирован среди населения, проживающего за пре-

делами городских агломераций (см. табл. 2), то есть в сельской местности и небольших городах [13]. Здесь семьи имеют самый низкий медианный доход (в 2019 г. он составил 52.1 тыс. долл., а в среднем по США — 68.7 тыс. долл.). Число проживающих за пределами городских агломераций в 2019 г. составило 17.8 млн человек (см. табл. 3) [13].

Таблица 2. Уровень бедности среди различных групп населения США, %

Группы населения США	2018	2019
25 лет и старше	9.9	8.8
25 лет и старше без высшего образования	13.0	11.7
Проживающие за пределами городских агломераций	14.7	13.3
В целом по США	11.8	10.5

Источник: здесь и табл. 3 [13].

Таблица 3. Число домохозяйств и медианный семейный доход в США в зависимости от территории проживания, 2019 г.

Территория проживания	Число домохозяйств, млн	Медианный доход, тыс. долл.
В городских агломерациях, всего	110.7	72.0
В том числе:		
внутри крупных городов	43.0	63.7
за пределами крупных городов	67.7	77.2
За пределами городских агломераций	17.8	52.1
В целом по США	128.5	68.7

На проживающих в этих районах приходится 18–20% американских избирателей. Многие из них активно поддерживали Д. Трампа. Это те самые “забытые американцы” — белые, часто безработные, живущие за пределами больших городских агломераций. Они выступают против глобализации и развития торговли, против новой климатической политики (сокращения производства углеродов), за права фермеров. Именно их голоса могут становиться определяющими в таких штатах, как Мичиган, Пенсильвания, Висконсин. Победа Д. Байдена на президентских выборах 2020 г. была определена большинством проголосовавших за него жителей пригородов крупных городов и городских агломераций среднего размера, особенно в штатах Мичиган, Пенсильвания и Висконсин, то есть штатах “ржавого пояса”. В то же время жители территорий, находящихся за пределами крупных городских агломераций, продемонстрировали значительную поддержку Д. Трампу, мало изменившуюся с 2016 г. [14].

КАК РЕСПУБЛИКАНЦЫ СТАЛИ ПАРТИЕЙ РАБОЧИХ

Именно белый рабочий класс стал одной из важнейших социальных групп в электорате

Трампа, на которую он опирался и в 2016, и в 2020 г., и в ходе всех четырех лет пребывания в Белом доме. Представители белого рабочего класса составили половину проголосовавших за Д. Трампа в 2020 г. (около 37 млн человек из 74.2 млн отдавших за него голоса). Среди белых американцев без высшего образования, принимавших участие в голосовании в 2020 г. (на долю которых пришлось 35% всех избирателей), 67% проголосовали за Трампа. Они составили 23.5% всех принявших участие в выборах. Таким образом, данная категория избирателей составляет критически важную составляющую его электората. Связано это во многом с рекордной поляризацией американцев по партийной линии.

Электоральное поведение американского избирателя традиционно определялось его партийной идентификацией. Однако за последние десятилетия партии настолько поляризовались, что консенсусного взгляда на развитие страны в Вашингтоне практически не осталось, точно так же, как и общей социальной повестки. Это поставило электорат перед жестким выбором своего идейного лагеря, и как только этот выбор был сделан, американский избиратель оказался заперт в рамках идейного противостояния, постепенно радикализируясь в своих взглядах вслед за своей партией.

Две противостоящие друг другу группы радикальных сторонников демократов или республиканцев сосуществуют с группой независимых избирателей, число которых стабильно растет начиная с середины 1960-х годов. По данным независимого исследовательского центра (*Pew Research Center*), по мере поляризации и радикализации партий и их базовых сторонников третья группа электората только еще больше расширяется — в 2015 г. их число составило 39%, достигнув самого высокого уровня за 75 лет наблюдений, которые велись с 1939 г., когда независимые избиратели составили всего 18% электората [15]. Начиная с 1992 г. группа независимых избирателей практически всегда является самой многочисленной, за ней следуют демократы и только потом республиканцы, численность которых была меньше на протяжении всего исследуемого периода (с середины 1950-х до начала 1980-х годов разрыв между демократами и республиканцами составлял в среднем 20%, с 1985 г. он не превышает 10%). По оценкам агентства *Gallup*, только за последние 20 лет число независимых избирателей выросло с 30 до 45% [16]. Они делают свой выбор, каждый раз ориентируясь на конкретную ситуацию и конкретного кандидата, именно их позиция в итоге стала определять исход выборов. Сами выборы по мере роста числа тех, кто не определился либо мог изменить свое мнение, превратились в борьбу за их голоса. В этих условиях партии стали меньше уделять внимание своим традиционным избирателям, особенно ме-

нее малочисленным и политически пассивным. Именно это произошло с белым рабочим классом.

Парадокс в том, что белый рабочий класс, несмотря на свою падающую численность, является одной из важнейших категорий электората на выборах президента США. Связано это прежде всего с тем, что решение вопросов, которые непосредственно затрагивают эту группу избирателей, лежит в плоскости наиболее актуальных на сегодняшний день проблем социально-экономической повестки. Проблема сохранения рабочих мест в промышленности влечет за собой обсуждение таких определяющих аспектов политической повестки, как проблемы рынка и свободы, глобализация, торговые соглашения и перенос рабочих мест за рубеж, протекционизм, миграционная политика, последствия автоматизации производства и внедрения научно-технического прогресса, вопросы климатической политики, соотношения “новой” и “старой” энергетики, степени и форм государственного вмешательства в экономику и т. п.

Каждая из партий предлагает свое решение этих вопросов. Основной инструмент для сохранения рабочих мест в промышленности, по мнению демократических администраций, — это перекалфикация уволенных работников. Для участия в программах переподготовки кадров и повышения квалификации ими предлагается активное привлечение бизнеса и государственного финансирования. Так, Б. Обама в 2011 г. запустил программу партнерства в области передовых промышленных технологий, в рамках которой предполагалось сотрудничество между государством, бизнесом и университетами. Однако при всей привлекательности и значимости таких программ на практике не очевидно, что рабочие места в “новой промышленности” займет именно старый промышленный рабочий класс. И если с точки зрения макроэкономической политики это не так важно, то с точки зрения отдельного представителя рабочего класса эта деталь является определяющей. Представители демократов также считают, что для улучшения положения рабочего класса необходимы меры государственного воздействия: повышение уровня минимальной заработной платы, введение новых налоговых льгот, выплаты на детей, расширение социальных и образовательных программ за счет повышения налогов.

Республиканцы традиционно избегают повышения социальной нагрузки на государство. С их точки зрения, к улучшению положения рабочего класса в первую очередь ведут поощрение и помощь развитию бизнеса и снижение налогов. Политика Д. Трампа в отношении рабочего класса была достаточно прямолинейна: он выступал за сохранение существующих и создание новых рабочих

мест в промышленности и вводил ограничения на импорт товаров из Китая, при этом, в отличие от демократов, не делая акцента на необходимость технологического развития, но и не отрицая его. За период с декабря 2016 по декабрь 2019 г. (первые три года его президентства до начала пандемического кризиса) число занятых в обрабатывающей промышленности США увеличилось на 454 тыс. человек — это больше, чем за четыре последних года администрации Б. Обамы (рост на 395 тыс.).

Исторически представители рабочего класса, особенно с более низкими доходами, поддерживали Демократическую партию. Однако усиление в последней либеральных тенденций и постепенное смещение фокуса на представительство интересов различных меньшинств оттолкнули эту часть электората от партии и заставили их перейти к республиканцам, несмотря на ее имидж партии богачей. По данным *Pew Research Center*, за последние 20 лет Демократическая партия перестала быть преимущественно белой: в 1997 г. белый электорат партии составлял 75%, а в 2017 г. — уже 59%, в то время как небелый электорат за этот же период увеличился с 24 до 39% [17]. Последние изменения в партийных предпочтениях произошли в ответ на президентство первого афроамериканца Б. Обамы. Для консервативного малообразованного белого населения, преимущественно южан, такой президент оказался вызовом их традиционным представлениям об Америке. Только за первый срок президентства Обамы, отмечает *Pew Research Center*, численность белого населения, поддерживающего Республиканскую партию, выросла с 46 до 52%, причем именно за счет рабочего класса. К 2012 г. республиканцам удалось сократить отставание от демократов в поддержке лиц с доходом меньше 30 тыс. долл. до 2% (43% против 45% у демократов) и перетянуть к себе избирателей с доходом от 30 тыс. до 75 тыс. долл., которые были поделены между партиями в начале президентства Обамы [18]. В итоге к началу президентства Д. Трампа Республиканская партия по-прежнему оставалась преимущественно белой: 92% в 1997 г. и 83% в 2017 г., хотя пропорции между белым и небелым электоратом немного изменились [17].

Согласно исследованиям, проведенным профессором Нью-Йоркского университета Р. Флорида и его коллегами П. Адлером и Ш. Мелландер, относительное число представителей рабочего класса в штате позитивно коррелирует с голосованием за республиканских кандидатов в президенты [19]. Штаты, где большую долю населения составляют рабочие (не обязательно промышленные, а, например, занятые в таких отраслях, как монтаж, установка, техобслуживание и ремонт оборудования, строительство, добыча сырья), как правило, голосуют за республиканцев. Помимо

представителей сугубо рабочих профессий (сварщики, водители-дальнобойщики, автомеханики), Д. Трампа поддерживали многие работники сферы обслуживания без высшего образования (повара, кассиры, продавцы).

Движение электората и партии совпали: республиканцы активно расширили свое влияние в южных штатах и стремились компенсировать низкую поддержку меньшинств голосами белого менее образованного и преимущественно негородского населения. Партия, также как и ее сторонники, все больше смещалась в правоконсервативный идейный сектор, выступая за традиционные ценности и минималистское государство. Причем единство консервативного фронта в рядах республиканцев постоянно менялось. По данным *Pew Research Center*, в 2005 г. раскол между социал-консерваторами и экономическими консерваторами в рядах республиканцев сгладился и произошло формирование единого консервативного блока, сторонники которого придерживались экстремально консервативных взглядов по всем вопросам — от роли государства и социальной политики до моральных ценностей и внешней политики [20]. К концу президентства Б. Обамы экономические консерваторы опять отмежевались от социальных консерваторов, в большей степени поддерживая политику *Wall Street* и бизнеса в целом [21].

Белый рабочий класс стал той социальной группой, появление которой в рядах республиканских консерваторов привело к новому расколу в партийных рядах — между ним и социальными консерваторами, поддерживающими движение “Чайная партия”. В отличие от последних белые рабочие выступали за большую помощь со стороны государства. Консервативный рабочий класс также считал федеральное правительство неэффективным и был зол на него, но не за нарушение своей экономической свободы, а за бездействие, за недостаточную помощь в годы финансового кризиса, за то, что не защищало их от заокеанских конкурентов. Для них основной экономической проблемой был не дефицит бюджета, а отсутствие работы и удорожание жизни. Согласно *Pew Research Center*, как и многие консерваторы-республиканцы, 73% белых рабочих считали федеральное правительство неэффективным, но, в отличие от остальных консерваторов, из них 61% полагал, что федеральное правительство должно делать больше, чтобы помочь нуждающимся, даже если это означает увеличение долга федерального бюджета [21].

Этот тренд стал неожиданностью для республиканского истеблишмента и остальной части партии, традиционно представляющей прежде всего интересы бизнеса и крупного капитала, которые совершенно не заинтересованы в росте федераль-

ной помощи нуждающимся, грозящем им ростом налогов. Что делать с рабочим классом, Республиканская партия откровенно не знала. Это объясняет, почему заявление сенатора Т. Круза о том, что Демократическая партия превратилась в “партию богатых элит, бигтеха и большого бизнеса”, а Республиканская партия теперь позиционирует себя как “партию работающих людей”, прозвучало только в 2021 г.

Это пока одиночное, но все же признание новой социальной базы партии стало результатом президентства Д. Трампа. Именно он сделал тот шаг, который не решался делать партийный истеблишмент много лет, — вернуться лицом к социальной группе, которая уже перешла от демократов, стать рупором ее гнева, превратив тем самым ее в движущую силу своей неожиданной победы.

Пандемия не позволила ему воспользоваться этой поддержкой во второй раз, просто потому что другие группы, голосовавшие в протестном порыве за Трампа в 2016 г., вернулись к демократам. Кризис, вызванный *COVID-19*, привел к новым существенным сдвигам в отраслевой структуре экономики и организационной структуре компаний, вызвал кардинальную трансформацию рынка труда, еще больше обострил расовые, имущественные и возрастные противоречия, проблемы здравоохранения и образования, при этом затронув население неравномерно. В первую очередь пострадали наиболее слабые и обездоленные — меньшинства, бедные, малоимущие, афроамериканцы. Рост проблем среди этой части населения, традиционно являющейся избирателями Демократической партии, привел к усилению ее электоральной активности и способствовал победе Д. Байдена.

В целом поддержка Д. Трампа белым рабочим классом оказалась более устойчивой к неожиданным кризисам: она практически не изменилась с 2016 г. В 2020 г. белые избиратели без высшего образования также в большинстве проголосовали за Трампа: 32% из них отдали голоса Байдену и 67% — Трампу. Однако небольшой сдвиг среди рабочего класса в сторону демократического кандидата все-таки произошел. Доля белых мужчин — представителей рабочего класса, голосующих за демократов, увеличилась с 23% в 2016 г. до 28% в 2020 г., а доля белых женщин, принадлежащих к рабочему классу, — с 34 до 36% соответственно. За счет привлечения этих избирателей Д. Байдену удалось выиграть в штатах Висконсин, Мичиган и Пенсильвания.

Для достижения победы в штатах “ржавого пояса” Байдену пришлось посещать их, давать специфические обещания, касающиеся восстановления промышленности и возрождения промышленного среднего класса, чего в свое время

не делала Х. Клинтон во время своей предвыборной кампании. Фактически Д. Байдену пришлось перенять некоторые приемы и обещания из репертуара Д. Трампа.

Кампания 2020 г. и ее результаты свидетельствуют о том, что демократы оценили вес “забытого электората” в борьбе за власть. Очевидно, что конкуренция между двумя партиями за него вновь усилится. И здесь вопрос, какой из партий будет проще в этой борьбе. Республиканский истеблишмент оказался перед серьезной дилеммой: как примирить требования белого рабочего класса, благодаря которому партия может удержаться в борьбе с демократами, с интересами ее традиционного электората – белого высокообразованного и состоятельного, прежде чем последний отойдет к демократам.

Небольшой оптимизм республиканцам могут внушать результаты социологического опроса, который регулярно проводит Центр по бедности и неравенству Стэнфордского университета (*Stanford Center on Poverty and Inequality*), свидетельствующие о том, что рост неравенства не ведет к активизации предпочтений американцев в сторону усиления государственного перераспределения [22]. Многие представители белого рабочего класса избирательно поддерживают государственные социальные программы, в основном предполагающие личный вклад получателя льгот (социальное страхование, медицинское обеспечение после выхода на пенсию), в отличие от полностью бесплатных программ, где членство основано просто на факте малообеспеченности. Также они не одобряют программы и реформы, в результате которых работающие могут получать меньше тех, кто полностью зависит от государственной помощи (например, это отчасти верно для реформы здравоохранения Б. Обамы), и предпочитают работать, а не получать помощь от государства. Именно поэтому вопрос о потере рабочих мест из-за конкуренции с Китаем приобрел для данной категории населения особую значимость. Таким образом, пространство для поиска компромисса между двумя группами у республиканцев есть.

Вторая составляющая “дилеммы рабочего класса” для будущего Республиканской партии состоит в том, что для выживания в демографической конкуренции с демократами республиканцы должны пополнить эту группу небелым рабочим классом. С одной стороны, такие шаги начал делать Трамп, расширив электорат среди латиноамериканцев и азиатов в группе лиц без высшего образования. С другой стороны, чтобы идти дальше, республиканцам фактически надо отказаться от своей “белости” – одного из базовых элементов популистского движения, запущенного Трампом. Фак-

тически они должны полностью вывести белых рабочих из их южного прошлого, в котором важным элементом был расизм. Учитывая, что только 20% электората Трампа придерживаются расистских взглядов, это реальная задача, к тому же стратегически такая политика поможет Республиканской партии избавиться от праворадикального шлейфа, который оставил ей в наследие Трамп, и, возможно, создаст пространство для компромисса между двумя партиями.

Дилемма, стоящая перед Демократической партией, может оказаться более сложной: как примирить традиционную консервативную модель, которую разделяют большинство представителей белого рабочего класса, с либеральной ценностной моделью, продвигаемой левым крылом партии.

ТАКАЯ РАЗНАЯ “АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА”

Несмотря на то что улучшение социально-экономического положения было одним из центральных запросов белого рабочего класса к Д. Трампу, двигателем его кампаний и президентства в целом стал спор о ценностях. Эта эмоционально заряженная тема явилась идеальным инструментом мобилизации молчаливого электората, золотым ключиком, который помог Трампу вывести сначала на улицы, а потом и на избирательные участки тех, кто уже давно ни во что не верит и не видит никакого смысла тратить время на стояние в очередях в день голосования.

Тематика ценностей была выдвинута обеими партиями на передний план еще во второй половине прошлого века. Поскольку экономические платформы обеих партий были очень похожи, ценности могли помочь с выбором электорату, который не видел особой разницы между ними. Когда же одна из партий стала открыто защищать право граждан на ношение оружия, а другая – говорить о праве женщины распоряжаться своим телом, средний избиратель быстро сориентировался, к какой группе он принадлежит. Однако за последующие десятилетия процесс фрагментации общества по ценностному принципу вышел из-под контроля: общество и сами партии оказались в ловушке поляризации¹.

Трамп со своим ценностным популизмом стал логическим продолжением этой борьбы за электорат. Но он перевел ее на новый уровень: открыто

¹ Подробнее см.: Журавлева В. Трамп 2020: протестный президент в расколотой стране. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 10, сс. 17-28. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-17-28>; Журавлева В.Ю. *Перетягивание каната власти: взаимодействие Президента и Конгресса США*. Москва, ИМЭМО РАН, 2011. 163 с.

изменив фокус с экономики на ценности. В его электоральной, а затем и управленческой риторике экономика определялась ценностями, а не наоборот. Трамп говорил со своим электоратом об “американской мечте” и о том, как сделать так, чтобы она вновь стала реальностью для белого рабочего класса. И он попал в самое сердце.

Согласно исследованию, проведенному калифорнийским аналитическим центром *Reality Check Insights* совместно с *Los Angeles Times*, 79% американцев считают “американскую мечту” достижимой в их жизни [23]. Эта цифра почти одинакова для всех поколений. Она не сильно отличается и географически: 80% жителей штатов – сторонников Трампа придерживаются того же мнения. Однако в группах с разным уровнем образования результаты серьезно отличаются. 90% американцев с высшим образованием уверены, что “мечта” реализуема, и лишь 2/3 (69%) граждан без высшего образования верят в ее реальность! Именно эта категория – лица без высшего образования – составляет основу электората Трампа.

Парадокс в том, что белый рабочий класс представлял собой социально-экономическую и культурную основу американского общества, его идентификационную опору и символ воплощения “американской мечты” в течение большей части XX в. Однако в итоге в последние десятилетия именно для него эта мечта оказывается недостижимой.

Неудивительно, что призывы Трампа к восстановлению величия нации оказались как никогда востребованы утратившими веру в нечто более значимое, чем просто повседневная жизнь одного человека. Безусловно, экономика важна для тех, кто оказался выкинут на обочину деиндустриализацией и глобализацией. Но они живут на обочине уже не одно десятилетие: это шахтеры закрывшихся шахт; рабочие фабрик, продукция которых стала неконкурентной после того, как рынок наводнили дешевые китайские товары; разорившиеся фермеры; рыбаки, лишившиеся средств к существованию после того, как под лозунгом защиты окружающей среды один за другим штаты стали принимать законы, запрещающие коммерческий вылов рыбы. Все они живут на пособие, программы переквалификации востребованы лишь небольшим процентом из них. В обществе сложился устойчивый образ лентяев и опустившихся людей, которые не могут и не хотят работать. Именно он встает сегодня за пренебрежительным словом “реднек” (*rednecks*), которым характеризуют базовый электорат Трампа, фактически всех белых рабочих. Причем в конце XIX в. так называли белых южан, занимавшихся тяжелым физическим трудом наравне с бывшими рабами. Сегодня оно уже не имеет такой жесткой

географической привязки, включая и “ржавый пояс”, и сельских жителей южных штатов. Однако за четыре года пребывания Трампа в Белом доме это слово приобрело дополнительную негативную коннотацию – это люди с демонстративно расистскими взглядами и радикальными установками.

Популизм Трампа довел до кульминации ценностный сортинг, введенный обеими партиями, поделив общество на “своих” и “чужих”. Вся Америка за четыре года противостояния превратилась в поле боя за “правильные” и “неправильные” ценности – за те, которые сделают ее снова великой или приведут к окончательному падению. Либералы и консерваторы предлагают различные версии будущего, по-разному оценивают настоящее и трактуют прошлое: герои одних становятся антигероями других. Д. Трамп предлагал сражаться за “американскую мечту”, и она оказывается первой же жертвой борьбы двух ценностных миров, приобретая все более расплывчатые очертания и неоднозначное наполнение.

Происходящее изменение положения носителя традиционных американских ценностей сопровождается как пересмотром самих этих ценностей, так и концептуальной трансформацией многих ранее казавшихся незыблемыми идей и установок. Этот неизбежно болезненный процесс является частью более масштабных социально-культурных трансформаций, вектор которых все еще сложно определить, но очевидно, что они не закончились с уходом Трампа из Белого дома и продолжают определять условия политической борьбы и социально-экономическое положение разбухшего им электората.

* * *

На протяжении всего президентства популярность Д. Трампа среди американцев колебалась от 35 до 49%, в среднем составляя 41% [24]. Через 100 дней после его ухода из Белого дома американское общество было почти поровну расколото в своем отношении к бывшему президенту: 45% оценивали его положительно, а 49% – негативно [25]. Большую часть тех, кто по-прежнему положительно оценивает бывшего президента, составляет белый рабочий класс – люди без высшего образования, в наибольшей степени пострадавшие от тех структурных изменений, которые произошли в экономике США за последние 45 лет. Из опоры экономической системы, основной группы электората, основного потребителя и реализатора “американской мечты” они превратились в лица третьего сорта, забытые обеими партиями, став популярными героями комиксов и анекдотов.

Несмотря на рост доходов и благосостояния американского населения в целом, отдельные категории американцев, к которым относится и бе-

лый рабочий класс, оказались в сложном положении, и оно не улучшается, несмотря на имеющиеся социальные программы и меры государственной поддержки, оказывающиеся недостаточно эффективными в отношении этой социальной группы. С середины прошлого века Америка стала свободнее, современнее, богаче, но для белых рабочих в стране выросло неравенство, а фундаментальные ценности и традиции ослабли и даже перестали быть таковыми для половины ее населения.

Президентство Д. Трампа еще больше осложнило положение белого рабочего класса, превратив его представителей в глазах либеральной общественности в расистов и радикалов. Но в то же время Трамп вернул их в политическую игру, заставив обе партии вновь бороться за их внимание. В ближайшие годы как Демократическую, так и Республиканскую партии ждут серьезные изменения, важной движущей силой которых станет обострение борьбы за белый рабочий класс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *National Tracking Poll #210636, June 04–07, 2021, Morning Consult/Politico*. Available at: https://assets.morningconsult.com/wp-uploads/2021/06/09050746/210636_crosstabs_POLITICO_RVs_v1_LM.pdf (accessed 29.06.2021).
2. Бунина А. Эволюция правого радикализма в США в эпоху Трампа. *Пути к миру и безопасности*, 2021, № 1 (60), сс. 60-88. [Bunina A. Evolution of the right-wing radicalism during the Trump era. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2021, no. 1 (60), pp. 60-88. (In Russ.)]. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/pmb/archive/2021/1-60/political-transition-crisis/the-evolution-of-right-wing-radicalism-in-the-united-states-during-the-trump-era> (accessed 29.06.2021).
3. Emmons B., Kent A., Ricketts L. *The White Working Class: National Trends, Then and Now*. September 24, 2019. Available at: https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2019/september/white-working-class-national-trends-then-now?utm_source=Federal+Reserve+Bank+of+St.+Louis+Publications&utm_campaign=3306d0d071-BlogAlert&utm_medium=email&utm_term=0_c572dedae2-3306d0d071-57468989 (accessed 25.05.2021).
4. Case A., Deaton A. *Rising morbidity and mortality in midlife among white non-Hispanic Americans in the 21st century*. Available at: <https://www.pnas.org/content/pnas/early/2015/10/29/1518393112.full.pdf> (accessed 25.05.2021).
5. Charles K.K., Hurst E., Schwartz M. *The Transformation of Manufacturing and the Decline in U.S. Employment*. NBIR, Working Paper 24468. March 2018. Available at: <http://www.nber.org/papers/w24468> (accessed 25.05.2021).
6. Bravo E. *Manufacturing Wages in China Surpass Those in Mexico and Brazil*. TECMA. Available at: <https://www.tecma.com/manufacturing-wages-in-china/> (accessed 25.05.2021).
7. Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H. The China Shock: Learning from Labor-Market Adjustment to Large Changes in Trade. *Annual Review of Economics*, 2016, no. 8, pp. 205-240. DOI: 10.1146/annurev-economics-080315-015041 Available at: <http://www.ddorn.net/papers/Autor-Dorn-Hanson-ChinaShock.pdf> (accessed 25.05.2021).
8. Acemoglu D., Autor D., Dorn D., Hanson G.H., Price B. Import Competition and the Great US Employment Sag of the 2000s. *Journal of Labor Economics*, January 2016, vol. 34, no. S1 (Part 2), pp. S141-S198. Available at: <https://economics.mit.edu/files/9811> (accessed 25.05.2021).
9. Kimball W., Scott R.E. *China Trade, Outsourcing and Jobs*. Economic Policy Institute, Briefing Paper #385, December 11, 2014. Available at: <https://www.epi.org/publication/china-trade-outsourcing-and-jobs/> (accessed 25.05.2021).
10. Scott R.E. *Trading Away the Manufacturing Advantage: China Trade Drives Down U.S. Wages and Benefits and Eliminates Good Jobs for U.S. Workers*. Economic Policy Institute, Briefing Paper #367, September 30, 2013. Available at: <https://www.epi.org/publication/trading-manufacturing-advantage-china-trade/> (accessed 25.05.2021).
11. Meyerson H. America's white working class is a dying breed. *Opinions*, November 4, 2015. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-white-working-class-is-a-dying-breed/2015/11/04/f2220170-8323-11e5-a7ca-6ab6ec20f839_story.html (accessed 25.05.2021).
12. *The Bigger They Are, The Harder They Fall: The Decline of the White Working Class. The Demographics of Wealth 2018 Series*. Essay no. 3, Race, Ethnicity, and Education. September 2018. Federal Reserve Bank of St. Louis. Available at: https://www.stlouisfed.org/~media/Files/PDFs/HFS/essays/HFS_essay3_2018.pdf?la=en (accessed 25.05.2021).
13. Semega J., Kollar M., Shrider E.A., Creamer J.F. *Income and Poverty in the United States: 2019*. U.S. Government Publishing Office, Washington, DC, 2020. 80 p.
14. Frey W.H. *Biden's victory came from the suburbs*. Bookings, November 13, 2020. Available at: <https://www.brookings.edu/research/bidens-victory-came-from-the-suburbs/> (accessed 25.05.2021).
15. Trends in Party Identification, 1939–2014. *Pew Research Center*, April, 2015. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/interactives/party-id-trend/> (accessed 30.06.2021).
16. Party Affiliation. *Gallup*, June, 2021. Available at: <https://news.gallup.com/poll/15370/party-affiliation.aspx> (accessed 30.06.2021).
17. A Closer Look at the Parties in 2012. *Pew Research Center*, August 23, 2012. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2012/08/23/a-closer-look-at-the-parties-in-2012/> (accessed 30.06.2021).
18. Changing composition of the electorate and partisan coalition. *Pew Research Center*, March, 2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2018/03/20/changing-composition-of-the-electorate-and-partisan-coalitions/> (accessed 30.06.2021).

19. Florida R. Why Is Your State Red or Blue? Look to the Dominant Occupational Class. *Bloomberg CityLab*, November 28, 2018. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-28/how-occupational-class-influences-u-s-voting-patterns> (accessed 15.05.2021).
20. Beyond Red vs. Blue: The Political Typology. *Pew Research Center*, May 4, 2011. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2011/05/04/beyond-red-vs-blue-the-political-typology/> (accessed 30.06.2021).
21. Beyond Red vs. Blue: The Political Typology. *Pew Research Center*, June 26, 2014. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/26/the-political-typology-beyond-red-vs-blue/> (accessed 30.06.2021).
22. Manza J., Brooks C. Why Aren't Americans Angrier about Rising Inequality? *Pathways*, Winter 2016. Stanford Center on Poverty and Inequality. Available at: https://inequality.stanford.edu/sites/default/files/Pathways_presidential_winter_2016.pdf (accessed 30.06.2021).
23. *The Trump Administration did not Extinguish the American Dream*. The American Enterprise Institute. Blog Post, March 4, 2021. Available at: <https://www.aei.org/politics-and-public-opinion/the-trump-administration-did-not-extinguish-the-american-dream/> (accessed 30.06.2021).
24. Presidential Approval Ratings – Donald Trump. *Gallup*. Available at: <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx> (accessed 30.06.2021)
25. *Monthly Harvard-Harris Poll*. May, 2021. Available at: https://harvardharrispoll.com/wp-content/uploads/2021/05/HHP_May2021_Topline.pdf (accessed 30.06.2021).

THE WHITE WORKING CLASS AS TRUMP'S ELECTORATE BASE

(Who are They, and What is Their Political Future After Trump?)

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 5-14)

Received 09.07.2021.

Oksana V. BOGAEVSKAYA,

ORCID 0000-0003-2127-0475, bogaevsk@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Victoria Yu. ZHURAVLEVA,

ORCID 0000-0003-1911-625X, zhvika@imemo.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

In 2020, the white working class made almost half of all the votes for Donald Trump – about 37 million out of 73.5 million votes that he got. 67% of white Americans with less than four years degree cast their votes for Trump. 100 days after he lost the reelection, 29% of Republicans believed that Trump will come back to the White House before the month of August 2021. Who are they, these Trumps supporters and believers? How did Trump change their role in political life, and what will be their future after him? During the last 45 years, the white working class of America has transformed from the world's most affluent and secure working class, the linchpin of the New Deal coalition, the protagonist of the American dream into one of the most vulnerable, disintegrated and declining in its number and power element of the American electorate. Trump used their anger and despair in his way to power, bringing them back to politics. Today both the Democratic and Republican Parties are fighting again for the white working class. Historically, this group was the base of the Democratic Party. But for the last two decades, the Party has become much more liberal in its values and focused more on different groups of minorities. These trends made whites without college degree to shift to the Republican Party, regardless its "party of white riches" image. The current shift occurred in the years of Obama presidency – for highly conservative, less educated, mostly South whites this President came as a challenge to their traditional views of America. By the end of the Obama era, the Republican Party almost filled the gap with the Democratic Party in white working class support. Trump became the high pick of this shift. Meanwhile, the Democrats got the trend and came back fighting for its past electorate who suddenly became the focus of a political game and interparty transformations, which makes it highly possible to change the face of the American party system as we know today.

Keywords: the white working class, Trump's electorate base, Republican Party, Democratic Party, trade globalization, automation of production, the American dream, the redneck, the confrontation of values' models, polarization.

About authors:

Oksana V. BOGAEVSKAYA, Candidate of Economics, Senior Researcher, Center for North American Studies.

Victoria Yu. ZHURAVLEVA, Candidate of Political Sciences, Head of Center for North American Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-5-14

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ США В СФЕРЕ ПРО ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

© 2021 г. О. Криволапов

КРИВОЛАПОВ Олег Олегович, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0001-9658-2671, o.krivolapov@iskran.ru
Институт США и Канады РАН, РФ, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021.

В статье дается анализ состояния дел в сфере противоракетной обороны (ПРО) США при администрации Дж. Байдена. Делаются выводы о перспективах политики в сфере ПРО с учетом таких факторов, как взгляды экспертов “мозговых центров”, близких к Демократической партии, финансирование программ, а также предпринятых мер в этой области. Рассматриваются различные варианты договоренностей по ПРО между Россией и США в рамках поддержания режима контроля над вооружениями.

Ключевые слова: национальная ПРО, региональная ПРО, финансирование ПРО, защита от гиперзвуковых вооружений, сенсоры космического базирования, меры “до пуска”, меры прозрачности.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-15-23

В феврале 2021 г., после продления Пражского договора СНВ на пять лет, МИД России повторил, что в дальнейших переговорах по контролю над стратегическими вооружениями необходимо учесть фактор наращивания ПРО США. Связь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями остается – развитие последних ведет к развитию первых. При этом как минимум с марта 2018 г. высшее российское руководство периодически говорит, что имеющиеся у РФ стратегические ядерные вооружения способны гарантированно преодолеть как нынешние, так и перспективные системы ПРО. В связи с этим необходимо проанализировать те требования, которые выдвигаются со стороны России к администрации США в сфере ПРО в рамках новых договоренностей по контролю над вооружениями.

Проблема противоракетной обороны всесторонне изучается как российскими специалистами (особого внимания заслуживают работы А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, В.И. Есина, П.С. Золотарева, А.Г. Савельева и др.¹), так и зарубежными. Россий-

ские исследователи основное внимание уделяют перспективам продолжения сокращения ядерных вооружений России и США, американские анализируют вопросы ПРО не только как часть проблематики контроля над вооружениями [1, 2], но и отдельно как часть военной политики США². Почти все указанные эксперты в прошлом на разных этапах предлагали свои варианты решения вопроса ПРО в отношениях РФ–США.

Цель статьи определить, в каком объеме тема ПРО в настоящий момент может обсуждаться в дальнейших переговорах по контролю над вооружениями между РФ и США. Для ответа на этот вопрос будут рассмотрены современное состояние и тенденции дальнейшего развития американской политики в сфере ПРО при администрации Дж. Байдена, а также даны оценки возможных вариантов договоренностей между Москвой и Вашингтоном по данному вопросу.

ОБЩИЙ КУРС РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ПРО

Администрация Д. Трампа в своем “Обзоре ПРО-2019” (*Missile Defense Review 2019*) провозгласила равномерное развитие всех частей ПРО

стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 2015, № 3, сс. 57–84.

² См., например: Isaacs J., Hickey S. Missile Defense Costs Soar Out of This World. *Center for Arms Control and Non-Proliferation*, 26.01.2021. Available at: <https://armscontrolcenter.org/missile-defense-costs-soar-out-of-this-world/> (accessed 05.02.2021); Karako T., Rumbaugh W. Inflection Point: Missile Defense and Defeat in the 2021 Budget. *Center for Strategic & International Studies*, 22.03.2020. Available at: <https://www.csis.org/analysis/inflection-point-missile-defense-and-defeat-2021-budget> (accessed 14.04.2021).

¹ См. об этом: Арбатов А. Вооружения и дипломатия. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 6, сс. 9–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-9-23; Дворкин В. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12; Есин В.И. Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность. *Вестник Московского университета, Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 2017, № 4, сс. 3–41; Золотарев П.С. Ядерные аспекты военной политики и российско-американские отношения. *Россия и Америка в XXI веке*, 2019, № 1. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (accessed 12.06.2020) DOI: 10.18254/S207054760004694-0; Савельев А.Г. Стратегическая

(национальной и региональной)³, необходимость защиты не только от баллистических ракет (БР), но и от крылатых ракет (КР), гиперзвуковых планирующих блоков (ГПБ) и гиперзвуковых крылатых ракет (ГКР). В “Обзоре” были анонсированы создание множества новых противоракетных систем, включение в стратегию ПРО мер “до пуска” и ряд других моментов. К 2020 г. руководящие принципы этой политики не были изменены, но конкретное содержание некоторых из них начало меняться под влиянием технологических вызовов в развитии систем⁴. Кроме того, “Обзор ПРО-2019” не дал ответов на целый ряд важнейших вопросов политики в этой сфере. Было предписано начать исследования по таким вопросам, как защита территории США от крылатых ракет, определение нужной численности батарей комплексов *THAAD*, развертывание перехватчиков космического базирования, защита от гиперзвуковых вооружений, доктрина применения мер ПРО “до пуска”⁵. Первые ответы на все эти вопросы появились лишь недавно, но Министерство обороны США пока не определилось здесь со своей позицией. В результате на слушаниях по ПРО в Конгрессе в июне 2021 г. было объявлено о составлении нынешней администрации в 2022 г. нового “Обзора”.

Выступавшие на слушаниях в Сенате претенденты на посты министра обороны США и его заместителей Л. Остин, К. Хикс и К. Каль отвечали в том числе на вопросы об их позиции относительно контроля над вооружениями. Один из вопросов касался их оценки необходимости ограничений на ПРО США для дальнейших сокращений стратегических ядерных вооружений. Что характерно, все трое претендентов сказали, что вопрос будет решаться в соответствии с курсом администрации Дж. Байдена в данной области.

³ Сейчас в США применяются такие термины, как “ПРО территории страны” (*homeland missile defense*) и “региональная ПРО” (*regional missile defense*). В данной статье национальная ПРО (НПРО, стратегическая ПРО, “ПРО территории страны”) в основном ассоциируется с защитой от ракет с дальностью более 5500 км (межконтинентальные баллистические ракеты, МБР). Региональная ПРО (нестратегическая ПРО) ассоциируется с защитой от ракет с дальностью от 500 до 5500 км (ракеты малой и средней дальности).

⁴ Подробнее об этом см.: Криволапов О.О. Политика США в сфере ПРО после “Обзора ПРО-2019”: выполнение плана или отход от него? *Россия и Америка в XXI веке*, 2020, вып. 2. DOI: 10.18254/S207054760010492-8 Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760010492-8-1/> (accessed 21.07.2021).

⁵ О мерах “до пуска” говорилось в “Обзоре ПРО-2019” как о части всеобъемлющей стратегии ПРО. Основным средством были названы упреждающие удары высокоточными наступательными вооружениями морского, воздушного и наземного базирования по пусковым установкам ракет, “чтобы снизить число ракет, которые надо будет перехватить”. См.: *Missile Defense Review 2019*, Office of Secretary of Defense, p. 60. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/20020806666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (accessed 21.07.2021).

При выработке своего курса в области ПРО администрация Дж. Байдена будет учитывать политические, технологические и финансовые факторы. Среди политических факторов можно отметить традиционную поддержку демократами ограниченной ПРО. “Центр за новую американскую безопасность” (*Center for a New American Security*), связанный с Демократической партией, в своих рекомендациях говорит о необходимости Агентству по ПРО (АПРО, *Missile Defense Agency*) заниматься только НИОКР, для которых АПРО изначально задумывалось. Для этого надо освободить его от функций закупок и поддержки систем ПРО, передать эти системы на баланс войск. Основной акцент предлагается сделать на разработке систем направленной энергии (например, лазеров), искусственного интеллекта (для отличия боеголовки от ложных целей на траектории полета), защиты от гиперзвуковых вооружений и на развитие систем ПРО космического базирования. Судя по тому что эксперты “Центра за новую американскую безопасность” и идейно связанные с ними демократы в Конгрессе никогда не были сторонниками развертывания ударных средств ПРО в космосе, речь идет о сенсорах космического базирования. Примечательно также то, что в рекомендациях было отмечено следующее: “Администрация Д. Трампа начала принимать во внимание развитие неядерных наступательных вооружений большой дальности у соперников США в региональном контексте. Это делает необходимым более тесную интеграцию наступательных и оборонительных средств. Однако остается неясным, как это будет выглядеть с оперативной точки зрения и каковы будут стратегические последствия этого для управления эскалацией” [3]. Таким образом, говорится, что в отличие от прошлой администрации США новое руководство Белого дома и Министерства обороны должно оценить степень влияния региональной ПРО и мер “до пуска” на стратегическую стабильность.

Бывшие чиновники администрации Б. Обамы (например, Б. Робертс, один из авторов “Обзора ПРО-2010”) и сторонники контроля над вооружениями в американских “мозговых центрах” осенью 2020 г. выступили за возвращение акцента НПРО США на защиту от ограниченной ракетной угрозы со стороны КНДР [4, p. 51, 54]. С новой силой начали выдвигаться призывы к перемещению акцента с НПРО на региональную ПРО. В интересах продолжения процесса сокращения ядерных вооружений США и России вновь прозвучали предложения заключить двустороннее временное соглашение на ограничение национальной ПРО США [1, 2]. В нем установить лимиты на определенные типы перехватчиков, их численность и места развертывания, режимы прозрачности с РФ в сфере ПРО по таким параметрам, как планы раз-

вертывания новых систем, технические консультации на высоком уровне, а также установить в США мораторий на последующие испытания перехватчика из системы региональной ПРО *SM-3 IIA* против МБР [5]. Эти предложения переключаются с курсом администрации Б. Обамы, которая делала акцент на развитие региональной ПРО. Но важное отличие состоит в том, что при Обаме не было проведено испытаний перехватчика *SM-3 IIA* против МБР. После его проведения в ноябре 2020 г. официально говорить о четком разделении между системами НПРО и региональной ПРО уже сложнее.

Относительно финансирования программ ПРО еще в начале 2020 г. до пандемии *COVID-19* ряд аналитиков считал маловероятным повышение запрошенных и одобренных сумм для Агентства по ПРО по сравнению с 2019 и 2020 фин. г., когда было выделено в среднем 10.3 млрд долл. [6; 7, p. 5]. На 2021 фин. г. было ассигновано 10.4 млрд долл. Администрации Д. Трампа удавалось добиться рекордного годового финансирования ПРО (до 11.5 млрд долл. в 2018 фин. г.). В настоящее время, когда экономика США требует восстановления после пандемии, ПРО выглядит не самой актуальной статьёй расходов даже в сравнении с другими приоритетами в военной сфере. Например, давно назревшая модернизация всех трех частей ядерного арсенала США. В итоге на 2022 фин. г. администрация Дж. Байдена запросила для Агентства по ПРО всего 8.9 млрд долл.

По оценкам Управления Конгресса США по бюджету (*Congressional Budget Office*) (январь 2021 г.), реальное выполнение планов, намеченных в “Обзоре ПРО-2019”, будет означать повышение средней ежегодной суммы ассигнований на ПРО на 5 млрд долл. (около 40% от обычного уровня). Соответственно, итоговая сумма расходов на ПРО за 2020–2029 фин. гг. увеличится на 40% – до уровня 176 млрд долл.⁶ Администрация Байдена учтет выводы Управления по бюджету при составлении нового “Обзора”. Курс новой администрации на менее затратные варианты в сфере ПРО предполагает, что лишь некоторые программы станут приоритетными, в то время как другие будут фактически заморожены.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРО

После отмены в 2019 г. длившейся пять лет программы создания нового перехватчика *Redesigned Kill Vehicle (RKV)* для противоракеты *Ground-Based Interceptor (GBI)* Агентство по ПРО приступает к программе “Перехватчик нового поколения” (*Next Generation Interceptor, NGI*). Он придет на сме-

ну перехватчику *GBI*. Но, как признают даже лоббисты из “Альянса в защиту ПРО” (*Missile Defense Advocacy Alliance*), этот проект замедлится из-за пандемии [8]. Демократы в Конгрессе скептически отнеслись к планам разработки противоракеты *NGI*. Считалось, что ее финансирование может отрицательно сказаться на развитии таких программ, как разработка сенсоров космического базирования [7, p. 5]. Ушедший в 2020 г. с поста заместителя министра обороны по НИОКР М. Гриффин оценивал минимальный срок создания *NGI* в 10 лет, что дольше, чем планирует АПРО [9]. Конгресс сократил финансирование *NGI* на 2021 фин. г. на треть от уровня запрашиваемого администрацией Байдена [10, p. 5]. АПРО фактически отвергло предложенную Конгрессом альтернативу в виде проекта “промежуточной *GBI*” (*Interim GBI*) и запросило на *NGI* на 2022 фин. г. еще большую сумму в 926 млн долл.⁷

Проведенное в ноябре 2020 г. испытание перехватчика *SM-3 IIA* против мишени с характеристиками МБР было объявлено успешным. Вопрос о технической готовности этой противоракеты осуществить перехват МБР не на испытаниях, а в реальных боевых условиях с учетом наличия средств преодоления ПРО (например, ложные цели) остается дискуссионным [11]. Так или иначе, по данным АПРО, к концу 2022 г. планируется довести численность противоракет *SM-3 IIA* до 68 ед.⁸ Кроме исследования возможностей включения систем *Aegis* с противоракетой *SM-3 IIA* в защиту от МБР Агентство по ПРО начало изучать перспективы системы *THAAD* в области перехвата МБР на границе атмосферного и конечного участков траектории полета БР. Однако Конгресс урезал расходы по этим статьям, отметив в итоговой версии закона об оборонных расходах на 2021 фин. г. отсутствие четких требований и стратегий закупок по этим программам [12]. Законодатели также запросили доклад о включении этих программ в национальную ПРО с анализом того, как этот шаг будет воспринят “ближайшими соперниками” (*near peer foreign countries*), под которыми подразумеваются Россия и Китай, и каковы их возможные ответные действия (ст. 1648)⁹.

⁷ *Fiscal Year (FY) 2022 Budget Estimates. Overview. Missile Defense Agency*, May 2021, p. 8. Available at: <https://www.mda.mil/global/documents/pdf/Budget%20Overview%20FY22%20Booklet%20-%20FINAL.pdf> (accessed 15.06.2021).

⁸ *Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2021 Defense Budget for the Missile Defense Agency*. February 10, 2020. Available at: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2081326/department-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2021-defense/> (accessed 16.02.2020); *Fiscal Year (FY) 2022 Budget Estimates*. Op. cit., p. 10.

⁹ William M. Thornberry *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021*. Conference Report to accompany H.R. 6395. House of Representatives. December 2020, pp. 1744–1748. Available at: <https://docs.house.gov/billsthisweek/20201207/CRPT-116hrpt617.pdf> (accessed 27.12.2020).

Использование кораблей с системами *Aegis* для защиты континентальных штатов потребует их постоянного присутствия вблизи Атлантического и Тихоокеанского побережья США. Это означает, что данные корабли нельзя будет задействовать ни для проведения ударов по противнику в случае необходимости в других регионах, ни для защиты авианосных групп, находящихся далеко от США [11]. В связи с этим активно обсуждается перспектива создания новых позиционных районов *Aegis Ashore* наподобие тех, что есть в Европе, но на территории США. В первую очередь говорится о необходимости защиты военных баз на о. Гуам. Глава Индо-Тихоокеанского командования США адмирал Ф. Дэвидсон неоднократно подчеркивал факт уязвимости этих баз перед возможной атакой со стороны Китая с применением КР, а также БР промежуточной дальности. Гуам прикрыт силами только одной батареи комплексов *THAAD* и корабля с системой *Aegis*. Адмирал Ф. Дэвидсон выступил за развертывание интегрированной защиты баз на этом острове от КР, БР, а в перспективе и от гиперзвуковых вооружений. Как часть этой защиты система *Aegis Ashore* на Гуаме должна быть развернута к 2026 г. Этот проект вместе с созданием новой РЛС на Тихом океане поддержан Конгрессом как часть “Тихоокеанской инициативы сдерживания” в отношении Китая. Но Агентство по ПРО поддержало только наращивание ПРО на о. Гуам, а бюджетный запрос на новую РЛС на Тихом океане на 2022 фин. г. был сведен до нуля [13].

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРО И ЗАЩИТА ОТ ГИПЕРЗВУКОВЫХ ВООРУЖЕНИЙ

На 2021 фин. г. программы *Aegis* и *THAAD* почти не получили средств для НИОКР в области защиты от МБР, но на обычное развитие *THAAD* было ассигновано на 20% больше средств, чем запрошено [10, p. 5]. Одобрено создание 8-й батареи *THAAD*, идет наращивание арсенала противоракет для этих комплексов. Хотя ввод в эксплуатацию второго из двух комплексов *Aegis Ashore* в Европе откладывается до 2022 г., финансирование развития программы *Aegis* и закупок противоракет *SM-3 IA* и *IB* остается на относительно высоком уровне и имеет полную поддержку обеих партий в Конгрессе. Численность кораблей с системами *Aegis* к концу 2022 г. должна достигнуть 48¹⁰. Кроме защиты от БР эта система является самой перспективной платформой для развития защиты от ГПБ/ГКР.

Американские военные считают, что гиперзвуковые вооружения никак не меняют стратеги-

ческий баланс. В “Обзоре ПРО-2019” о них говорилось как о региональной угрозе для войск США и их союзников¹¹. В настоящее время АПРО указывает на два основных подхода защиты от гиперзвуковых вооружений. Первый — перехват на конечном участке, когда скорость блока или крылатой ракеты объективно снижается из-за маневрирования [14, p. 25]. В частности, Т. Карако высказывает мнение, что защита от гиперзвуковых вооружений, по сути, является продвинутой ПВО, а осколочно-фугасный перехват может быть здесь даже более эффективным, чем кинетический. Кроме того, ГПБ/ГКР летят без ложных целей, что также упрощает задачу перехвата [15, p. 20]. Второй подход — перехват на планирующей фазе, когда блок или крылатая ракета идут на границе атмосферы и редко меняют курс¹².

Как часть усилий в рамках первой концепции, идет соответствующее развитие боевых информационно-управляющих систем *Aegis*¹³ и *THAAD*, а также ассоциированных с ними РЛС *AN/SPY-6*¹⁴, *AN/TPY-2*¹⁵ и перспективного радара *LTAMDS* для системы *Patriot* [16].

В рамках второй концепции ведутся разработки новых перехватчиков. Управление перспективных исследовательских проектов (ДАРПА, *Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA*) продолжает работу над проектом *Glide Breaker* [17]. Однако основным в данной концепции является проект *Glide-Phase Interceptor (GPI)*, разрабатываемый АПРО. По нему к началу 2030-х годов должна быть создана противоракета морского базирования на платформе системы *Aegis* как региональная защита от ГПБ/ГКР¹⁶. Хотя на 2022 фин. г. для этой программы запрошено средств немного меньше, чем в прошлом году, необходимо учесть, что она входит в список “нефинансированных приоритетов” АПРО. Это программы, для которых не нашлось достаточно средств в бюджетном запросе администрации, и они отмечены как приоритетные на случай, если

¹¹ *Missile Defense Review 2019*. Op. cit., p. II, 18, 19, 46, 53, 58.

¹² *Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2022 Defense Budget for the Missile Defense Agency*, May 28, 2021. Available at: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2639375/department-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2022-defense/> (accessed 06.06.2021).

¹³ *Program Acquisition Cost by Weapon System. Fiscal Year 2022 Budget Request. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller)*, May 2021, pp. 4-4. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/FY2022_Weapons.pdf (accessed 05.06.2021).

¹⁴ *Navy Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) Program*. Op. cit., p. 29.

¹⁵ *Fiscal Year (FY) 2020 Budget Estimates. Overview Missile Defense Agency*, March 2019, p. 10. Available at: <https://www.mda.mil/global/documents/pdf/budgetfy20.pdf> (accessed 15.07.2020).

¹⁶ *Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2022*. Op. cit.

¹⁰ *Navy Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) Program: Background and Issues for Congress. Congressional Research Service*, August 23, 2021. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/RL33745.pdf> (accessed 03.09.2021).

Конгресс решит выделить средств больше, чем запрошено. Таким путем уже было повышено финансирование разработки защиты от ГПБ/ГКР на 2021 фин. г. с 206 млн до 272 млн долл. Сопоставимая сумма запрошена на 2022 фин. г.

СЕНСОРЫ КОСМИЧЕСКОГО БАЗИРОВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ СРЕДСТВ ПРО “ДО ПУСКА”

Действующие инфракрасные сенсоры космического базирования на шести спутниках *SBIRS* находятся в распоряжении Космических сил США и должны решать задачи обнаружения пусков БР и начального определения их траекторий. На смену этим спутникам планируется программа “Инфракрасные сенсоры для постоянного наблюдения” (*Overhead Persistent Infrared, OPIR*), по которой будут запущены три спутника на геостационарную орбиту в 2025, 2027 и 2028 гг., а также два — на “полярную орбиту” в 2028 и 2030 гг.¹⁷ Прототипы сенсоров *STSS* и *SKA* находятся в распоряжении АПРО и выполняют задачи обнаружения пусков БР и оценки результатов перехватов соответственно.

Кроме указанных средств Министерство обороны США заинтересовано в новых спутниках, которые могут сопровождать БР и ГПБ/ГКР по всей их траектории, помогать в распознавании боеголовок и ложных целей и в наведении противоракет. Для создания таких сенсоров была начата программа “Космические сенсоры для отслеживания гиперзвуковых и баллистических целей” (*Hypersonic and Ballistic Tracking Space Sensor, HBTSS*). Она ведется Агентством по ПРО во взаимодействии с ВВС США, ДАРПА и Агентством космических разработок¹⁸.

Программа *HBTSS* входит в амбициозный проект Агентства космических разработок, по которому на низкой эллиптической орбите будет развернута сеть спутников “Национальная оборонная космическая архитектура” из семи эшелонов, каждый из которых должен будет решать свою задачу. Основная цель всей этой сети — обеспечить бесперебойную передачу данных между сенсорами, командованием и войсками на поле боя. Непосредственно с архитектурой ПРО связаны два эшелона. “Эшелон слежения” (*Tracking Layer*) будет обеспечивать обнаружение ракетных пусков и отслеживание БР и ГПБ/ГКР на всех участках их траекторий полета. “Эшелон сопровождения” (*Custody Layer*) будет осуществлять всепогодное круглосуточное сопровождение мобильных наземных и морских целей

и своевременное целеуказание для ударов в рамках мер ПРО “до пуска” [18]. Таким образом, ударные средства “до пуска” и системы ПРО должны будут использовать разные эшелоны одной и той же сети сенсоров для наблюдения и целеуказания. В этом и будет заключаться интеграция наступательных и оборонительных средств, о которой говорят представители Министерства обороны США¹⁹.

Развертывание “Национальной оборонной космической архитектуры” (*National Defense Space Architecture*) планируется в 2022–2026 гг. в три этапа, чтобы в итоге данная группировка достигла численности около 550 спутников. На “нулевом этапе” к марту 2023 г. должны быть запущены 10 спутников “Эшелона слежения” и 20 малых спутников для обеспечения связи внутри сети. На “первом этапе” в сентябре 2024 г. будет запущена следующая партия спутников. Это даст большее покрытие и возможность более точного слежения в отдельных регионах. На “втором этапе” (2026 г.) планируется завершающая партия спутников для достижения глобального покрытия [19].

Сам “Эшелон слежения” будет состоять из двух группировок спутников. На “нулевом этапе” будут запущены сенсоры “широкого обзора” (восемь спутников в 2022 г.) и сенсоры “среднего обзора” (два спутника к июлю 2023 г.). Агентство космических разработок создает сенсоры “широкого обзора”, которые должны будут обеспечить слежение за ГПБ/ГКР. Сенсоры “среднего обзора” для более точного слежения и нацеливания создаются Агентством по ПРО (программа *HBTSS*). “Эшелон слежения” будет давать информацию для “Системы командования, контроля, боевого управления и связи” (*Command and Control, Battle Management Communications, C2BMC*) противоракетной обороны, которая должна интегрировать данные со всех космических сенсоров и РЛС (радаров *TPY-2* и *SPY-6*, а также радаров большой дальности) и передавать их на комплексы ПРО (*GMD, THAAD, Aegis*)²⁰.

В начале 2021 г. вышла статья представителей “Союза обеспокоенных ученых” (*Union of Concerned Scientists*), которая поставила под сомнение необходимость новой программы космических сенсоров для отслеживания ГПБ/ГКР. В статье делался вывод, что сенсоры *SBIRS* уже способны решать эти задачи [14, р. 18]. Но, как говорилось выше, американским военным нужно не только отслеживание гиперзвуковых целей, а еще и точное наведение

¹⁹ *Missile Defense Review 2019, Office of Secretary of Defense*. Op. cit., p. 60.

²⁰ *Advance Policy Questions for Dr. Kathleen Hicks, Nominee for Appointment to be Deputy Secretary of Defense. Senate Armed Services Committee*, 2021. pp. 73–74. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Hicks_APQs_02-02-21.pdf (accessed 05.03.2021).

¹⁷ *Program Acquisition Cost by Weapon System. Fiscal Year 2022*. Op. cit., pp. 7–4.

¹⁸ Агентство космических разработок (*Space Development Agency*) создано вместе с Космическим командованием и Космическими силами США в 2019 г.

средств ПРО. Кроме того, эксперты Центра стратегических и международных исследований (*Center for Strategic & International Studies*) А. Мейси и Т. Каракко указали, что авторы статьи говорили только о гиперзвуковых вооружениях с дальностью более 5500 км, в то время как гораздо более актуальна защита от гиперзвуковых вооружений с дальностью менее 5500 км. Программа *HBTSS* призвана обеспечить точное слежение, в том числе за такими целями [15, р. 19, 20]. Это и есть причина, по которой администрация США все равно будет развивать данную программу. Так, если на 2021 фин. г. на нее было ассигновано 162 млн долл., то на 2022 фин. г. администрация запросила уже 292 млн долл. [20]. Подобная редкая динамика подтверждает статус этой программы как одной из самых важных для Министерства обороны США.

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ

В отличие от Д. Трампа администрация Дж. Байдена гораздо менее склонна утверждать, что ПРО США может внести сколько-нибудь значимый вклад в защиту от массированного удара со стороны стратегических ядерных сил РФ. Кроме того, сейчас, когда экономика США требует восстановления после пандемии *COVID-19*, противоракетная оборона, как уже говорилось выше, выглядит не самой актуальной статьёй для расходов даже в сравнении со многими другими приоритетами в военной сфере, например, такими, как долго откладываемая модернизация ядерного арсенала США. Это повышает вероятность того, что развитие глобальной интегрированной эшелонированной ПРО будет заторможено. Анализ сумм запроса по программам ПРО на 2022 фин. г. показывает, что новая администрация решилась на перераспределение средств в соответствии с некоторыми из рекомендаций “Центра за новую американскую безопасность” (*Center for a New American Security*). Так, если раньше основными “жертвами” сокращений финансирования ПРО являлись инновационные разработки, то администрация Дж. Байдена в нынешних бюджетных условиях делает ставку именно на них (новый стратегический перехватчик, сенсоры космического базирования, защита от ГПБ/ГКР). Финансирование остальных передовых проектов (лазеры, многозарядный перехватчик *МОВ/СКВ*) фактически сведено к нулю. Бюджетный запрос на 2022 фин. г. на НИОКР по развитию имеющихся систем ПРО *GMD*, *Aegis* и *THAAD* был снижен по сравнению с уровнем ассигнований на 2021 фин. г. примерно на 40, 17 и 12% соответственно. При этом планируется дальнейшее наращивание численности противоракет *SM-3* и *THAAD*.

В сфере НПРО перспектива создания абсолютно новой стратегической противоракеты *NGI* не-

ясна. Возможно возвращение к развитию старой конфигурации *GBI*. Гораздо более многообещающим выглядит совершенствование системы *Aegis*, ее наземного варианта *Aegis Ashore* и противоракет *SM-3 ПА* для решения задач перехвата МБР на нисходящем сегменте заатмосферного участка ее траектории. Для его выполнения перехватчики должны быть запущены с территории самих США или акваторий Атлантического или Тихого океанов вблизи американского побережья. С учетом этого комплексы *Aegis Ashore* в Румынии и Польше не подходят для защиты США от СЯС РФ. Развертывание комплекса *Aegis Ashore* на Тихом океане будет призвано ограничить ракетную угрозу со стороны КНР, о чем прямо сказал глава Индо-Тихоокеанского командования США.

Создание новых сенсоров космического базирования давно и активно поддерживается американскими военными (в отличие, например, от проекта перехватчиков космического базирования). Это означает, что США никогда не пойдут на ограничение развертывания этих космических сенсоров в рамках каких-либо соглашений. Различные типы сенсоров космической архитектуры национальной обороны (*National Defense Space Architecture*) предполагается использовать для отличия боеголовок от ложных целей, а также для отслеживания перемещений мобильных ракетных комплексов на земле в рамках вышеупомянутых мер ПРО “до пуска”. В то же время последние в большей степени связаны с защитой США от КНДР и с региональной ПРО и в меньшей степени с планами США в отношении СЯС РФ. Дело в том, что подготовка к их применению против СЯС РФ неминуемо приведет к ядерной эскалации по двум причинам. Во-первых, осуществление указанных мер “до пуска” в отношении СЯС РФ потребует почти беспрецедентного сосредоточения сил и средств противника вокруг российской территории. В таких условиях Москва скорее всего поднимет уровень готовности своих СЯС и удар противника не будет неожиданным. Во-вторых, любое воздействие на средства СЯС РФ, включая попытки вывести из строя пусковые установки МБР или элементы СПРН с помощью ударов неядерными ракетами, тут же повлекут ядерный удар со стороны России, как это было указано в Основах государственной политики РФ в области ядерного сдерживания от 2 июня 2020 г.²¹

Архитектура НПРО США не справится с отражением массированного ракетно-ядерного удара

²¹ Одним из условий применения ядерного оружия со стороны РФ будет “воздействие на критически важные государственные или военные объекты РФ, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил” (см. Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 “Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания”, п. 19в).

российских СЯС. Таким образом, одно из основных опасений Москвы, возможно, состоит в том, что ПРО США может нейтрализовать или ограничить ущерб от ответного удара СЯС РФ, ослабленных после первого ядерного удара со стороны США. В этой связи основные опасения должно вызывать наращивание численности перехватчиков *GBI* (и, возможно, *NGI*) на территории США и количества кораблей с системами *Aegis* и перехватчиками *SM-3 IIA* в Тихом и Атлантическом океанах вблизи американского побережья.

При ответе на вопрос о возможных вариантах договоренностей по ПРО необходимо принимать во внимание, что, несмотря на продление Пражского договора СНВ в феврале 2021 г., нынешняя ситуация как в российско-американских отношениях, так и в сфере контроля над вооружениями по-прежнему тяжелая. Двухпартийный консенсус в Конгрессе США относительно негативного отношения к России остается в силе. В свою очередь ПРО является лишь одним из нескольких дискуссионных вопросов сферы контроля над вооружениями наряду с нестратегическим ядерным оружием, космосом и пр. Наиважнейшими условиями для достижения договоренностей по этим и другим вопросам остаются политическая воля высшего руководства обоих государств, а также конструктивный подход групп уполномоченных переговорщиков.

Российская сторона говорила о необходимости юридически обязывающих договоренностей в сфере ПРО. Заключение соглашения по ПРО в форме договора — это наименее вероятный вариант. Для его ратификации нужны будут 2/3 голосов Сената США, что вряд ли возможно в обозримом будущем во многом из-за оппозиции республиканцев любым соглашениям с Россией и Китаем, связанным с ПРО. Другая форма договоренности — исполнительное соглашение, не требующее ратификации Сенатом. Но со стороны РФ были высказаны сомнения насчет возможности обеспечить дипломатический иммунитет для инспекторов через подобное соглашение. В случае заключения последнего и отсутствия блокировки его выполнения со стороны Конгресса США оно могло бы содержать один из трех вариантов договоренностей.

1. Качественные, количественные и географические ограничения на развертывание систем НПРО и региональной ПРО, чтобы максимально

привязать эти архитектуры ПРО к ракетным угрозам со стороны Северной Кореи и Ирана.

Американские эксперты, близкие к Демократической партии, чаще всего называют потолок в 100 стратегических перехватчиков [1, 2]. Тем не менее вариант с ограничениями на ПРО остается маловероятным, так как республиканцы, выступающие за свободное развитие ПРО США, скорее всего, сделают все возможное, чтобы заблокировать выполнение этого соглашения.

2. Разграничения систем стратегической и нестратегической ПРО, как в Соглашении 1997 г.²² Это также маловероятный вариант, поскольку проведенные испытания перехватчика *SM-3 IIA* против мишен с характеристиками МБР затрудняют возвращение к техническому разделению систем нестратегической и стратегической ПРО в соглашении.

3. Меры прозрачности в сфере противоракетной обороны являются более вероятным вариантом, так как они не предполагают ограничений на ПРО США. Речь в таком соглашении могла бы идти об обмене планами развертывания новых элементов противоракетной обороны Россией и США, в том числе американских систем ПРО в различных регионах мира (качественные характеристики, места развертывания, планы численности и наращивания элементов ПРО), а также соответствующие меры проверки (инспекции на испытаниях и в местах развертывания, уведомления о перемещениях элементов). Следует подчеркнуть, что по закону об оборонных расходах на 2021 фин. г. запрет на обмен с РФ чувствительной информацией по ПРО был продлен до 1 января 2026 г.²³ Таким образом, речь о заключении подобного соглашения может идти только в случае снятия указанного запрета.

Как представляется, реализация любых планов по повышению прозрачности в сфере ПРО возможна только на основе взаимности. Нынешний крайне низкий уровень сотрудничества и доверия между Россией и США пока что не создает условий для такого взаимодействия.

²² Первое и Второе согласованные заявления 1997 г. с ограничениями на скорость противоракет нестратегической ПРО (не более 3 км/с) и на скорость и дальность ракет-мишеней (скорость — не более 5 км/с; дальность — не более 3500 км).

²³ William M. Thornberry *National Defense Authorization Act...* Op. cit., p. 1730.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Thielmann G. Incorporating Missile Defense in Strategic Arms Control. *Deep Cuts Issue Brief*, no. 12, October 2020. Available at: https://deepcuts.org/files/pdf/Deep_Cuts_Issue_Brief_12-Missile_Defense_Strategic_Arms_Control_01.pdf (accessed 04.08.2021).
2. Pifer S. Should U.S. Missile Defenses Be a Part of Arms Control Negotiations With Russia? *The National Interest*, 26.01.2021. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/should-us-missile-defenses-be-part-arms-control-negotiations-russia-177092> (accessed 04.08.2021).

3. Mineiro S. Next Generation Defense Strategy: Missile Defense. *Center for a New American Security*, 16.11.2020. Available at: <https://www.cnas.org/publications/commentary/next-generation-defense-strategy-missile-defense> (accessed 01.08.2021).
4. Roberts B. Missile Defense: Fit for What Purpose in 2030? Fit for Purpose? *The U.S. Strategic Posture in 2030 and Beyond*. Roberts B., ed. Livermore, Lawrence Livermore National Laboratory, 2020, pp. 38-55.
5. Grego L. A Better Missile Defense Strategy. *Arms Control Today*, January/February 2021. Available at: <https://www.arm-scontrol.org/act/2020-12/features/better-missile-defense-strategy> (accessed 15.03.2021).
6. DiMascio J. MDA Embarks On A New Generation Of Missile Defense. *Aviation Week & Space Technology*, 18.02.2020. Available at: <https://aviationweek.com/defense-space/missile-defense-weapons/mda-embarks-new-generation-missile-defense> (accessed 20.06.2020).
7. Daniels S., Cancian M., Hunter A., Karako T., Rumbaugh W., Harrison T. What to Look for in the FY2021 Defense Budget Request. *Center for Strategic & International Studies*, 10.02.2020. Available at: http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-Preview-Brief_FINAL.pdf (accessed 11.05.2020).
8. Everyday not Someday. *Missile Defense Advocacy Alliance*, 12.08.2020. Available at: <https://missiledefenseadvocacy.org/alert/everyday-not-someday/> (accessed 11.06.2021).
9. Judson J. Cost tripled for missile defense warhead, despite prior warnings, GAO finds. *Defense News*, 23.07.2020. Available at: <https://www.defensenews.com/land/2020/07/23/canceled-missile-defense-warheads-cost-tripled-schedule-slipped-despite-numerous-warnings-gao-finds/> (accessed 24.07.2021).
10. Conference Outcomes of the FY2021 National Defense Authorization Act. *Center for Arms Control and Non-Proliferation*, 04.12.2020. Available at: <https://armscontrolcenter.org/wp-content/uploads/2020/12/NDAA-conference-report-new.pdf> (accessed 24.12.2020).
11. Panda A. A New U.S. Missile Defense Test May Have Increased the Risk of Nuclear War. *Carnegie Endowment for International Peace*, 19.11.2020. Available at: <https://carnegieendowment.org/2020/11/19/new-u.s.-missile-defense-test-may-have-increased-risk-of-nuclear-war-pub-83273> (accessed 04.08.2021).
12. Judson J. Congress boosts Missile Defense Agency budget by \$1.3 billion. *Defense News*, 21.12.2020. Available at: <https://www.defensenews.com/pentagon/2020/12/21/congress-boosts-missile-defense-agency-budget-by-13-billion/> (accessed 12.02.2021).
13. Judson J. DoD wish list seeks more funds to boost Pacific missile defense, weapons cybersecurity. *Defense News*, 10.06.2021. Available at: <https://www.defensenews.com/pentagon/2021/06/10/dod-desires-more-funding-to-boost-missile-defense-in-the-pacific-in-wish-list-to-congress/> (accessed 02.07.2021).
14. Tracy C., Wright D. Modeling the Performance of Hypersonic Boost-Glide Missiles. *Science and Global Security*, 2020, vol. 28, no. 3, pp. 1-36. DOI: 10.1080/08929882.2020.1864945
15. Full transcript: Challenges for the Biden Administration: Addressing the Evolving Air and Missile Threat. *Webinar of the Brookings Institution*. 27.01.2021. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/02/fp_20210127_air_defense_transcript.pdf (accessed 20.07.2021).
16. Mayfield M. Army Revamps to Pursue New Air-and-Missile Defense Tech. *National Defense*, 12.05.2021. Available at: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2021/5/12/army-revamps-to-pursue-new-air-and-missile-defense-tech> (accessed 19.06.2021).
17. Trimble S. U.S. Hypersonic Defense Plan Emerges, But Not Cash. *Aviation Week & Space Technology*, 18.06.2020. Available at: <https://aviationweek.com/defense-space/missile-defense-weapons/us-hypersonic-defense-plan-emerges-not-cash> (accessed 18.07.2021).
18. Hitchens T. DoD Plumps SDA's 2021 Budget, Despite Uncertain Role. *Breaking Defense*, 13.02.2020. Available at: <https://breakingdefense.com/2020/02/dod-plumps-sdas-2021-budget-despite-uncertain-role/> (accessed 18.08.2020).
19. Hudson L. U.S. Space Force Juggles Changes to Missile Warning Portfolio. *Aviation Week & Space Technology*, 19.03.2021. Available at: <https://aviationweek.com/aerospace/program-management/us-space-force-juggles-changes-missile-warning-portfolio> (accessed 21.07.2021).
20. Runbaugh W. FY2022 Missile Defense and Defeat Budget Tracker. *Center for Strategic & International Studies*, 07.06.2021. Available at: <https://missilethreat.csis.org/fy-2022-missile-defense-and-defeat-budget-tracker/> (accessed 29.07.2021).

**THE U.S. MISSILE DEFENSE POLICY PERSPECTIVES
DURING THE J. BIDEN ADMINISTRATION**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 15-23)

Received 07.06.2021.

Oleg O. KRIVOLAPOV,

ORCID 0000-0001-9658-2671, o.krivolapov@iskran.ru

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3, Khlebnyyi Per., Moscow, 121069, Russian Federation.

The article provides an analysis of the state of affairs in the field of the U.S. missile defense, inherited by the Biden administration from the previous administration. The U.S. missile defense policy can be roughly divided into three components: homeland missile defense, regional missile defense, and advanced developments related to these

both parts. Conclusions are made about the prospects of missile defense policy, taking into account such factors as the views of experts from think tanks close to the Democratic Party, funding of programs, and measures taken in the field of missile defense. The development of the homeland missile defense systems faces technological challenges which create uncertainty about the whole architecture. Regional missile defense systems are going to be platforms for development of systems to intercept intercontinental ballistic missiles and hypersonic weapons. The National Space Defense Architecture is planned to include layers which are supposed to be part of homeland and regional defenses. The main obstacles to these programs are the position of Democratic members of the U.S. Congress, an urgent need for funds for recovery of the national economy after the COVID-19 pandemic, and other defense policy priorities (e.g., nuclear modernization). In connection with these findings, the author presents an overview of options of a missile defense deal between Russia and the United States as part of the arms control regime. Although every option has its disadvantages and potential obstacles, a bilateral executive agreement on transparency in missile defense seems to be the most feasible option.

Keywords: homeland missile defense, regional missile defense, missile defense funding, hypersonic defense, space-based sensors, left-of-launch, transparency measures.

About author:

Oleg O. KRIVOLAPOV, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Department for Military-Political Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-15-23

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ СТРАТЕГИИ АДМИНИСТРАЦИИ БАЙДЕНА

© 2021 г. И. Шумилина

ШУМИЛИНА Инна Викторовна, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0003-4796-554X, i.shumilina@iskran.ru
Институт США и Канады РАН, РФ, 123995 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021.

В первые месяцы пребывания в Белом доме администрации Джо Байдена ближневосточная проблематика не была обозначена в качестве приоритета ее внешней политики. Отдельные шаги на этом направлении, однако, дают основания полагать, что администрация будет придерживаться принципиальных для Соединенных Штатов линий поведения в отношении американских партнеров и союзников (Израиля, арабских монархий Залива и др.), а также основных конфликтных узлов в регионе (Сирии, Ливии, Йемена). Вместе с тем очевидно и смещение ее тактических акцентов в подходе к ряду важнейших проблем региона, в частности палестино-израильского противостояния (восстановление отношений с правительством М. Аббаса) и ситуации вокруг Ирана (возвращение к ядерной сделке) и Турции (преодоление охлаждения отношений с Анкарой). Судя по всему, можно говорить о возрождении Байденом ближневосточной политики времен Б. Обамы. Этот процесс во многом обусловлен внутривосточными расчетами команды Байдена и Демократической партии в целом. Автор статьи пытается оценить влияние американских общин выходцев из арабских стран и Турции на ближневосточную политику Д. Байдена.

Ключевые слова: Джо Байден, Дональд Трамп, США, Ближний Восток, арабо-американцы, турецко-американское сообщество, Иран, Турция, СВПД, ядерная сделка.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-24-30

Со времен президентства Гарри Трумэна (1945–1953) политика США в Ближневосточном регионе основывается на определенных константах — неизменной поддержке государства Израиль и на развитии партнерских отношений с консервативными арабскими монархиями Персидского залива (до 1979 г. также и с Ираном). И тем не менее каждая администрация по-своему формулирует краткосрочные цели и задачи своей политики в регионе, а также выстраивает механизмы ее осуществления. Подход Д. Трампа, например, реализовывался в контексте подчеркнуто произраильских симпатий президента, его семьи и Белого дома в целом. Его предшественника Б. Обаму, наоборот, в Вашингтоне часто упрекали в пропалестинских симпатиях, приписывая ему “тайное мусульманство” [1].

Первые же шаги нынешней администрации на ближневосточном направлении многие аналитики в США называют “возвращением к временам Обамы”, когда Байден был вице-президентом при 44-м главе Белого дома. Подобные оценки основываются на таких конкретных фактах, как восстановление (подорванной Трампом) роли США в качестве основного донора такой, например, международной структуры, как Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам, которой уже в апреле администрация выдели-

ла 150 млн долл. [2], а также на начавшихся в Вене переговорах о возвращении США в ядерную сделку с Ираном (Совместный всеобъемлющий план действий — СВПД, из которого администрация Трампа вышла в мае 2018 г.) [3]. Помимо этих конкретных фактов из разряда геополитики следует отметить и, как минимум, два других шага, которые свидетельствуют о том, что нынешняя администрация намерена вернуться к доминированию *ценностных параметров в ее внешней политике над интересами и прагматизмом*. Это публичное обвинение наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Салмана в причастности к убийству работавшего на американские издания саудовского журналиста Джамала Хашогги в 2018 г. [4] и признание геноцида армян со стороны Османской империи в 1914–1915 гг. [5].

МЕЖДУ “ЦЕННОСТЯМИ” И “ИНТЕРЕСАМИ”

Эти два шага, казалось бы, могли нанести ощутимый ущерб отношениям Вашингтона с двумя его вполне надежными партнерами в регионе — Эр-Риядом и Анкарой. Похоже, однако, что американской дипломатии удалось минимизировать данную угрозу. Важно иметь в виду, что оба этих действия были предприняты во многом под давлением вну-

триполитических лобби в США: арабо-американского (в случае с Хашогги) и армянского (в случае с геноцидом). Однако ситуация с признанием геноцида армян особо примечательна: есть основания полагать, что занятая Байденом позиция по этому вопросу стала не столько победой проармянского лобби над казавшимся более мощным в Вашингтоне протурецким, сколько символом приверженности администрации идее исторической справедливости, принципам гуманизма, а также жестом в адрес тех этно-религиозных меньшинств в США, которые считают себя потомками жертв “исторической несправедливости” и государственного насилия. Иными словами, оба эти жеста адресованы, по сути, одной внутренней аудитории – переселенцам из стран Ближнего Востока.

На протяжении нескольких последних лет руководство этой категории общин пыталось ввести в официальный оборот в США новую формулировку идентичности – “выходцы из стран Ближнего Востока” (*Middle Eastern Identity, MEI*), которая изначально задумывалась как весьма широкая, охватывающая американцев турецкого, израильского и иранского происхождения. Она призвана вывести ближневосточных переселенцев и их потомков из идентификационной ниши, к которой те причисляются в США сегодня, – “белых”. Новая формулировка, по мнению инициаторов, помимо психологического комфорта, дала бы общинам ряд существенных преимуществ¹ [6]. Из-за позиции администрации Трампа, однако, этого не удалось добиться к переписи 2020 г.: проводившиеся тогда опросы свидетельствовали об отрицательном отношении “ближневосточных американцев” к таким мерам 45-го президента, как ограничение “мусульманской иммиграции” из ряда проблемных стран (Сирии, Ирака, Ливии, Йемена, Афганистана) и в целом его электоральной ставки на “белое большинство” [7]. Более того, многие аспекты внутренней политики Трампа в этих общинах нередко называли “проявлениями исламофобии”. Возникшей ситуацией воспользовалось руководство Демократической партии, приложив усилия для превращения “ближневосточных общин” в одну из своих важных референтных аудиторий. Демократы, включая и самого Байдена, высказались в поддержку идеи создания новой эт-

¹ Внесение новой “ближневосточной” идентификации в основные документы, регулирующие перепись населения в США, могло бы повлечь за собой изменение границ избирательных округов в пользу представителей данных общин, выделение им бюджетных и грантовых средств на социальное развитие, поддержку малого бизнеса и ряд других преференций. По официальным оценкам, арабо-американское население определяется в количестве от 3.15 млн до 4 млн человек. См. подробнее: El-Sayed El-Aswad. *Arab Americans*. SAGE Publications, January 2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/268220414_Arab_Americans (accessed 08.07.2021).

нической идентификации *MENA (Middle East and North Africa)* [8]. Но статья реальностью она может в лучшем случае только в преддверии следующей переписи 2030 г.

Между тем в последние годы на фоне сирийского и ливийского кризисов произошли серьезные изменения в региональном раскладе сил: в частности, заметно обострилось соперничество внутри суннитского спектра государств, а именно между Турцией, с одной стороны, и группой арабских стран, ведущую роль в которой играет ряд монархий Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн), с другой [9]. Это противостояние отразилось и на реализации упомянутого проекта консолидации в ближневосточных общинах США: группы турецких переселенцев² начали дистанцироваться от большинства других сообществ данного региона, в частности, в 2020 г. количество их голосов за Трампа оказалось более значительным, чем в ближневосточных общинах [10, 11]. Аббревиатура *MEI* все чаще в последнее время в прессе и на соответствующих ресурсах стала подменяться на *MENA*, которая отражает усилия активистов по созданию новой идентификации, охватывающей помимо Ближнего Востока (уже без упоминания Турции) выходцев из стран Северной Африки. Проведенное американским Бюро переписи (БП) в 2015 г. исследование показало, что инициаторы идентификационного проекта *MENA* предполагали включить в эту категорию переселенцев и их потомков из следующих стран: Алжира, Бахрейна, Египта, ОАЭ, Ирана, Ирака, Израиля, Иордании, Кувейта, Ливана, Ливии, Марокко, Омана, Палестины, Катара, Саудовской Аравии, Сирии, Туниса, Йемена, а также этнические группы из числа берберских племен, ассирийцев, бедуинов, халдеев, коптов, друзов, курдов и сирийцев [12]. В последние месяцы своего пребывания в Белом доме администрация Б. Обамы пыталась убедить БП ввести категорию *MENA*, но на это потребовалось время. Команда Д. Трампа прервала реализацию данного проекта³.

² По официальным оценкам, в США проживают от 350 тыс. до 450 тыс. турецких переселенцев. Они сосредоточены в штатах Нью-Йорк, Калифорния, Нью-Джерси, Иллинойс, Техас, Флорида. См.: *The Turkish American Community*. Turkish Coalition of America. Available at: <https://www.tc-america.org/community/the-turkish-americancommunity-463.htm> (accessed 08.07.2021).

³ В 2018 г. администрацией Д. Трампа было принято решение не вводить категорию *MENA* на том основании, что вопрос требует более тщательной проработки, в частности такого аспекта, как: считать ли данную категорию характеристикой расовой или этнической. В арабо-американской среде это решение вызвало разочарование. Многие называли его политически мотивированным, а именно продиктованным стремлением администрации сохранить в документах переписи максимально значительное количество “белых американцев”.

Важно подчеркнуть, что, выполняя свои предвыборные обещания в контексте ценностной парадигмы (осудить убийство Хашогги и признать геноцид армян), Байден действовал аккуратно, чтобы не спровоцировать дополнительные проблемы в отношениях с ближневосточными союзниками — Саудовской Аравией и Турцией. Относительно убийства Хашогги он, по сути, процитировал обнародованный доклад американских спецслужб (давая понять, что это не вполне его мнение, а позиция разведки), подчеркнув свою готовность и дальше работать с королем Салманом (не упомянув реальной правителя, косвенно обвиненного в причастности к убийству, — наследного принца Мухаммеда). В том, что касается геноцида, глава Белого дома произнес это слово в историческом контексте, обвинив в преступлении руководство Османской империи без упоминания Турции как государства, хотя и этого до него не делал ни один американский президент [13].

В случае с Анкарой шаг Байдена совершен на фоне начатого им процесса восстановления уровня доверия и взаимодействия между двумя странами, а также Турции с НАТО, что было призвано нивелировать возможную остро негативную реакцию Эрдогана [14]. В Эр-Рияде также не произошло взрыва негодования: в середине июня Вашингтон посетил принц Халед, брат наследного принца, с которым в качестве де-факто министра обороны (формально этот пост наследный принц сохранил за собой, назначив брата своим заместителем, ответственным за военное ведомство) обсудили широкую повестку двусторонних отношений, оттеснив на задний план ситуацию с убийством журналиста [15]. В частности, акцент был сделан на вопросах, жизненно важных для королевства: война в Йемене, противостояние с Ираном, положение в Сирии и Ираке, нормализация отношений с Израилем.

ИНТЕРЕСЫ И ПОЗИЦИИ “БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ АМЕРИКАНЦЕВ”

Подавляющее большинство арабо-американцев и солидарных с ними других общин выходцев с Ближнего Востока проголосовали в ноябре 2020 г. за кандидата от Демократической партии. Это был осознанный выбор, результат широкой и острой полемики внутри данных общин.

Неудивительно, что уже первый год президентской каденции Джо Байдена был отмечен оживлением гражданской активности арабо-американского сообщества, включением его представителей во внутривластную жизнь. Это подтверждается яркими примерами их деятельности на всех уровнях власти — от низового (школьных, клубных, различных волонтерских групп и т. п.) до фе-

дерального. Так, громкую и порой скандальную известность приобрели две дамы, ставшие в 2016 и 2019 гг. членами конгресса, — Ильхан Омар и Рашида Тлаиб⁴.

Отчасти это ожидаемый эффект — с учетом вызревшей и сформировавшейся готовности общества взаимодействовать с властью, входить в нее и становиться полноправными участниками внутривластной жизни Америки. Демократическая партия целенаправленно боролась за эту часть электората в предвыборный период, осознавая, что голоса “ближневосточных американцев”, сосредоточенные в таких штатах, как Калифорния, Мичиган и Пенсильвания, могут решить исход выборов. Аккумулировавший симпатии арабо-американцев “левак” Берни Сандерс, покидая предвыборную гонку, “передал” их Байдену. Тот в свою очередь впервые напрямую обратился к арабо-американцам за поддержкой и предложил им “План партнерства”, названный в сообществе “историческим” [8]. Документ заявлял намерение новой администрации не оставлять без внимания вопросы и проблемы как внутри-, так и внешнеполитического спектра интересов “ближневосточных американцев”, изрядно раздраженных “антииммигрантским” законодательством Трампа.

“Восстановить веру в Америку как страну иммигрантов”, преодолеть “столкновение американской демократии с новыми вызовами” — одни из главных тезисов “Программы партнерства”, в реализации которой Байден намерен опираться на взаимодействие с сообществами национальных меньшинств. Обсуждение проблемы системного расизма и подъем афроамериканского движения *Black Lives Matter (BLM)* послужили спусковым крючком для актуализации таких “вечных” тем в среде арабо-американцев, как отстаивание их гражданских прав, а применительно к Ближневосточному региону — проявление солидарности с Палестиной. Эта тема всегда присутствовала в сообществе, но до последнего времени не вырастала в объединительный фактор с другими этническими группами. Таковой сформировался в 2020 г. — на волне поддержки арабо-американцами движения *BLM*. В основе этого феномена лежит их самоотождествление с иными “обездоленными и гонимыми”. Встречный импульс солидарности с арабо-американцами был дан и активистами *BLM*: общей платформой послужило их отношение к “несправедливости”, сохраняющейся в отношении палестинцев, — во многом, по их мнению, по вине США. Иллюстрацией солидарности с “жертвами американской политики на Ближнем Востоке” стали демонстрации афро-

⁴ Немалую часть своей деятельности на Капитолии они посвящают разоблачению политики Израиля, а также критике неизменной поддержки Соединенными Штатами еврейского государства.

американцев против бомбардировок ВВС Израиля объектов исламистской группировки ХАМАС в секторе Газа в мае 2021 г. “Свободу Палестине”, “Мы не можем дышать с 1948 года” – под такими плакатами вышли тысячи чернокожих активистов на улицы крупных городов Америки: Атланты, Чикаго, Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Филадельфии. Громко раздавался их призыв к “американской интифаде” [16].

Стремление “ближневосточного” сообщества вписаться в американские цивилизационные стандарты, особенно в сфере межрасовых отношений, во многом объясняет как взаимодействие с набирающим силу движением *BLM*, так и остроту реакции на убийство оппозиционно настроенного к саудовскому режиму журналиста Джамала Хашогги, работавшего на американские издания. Оно было совершено спецслужбами королевства в октябре 2018 г. в помещении генконсульства Саудовской Аравии в Стамбуле. Многие арабо-американцы увидели в этом преступлении не только покушение саудовских властей на свободу слова в США, но и проявление тирании в средневековом стиле [17]. Иными словами, в американско-ближневосточной среде возникли опасения того, что, подобно терактам 2001 г., это злодеяние может способствовать формированию искаженного образа арабов в целом и арабо-американцев в частности. Различные организации в этих сообществах предпочли выступить с публичным осуждением данного преступления, а также потребовать у американских властей провести его тщательное расследование. Если Трамп, осудив убийство, заявил, что оно не скажется на отношениях между двумя странами (явный приоритет геополитики над правами человека), то Байден пообещал провести расследование. И выполнил обещание – даже с учетом риска спровоцировать осложнение отношений с Саудовской Аравией, традиционным партнером США в регионе.

Как видим, администрация 46-го президента США проявляет готовность своей политикой в данном регионе отвечать ожиданиям сограждан ближневосточного происхождения. Линия Байдена сказывается в подходе к палестино-израильскому противостоянию, в оценке убийства Хашогги, в попытке вернуться к обновленным договоренностям с Ираном.

АМЕРИКАНО-ТУРЕЦКАЯ ОБЩИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США

Сегодня, как и на протяжении последних десятилетий, описывать турецко-американское сообщество следует как весьма разнообразное – и с учетом исторических особенностей его формирования (оно началось со времени Османской империи-ха-

лифата, то есть еще до создания собственно Турции), и в этническом отношении (значительную часть сообщества по-прежнему составляют тюркоязычные выходцы из Болгарии, Ливана, с Кипра, Балканского региона, центральноазиатских республик, а также – крымские татары). Общими для них остаются языковая близость, религия (ислам) и турко-ориентированное самосознание (историческое и культурное наследие). Из трех различных по своему социальному и этническому составу волн тюркской иммиграции в XX столетии (1900–1920, 1952–1980, 1982–2000 гг.) структурообразующей следует, по мнению исследователей, считать последнюю (1982–2000 гг.). В ней доминировали бизнесмены, а также лица средней и высокой профессиональной квалификации, многие из которых закончили американские университеты. Характерной чертой представителей этой волны становится их стремление сохранить двойную лояльность – Турции и Соединенным Штатам.

Заметим, что данная психологическая и во многом цивилизационная установка не выглядит противоречивой: в отличие от иммигрантов из арабских стран турецкие американцы в меньшей степени испытывали комплекс неполноценности по отношению к обычным гражданам США, хотя бы по той причине, что в последние полвека Турция относилась по многим показателям к категории “развитых стран” (или стран “ускоренного индустриального развития”) [18]. Но еще важнее то, что в 1952 г. она стала членом Североатлантического альянса, а в 1995 г. – кандидатом в Евросоюз.

Продолжает действовать и ряд других факторов, объясняющих желание турецких американцев сохранять обособленность от ближневосточных общин в США. Среди них – “негативная коллективная память” в отношении арабов, которых в Турции принято обвинять в “предательстве” в самые тяжелые годы Османской империи (в конце XIX – начале XX в. лидеры ряда арабских государств начали заключать союзы с Великобританией и Францией для борьбы с османами, под властью которых находились в течение трех веков) [19]. Важным цивилизационным и ментальным отличием от арабов и своим преимуществом большинство турок на родине и в диаспоре считают пережитый ими длительный и во многом оригинальный опыт построения современного государства *на светской основе*.

При этом и принятую в тюркоязычных кругах интерпретацию ислама они призывают не смешивать с арабскими трактовками Корана и религиозных догм в целом. Много десятилетий назад в академический и теологический оборот введено понятие “*Турецкий ислам*”, или “*Анатольский ислам*”. Часто авторство этого определения припи-

сывают известному проповеднику Фатхулле Гюлену, который предлагает своим последователям концепцию совместимости ислама с модернизацией, терпимостью к инакомыслию и принципами демократии. Эта интерпретация, не противоречащая и идеям турецкого национализма, была призвана дистанцировать ислам от версий, преобладавших в арабских странах (особенно ваххабизма в Саудовской Аравии) и Иране (шиитского радикализма) [20]. Сегодня школы, религиозные программы которых основаны на учении Гюлена, действуют во всех штатах со значительной концентрацией турецких американцев. Да и сам проповедник с 1999 г. проживает в добровольном изгнании в США после того, как разошелся во взглядах со своим бывшим соратником Р.Т. Эрдоганом, нынешним президентом Турции.

Еще одним важным отличием от арабо-американцев, которые в своем большинстве не стремились ассоциироваться с многочисленными странами своего исхода, поскольку во многих случаях бежали от диктатур и тирании у себя на родине, турецкие американцы рассматривали Турцию, турецкое государство как важный элемент собственной идентификации. В своем большинстве они положительно относятся к заметно возрастающей роли, которую пытается играть Анкара через свои официальные представительства в жизни соотечественников, перебравшихся через океан. Со своей стороны многие американские турки считают правильным содействовать улучшению имиджа Турции в США, реализации ее “национальных интересов”. В частности, уже давно всякого рода организации в этом сообществе считают одной из важных своих задач противодействие усилиям армянского лобби, пытающегося добиться от властей США официального признания событий 1914–1915 гг. “геноцидом армян”. Дело в том, что в случае успеха армянского лобби, полагают турецкие американцы, их историческая родина – Турция – будет ассоциироваться с преступлениями, подобными нацистской Германии, племен хуту в Руанде (1994 г.), “красных кхмеров” в Кампучии (1975 г.). А это, скорее всего, отразится и на отношении к ним самим в США на бытовом и политическом уровнях.

Оценивая различия в самоощущениях выходцев из арабских стран и Турции в США, ведущий исследователь канадского университета Лейкхед Мехмет Ф. Бастуг выделяет следующие: турецкие американцы в меньшей степени испытывали на себе исламофобские проявления после терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне; в контексте нарастающей напряженности между странами Запада и Турцией в последние годы, рас-

ширения масштабов репрессий режима Эрдогана против политических оппонентов многие турко-американцы предпочли не акцентировать свою этническую принадлежность, подчеркивая лояльность Соединенным Штатам и принципам демократии [21]. Заметим, что это важный вывод исследователя турецкого происхождения, поскольку он свидетельствует о признаках раскола в турецко-американском сообществе США, который способен подорвать казавшуюся до сих пор незыблемой установку руководства турецких общин на взаимодействие с Анкарой и продвижение в США интересов их исторической родины.

* * *

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что при разработке своей политики на Ближнем Востоке администрация Байдена склонна максимально учитывать интересы и настроения прежде всего арабских общин в США – как наиболее многочисленных выходцев из стран данного региона. Влияние турецких общин оказалось намного меньшим. К тому же большинство из последних не всегда готовы заявлять о себе как о выходцах с Ближнего Востока (среди них немало переселенцев из Балканского региона Европы, Азербайджана и ряда стран Центральной Азии). Политика Вашингтона в отношении Турции и Ирана формируется в основном под воздействием межгосударственных и геополитических установок администрации. Ее попытки вернуться в обновленный СВПД в отношении Ирана в основном продиктованы стремлением возродить солидарный с мировым сообществом подход к ядерной проблеме этой страны, чем императивами ее ближневосточной политики. Напомним, что основные партнеры США в регионе (Израиль и арабские монархии) поддержали решение Трампа о выходе из СВПД и, следовательно, весьма сдержанно относятся к линии Байдена.

Логичным выглядит в этой связи намерение Байдена добиться утверждения новой расовой идентификации выходцев из стран Ближнего Востока (*MENA*), что может еще больше расширить масштаб и эффективность электоральной поддержки Демократической партии. На следующем уровне обобщения можно сделать вывод о том, что размежевание в США по расовому и этническому признакам продолжает углубляться, вписываясь в контекст политического противостояния двух основных партий: референтная аудитория и электорат Демократической партии становятся все более “многоцветными”, а Республиканской – с сильным преобладанием “белых”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шумилина И.В. Имидж США и Обамы на Ближнем Востоке: между словом и делом. *ИСОА*, 2011, № 43 (1), сс. 59-67. [Shumilina I.V. The image of the United States and Obama in the Middle East: between word and deed. *ISOA*, 2011, no. 43 (1), pp. 59-67. (In Russ.)] Available at: http://www.iso.ru/art-view.php?bc_tovar_id=834 (accessed 09.07.2021).
2. Verma P., Gladstone R. Reversing Trump, Biden Restores Aid to Palestinians. *The New York Times*, April 7, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/04/07/world/middleeast/biden-aid-palestinians.html> (accessed 09.07.2021).
3. Hirsh M. U.S. Mounts All-Out Effort to Save Iran Nuclear Deal. *Foreign Policy*, April 15, 2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/04/15/iran-nuclear-deal-biden-talks-vienna/> (accessed 08.07.2021).
4. Ghosh B. Biden Fails to Make Saudi Prince MBS a Pariah. *Bloomberg*, 27 February, 2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-02-27/khashoggi-report-biden-fails-to-make-saudi-prince-mbs-a-pariah> (accessed 09.07.2021).
5. Rogers K., Gall C. Breaking with Predecessors, Biden Declares Mass Killings of Armenians a Genocide. *The New York Times*, April 28, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/04/24/us/politics/armenia-genocide-joe-biden.html> (accessed 08.07.2021).
6. El-Sayed El-Aswad. Arab Americans. *SAGE Publications*, January 2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/268220414_Arab_Americans (accessed 08.07.2021).
7. Шумилина И. “Арабский фактор” в американских выборах: между Д. Трампом и Дж. Байденом. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 10, сс. 64-73. [Shumilina I. The “Arab Factor” in the American Elections: Between D. Trump and J. Biden. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 10, pp. 64-73. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-64-73>
8. Joe Biden and the Arab American Community: A Plan for Partnership. *Biden-Harris*, 2020. Available at: <https://joebiden.com/joe-biden-and-the-arab-american-community-a-plan-for-partnership/> (accessed 08.07.2021).
9. Шумилин А. Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 1, сс. 50-60. [Shumilin A. Middle East Conflicts Today: Between Religion and Geopolitics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 50-60. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60>
10. The Turkish American Community. *Turkish Coalition of America*. Available at: <https://www.tc-america.org/community/the-turkish-americancommunity-463.htm> (accessed 08.07.2021).
11. Goker A., Vasquez S.S., İnal K. Understanding why Turkish-Americans are voting for Trump. *Medium*, November 4, 2020. Available at: <https://aybil-55959.medium.com/understanding-why-turkish-americans-are-voting-for-trump-7db-657993b3a> (accessed 08.07.2021).
12. Mehgan Rose Abdel-Moneim. *Reporting Identity: Social and Political Implications of Adding a MENA Category to the U.S. Census*. Annandale-on-Hudson, New York, May 2018. Available at: https://digitalcommons.bard.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1024&context=senproj_s2018 (accessed 09.05.2021).
13. *Statement by President Joe Biden on Armenian Remembrance Day*. The White House, April 24, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/24/statement-by-president-joe-biden-on-armenian-remembrance-day/> (accessed 09.06.2021).
14. Duran B. As the Erdoğan-Biden meeting approaches... *Daily Sabah*, May 31, 2021. Available at: <https://www.dailysabah.com/opinion/columns/as-the-erdogan-biden-meeting-approaches> (accessed 09.07.2021).
15. Gardner F. Khashoggi murder: US softens towards Saudi leader. *BBC News*, July 14, 2021. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-57760786> (accessed 18.07.2021).
16. Munayyer Y. A Summer of Reckoning – for American Racism and Israeli Aggression. *The Nation*, July 7, 2020. Available at: <https://www.thenation.com/article/world/palestine-blm-protest/> (accessed 08.07.2021).
17. Memarian O. Michael Isikoff on the “Many Black Boxes” of Jamal Khashoggi’s Murder. *DAWN*, July 9, 2021. Available at: <https://dawnmena.org/michael-isikoff-on-the-many-black-boxes-of-jamal-khashoggis-murder/> (accessed 09.07.2021).
18. Developed Countries List. *World Population Review*, 2021. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/developed-countries> (accessed 09.07.2021).
19. Ergil D. Identity Crises and Political Instability in Turkey. *Journal of International Affairs*, 2000, no. 54 (1), pp. 43-62. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24357688> (accessed 10.07. 2021).
20. Aras B., Caha O. Fethullah Gulen and His Liberal “Turkish Islam” Movement. *Middle East Review of International Affairs*, December 2000, vol. 4, no. 4. Available at: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/meria/meria00_arb01.html (accessed 09.07.2021).
21. Bastug M. Senses of Belonging and Identity within North American Turkish Diaspora in the post-9/11 Era. *American Journal of Qualitative Research*, June 2020, vol. 4, no. 1, pp. 1-15. Available at: <https://www.ajqr.org/download/senses-of-belonging-and-identity-within-north-american-turkish-diaspora-in-the-post-9-11-era-7841.pdf> (accessed 04.06.2021).

**DOMESTIC FACTORS OF THE BIDEN ADMINISTRATION'S
STRATEGY IN THE MIDDLE EAST**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 24-30)

Received 14.07.2021.

Inna V. SHUMILINA,

ORCID 0000-0003-4796-554X, i.shumilina@iskran.ru

Institute for the US and Canadian Studies (ISCRAN), Russian Academy of Sciences, 2/3, Khlebnyi Per., Moscow, 123995, Russian Federation.

In the early months of Joe Biden's administration in the White House, Middle East issues were not identified as a priority of its foreign policy. Individual steps in this direction, however, suggest that the administration will adhere to the principal lines of conduct for the United States towards American partners and allies (Israel, the Arab monarchies of the Gulf and others), as well as towards the main conflict nodes in the region (Syria, Libya, Yemen). At the same time, it is also obvious that its tactical emphasis has shifted in its approach to a number of the most important problems of the region – in particular, the Palestinian-Israeli standoff (namely, restoration of relations with the government of Mahmoud Abbas) and the situation around Iran (return to the renewed nuclear deal – JCPOA) and Turkey (overcoming the cooling of relations with Ankara). Apparently, we can talk about Biden's revival of the Middle East policy pursued under Barack Obama's administration. This process is largely due to the domestic political calculations of the Biden team and the Democratic Party as a whole. The author of the article tries to assess the influence of American immigrant's communities from the Arab countries and Turkey on Joe Biden's Middle East policy.

Keywords: Joe Biden, Donald Trump, USA, Middle East, American Arabs, Turkish-American community, Iran, Turkey, JCPOA, nuclear deal.

About author:

Inna V. SHUMILINA, Candidate of Political Science, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-24-30

“ЭФФЕКТ КОЛЕИ” ВО ВНЕШНЕТОРГОВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЯПОНИИ И США

© 2021 г. З. Подоба, В. Горшков

ПОДОБА Зоя Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-1729-903X, zoyarodoba@gmail.com

Высшая школы сервиса и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, РФ, 195251 Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

ГОРШКОВ Виктор Андреевич, Ph.D. (Econ.), доцент,
ORCID 0000-0002-3915-2832, vgorshkov@unii.ac.jp

Факультет международной экономики, Университет префектуры Ниигата, Япония, 471, Эбигасае, г. Ниигата, префектура Ниигата, 950-8680.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021.

Рассмотрены особенности внешнеторгового сотрудничества Японии и США в контексте подписания нового двустороннего торгового договора и соглашения о цифровой торговле между этими странами в октябре 2019 г. Дается анализ развития торговых взаимоотношений Японии и США со второй половины XX в., современной структуры двусторонней торговли, рассмотрены основные положения нового договора. Сделан вывод о наличии “эффекта колеи” (*path-dependency*) в японо-американских торговых отношениях, длительное время отличающихся противоречиями, основания для которых с 1980-х годов не претерпели значительных изменений. США по-прежнему придерживаются наступательной позиции, в то время как Япония, несмотря на усиление своего влияния в многосторонней торговой системе и региональных соглашениях, вынуждена идти на определенные уступки в отношениях с более сильным партнером.

Ключевые слова: внешняя торговля, двусторонние торговые отношения, торговое соглашение, Япония, США.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-31-39

С середины XX в. японо-американские экономические отношения имеют специфический характер, что обусловлено итогами Второй мировой войны и особой ролью США в послевоенном развитии Японии. Несмотря на военно-политический союз, внешнеторговое сотрудничество двух стран характеризовалось острыми противоречиями, которые касались продукции текстильной, сталелитейной, автомобильной промышленности, сельского хозяйства, а также производства проводников и ряда других отраслей.

Инициатором торговых трений в большинстве случаев выступает Вашингтон, стремящийся сократить дефицит торгового баланса в двусторонних отношениях, а также создать конкурентные преимущества для американских производителей [1]. Япония вынуждена идти на значительные уступки, зачастую противоречащие ее национальным интересам. В последние годы противоречия вызваны также различиями в подходах к торговой политике. Если Япония выступает за поддержание принципа многосторонности в международной торговле (*multilateralism*) и следование правилам ВТО, то США в большей степени склонны к использованию двустороннего формата. Рассмотрим особенности современного партнерства Японии

и США в контексте специфики развития с середины XX в. и подписания нового торгового договора в октябре 2019 г.

ЭТАПЫ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЯПОНИИ И США

Развитие торговых отношений между Японией и США во второй половине XX в. можно разделить на два этапа: 1-й этап (1950–1980 гг.) был связан с защитой американского рынка от наплыва японских товаров путем поддержания системы “добровольных ограничений экспорта” (ДОЭ, *voluntary export restraints*)¹; 2-й этап (1980–1990 гг.) ознаме-

¹ Соглашение, заключенное по инициативе импортирующей страны, на основании которого экспортирующая страна “добровольно” ограничивает вывоз определенных товаров, чтобы избежать принудительных мер со стороны более сильного партнера. Использовались несколько направлений этих ограничений: формальные межправительственные соглашения между двумя странами; неформальные соглашения между производителями экспортирующей страны и потребителями импортирующей страны, которые поддерживались правительством экспортирующей страны; соглашение о добровольном ограничении экспорта в рамках более широкого многостороннего межгосударственного соглашения как один из элементов такого соглашения. ГАТТ относило эти соглашения к нелегитимным мерам “серой зоны”.

новался обеспечением более широкого доступа американских производителей на рынки Японии.

Первые противоречия между странами возникли еще в 1930-х годах, когда американская сторона заговорила о недобросовестной конкуренции ввиду масштабного роста экспорта продукции текстильной промышленности из Японии в США. После войны, с середины 1950-х годов, Вашингтон сделал ставку на принуждение Токио к использованию ДОЭ вместо введения импортных квот [2]. В 1952 г. такие меры были установлены для экспорта тунца; в 1956 г. — хлопкового текстиля; в 1958 г. — для фанеры, посуды из нержавеющей стали и шурупов [3].

ДОЭ позволяли США формально соблюдать принцип недискриминации в международной торговле, закрепленный в Генеральном соглашении по тарифам и торговле, и в то же время обеспечивать защиту национальных производителей. Тактику США в отношении Японии взяли на вооружение и многие другие государства.

Япония присоединилась к ГАТТ в 1955 г. Однако 14 стран² не согласились на предоставление ей режима наибольшего благоприятствования, для получения которого к началу 1960-х годов Токио пришлось “добровольно” ограничить поставки текстиля и других товаров в 20 стран мира, а затем соглашаться на дополнительные ДОЭ вплоть до начала Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ. Стоит отметить, что японская текстильная промышленность, продукция которой была основным экспортным товаром в до- и послевоенную эпоху, вскоре пришла в упадок, и Япония превратилась в нетто-импортера текстиля.

К середине 1980-х годов на США приходилось 47% японского экспорта [1], хотя значительная его часть была “добровольно” ограничена. По оценкам Министерства международной торговли и промышленности Японии, к 1989 г. 29% экспорта товаров из Японии в США и 5% экспорта в ЕЭС подвергались ограничениям [4].

В 1980-х годах вектор торговой политики США сместился с защиты национальных производителей на расширение продаж американской продукции на японском рынке. Одним из основных аргументов было представление, что дефицит в двусторонней торговле вызван несправедливой торговой практикой Японии. В ходе двусторонних переговоров начиная с 1985 г. Вашингтон под угрозой применения жестких мер потребовал и получил со стороны Токио множество уступок. Их бенефициарами стали американские производители

полупроводников, говядины, апельсинов, изделий из древесины, автозапчастей. Фактически США ввели новый инструмент для экспансии на японские рынки — “добровольное расширение импорта” (*voluntary import expansions, VIE*). Начало этому положило Соглашение по полупроводникам между США и Японией 1986 г. [5].

Торговая политика США имела колоссальные экономические последствия не только для самой Японии, но и для других стран Восточной Азии. Многие японские производители приняли решение об открытии заводов на территории США, чтобы преодолеть последствия торговых ограничений. Кроме того, “Соглашение Плаза” (*Plaza Accord*), заключенное в 1985 г.³, привело к значительному укреплению иены, в результате чего японские производители получили стимул инвестировать не только в США, но и в соседние страны Азии. Хотя все это так и не обеспечило существенного сокращения дисбаланса в связях с США, структура промышленности как в самой Японии, так и в других азиатских государствах претерпела существенные изменения [2].

В отличие от “эпохи ГАТТ”, когда Япония была вынуждена использовать меры “серой зоны” для урегулирования торговых конфликтов, после образования ВТО (1995 г.) Токио сменил курс на строгое следование нормам и правилам международной торговой системы и активное применение официального механизма урегулирования споров. Такой формат торговой политики можно охарактеризовать как “агрессивный легализм”⁴.

Во второй половине 1990-х годов острота торговых конфликтов между Японией и США стала постепенно ослабевать. Этому способствовали такие факторы, как длительный период стагнации японской экономики, постепенное превращение Китая в главного экономического конкурента США, увеличение экспорта американской промышленной продукции в Японию, урегулирование споров в рамках ВТО. Однако, несмотря на ослабление напряженности, противоречия

³ Целью этого соглашения было снижение курса доллара по отношению к валютам основных торговых партнеров США для сокращения американского торгового дефицита.

⁴ По мнению профессора С. Пекканена, “агрессивный легализм” можно определить как «активное использование правовых норм и механизмов ВТО для обозначения своей позиции, выдвижения и опровержения претензий и для вовлечения всех заинтересованных сторон в сложной правовой игре под названием “международная торговля”» [6]. Это адаптация термина “агрессивный односторонний подход” (*aggressive unilateralism*), предложенного профессором Дж. Бхавати для описания торговой политики США в 1980-е годы, заменяющей нормы ГАТТ на двусторонние переговоры, которые отвечали интересам лишь одной стороны и поддерживались угрозами ответных действий со стороны более сильного партнера [7].

² Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Куба, Франция, Гаити, Индия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Федерация Родезии и Ньясаленда, Южная Африка и Великобритания.

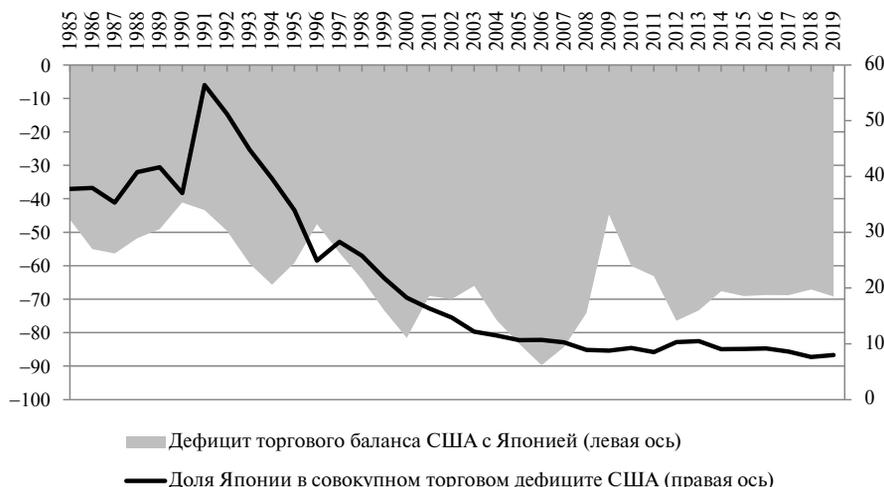

Рис. Динамика дефицита торгового баланса США с Японией, 1985–2019 гг.

Составлено авторами по данным *US Census Bureau*.

во внешнеэкономических отношениях двух стран сохраняются. Так, наибольшее количество споров, инициированных Японией в ВТО в период 1995–2020 гг., касались США.

Примечательно, что Япония не прибегает к использованию мер защиты внутреннего рынка от американских экспортеров. Исключение составляло введение с 2005 по 2014 г. ответных мер в отношении сталелитейной продукции из США. Право Японии и других стран, в том числе и ЕС, на применение торговых контрмер против “поправки Берда”⁵ было подтверждено ВТО. Остальные виды так называемых в Японии “специальных тарифов” для защиты от американской экспансии на внутренний рынок использованы не были, что резко контрастирует с частотой использования защитных мер против японских экспортеров за рубежом [8]. Согласно данным ВТО, за период с 1995 по 2019 г. в отношении японских производителей США применяли антидемпинговые пошлины 28 раз. По количеству использования этого вида мер защиты с американской стороны Япония де-

лит третье место с Тайванем после КНР (145 раз) и Республики Корея (35 раз).

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЯПОНИИ И США В НАЧАЛЕ XXI В.

Япония и США продолжают оставаться важнейшими друг для друга торговыми партнерами. По итогам 2019 г. Япония была четвертым по объему рынком сбыта для американских товаров, а также находилась на четвертом месте по размеру импорта в США. В свою очередь США занимали первую позицию в японском экспорте и вторую – в импорте.

Снижение остроты торговых конфликтов между двумя странами к началу XXI в. не привело к исчезновению хронического торгового дисбаланса, причиной которого в США по-прежнему называют относительную закрытость японского рынка. Именно поэтому требования о расширении доступа американских товаров на рынки Японии сохраняются. Тем не менее размер дефицита торгового баланса США в торговле с Японией по сравнению с серединой 1980-х годов не только не сократился, но и увеличился в абсолютном выражении, стабилизировавшись на уровне около 70 млрд долл. в 2010-е годы. Правда, произошло существенное снижение доли Японии в совокупном торговом дефиците США до приблизительно 10% (см. рисунок). По этому показателю Япония занимает третье место после Китая и Мексики.

В свою очередь в торговле с США Япония имеет крупнейшее положительное сальдо. Размер профицита почти в два раза превышает аналогичный показатель для следующего по значимости рынка сбыта японских товаров – Гонконга. Следует отметить, что с Китаем – ведущим партнером по объ-

⁵ Закон “О непрерывном компенсировании демпинга и субсидий” (*The Continued Dumping and Subsidy Offset Act*), более известный как “поправка Берда” (*Byrd Amendment*) и принятый в 2000 г., предусматривает перераспределение средств, полученных от введения антидемпинговых и компенсационных пошлин, в пользу американских компаний, подавших жалобу в правительство на убытки из-за недобросовестной конкуренции со стороны иностранных фирм, если жалоба признана справедливой (до принятия “поправки Берда” полученные средства направлялись в государственную казну). Подобным образом США перераспределили в различные отрасли промышленности более 1 млрд долл. В 2002 г. ВТО постановила, что “поправка Берда” не соответствует правилам международной торговли. Вашингтону была предоставлена возможность до 2003 г. изменить этот закон, но поскольку меры приняты не были, ВТО дала согласие торговым партнерам США на введение санкций.

Таблица 1. Топ-5 товарных групп во взаимном экспорте и импорте Японии и США на уровне двух знаков Гармонизированной системы описания и кодирования товаров, 2019 г., млрд долл.

Экспорт из США в Японию		Импорт из Японии в США	
Минеральное топливо	9.3	Транспортные средства	49.0
Летательные аппараты	8.8	Оборудование и механические устройства	34.0
Оптические и медицинские инструменты	7.1	Электрические машины и оборудование	17.0
Оборудование и механические устройства	7.0	Оптические и медицинские инструменты	7.0
Электрические машины и оборудование	4.6	Фармацевтическая продукция	4.3

Составлено авторами по: [9].

емам товарооборота – для японской стороны торговля складывается со знаком “минус”.

Связи Японии и США характеризуются высокими показателями внутриотраслевой торговли. Такие группы товаров, как оборудование и механические устройства, электрические машины и оборудование, оптические и медицинские инструменты, входят в топ-5 взаимного экспорта со стороны как Японии, так и США (табл. 1). Расчет индекса Грубеля–Ллойда⁶ для групп товаров на уровне одного знака Стандартной международной торговой классификации (СМТК) в двусторонней торговле показал, что среднее значение за период 2010–2019 гг. для разд. 5 СМТК “Химические вещества и аналогичная продукция” составило 0,8, а для разд. 8 СМТК “Различные готовые изделия” было равно 1.

Основу японского экспорта в США составляют транспортное оборудование (37%), автомобили (28%), оборудование и механические устройства (24%), электрические машины и оборудование (более 13%), оптические измерительные и медицинские инструменты (5%), черные металлы, пластмассы и резинотехнические изделия. США по-прежнему остаются одним из важнейших рынков сбыта для японского автомобилестроения. На эту товарную группу приходится 70% дефицита торгового баланса США с Японией. Если рассматривать зависимость американского рынка от поставок из Японии, то необходимо подчеркнуть, что японские производители занимают третье место в импорте США машин и оборудования, а также автомобилей.

В структуре японского импорта из США преобладают различные виды оборудования (34%), минеральное топливо (13%), продукция химической промышленности (16%), а также продовольствие (16%). США принадлежит первое место в японском импорте самолетов, продукции химической промышленности, научных и оптических инструментов, второе место – в поставках древесины,

⁶ $IT_{GL} = 1 - (|X_{ij} - M_{ij}|) / (X_{ij} + M_{ij})$, где IT_{GL} – индекс Грубеля–Ллойда, X_{ij} и M_{ij} – стоимость экспорта и импорта товаров отрасли i в страну j соответственно. Чем ближе значение индекса к 1, тем больше пересечение отраслевых торговых потоков, что означает рост качества внутриотраслевой торговли.

компьютеров и комплектующих, третье – в импорте полупроводников, аудио- и видеоаппаратуры, автомобилей, рыбы и рыбопродуктов.

По данным *Japan Foreign Trade Council*, США остаются лидером по экспорту в Японию продовольственных товаров, в частности крупнейшим поставщиком пшеницы, кукурузы и соевых бобов. Следует отметить, что особенностью торговой политики Японии можно назвать высокий уровень защиты национального сельскохозяйственного сектора. Несмотря на это, страна по-прежнему входит в число крупнейших нетто-импортеров продовольствия, хотя ввоз сельскохозяйственной продукции из-за рубежа ограничен высокими тарифными и нетарифными барьерами. Для ряда “чувствительных товаров” (яп. *重要品目 jūyūou hinmoku*), к которым относятся рис, молочные продукты, пшеница, ячмень, сахар, говядина и свинина, используются тарифные квоты и другие ограничения. К ввозимой в страну продукции сельского хозяйства, особенно животноводства, установлены жесткие технические и санитарные требования. Примечательно, что до заключения Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (*CPTPP* или *TPP-11*) и двустороннего Соглашения об экономическом партнерстве с ЕС Япония никогда не предоставляла преференциальный доступ к своему рынку “чувствительных товаров” даже в рамках соглашений о свободной торговле, таким образом фактически осуществив “либерализацию торговли без сельского хозяйства” [10].

Необходимо также отметить возрастающую роль импорта минерального топлива из США, которые вошли в топ-5 стран – поставщиков этого вида продукции на японский рынок. По итогам 2018–2019 гг. данная товарная группа занимала первое место в экспорте США в Японию. В течение последних пяти лет японские компании оказали большую поддержку американской сланцевой революции [11]. В частности, они поспособствовали расширению экспорта американского сжиженного природного газа (СПГ), зарезервировав более 18,7 млн т/год [12]. По данным *International Trade Center (ITC)*, в 2020 г. американский СПГ вышел на пятое место в структуре импорта Японии.

ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ ЯПОНИИ И США

Важнейшим договором, регулирующим торговые отношения между Японией и США, должно было стать соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (*ТПП*), которое было подписано в 2016 г. Однако в начале 2017 г., едва вступив в должность, 45-й президент США Д. Трамп подписал указ о выходе из него. В результате 11 стран во главе с Японией заключили другой договор – Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (*СРТПП*), уже без участия США.

Трамп анонсировал курс на пересмотр договоренностей с основными экономическими партнерами, в первую очередь с теми, кто имел крупное положительное сальдо в торговле с США. Двустороннее Торговое соглашение и Торговое соглашение о цифровой торговле между Японией и США были подписаны 8 октября 2019 г. и вступили в силу 1 января 2020 г. Соглашения были достигнуты в рекордно короткие для мировой практики сроки – спустя всего лишь шесть месяцев после начала переговоров.

Подписание данных документов было в большей степени инициировано американской стороной, поскольку экспортеры США оказались в невыгодном положении после вступления в силу Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и Японией и *СРТПП*, предусматривающих последовательное снижение таможенных пошлин на импорт из стран – участниц этих соглашений в течение 21 года. К 2038 г. только 5–6% тарифных наименований товаров будут облагаться таможенными пошлинами, а на долю торговли со странами – участницами соглашений уже в 2018 г. приходилось 38.7% японского импорта и 34.8% японского экспорта. Экономический эффект от участия Японии только в *СРТПП*, согласно оценкам, должен привести к увеличению ВВП на 8 трлн иен и созданию 460 тыс. новых рабочих мест [13, р. 42]. В свою очередь, договор о торговом партнерстве Японии и ЕС стал одним из крупнейших региональных соглашений, охватывающим 1/3 мирового ВВП [1, pp. 41-42].

Необходимость заключения нового торгового соглашения также отчасти была продиктована сложившимся в США мнением, что хронический торговый дефицит в двусторонних отношениях вызван чрезмерным использованием Японией нетарифных мер защиты⁷. Трения в двусторонних отношениях по этому поводу были наиболее интенсивны в 1980–1990-х годах, но постепенно сглаживались вследствие экономических проблем Японии и уве-

личения объема японских ПИИ в США. Вместе с тем американская администрация вновь акцентировала внимание на данной проблеме как одной из ключевых в двусторонних отношениях и ввела дополнительные пошлины на сталь (25%) и алюминий (10%) в марте 2018 г. под предлогом защиты национальной экономической безопасности. Следует отметить, что Япония, в отличие от Китая, Индии, ЕС, Канады, Мексики и Турции, не обжаловала это решение через механизм разрешения споров ВТО.

Одновременно с этим президент Трамп поручил Министерству торговли изучить возможность повышения таможенных пошлин в автомобильной промышленности. Основания для использования дополнительных тарифов были найдены, но в феврале 2019 г. решение о введении этих мер было отложено на шесть месяцев. Угроза применения ст. 232 Закона США “О расширении торговли” 1962 г. подтолкнула Японию начать переговоры по выработке соглашения о двусторонней торговле под давлением со стороны более сильного партнера.

В процессе переговоров США преследовали следующие цели: 1) увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции для более успешной конкуренции с Австралией и Канадой⁸; 2) ограничение импорта японских автомобилей; 3) увеличение экспорта американских транспортных средств в Японию. Таким образом, можно сделать вывод, что необходимость данного соглашения была фактически продиктована США (подробнее см. [14]).

По оценкам экспертов, на товары и услуги, указанные в соглашениях, приходится 30% мирового ВВП (25.5 трлн долл.), а экономический эффект через 10–20 лет в случае выхода на новую стратегию роста для Японии составит 4 трлн долл. (рост ВВП на 0.8% и создание 280 тыс. новых рабочих мест) [15, р. 5]. Среди особенностей договора можно отметить решение проводить переговоры поэтапно для определенных групп товаров и услуг. Фактически заключенное соглашение представляет собой лишь первую стадию договоренности.

Первый этап предусматривает обоюдное сокращение тарифных пошлин на 7.2 млрд долл. Япония согласилась сократить на эту сумму таможенные пошлины на импорт сельхозпродукции, а США снизили пошлины на нее из Японии на 43 млн долл. и на 7.17 млрд долл. – на промышленные товары.

Объявленный общий объем сокращения таможенных пошлин Японией находится на уровне 84%, США – 92%. Однако без учета таможенных тарифов

⁷ В Японии активно используются более 10 тыс. промышленных стандартов [13].

⁸ В частности, в случае отсутствия соглашения таможенные пошлины на импорт американской говядины составляли бы 38.5%, в то время как для аналогичной продукции из Австралии и Канады ставки предполагалось снизить до 26.6% в рамках соглашения *СРТПП*.

Таблица 2. Таможенные пошлины на основные группы товаров, охваченных Торговым соглашением Японии и США

Наименование товара	Ставка до вступления соглашения в силу	Ставка после вступления соглашения в силу
Ставки таможенных пошлин Японии в отношении товаров из США		
Говядина	38.5%	26.6% с последовательным снижением до 9% к 2033 г.
Свинина	23 иены/кг	10 иен/кг, нулевая пошлина с 2027 г.
Пшеница	Импорт пшеницы регулируется государством посредством системы <i>mark up</i> (наценка из-за разницы в стоимости импортируемого товара и ценой его реализации компаниям на японском рынке)	10%-е снижение показателей <i>mark up</i> в момент вступления в силу соглашения, 45%-е снижение к 2026 г.
Сыр	29.8% на основные сорта натурального сыра	Твердые сорта сыра: последовательное снижение таможенных пошлин и их полная отмена к 2033 г.; сохранение таможенных пошлин на мягкие сорта сыра
Вино	15% либо 125 иен/л	Последовательное снижение пошлин с их полной отменой к 2025 г.; преференциальный режим для продукции виноделия из Калифорнии
Рис	Государственное регулирование импорта, 341 иена/кг риса, ввезенного за пределами квот, установленных правилами ВТО	Не предусмотрены новые квоты на беспошлинный ввоз риса из США
Ставки таможенных пошлин США в отношении товаров из Японии		
Автомобили	2.5%; 25% на популярные в США виды грузовиков японских производителей	Сохранение текущих таможенных ставок и продолжение переговоров; дополнительные таможенные пошлины в размере 25% не применяются
Комплектующие к автомобилям	2.5% на двигатели, коробки передач и прочие комплектующие	
Кондиционеры	1.4%	Отмена таможенной пошлины
Станки, машины и оборудование	4.2%	Отмена таможенной пошлины в 2021 г.
Говядина	Импортная тарифная квота в размере 200 т – таможенная пошлина 5 иен/кг; 26.4% для импорта сверх установленной квоты	Увеличение суммарной с другими странами импортной квоты до 65 т

Составлено авторами по: [17].

на импорт японских автомобилей и комплектующих, которые не вошли в первый пакет соглашения, снижение ставок США составляет менее 60%. Этот нюанс ставит под вопрос соответствие договора ст. XXIV ГАТТ/ВТО, определяющей, что подобные договоренности должны охватывать “практически всю” торговлю между сторонами [16]. Если США не отменят тарифы на автомобили в ходе будущих переговоров, это будет противоречить правилам международной торговой системы.

Основные меры касаются сельскохозяйственной продукции, в отношении которой Японии удалось сохранить прежний уровень либерализации или немного ниже предусмотренного *СРТПР* (табл. 2). Япония – четвертый крупнейший рынок сбыта сельскохозяйственной продукции для США, в 2019 г. стоимость экспорта составила 12 млрд долл. Согласно условиям соглашения, Япония обязуется сократить таможенные пошлины на импорт говядины и свинины на 2.9 млрд долл., а также на поставки орехов, ягод, вина и сыра на 4.3 млрд долл. Ввозные пошлины на американскую говядину будут последовательно снижены с 38.5 до 9% к 2033 г. Количественные ограничения на импорт говядины из США в 2020 г. составили 242 тыс. т,

что ниже уровня 2018 г. (255 тыс. т)⁹. Указанные меры позволят американским экспортерам успешно конкурировать с Австралией и Канадой, которые выступают сторонами соглашения *СРТПР* [17].

Японии удалось договориться о том, что уровень таможенных пошлин по основным товарным позициям будет соответствовать ранее согласованному уровню таможенных пошлин в рамках *СРТПР*, что, в частности, не предусматривает значительного увеличения импортных квот для США. Снижение таможенных пошлин предполагается также для импорта американской свинины, муки, некоторых видов молочной продукции, вин, сахара и продукции кондитерской промышленности. Более того, Япония сохранила неизменными ставки таможенных пошлин на импорт риса и добилась пересмотра действующих таможенных пошлин в отношении станков, машин и оборудования, а также электронной торговли¹⁰. США в свою оче-

⁹ К 2033 г. квота составит 293.3 тыс. т и в дальнейшем может быть пересмотрена в зависимости от пересмотра соглашения *СРТПР*.

¹⁰ В частности, отмена таможенных платежей для товаров, купленных индивидуальными потребителями на американском сайте компании *Amazon*.

редь обязуются сократить таможенные пошлины на японские промышленные (велосипеды, музыкальные инструменты) и сельскохозяйственные (говядину *wagyu*, соевый соус, китайский батат, хурму, дыни, цветы, бонсай) товары [18].

В отношении промышленных товаров странам удалось достичь договоренности о снижении американских таможенных пошлин на 199 наименований, включая машины и оборудование и высокотехнологичную продукцию. Вместе с тем снижение пошлин на японские автомобили (крупнейшая товарная группа в экспорте с долей более 30%, примерно 4.5 трлн иен ежегодно), а также на автозапчасти (6%, 930 млрд иен) не было предусмотрено на первом этапе подписания договора. Это отличает соглашение от версии ТРП, в которой предполагалось постепенное снижение таможенных пошлин на ввоз пассажирских автомобилей в течение 25 лет и на ввоз грузовиков в течение 30 лет [19]. При этом продукция автомобильной промышленности составляет крупнейшую часть японского экспорта в США¹¹.

Соглашение фактически не затрагивает импорт американского риса и молочной продукции, что, несомненно, выгодно Японии. Кроме того, договоренность о том, что стороны будут воздерживаться от введения мер, противоречащих духу двусторонних соглашений, рассматривается Японией как обещание США не ограничивать импорт японских автомобилей путем активизации ст. 232 Закона “О расширении торговли”. На правительственном уровне достигнута договоренность о неприменении количественных ограничений и ДОЭ [21].

Последующие этапы переговоров в рамках данных соглашений будут нелегкими для Японии. Уже уступив свои главные переговорные позиции по импорту американской говядины и свинины, ей будет сложно договариваться с США по дальнейшим направлениям. Вместе с тем Вашингтон в будущем может поднять такие вопросы, как регулирование курса иены¹². Что касается соглашения о цифровой торговле, то в нем предусматриваются отказ от таможенных пошлин в поставках между двумя странами, недискриминация товаров электронной торговли, либерализация трансграничного обмена данными, смягчение ограничений

¹¹ Продажа японских транспортных средств на рынке США составляет до 40% рынка.

¹² Второй этап переговоров, который должен был затронуть торговлю автомобилями, первоначально планировался на 2020 г., но в связи с тем что США сконцентрировались на торгово-политическом противостоянии с Китаем и борьбе с коронавирусной инфекцией, он отложен на неопределенный срок [20].

по локализации данных и защите персональных данных [22].

* * *

В двусторонних внешнеэкономических отношениях Японии и США, длительное время характеризовавшихся наличием торговых противоречий, сохраняется проблема дисбаланса. Заключенное в 2019 г. новое торговое соглашение вряд ли поможет значительно исправить ситуацию ввиду “эффекта колеи”, или “зависимости от предшествующего развития” (*path-dependency*), который выражается в неизменном характере целей, стратегии и тактики ведения внешнеэкономических переговоров. США по-прежнему проводят наступательную политику для обеспечения доступа американских компаний на японский рынок, в то время как Япония вынуждена держать оборону, стремясь сохранить экспорт автомобилей в США за счет ущерба своим национальным интересам в других отраслях, в частности в сельском хозяйстве.

Выход Японии из “колеи”, сложившейся в отношениях с США, возможен на базе более активного сотрудничества со странами ЕС, у которого тоже имеются значительные структурные дисбалансы в торговле с США, а также с другими государствами Азии, в том числе путем расширения формата *CPTPP* и включения в него новых стран-участниц. Определенный шаг в этом направлении сделан благодаря подписанию в 2020 г. Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (*RCEP*) 15 странами Восточной Азии, включая Японию и Китай, что ставит американский бизнес в невыгодные конкурентные условия [2, р. 15].

Япония стремилась усилить свои переговорные позиции сначала путем ориентации на многосторонний подход в регулировании международной торговли, а позднее путем активного участия в региональных соглашениях об экономическом партнерстве. Однако до настоящего времени ей так и не удалось конвертировать укрепление своего регионального влияния в преимущества в торговых переговорах с США, в результате чего по-прежнему приходится идти на большие уступки. Дальнейший вектор внешнеэкономического сотрудничества двух стран будет зависеть от развития политической ситуации в Японии и США. В краткосрочной перспективе отказ американской администрации от двустороннего подхода в торговых отношениях представляется маловероятным. Соответственно, для Японии, пытавшейся ослабить влияние США через систему многосторонних переговоров и соглашений, сохраняются значительные экономические риски.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Urata S. US-Japan Trade Frictions: The Past, the Present, and Implications for the US-China Trade War. *Asian Economic Policy Review*, 2020, no. 15, pp. 141-159. DOI: <https://doi.org/10.1111/aepr.12279>
2. Satake M. Trade Conflicts between Japan and the United States over Market Access: The Case of Automobiles and Automotive Parts. *Asia Pacific Economic Papers*, 2000, no. 310, pp. 1-32. Available at: <https://crawford.anu.edu.au/pdf/pep/pep-310.pdf> (accessed 07.09.2020).
3. Flath D. Perspective on Japanese Trade Policy and Japan-US Trade Frictions. *Center on Japanese Economy and Business Working Papers*, 1998, no. 151, pp. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.7916/D89G5VCT> Available at: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D89G5VCT> (accessed 07.09.2020).
4. *Trade Policy Review. Japan*. Geneva, GATT, November 1990. 200 p.
5. Bhagwati J. VERS, Quid pro Quo DFI and VIEs: Political-Economy-Theoretic Analyses. *International Economic Journal*, 1987, vol. 1, pp. 1-14. DOI: 10.1080/10168738700000001
6. Pekkanen S.M. Aggressive Legalism: The Rules of the WTO and Japan's Emerging Trade Strategy. *The World Economy*, 2002, vol. 24, iss. 5, pp. 707-737. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9701.00377>
7. Bhagwati J., Hugh T. eds. *Aggressive Unilateralism: America's 301 Trade Policy and the World Trading System*. Ann Arbor, Michigan Press, February 1991. 280 p.
8. Подоба З., Горшков В. Специальная тарифная система Японии: практика применения. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 5, сс. 81-91. [Podoba Z., Gorshkov V. Japan's Special Tariff System: Practice of Administration. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 5, pp. 81-91. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-5-81-91>
9. *Office of the United States Trade Representative. Japan*. Available at: <https://ustr.gov/countries-regions/japan-korea-apec/japan/us-japan-trade-agreement-negotiations> (accessed 09.08.2020).
10. Mulgan A., Honma M. *The Political Economy of Japanese Trade*. New York, Palgrave Macmillan, 2015. 228 p.
11. Weber M. *S&P Global Platts Feature: US LNG Sources Fit with Japan's Desire for Route Diversity*. Available at: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/092718-feature-us-lng-sources-fit-with-japans-desire-for-route-diversity-minister> (accessed 10.12.2019).
12. *WTO Secretariat. Trade Policy Review. Japan*. 2020. 209 p. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s397_e.pdf (accessed 07.09.2020).
13. Горшков В., Подоба З. Некоторые аспекты современной торговой политики Японии. *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции "Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2016"*. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2016, сс. 34-41. [Gorshkov V., Podoba Z. A Note on Japan's Contemporary Trade Policy. *Economic Theory and Business Practice. Proceedings of the International Conference "Evolution of the International Trading System—2016"*, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2016, pp. 34-41. (In Russ.)]
14. 内閣官房TPP等政府対策本部 (2019年10月29日) 『日米貿易協定の経済効果分析』, 6ページ [Japanese Government's TPP Headquarters and the Cabinet Secretariat Office (October 29, 2019). *Economic Analysis of the Japan-U.S. Trade Agreement*. (In Jap.)] Available at: https://www.cas.go.jp/jp/tpp/ffr/pdf/191029_TPP_bunseki.pdf (accessed 07.09.2020).
15. Sugawara J. *The Japan-US Trade Agreement: The "First-Stage Initial Tariff Agreement"*. Available at: https://www2.jiia.or.jp/en_commentary/pdf/AJISS-Commentary277.pdf (accessed 13.03.2021).
16. Congressional Research Service *U.S. – Japan Trade Agreement Negotiations*. October 3, 2019. Available at: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11120?__cf_chl_jschl_tk__=pmd_153ec37803316a57015f5a67e3e6d30180bd473e-1628759804-0-gqNtZGzNAiKjcnBszQjO (accessed 07.09.2020).
17. 東京新聞 (2019年12月31日) 『日米貿易協定あす発効 米産牛肉 関税即時下げ』 [Tokyo Shimbun (December 31, 2019) "Japan-US Trade Agreement Starts Tomorrow. Custom Duties on U.S. Beef are Instantly Lowered". (In Jap.)] Available at: <https://www.tokyo-np.co.jp/article/1736> (accessed 07.09.2020).
18. JETRO 『日米貿易協定、日米デジタル貿易協定の概要』, 2019年, 6ページ. [JETRO. *An Overview of the Japan-US Trade Agreement and the Agreement on Digital Trade*, 2019. 6 p. (In Jap.)] Available at: http://www.cas.go.jp/jp/tpp/ffr/pdf/190925_TPP_gaiyou.pdf (accessed 07.09.2020).
19. Ishikawa J. *Overview of the Japan-U.S. Trade Negotiations. Part 2. Digital Pact Setting the Tone for Trade Negotiations*. Available at: <https://www.rieti.go.jp/en/papers/contribution/ishikawa/08.html> (accessed 07.09.2020).
20. Швыдко В. Американо-японские торговые отношения на фоне кризиса глобализации. *Вестник МГИМО-Университета*, 2020, № 13 (5), сс. 55-77. [Shvydko V. US-Japan Trade Relations amid the Globalization Crisis, *MGIMO Review of International Relations*, 2020, no. 13 (5), pp. 55-77. (In Russ.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-55-77
21. Ishikawa J. *Japan and U.S. Starting Trade Negotiations: Japan in a Difficult Position Regarding Cars and Foreign Exchange*. Available at: <https://www.rieti.go.jp/en/papers/contribution/ishikawa/07.html> (accessed 07.09.2020).

“PATH-DEPENDENCY” EFFECT IN JAPAN-U.S. TRADE*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 31-39)**Received 25.01.2021.**Zoia S. PODOBA,**ORCID 0000-0003-1729-903X, zoyapodoba@gmail.com**Graduate School of Service and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation.**Victor A. GORSHKOV,**ORCID 0000-0002-3915-2832, vgorshkov@unii.ac.jp**Faculty of International Economics, University of Niigata Prefecture, 471, Ebigase, Niigata City, Niigata Prefecture 950-8680, Japan.*

The paper addresses current issues in Japan-U.S. foreign trade following the signing of the Japan-U.S. Trade Agreement and the Japan-U.S. Agreement on Digital Trade in October 2019. By providing an overview of Japan-U.S. trade relations, analyzing current trends in bilateral foreign trade and outlining basic terms of new bilateral agreements, the authors conclude that “path-dependency” in Japan-U.S. contemporary foreign trade persists and trade relations between the two countries are to a greater extent influenced by the U.S. trade policy which aims to assure a broader access of American companies to Japanese markets – the situation that was typical for bilateral trade relations since the 1980s. “Path-dependency” in Japan-U.S. trade relations, conventionally categorized by the existence of numerous trade contradictions, is pronounced in the unchanged goals, strategy and tactics of foreign trade negotiations. The United States maintains its “attacking” role and dominates in the bilateral trade negotiations, while Japan, despite its enhancing influence in the multilateral trading system and regional trade agreements, is forced to “self-defend” and make concessions to a more dominant partner in order to maintain its automobile exports to the United States at the expense of its national interests in other industries, particularly in the agricultural sector. Thus, new trade agreements are unlikely to cause significant structural changes in Japan-U.S. bilateral trade in the short-term as the problem of persistent trade deficits remains. In order to break the vicious circle of “path-dependency” Japan is to actively cooperate with the economies of the European Union which have large amounts of trade deficits with the U.S., can serve as a mediator in the U.S. – China trade conflicts, as well with other Asian countries via mega-FTAs which possess potential risks to the United States. Further development of foreign trade cooperation will depend on the initiatives of new governments in both countries.

Keywords: Japan, United States, foreign trade, bilateral trade relations, trade agreements.

About authors:

Zoia S. PODOBA, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor.

Victor A. GORSHKOV, PhD (Econ.), Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-31-39

КОНЕЦ ЭПОХИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО УГЛЯ

© 2021 г. М. Сеницын

СИНИЦЫН Михаил Владимирович,
ORCID 0000-0001-5630-0799, sinitsyn@imemo.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021.

Пандемия коронавирусной инфекции ускорила трансформацию мирового топливно-энергетического баланса в связи со снижением спроса на уголь. Вытеснение его из энергопотребления идет как по климатическим соображениям под давлением “зеленых”, так и по причине негативного влияния выбросов от угольных электростанций на здоровье людей. Развитые и все большее число развивающихся стран расширяют комплекс мер по ограничению использования угля в энергетике. Вместе с тем Китай, Индия и Индонезия продолжают наращивать мощности в угольной электрогенерации. Велика вероятность того, что после 2025 г. глобальный спрос на уголь начнет устойчиво снижаться.

Ключевые слова: уголь, топливно-энергетический баланс, низкоуглеродная парадигма, COVID-19, выбросы парниковых газов, США, Китай, Евросоюз.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-40-48

Уголь остается одним из самых распространенных и дешевых первичных энергоресурсов. По существующим оценкам, при сохранении его потребления на уровне 2019 г. разведанных запасов угля миру хватит как минимум еще на 130 лет [1]. Основные производители угля – Китай, Индия, Индонезия, Австралия, Россия и США. В них действует значительное число энергетических компаний, обеспечивающих устойчивые поставки на мировой рынок [2].

ДИНАМИКА МИРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ УГЛЯ И ЭКЗОГЕННЫЙ ШОК COVID-19

В начале прошлого века доля угля в мировом потреблении энергии была на уровне 50%, и на протяжении последующих десятилетий он был важнейшим энергоресурсом, пока в 1963 г. не уступил первенство нефти. При этом уголь остается вторым по значимости ископаемым топливом, и его мировое потребление росло вплоть до 2014 г., когда был зафиксирован пик (рис. 1). Развитые страны прошли пик спроса на уголь еще в 2007 г., но снижение углепотребления в развитой части мира было в значительной степени компенсировано ростом в Китае, Индии и новых индустриальных странах [3].

Ограничения, касающиеся экономической деятельности и мобильности населения, введенные в большинстве стран в условиях пандемии коронавирусной инфекции, спровоцировали резкое снижение деловой активности и, как следствие, вызвали падение спроса на энер-

гию¹. По оценкам Международного энергетического агентства, потребление угля в мире в 2020 г. снизилось на 5%, в США – на 18, странах Евросоюза – 20, Японии – на 8%. Однако в Китае, крупнейшем мировом потребителе угля, оно сократилось всего на 0.5% [4].

Наиболее глубокое снижение потребления угля в странах ЕС объясняется опережающим развитием здесь новых возобновляемых источников энергии (НВИЭ), генерация от которых имеет безусловный приоритет при приеме в сеть. Так, в 2020 г. доля НВИЭ в совокупной электрогенерации достигла 38%. Энергетические компании обязаны принять в систему весь объем электроэнергии, вырабатываемой НВИЭ. Поскольку пандемия не повлияла на это правило, в Германии, например, при общем снижении спроса на электроэнергию на 6% угольная генерация вместе с тем сократилась на 22% (рис. 2), а доля ветровой и солнечной энергетики в выработке энергии выросла на 5 и 9% соответственно. Резкий рост прерывистой генерации НВИЭ также повысил спрос на высокоманевренную газовую генерацию, работающую в режиме частых пусков и остановок. Ряд европейских стран, например Швеция, воспользовавшись снижением спроса, досрочно закрыл угольные электростанции.

В Китае в I кв. 2020 г. потребление электроэнергии упало на 7% относительно соответствующего периода предшествующего года. Основное снижение пришлось за счет ископаемых топлив

¹ Статистика мирового потребления угля публикуется с существенным лагом, поэтому судить о глубине снижения спроса на энергетический уголь можно только опираясь на предварительные оценки.

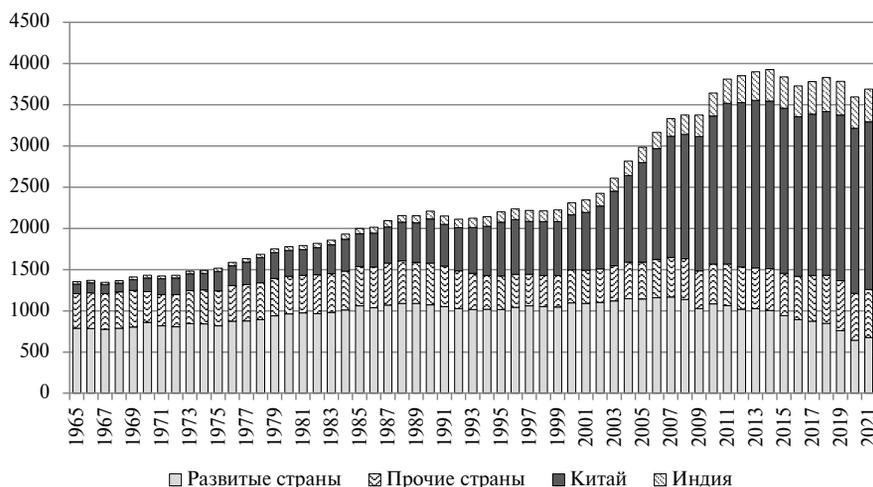

Рис. 1. Первичное потребление энергетического угля, млн т н.э.¹

¹ 2020 г. – оценка, 2021 г. – прогноз.

Рассчитано по: [1, 4, 5].

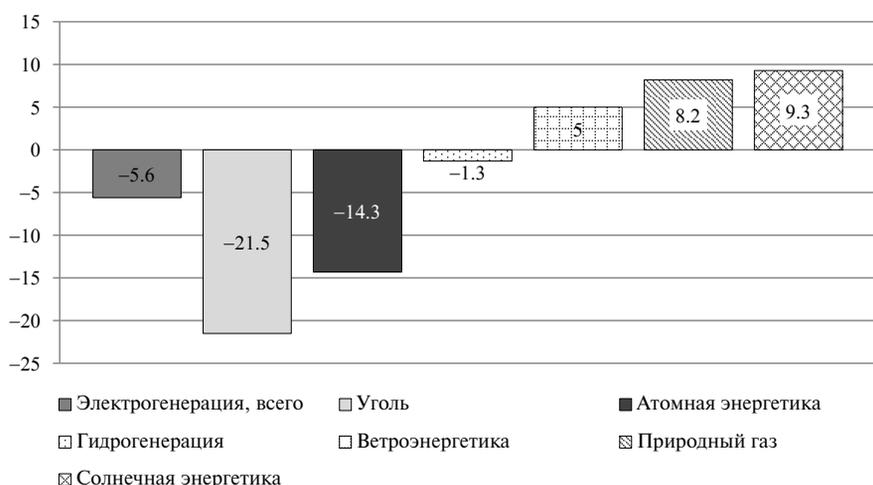

Рис. 2. Германия: изменение электрогенерации по видам топлива в 2020 г. в сравнении с 2019 г., %

Рассчитано по: [6].

и гидрогенерации: угольная генерация снизилась на 9%, гидро – на 9.5%, при этом производство электроэнергии на основе НВИЭ увеличилось на 10%. Однако с началом экономического роста угольная генерация восстановила свои позиции.

Индия также сократила использование угля в электроэнергетике: в апреле 2020 г. угольная генерация уменьшилась в сравнении с предыдущим годом на 29%, в мае – на 22%. В США она упала на 20 и 26% соответственно.

УГОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Задолго до пандемии уже был доказан факт серьезного негативного влияния угольной энер-

гетики на здоровье населения. Из-за загрязнения атмосферы соединениями серы, азота, мышьяка, ртути и углерода, а также мелкодисперсных частиц [7] смертность и заболеваемость, провоцируемые угольной генерацией, заметно выше в сравнении с другими ископаемыми топливами, не говоря уже о возобновляемых источниках энергии² (табл. 1). По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), с этим фактором связывают 3% смертей в мире от заболеваний сердечно-сосудистой и дыхательной систем и 5% – от рака легких [8]. Также установлено, что закрытие угольных электростанций с устаревшими технологиями

² Эти оценки получены по развитым странам, где существует страховая медицина. Надо полагать, что это справедливо и для развивающихся стран.

Таблица 1. Европейские страны: экстерналии различных видов электрогенерации, количество случаев в расчете на 1 ТВт·ч выработки

	Смерти	Серьезные заболевания	Легкие заболевания
Бурый уголь	32.6	298	17 676
Каменный уголь	24.5	225	13 288
Нефть	18.4	161	9551
Традиционная биомасса и отходы	4.6	43	2276
Природный газ	2.9	30	703
Атомная энергия	0.05	0.22	
Ветровая энергетика	0.04		
Гидроэнергия	0.02		
Солнечная энергетика	0.02		
Биотопливо	0.005		

Составлено по: [10, 11].

существенно снижает у населения число легочных заболеваний [9].

Пандемия подтвердила негативную роль высокой концентрации мелкодисперсных взвешенных частиц, выбрасываемых угольными ТЭЦ. Ис-

чества окружающей среды в развитых странах заметно усилится, что ускорит закрытие угольных электростанций³.

СТРАНЫ – УГОЛЬНЫЕ БАСТИОНЫ

Экзогенный шок пандемии оказал сильное, но кратковременное влияние на мировое потребление угля. Принципиально важно знать, каким образом будет эволюционировать спрос на энергетический уголь в долгосрочной перспективе, после того как экономики восстановятся. Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть структуру спроса на уголь в крупнейших странах-потребителях.

Коксующийся уголь в металлургии сложно заменить из-за особенностей технологического процесса [14], поэтому до 2040 г. не ожидается существенного сокращения его применения в промышленности. Энергетический уголь, на который приходится 82% всего потребления угля, используется в электро- и теплоэнергетике, и найти ему субституты проще. В 2018 г.⁴ 92% мирового спроса энергетического угля концентрировалось в 15 странах (табл. 2). Абсолютным лидером был

Таблица 2. Топ-15 стран по потреблению энергетического угля в 2018 г.

Страна	Доля в мировом потреблении, %	Структура потребления по секторам экономики, %			
		Энергетика, включая собственное потребление	Промышленность	Домохозяйства	Прочие секторы
Китай	51.2	66	20	4	11
Индия	11	76	20	2	1
США	9.6	95	4	0	0
ЮАР	2.9	45	8	8	39
Япония	2.6	76	12	0	12
Россия	2.2	85	7	3	5
Республика Корея	1.8	93	6	0	1
Германия	1.8	84	9	0	7
Индонезия	1.6	79	21	0	0
Польша	1.4	76	6	16	3
Австралия	1.3	93	6	0	0
Вьетнам	1.0	61	32	6	0
Турция	1.0	70	18	11	1
Тайвань	1.0	82	14	0	4
Казахстан	1.0	69	11	15	5
Топ-15	91.8	72	16	3	8

Рассчитано по: [5].

следование, проведенное в США в апреле 2020 г. и охватившее 98% населения страны, показало, что концентрация таких частиц – второй по важности фактор смертности от коронавируса после социально-экономических факторов [12]. Несомненно, что в условиях COVID-19 борьба за улучшение

Китай, который потребляет более половины мировой добычи. Еще 11% спроса на уголь обеспечила

³ Успешным примером стал отказ страховых компаний от предоставления страховки угольной шахты *Carmichael* компании *Adani* в Австралии в июне 2020 г. [13].

⁴ Последний год, по которому имеется надежная и сопоставимая статистика.

Индия. В целом на 9 развивающихся стран и стран с переходной экономикой пришлось 3/4 глобального потребления энергетического угля. Вклад 6 стран – членов ОЭСР составил 17%, из которых более половины – США.

Перспективы угля в качестве топлива критически зависят от экономической политики в очень небольшой группе стран, в первую очередь в Китае, Индии и США. Поскольку около 3/4 угля потребляется в электроэнергетике, именно этот сектор имеет решающее значение для его будущего как источника энергии.

Как показывает информационная база данных по введению в эксплуатацию и строительству новых электростанций, работающих на угле, в 2020 г. в мире было введено 50.3 ГВт новых мощностей (табл. 3). В двадцатке стран-лидеров, которые в совокупности обеспечили ввод более 95% всех новых мощностей, оказалось две развитые экономики – Япония и Польша. Обе страны явно не спешат отказываться от угольной генерации. Япония после аварии на атомной станции Фукусима в 2011 г. ускоренно строит новые угольные электростанции с тем, чтобы заменить атомную генерацию угольной для обеспечения базовой загрузки энергоси-

стемы. Польша, обладающая большими собственными запасами, использует сравнительно дешевую угольную генерацию для сохранения конкурентоспособности национальной обрабатывающей промышленности.

Вместе с тем подавляющий объем новых мощностей в угольной энергетике в разгар пандемии был введен в развивающихся странах, в первую очередь в Китае. Республика Корея в ближайшие годы планирует ввести в эксплуатацию строящиеся угольные мощности, но одновременно объявила о запрете на новое строительство и начале выхода из угольной и атомной генерации.

Следует иметь в виду, что сейчас в большинстве случаев в строй вводятся высокоэффективные угольные электростанции с пониженной эмиссией углерода и твердых частиц и повышенным коэффициентом полезного действия (КПД). Если КПД субкритических электростанций составляет около 33%, то сверхкритических – до 45, ультрасверхкритических – до 50, опытных парогазовых установок с внутрицикловой газификацией – 55% [16]. К тому же современные типы парогазовых установок с внутрицикловой газификацией обладают гораздо более высокой степенью производственной гибкости, что

Таблица 3. Топ-20 стран по вводу в эксплуатацию мощностей угольной генерации, ГВт

	Ввод в эксплуатацию			Новые проекты и заявки в 2020 г.	
	в среднем за		2020	Выдано разрешений на строительство	Заявки
	2010–2014	2015–2019			
Китай	53.7	47.3	38.4	88.1	158.7
Индия	16.9	13.0	2.0	36.6	29.3
Индонезия	2.5	1.8	1.3	10.7	22.2
Япония	0.6	0.5	2.0	7.3	2.5
Республика Корея	0.4	2.2	0.0	7.3	0.0
Вьетнам	1.2	2.1	1.3	6.8	21.9
Бангладеш	0.0	0.1	0.7	4.8	17.0
ЮАР	0.0	1.0	0.8	4.0	4.1
Пакистан	0.0	1.0	0.0	3.3	4.1
ОАЭ	0.0	0.0	0.0	2.4	0.0
Филиппины	0.3	0.6	0.3	1.9	6.7
Турция	0.8	1.0	0.0	1.7	18.7
Камбоджа	0.0	0.1	0.2	1.1	0.7
Зимбабве	0.0	0.0	0.0	1.0	4.2
Греция	0.0	0.0	0.0	0.7	0.0
Казахстан	0.1	0.1	0.0	0.6	0.0
Польша	0.2	0.6	0.9	0.6	0.5
Сербия	0.0	0.0	0.0	0.4	1.4
Россия	0.3	0.3	0.3	0.3	1.7
Монголия	0.0	0.0	0.0	0.2	6.6
Топ-20	77.0	71.6	48.1	179.7	300.3
Мир	84.2	77.4	50.3	179.7	323.5

Рассчитано по: [15].

позволяет им подстраиваться под неравномерную генерацию электроэнергии НВИЭ [17].

Правда, новые электростанции чувствительны к качеству угля, поэтому японские, китайские, корейские и индийские высокоэффективные (*High-Efficiency, Low-Emissions Coal Plants, HELE*) станции потребляют в основном высококачественный австралийский уголь. Китай и Япония, будучи лидерами в строительстве *HELE*-станций, проводят политику активного продвижения своих компаний за рубежом.

Как свидетельствует статистика, в мире на начало 2021 г. выдано государственных разрешений на строительство новых угольных электростанций совокупной мощностью 180 ГВт, что примерно равно суммарным мощностям, введенным в эксплуатацию начиная с 2010 г. Более половины приходится на Китай.

К 2020 г. развитые страны в основном отказались от прямого субсидирования потребления угля [18], но сохранили налоговые вычеты и иные льготы. Общий объем поддержки в мировой электроэнергетике незначительно снизился с 3 млрд долл. в 2010–2014 гг. до 2.9 млрд в 2015–2019 гг.⁵

Угледобыча в целом по миру сохраняется на высоком уровне: из топ-5 стран, на которые приходится 80% мировой добычи, производство снижалось только в США. Китай, Индонезия, Австралия и Индия продолжают наращивать угледобычу и экспорт.

В 2018 г. китайское правительство вернулось к политике стимулирования производства угля, и добыча достигла исторического максимума 1.93 млрд т н.э. в 2019 г. [20]. Индия провела реформу государственных компаний, пересмотрев регулируемые цены и разрешив продавать часть угля по краткосрочным контрактам на рыночных условиях, увеличила субсидирование добычи, а также в 2018 г. открыла частным компаниям доступ к добыче угля [21]. Механизация подземной добычи угля и оптимизация логистики в индийской угольной отрасли должны позволить нарастить добычу до 1 млрд т к 2030 г. и снизить зависимость от импорта [22].

Польша продолжает поддерживать угледобычу в целях сдерживания роста импорта энергоресурсов, в 2019 г. в стране была открыта новая, первая за 25 лет шахта [23]. Турция стимулирует добычу для поддержки национальной сталелитейной промышленности и занятости в депрессивных регионах [24]. В России экспорт угля поддерживается субсидированием железнодорожных перевозок [25] за счет дорогих грузов второго и третьего тарифных классов [26]. Российское

⁵ Расчеты по данным [19].

правительство утвердило новую Программу развития угольной отрасли до 2035 г., предполагающую в консервативном варианте рост экспорта на 24% до 329 млн т.

В результате на мировом рынке угля еще до пандемии *COVID-19* были заложены предпосылки значительного наращивания добычи при незначительном росте потребления. Это неизбежно должно привести к затовариванию рынка, снижению цен и замедлению падения углепотребления.

Таким образом, налицо противоречивость процесса “деуглезаии” мировой энергетики. Для развивающихся стран приоритетной задачей становится поддержание высоких темпов экономического роста. В этом контексте сравнительно дешевая угольная генерация рассматривается в качестве важного фактора поддержания экономической динамики и занятости. Вместе с тем даже Китай и Индия не могут полностью игнорировать усиливающиеся глобальные требования к декарбонизации экономического роста. Для подавляющего большинства государств учет императива декарбонизации стал нормой. При этом для китайской экономики переход к низкоуглеродной парадигме экономического развития нельзя считать значительным обременением. Китай имеет все необходимые технологии для декарбонизации своей энергетики, остается лидером в продвижении НВИЭ и электротранспорта.

ИНСТРУМЕНТЫ ВЫТЕСНЕНИЯ УГЛЯ ИЗ ЭНЕРГОБАЛАНСА

На глобальном уровне решение о необходимости вытеснения угля из мирового топливно-энергетического баланса было принято в 2009 г. на саммите *G20* в Питтсбурге (США), где представители крупнейших экономик мира договорились приступить к сокращению субсидирования ископаемых видов топлива [27]. С 2017 г. участники Парижского соглашения стали принимать национальные обязательства по снижению выбросов парниковых газов. Естественно, что основные усилия направлены на снижение потребления угля, который остается самым углеродоемким энергоресурсом. Особенно активную политику по вытеснению угля из энергобаланса проводят европейские страны, за исключением Польши⁶.

Основными механизмами вытеснения угля из энергетического баланса становятся торговля эмиссионными квотами и прямой налог на выбро-

⁶ В Великобритании, например, планируют закрыть последнюю угольную электростанцию к 2025 г. В Германии правительственная Угольная комиссия в 2019 г. рекомендовала запретить строительство новых угольных электростанций и постепенно закрывать действующие к 2038 г.

сы. По состоянию на 31 марта 2021 г. в мире действовали 22 системы торговли выбросами и еще 8 находились в стадии тестирования [28]. На национальном и наднациональном уровне действуют торговые системы Европейского союза (запущена в 2005 г.), Швейцарии (2008 г.), Новой Зеландии (2008 г.), Казахстана (2013 г.), Южной Кореи (2015 г.), Мексики (2020 г.). В 29 странах и регионах введены налоги на выбросы CO_2 .

Всего на конец 2020 г. механизмами платы было охвачено 15% всех мировых выбросов парниковых газов. К концу 2021 г., если будет запущена китайская общенациональная торговая система выбросами, такими механизмами будет охвачено до 27% мировых выбросов углерода. Китай ориентируется на использование лучших практик при определении предельных показателей выбросов, что будет способствовать быстрому обновлению угольных мощностей, но не тотальному отказу от угольной генерации.

Традиционно вытеснение угля осуществляется с помощью ограничений на выбросы оксидов серы, азота и мелкодисперсных частиц угольными электростанциями. Например, директива ЕС *EU Large Combustion Plant Directive 2001* привела к закрытию 205 генерирующих установок в странах ЕС, в том числе в Великобритании было закрыто 15% всех мощностей в электроэнергетике, Польше – 32, Румынии – 22, Испании – 10, Франции – 5% [29]. Аналогичные ограничения приняты во всех развитых странах и в Китае.

Относительно новым рычагом “деуглеза-ции” стало давление на энергетические компании со стороны кредиторов. К 2019 г. все основные международные банки развития ограничили свое участие в кредитовании угольной генерации и прекратили рассматривать проекты добычи угля [30]. Инициативу *Climate Action 100+* поддержали более 450 институциональных инвесторов, управляющих активами в объеме 40 трлн долл. [31].

На коммерческие банки приходится около 1/3 всего финансирования мировой угольной отрасли [32]. Коммерческие банки крупнейших развитых стран объявили об ограничении или выходе из угольных проектов, что привело к двукратному снижению ими объема финансирования добычи угля и строительства угольных станций по сравнению с предыдущим пятилетием (табл. 4). Однако эту тенденцию нельзя назвать всеобщей. Она не коснулась Китая, банки которого в 2015–2019 гг. десятикратно увеличили кредитование угольных проектов по сравнению с предыдущим пятилетием. Даже в разгар пандемии китайские банки сохранили очень высокий уровень финансирования добычи и использования угля.

Таблица 4. Среднегодовой объем финансирования угольных проектов коммерческими банками, млрд долл., 2009–2020 гг.

	2009–2014	2015–2019	2020
Китай	4.3	46.2	45.0
США	8.1	4.0	3.4
Япония	3.3	2.5	3.1
Европа	18.6	7.1	5.8
Канада	0.3	1.0	1.0
Австралия	0.0	0.4	0.4
Индия	0.0	0.2	0.4
Прочие страны	5.4	1.6	5.3
Мир	40.0	62.9	64.4

Рассчитано по: [33, 34, 35, 36, 37].

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Хотя пик глобального спроса на уголь был пройден в 2014 г., вытеснение его из мирового энергетического баланса займет десятилетия. Развитые государства будут во все возрастающей степени руководствоваться климатическими соображениями и императивами снижения негативного влияния угольной энергетики на здоровье населения. Страны G7 уже отказались от государственного финансирования угольных проектов [38]. В то же время развивающиеся страны в целом будут развивать угольную энергетику для поддержания высоких темпов экономического роста. Вплоть до 2025 г. “деуглеза-ция” энергетики в развитых государствах будет одновременно сопровождаться развитием угольной энергетики в развивающихся странах (рис. 3). Глобальный спрос на уголь начнет снижаться только ближе к 2030 г., причем достаточно медленно. Даже к 2040 г. мировое потребление угля прогнозируется всего на 14% ниже уровня 2018 г.

Китай планирует пройти пик углепотребления к 2025 г., в дальнейшем будет сокращать спрос в период 15-й пятилетки (2026–2030 гг.) [40] и станет драйвером “деуглеза-ции” лишь после 2030 г. (рис. 4). Индия и многие другие развивающиеся страны продолжат наращивать потребление угля вплоть до 2040 г., если только в ближайшие годы мировое сообщество не предложит странам с низким уровнем развития новые ограничительные и стимулирующие механизмы для “деуглеза-ции” энергетики.

Еще до пандемии большинство развитых государств и ряд развивающихся стран начали проводить политику вытеснения угля из своих энергетических балансов, ограничивая выбросы оксидов серы, азота и мелкодисперсных частиц угольными электростанциями, вводя торговлю эмиссионными квотами и прямые налоги на выбросы. В по-

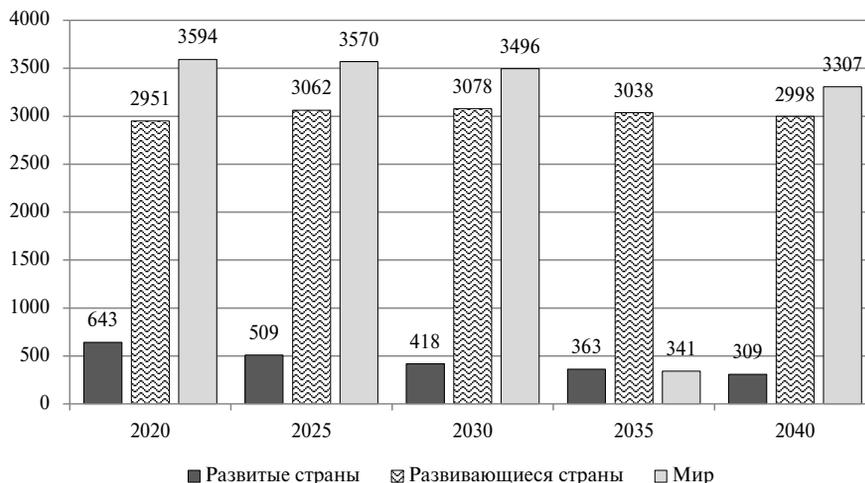

Рис. 3. Международное энергетическое агентство: прогнозы спроса на уголь до 2040 г., инерционный сценарий (*Stated Policies*), млн т н.э.

Рассчитано по: [4, 39].

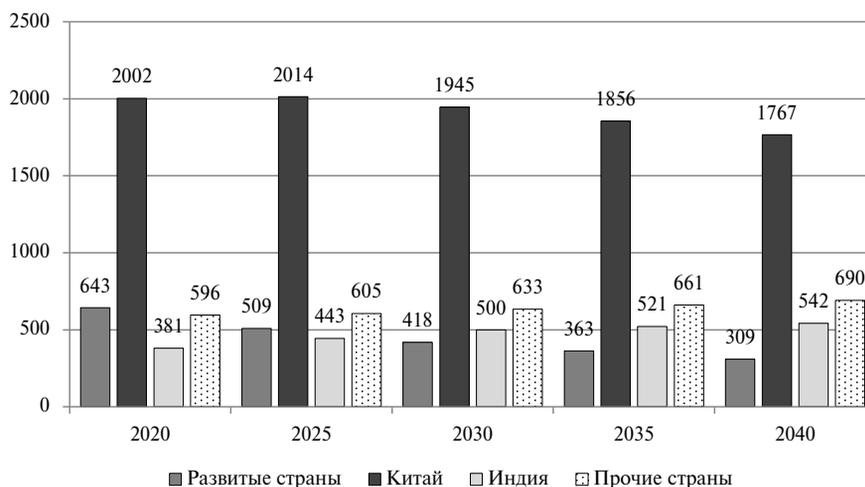

Рис. 4. Международное энергетическое агентство: прогнозы спроса на уголь до 2040 г., инерционный сценарий (*Stated Policies*), млн т н.э.

Рассчитано по: [4, 39].

следние несколько лет ограничение или прекращение финансирования угольных проектов было поддержано основными международными банками развития, а также коммерческими банками развитых стран Европы и Северной Америки. Ведущие мировые энергетические агентства, а также компании ожидают прохождения пика спроса на уголь до 2030 г. При этом восточно- и южноазиатские индустриальные страны, в первую очередь Китай, Индия и Индонезия, продолжают поддерживать использование угля в электроэнергетике. Все крупные экспортеры угля активно стимулируют добычу.

Пандемия ускорила “деуглезацію” энергетики в Европе, США и Канаде из-за угрозы здоровью

населения. Замедление роста мировой экономики станет фактором дальнейшего торможения спроса на уголь в странах — экспортерах промышленных товаров. В то же время стимулирование угледобычи приведет к снижению цен и поддержит спрос, который будет определять динамику угольной генерации до 2025 г. Можно предположить, что следующий локальный пик спроса на уголь окажется существенно ниже рекордного 2014 г. Динамика потребления угля во многом будет зависеть от Китая и Индии. Экспортеры неизбежно переориентируются на азиатский регион, требования к качеству угля существенно вырастут. Можно ожидать, что после 2025 г. “деуглезація” мирового топливно-энергетического баланса заметно ускорится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *BP Statistical Review of World Energy 2020*. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed 20.04.2021).
2. Горбачева Н. Угольная генерация в условиях нового индустриального развития. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 6, сс. 42-51. [Gorbacheva N. Coal-fired Power in the New Industrial Development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 42-51. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-42-51>
3. Жуков С.В., ред. *Азиатские энергетические сценарии 2030*. Москва, Магистр, 2012. 336 с. [Zhukov S.V., ed. *Asian Energy Scenarios 2030*. Moscow, Magistr, 2012. 336 p. (In Russ.)]
4. *Coal 2020*. Paris, International Energy Agency, 2020. 124 p.
5. *World Energy Balances 2020*. Available at: <https://www.iea.org/subscribe-to-data-services/world-energy-balances-and-statistics> (accessed 20.04.2021).
6. *ENTSO-E Transparency Platform*. Available at: <https://transparency.entsoe.eu/dashboard/show> (accessed 20.04.2021).
7. *Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009. Энергетика и устойчивое развитие*. Москва, 2010. 184 с. [*Human Development Report in the Russian Federation 2009. Energy and Sustainable Development*. Moscow, 2010. 184 p. (In Russ.)] Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/nhdr_russia_2009_russian.pdf (accessed 20.04.2021).
8. *Health Effects of Particulate Matter: Policy Implications for Countries in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia*. Geneva, World Health Organization, 2013. 20 p.
9. Casey J., Su J., Henneman L. et al. Coal-fired Power Plant Closures and Retrofits Reduce Asthma Morbidity in the Local Population. *Nature Energy*, 2020, vol. 5, pp. 365-366.
10. Markandya A., Wilkinson P. Electricity Generation and Health. *The Lancet*, 2007, vol. 370, iss. 9591, pp. 979-990.
11. Sovacool B.K., Andersen R., Sorensen S., Sorensen K., Tienda V., Vainorius A., Bjørn-Thygesen F. Balancing Safety with Sustainability: Assessing the Risk of Accidents for Modern Low-Carbon Energy Systems. *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol. 112, pp. 3952-3965.
12. Wu X., Nethery R., Benjamin M. et al. Exposure to Air Pollution and COVID-19 Mortality in the United States: A Nationwide Cross-sectional Study. *Preprints from medRxiv and bioRxiv*, 27.04.2020. 36 p.
13. *Insurers Distance from Adani Project amid Global Coal Backlash*. Bloomberg, 12.06.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-06-12/insurers-distance-from-adani-project-amid-global-coal-backlash> (accessed 20.04.2021).
14. *Transforming Industry Through CCUS2019*. Available at: <https://www.iea.org/reports/transforming-industry-through-ccus> (accessed 20.04.2021).
15. *Global Coal Plant Tracker*. Available at: <https://endcoal.org/global-coal-plant-tracker> (accessed 20.04.2021).
16. IEA Coal Clean Center. *HELE Technologies and Outreach in Japan and South Korea*. Available at: <https://www.iea-coal.org/report/hele-technologies-in-japan-and-south-korea-2> (accessed 20.04.2021).
17. IEA Coal Clean Center. *Power Plant Design and Management for Unit Cycling*. Available at: <https://www.iea-coal.org/report/power-plant-design-and-management-for-unit-cycling-2> (accessed 20.04.2021).
18. *IEA Subsidies Database*. Available at: <https://www.iea.org/topics/energy-subsidies> (accessed 20.04.2021).
19. *OECD Inventory of Support Measures for Fossil Fuels 2020*. Available at: <https://www.oecd.org/fossil-fuels/data> (accessed 20.04.2021).
20. Yang S., Shen F. China Mulls Coal Price Cuts to Ease Burden on Power Plants. *Bloomberg News*, 28.05.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-28/china-proposes-coal-price-cuts-to-ease-burden-on-power-producers> (accessed 20.04.2021).
21. *India 2020: Energy Policy Review*. Paris, International Energy Agency, 2020. 303 p.
22. *India Energy Outlook 2021. Review*. Paris, International Energy Agency, 2021. 251 p.
23. Proctor D. Poland Pushing Back Against EU Goal to End Coal-Fired Generation. *Power*, 31.10.2019. Available at: <https://www.powermag.com/poland-pushing-back-against-eu-goal-to-end-coal-fired-generation> (accessed 20.04.2021).
24. *Energy Policies of IEA Countries: Turkey 2016*. Paris, International Energy Agency, 2016. 223 p.
25. Иноземцев В. Дьявол в деталях: почему угольная отрасль в России осталась без обнадеживающих перспектив. *Forbes*, 14.07.2017. [Inozemtsev V. The Devil is in the Details: why the Coal Industry in Russia Has Left without Promising Prospects. *Forbes*, 14.07.2017. (In Russ.)] Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/347929-dyavol-v-detalyah-pochemu-ugolnaya-otrasl-v-rossii-ostalas-bez-obnadezhivayushchih> (accessed 20.04.2021).
26. Хусаинов Ф. Анализ доходности грузовых перевозок ОАО “РЖД”. *Экономика железных дорог*, 2018, № 7, сс. 36-48. [Husainov F. Profitability Analysis of Freight Traffic JSC “Russian Railways”. *The Railway Economics magazine*, 2018, no. 7, pp. 36-48. (In Russ.)] Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/252276844> (accessed 20.04.2021).
27. Питтсбургский саммит – заявление глав государств “Группы двадцати”. *Kremlin.ru*, 26.09.2009. [Pittsburgh Summit – Statement by the G20 Heads of State. *Kremlin.ru*, 26.09.2009. (In Russ.)] Available at: <http://kremlin.ru/supplement/300> (accessed 20.04.2021).

28. *Global CCS Institute CO2RE Database*. Available at: <https://www.globalccsinstitute.com/co2re/> (accessed 20.04.2021).
29. Butcher C. Europe: More Coal, Then Less. *Power*, 13.04.2012. Available at: <https://www.powermag.com/europe-more-coal-then-less> (accessed 20.04.2021).
30. *World Energy Outlook 2019*. Paris, International Energy Agency, 2019. 810 p.
31. *Climate Action 100+ Sign-on Statement*. Available at: <https://climateaction100.wordpress.com/investors> (accessed 20.04.2021).
32. Uddin M. Update on International Finance for Coal-Fired Power Plants. *IEA Clean Coal Centre*. Available at: <https://www.iea-coal.org/report/update-on-international-finance-for-coal-fired-power-plants-muhammad-uddin-dr-paul-zakkour-and-paul-lewington> (accessed 20.04.2021).
33. *Banking on Climate Change Fossil Fuel Finance Report Card 2017*. Washington, Oil Change International, 2017. 72 p. Available at: http://priceofoil.org/content/uploads/2017/06/Banking_On_Climate_Change_2017.pdf (accessed 20.04.2021).
34. *Banking on Climate Change Fossil Fuel Finance Report Card 2019*. Washington, Oil Change International, 2019. 110 p. Available at: <https://www.ran.org/bankingonclimatechange2019> (accessed 20.04.2021).
35. *Banking on Climate Change Fossil Fuel Finance Report Card 2020*. Washington, Oil Change International, 2020. 116 p. Available at: https://www.banktrack.org/article/banking_on_climate_change_fossil_fuel_finance_report_card_2020 (accessed 20.04.2021).
36. *Banking on Coal 2014*. Available at: https://www.banktrack.org/download/banking_on_coal_2014_pdf/banking_on_coal_2014.pdf (accessed 20.04.2021).
37. Baruya P. International Finance for Coal Fired Power Plants. *IEA Clean Coal Centre*. Available at: <https://www.iea-coal.org/report/international-finance-for-coal-fired-power-plants-ccc-277> (accessed 20.04.2021).
38. Group of Seven Agrees to Stop International Funding for Coal. *Bloomberg*, 21.05.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-21/g7-agrees-to-phase-out-fossil-fuel-subsidies> (accessed 20.04.2021).
39. *World Energy Outlook 2020*. Paris, International Energy Agency, 2020. 464 p.
40. Китай заявил о планах серьезно сократить использование угля. *Известия*, 22.04.2021. [China announced plans to seriously cut coal use. *Izvestiya*, 22.04.2021. (In Russ.)] Available at: <https://iz.ru/1155379/2021-04-22/kitai-zaiavil-o-planakh-serezno-sokratit-ispolzovanie-uglia> (accessed 20.04.2021).

END OF ENEGY COAL ERA

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 40-48)

Received 28.05.2021.

Mikhail V. SINITSYN,

ORCID 0000-0001-5630-0799, sinitsyn@imemo.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article analyses the process of coal crowding out of the world energy balance. In developed countries, the tendency towards the rejection of using energy coal accelerated in the end of 2000s under the pressure of climatic considerations. The global COVID-19 pandemic has led to the acceleration of the world energy balance restructuring at the expense of lowering demand for coal. Coal is crowded out from energy consumption for both climatic considerations as well as because of the strong harmful effect of coal power plants emissions on health. Developed and an increasing number of developing countries strengthen and expand complex of measures aimed at coal energy displacement: emissions trading systems and direct emissions tax, Coal Plant Directive and closures of coal mines. Decarbonisation has been accelerated after Pittsburgh Summit (2009) and Paris Agreement (2015). By 2020, developed countries have largely abandoned direct subsidies for coal consumption, and all major international development banks have limited their involvement in coal-fired generation and have stopped considering coal mining projects. Developing countries continue support coal consumption and production in order to maintain economic growth and employment. Excessive supply will lead to overstocking of the coal market, lower prices and slowdown of the decline in coal consumption after COVID-19. Although several largest economies in the Asian-Pacific Region, primarily China, India and Indonesia, continue to increase coal generation capacities (HELE plants), the analysis in the article shows that after the accomplishment of the recovery growth in the world economy by 2025, global demand for energy coal will start to steadily decline. China announced plans to curtail coal use after 2025, G-7 decided to stop financing coal projects. Meantime many developing countries with low level of income and modest financial capacities cannot afford to quit comparatively cheap coal quickly as a factor supporting economic growth. Increasing High-Efficiency, Low-Emissions coal plants demand is rapidly rising requirements to coal quality.

Keywords: coal, energy balance, low carbon paradigm, COVID-19, greenhouse gases emissions, US, China, European Union.

About author:

Mikhail V. SINITSYN, Junior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-40-48

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО СТРАН: РОЛЬ НАКОПИТЕЛЬНОГО ЭФФЕКТА РАСХОДОВ НА НИОКР И ЭФФЕКТА НЕПРЕРЫВНОСТИ ИМПОРТА

© 2021 г. С. Балашова, Н. Волгина

*БАЛАШОВА Светлана Алексеевна, кандидат физико-математических наук,
ORCID 0000-0003-1797-8825, balashova_sa@pfur.ru
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.*

*ВОЛГИНА Наталья Анатольевна, доктор экономических наук,
ORCID 0000-0002-4160-5992, volgina_na@pfur.ru
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.*

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта “Сравнительный анализ выгод и рисков встраивания национальных компаний в глобальные цепочки стоимости: на примере фармацевтической отрасли России, Беларуси и Казахстана” (№ 20-014-00011/20).

Статья поступила в редакцию 15.02.2021.

Цель исследования – выявление ключевых факторов, способствующих лидерству стран на мировом рынке фармацевтической продукции. С использованием эконометрического инструментария оценен вклад затрат на НИОКР и объемов импорта на объемы продаж на внешнем рынке в последующие периоды. Дана оценка накопительного эффекта от затрат на НИОКР. Показано, что непрерывность динамики импорта играет важную роль в обеспечении непрерывности динамики экспорта при участии компаний в международно фрагментированной фармацевтической цепочке.

Ключевые слова: фармацевтическое лидерство, *Big Pharma*, НИОКР, фрагментация производства, экспорт, импорт.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-49-59

Фармацевтическая отрасль является одной из ключевых отраслей современной мировой экономики. Она вносит существенный вклад в создание ВВП многих стран, в первую очередь тех, где расположены штаб-квартиры многонациональных компаний *Big Pharma*, в частности *Bayer, Johnson & Johnson, Takeda, Novartis, Pfizer, Roche, GlaxoSmithKline, Sanofi, AstraZeneca*. Они занимают лидирующие позиции в мировой фармацевтической промышленности.

Концепция лидерства широко используется в экономической и бизнес-литературе. Наиболее распространена она в менеджменте, где изучение руководителей компаний проводится с точки зрения наличия у них определенных профессиональных компетенций и личностных качеств, что, как считается, помогает компании добиваться намеченных целей или справляться с возникающими вызовами.

В экономических исследованиях термин “лидерство” чаще используется для того, чтобы показать, какие компании являются лидерами на рынке с точки зрения тех или иных показателей. Так, известный рейтинг *Forbes Global 2000* [1] ранжирует компании по продажам, прибылям, активам и рыночной стоимости. Российский вариант *Forbes* ежегодно публикует рейтинги 50 крупнейших

иностранных компаний в РФ и 200 крупнейших частных компаний России. В сентябре 2020 г. был опубликован первый рейтинг *Forbes* по 20 лучшим фармкомпаниям РФ [2], где выделены лидеры российского фармацевтического рынка (только отечественные компании, не включая российские предприятия глобальных конгломератов) по пяти критериям (методом весовых коэффициентов): выручка, чистая прибыль, количество зарегистрированных на компанию лекарственных препаратов и количество разрешений, выданных компании на проведение клинических испытаний.

В рамках академических исследований отраслевое лидерство стран и компаний часто определяется их положением в мировом производстве, но это лишь одна сторона медали. В данной статье мы предлагаем использовать термин “фармацевтическое лидерство” как отражение позиций компании или страны на мировом рынке с точки зрения зарубежных продаж. Экспортные продажи – лишь один из показателей лидерства компании или страны на мировом рынке, поскольку в нем обобщены другие результаты деятельности компании, в частности разработка лекарственных средств в тех или иных терапевтических областях, объемы фармпроизводства, вывод на рынок прорывных лекарственных средств.

Таблица 1. Топ-10 компаний по объему зарубежных продаж фармпродукции, 2018 г.

Компания	Страна базирования	Продажи, всего	Зарубежные продажи	Доля зарубежных продаж, %
		млн долл.		
<i>Johnson & Johnson</i>	США	81 581	58 295	71.5
<i>Roche Group</i>	Швейцария	58 089	57 448	98.9
<i>Novartis</i>	Швейцария	53 166	52 293	98.4
<i>Bayer</i>	Германия	46 704	42 198	90.4
<i>Sanofi</i>	Франция	42 092	39 259	93.6
<i>Pfizer</i>	США	53 647	28 318	52.8
<i>AstraZeneca</i>	Великобритания	23 091	20 593	89.2
<i>Teva</i>	Израиль	18 854	15 207	80.7
<i>Takeda</i>	Япония	18 908	13 760	72.8
<i>GlaxoSmithKline</i>	Великобритания	41 100	1231	3.0

Рассчитано по: [3].

Цель статьи – выявить ключевые факторы, которые в наибольшей степени обуславливают лидерство стран в мировой фармацевтической промышленности или на мировом фармацевтическом рынке. При этом мы делаем различие между страновым и фирменным фармацевтическим лидерством. В порядке дискуссии нами выдвинута гипотеза, что объемы национального фармацевтического экспорта зависят от внутренних расходов на НИОКР, которые осуществляют национальные компании, а также от объемов национального фармацевтического импорта, то есть от степени или глубины участия фармкомпаний в международных стоимостных цепочках. Проверим ее, опираясь на статданные государств, лидирующих по объему внешних продаж фармпродукции, с учетом масштаба НИОКР, проводимых национальными компаниями.

ЛИДЕРЫ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Отправным пунктом исследования является выделение фармацевтического лидерства на уровне компании, то есть лидерства на микроуровне. В табл. 1 представлены крупнейшие фармацевтические компании, ранжированные по стоимости зарубежных продаж в соответствии с данными статистической базы ЮНКТАД, которая считается одним из наиболее полных и надежных источников информации по деятельности многонациональных предприятий. Можно предположить, что страны, где расположены штаб-квартиры фармацевтических компаний-лидеров, такие как США, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания и др., будут являться фармацевтическими странами-лидерами, лидерами на макроуровне. Проверим это на данных фармацевтического экспорта стран и сравним, совпадает ли “национальность” фармацевтического лидера на микро- и макроуровнях.

В табл. 2 представлены данные о доли в мировом экспорте и стоимости экспорта фармацевтиче-

Таблица 2. Топ-10 стран по экспортным продажам фармпрепаратов, 2000 и 2018 гг.

Страна	Доля в мировом экспорте фармацевтической продукции, %		Экспорт фармацевтической продукции, млн долл.	
	2000	2018	2000	2018
Германия	12.7	15.4	13 496	97 080
Швейцария	9.4	12.5	9 964	78 953
Ирландия	4.6	8.7	4 899	54 675
США	12.1	8.1	12 785	51 453
Бельгия	6.37	7.87	6 770	49 573
Франция	9.4	5.5	10 032	34 480
Великобритания	10.1	5.3	10 638	33 174
Италия	6.0	4.6	6 352	29 283
Нидерланды	3.9	4.5	4 192	28 430
Дания	2.7	2.5	2 906	15 688
Мир (справочно)			106 315	630 186

Рассчитано авторами за 2018 г. или последний доступный год по [4].

ской индустрии ряда стран, которые можно считать лидерами фармацевтической отрасли на макроуровне. Видно, что за 18 лет мировой фармрынок вырос почти в 6 раз. На долю топ-10 стран в мировом экспорте фармацевтической продукции в 2018 г. приходилось 75% (в 2000 г. – 77%). Лидером устойчиво является Германия (15.4% мирового экспорта фармпродукции в 2018 г.). Высокие позиции занимает Швейцария, почти в 8 раз увеличившая национальный экспорт за период 2000–2018 гг. Вместе с тем в рассматриваемый период существенно ослабили позиции Франции и Великобритании.

Видно также, что с точки зрения “национальности” страновое фармацевтическое лидерство не всегда совпадает с фирменным. Хотя в табл. 2 присутствуют (правда, в ином порядке) все страны, где расположены штаб-квартиры *Big Pharma*, – США, Швейцария, Германия, Франция, Велико-

британия, в ней появляются Ирландия, Бельгия, Италия, Нидерланды, Дания, которые не являются государствами базирования крупнейших *Big Pharma*. Как объяснить феномен странового фармацевтического лидерства при отсутствии в стране фармацевтических компаний-лидеров?

Мы предполагаем, что ключевыми факторами в обеспечении странового лидерства являются национальные НИОКР в этой области и вовлеченность страны в сложную структуру мировой фармацевтической промышленности, где создание стоимости происходит в рамках производственно-сбытовых цепочек, звенья которых расположены не только в странах, где находятся штаб-квартиры компаний *Big Pharma*. Рассмотрим показатели, характеризующие объем выполняемых НИОКР в отрасли.

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ЗАТРАТЫ НА НИОКР

Фармацевтическая индустрия включает в себя частные фирмы, а также государственные организации, занимающиеся НИОКР, производством, упаковкой, логистикой и продажей лекарственных средств, то есть всеми видами деятельности, которые включены в цепочки создания стоимости. Фармпроизводство, а именно выпуск лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (код 21 по ОКВЭД 2¹, который соотносится с кодом *D21 Basic Pharmaceutical Products and Pharmaceutical Preparations* по классификации *ISIC REV.4*² и *C21* по классификации *NACE Rev.2*³), считается высокотехнологической отраслью.

Ключевым критерием определения технологического уровня (высокого, среднего, низкого) является интенсивность затрат на НИОКР. На микроуровне это отношение внутренних затрат фирмы (или отрасли) к объему продаж или к величине добавленной стоимости. На макроуровне для проведения межстранового сравнения оперируют отношением затрат на НИОКР к ВВП. Этот показатель отражает степень развития исследований и инноваций, осуществляемых в стране, с точки зрения затрат ресурсов.

По методологии ОЭСР, к высокотехнологичным относят отрасли с показателем интенсивности затрат на НИОКР более 7%. По данным ОЭСР, в период 1990–1999 гг. медианная интенсивность расходов на НИОКР в фармацевтической отрасли составляла 10.5% [5]. Расчеты авторов показыва-

ли, что в 2000–2018 гг. медианная интенсивность затрат на НИОКР по группе стран-лидеров составила более 16%, что говорит о возросшей роли НИОКР в фармпроизводстве.

Рассмотрим удельные и валовой показатели затрат на НИОКР в разбивке по странам-лидерам (табл. 3). Первые важны для сопоставления технологического уровня выпускаемой продукции. Величина затрат на НИОКР в стоимостном выражении характеризует их масштаб. Для межстранового сравнения стоимостные величины указываются в долларах США по паритету покупательной способности.

Таблица 3. Топ-10 стран по расходам на НИОКР в фармацевтической отрасли

Страна	Интенсивность затрат на НИОКР в частном секторе, %	Интенсивность затрат на НИОКР в фармацевтической отрасли, %	Расходы на НИОКР в фармацевтической отрасли, млн долл. по ППС, в текущих ценах
Германия	3.4	20.9	6253.2
Швейцария	3.3	16.1	4703.7
Ирландия	0.9	н/д	432.0
США	3.2	41.8	66202.0
Бельгия	3.0	31.9	2881.5
Франция	2.5	6.6	1083.9
Великобритания	1.9	2.9	556.0
Италия	1.5	6.5	872.7
Нидерланды	2.25	9.2	321.1
Дания	3.3	14.5	1414.4
Медианная интенсивность	2.75	14.5	

Рассчитано авторами за 2018 г. или последний доступный год по [4, 6].

Как следует из представленных данных, страны – лидеры в фармацевтике имеют достаточно высокие показатели интенсивности затрат на НИОКР по всем секторам экономики (медианная интенсивность – 2.75%, что выше, чем по всем странам ОЭСР). Интенсивность затрат на НИОКР в фармацевтической отрасли очень высока (медианный показатель – 14.5% в 2018 г.), так как процесс поиска и разработки новых лекарств исключительно капиталоемкий. Затраты на НИОКР в удельном и стоимостном выражении сильно различаются в страновом разрезе.

Обращает на себя внимание огромная величина расходов на фармацевтические НИОКР в США – более чем в 10 раз больше, чем в ФРГ. Можно было бы ожидать и первенства США по объемам зарубежных продаж. Однако по этому показателю прочно лидирует Германия (см. табл. 2).

¹ Классификация видов экономической деятельности в российской статистике.

² Классификация отраслей в базах данных ОЭСР.

³ Классификация отраслей в базах данных *EuroStat*.

На наш взгляд, ситуацию можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, США обладают огромным внутренним рынком (по данным ОЭСР, в 2012 г. расходы на лекарственные средства составили 1.8% ВВП, то есть более 1000 долл. на душу населения), что позволяет замещать зарубежные продажи внутренними. Во-вторых, процесс вывода на американский рынок новых лекарственных препаратов многоступенчатый, он требует огромных затрат не только на разработку, но и на клинические испытания. Длительность и капиталоемкость процесса снижают эффективность фармацевтических НИОКР в США и часто оборачиваются кризисом производительности [7].

Следует подчеркнуть высокую интенсивность и большие стоимостные объемы затрат на НИОКР в Бельгии и Дании. Эти государства не имеют в своей юрисдикции глобальных фармацевтических компаний, но тем не менее входят в топ-10 лидеров по экспортным продажам фармпродукции.

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ИМПОРТ СОЗДАЕТ ЭКСПОРТ

В выдвинутой нами гипотезе мы предполагаем, что страновой фармацевтический экспорт зависит не только от страновых затрат на НИОКР, но и от участия страны в международно фрагментированной архитектуре фармацевтической промышленности, где создание стоимости распределяется по всей длине фармацевтической цепочки, отдельные звенья которой размещаются не только в странах, где расположены штаб-квартиры компаний *Big Pharma*.

В последние десятилетия во многих отраслях международного производства произошли изменения, связанные с процессами глобальной и региональной фрагментации и распространением трансграничных цепочек стоимости при производстве товаров и услуг [8, 9, 10, 11, 12]. Это сопровождалось сдвигами в международной торговле, где существенно возросла доля промежуточных товаров за счет сокращения доли товаров конечного спроса. Для многих отраслей все более характерна глобальная воспроизводственная модель, где импортные промежуточные компоненты для экспортного продукта производятся в различных странах. Конкурентоспособность отраслей, участвующих в международной фрагментации (глобальных цепочках создания стоимости), во многом зависит от дешевого и качественного, то есть конкурентоспособного, импорта [12]. Это означает, что конкурентоспособный импорт создает конкурентоспособный экспорт.

Фармацевтическая отрасль не стала исключением. В последнее десятилетие здесь активно развива-

ются процессы аутсорсинга: все больше фармацевтических услуг отдается на исполнение независимым контрактным организациям, от проведения исследований и испытаний до розничных продаж на целевых розничных национальных рынках [13].

Анализ таблиц структуры взаимной торговли (*Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use OECD*) показывает, что в странах – лидерах мирового рынка значительная часть импорта фармацевтической продукции – не готовый, а промежуточный продукт для последующего национального производства и, возможно, последующего экспорта. Рассмотрим подробнее взаимосвязь между экспортом и импортом в фармацевтической отрасли для рассматриваемой группы стран.

Динамика экспорта и импорта топ-10 стран приведена на рис. 1. Для всех стран-лидеров, за исключением США и Италии, экспорт превышает импорт практически на всем рассматриваемом периоде (отрицательное сальдо торгового баланса по фармацевтической продукции наблюдается у Великобритании в 2014 г. и с 2016 по 2018 г.). В основном темпы роста экспорта соответствуют темпам роста импорта. Исключение составляют Ирландия и Швейцария, где темпы роста импорта существенно ниже темпов роста экспорта.

Количественный анализ показывает, что текущий экспорт наиболее тесно коррелирует с импортом предыдущего года, что позволяет выдвинуть гипотезу о влиянии объемов импорта на последующие объемы экспорта за счет участия страны во фрагментированном производстве. Важное условие наращивания объемов экспорта – монотонность динамики импорта. Особенно наглядно это видно на примере Нидерландов: резкие колебания импорта сопровождаются резкими колебаниями экспорта. В то же время устойчивый рост объемов экспорта в таких странах, как Дания и Швейцария, сопровождается непрерывно возрастающими (хотя и меньшими темпами) объемами импорта.

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ ЭКСПОРТА

Предварительный качественный и количественный анализ статистических данных показал, что при моделировании объемов национального фармацевтического экспорта одним из факторов является объем импорта промежуточных товаров. Чтобы учесть производственный цикл, он должен включаться в модель с лагом. Импорт конечной продукции также стимулирует экспорт, так как отражает специализацию отрасли. Поэтому в качестве первой объясняющей переменной был выбран им-

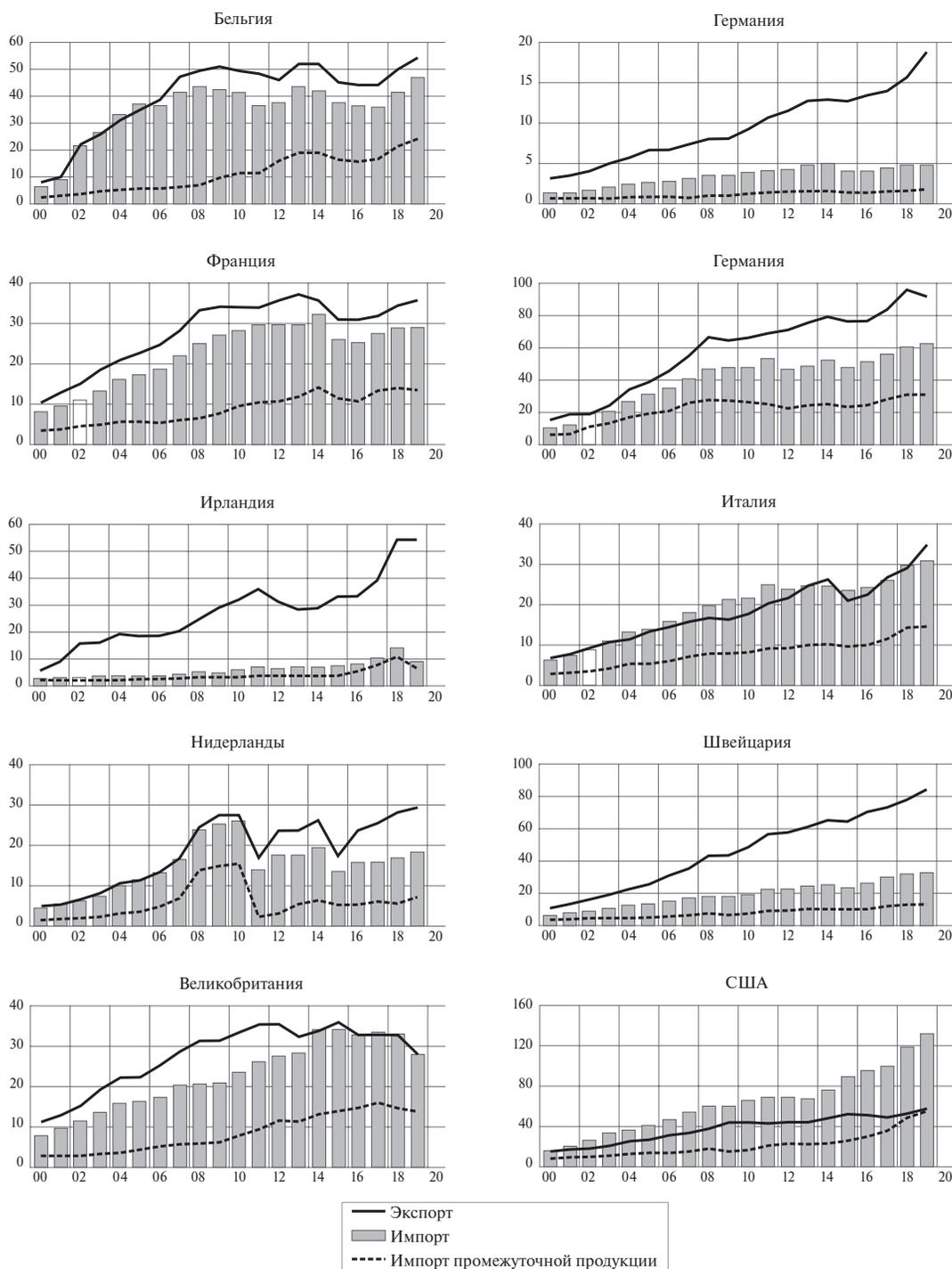

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта фармацевтической продукции стран-лидеров, тыс. долл., 2000–2020 гг.

Рассчитано по: [4].

порт фармацевтических товаров (промежуточного и конечного назначения) предшествующего года.

В качестве второй объясняющей переменной были выбраны затраты на НИОКР в фармацевтической отрасли. Затраты на НИОКР дают конечный результат в виде экспортной продукции лишь спустя 5–10 лет [14]. Однако важны не столько их объем

в конкретный период, сколько накопленная сумма и монотонность временного ряда. Разовые, даже крупные затраты на НИОКР в отдельном году не могут принести долговременной отдачи, поскольку на рынке сильна конкуренция. Надо постоянно работать над новыми технологиями и продуктами, чтобы удерживать лидерство. Поэтому в качестве

объясняющей переменной в модели выбрана 5-летняя скользящая средняя расходов на НИОКР.

Анализ временных рядов расходов на НИОКР для каждой страны показывает, что текущие расходы зависят от расходов предыдущих периодов. И 5-летняя скользящая средняя вбирает в себя величину расходов предыдущих периодов. Для межвременного и межстранового сопоставления использована величина расходов на НИОКР в постоянных долларах по ППС. Источником данных является база данных *Main Science and Technology Indicators* [4].

В работе [15] показано, что существует долгосрочная взаимосвязь между экспортом и импортом для стран ЕС. Мы предполагаем, что эта долгосрочная связь существует не только для стран ЕС, но и для всех стран, активно участвующих в международном обмене, в особенности в такой отрасли, как фармацевтика, где создание стоимости распределено между странами в соответствии с их специализацией и участием в международном разделении труда.

Примем следующее уравнение для моделирования объемов экспорта:

$$\text{Log}(\text{Export}_{it}) = \beta_{1i} + \beta_2 \text{Log}(\text{Import})_{i,t-1} + \beta_3 \text{Log}(\text{movRD})_{it} + \varepsilon_{it}. \quad (1)$$

Здесь Export_{it} – экспорт страны i ($i = 1, 2, \dots, 10$) (в году t ($t = 1$ для 2000 г.); $\text{Import}_{i,t-1}$ – импорт фармацевтических товаров (промежуточного и конечного назначения) предшествующего года; movRD – 5-летняя скользящая средняя расходов на НИОКР в фармацевтической отрасли данной страны; Log – натуральный логарифм, то есть параметры модели β_2 и β_3 имеют смысл эластичностей экспорта по импорту фармацевтических товаров предыдущего периода и средним расходам на НИОКР соответственно. Использование прологарифмированных переменных, кроме того, позволяет снизить проблему гетероскедастичности, которая неизбежно возникает при включении в выборку стран с разными масштабами экономик.

Таблица 4. Оценка параметров уравнения (1) различными методами

Переменная	Метод наименьших квадратов с фиксированным эффектом <i>LSDV</i>	Взвешенный метод наименьших квадратов с фиксированным эффектом <i>WLSDV</i>	Полностью модифицированный метод наименьших квадратов <i>FMOLS</i> с коррекцией гетероскедастичности
$\text{Log}(\text{Import})_{i,t-1}$	0.74*** (0.04)	0.73*** (0.03)	0.76*** (0.03)
$\text{Log}(\text{movRD})_{it}$	0.20*** (0.07)	0.22*** (0.05)	0.20*** (0.04)
R^2 (коэффициент детерминации)	0.93	0.94	0.92
Число наблюдений	153	153	143

*** – значимость оценок параметров на уровне 1%. В скобках приведены стандартные ошибки коэффициентов.

Составлено авторами.

Параметр β_{1i} отражает влияние на экспорт постоянных, специфичных для каждой страны, так называемых латентных факторов. ε_{it} – случайная составляющая модели, свойства которой, вообще говоря, определяют метод оценки параметров уравнения (1).

Заметим, что 5-летняя скользящая средняя расходов на НИОКР имеет постоянную эластичность по 5-летней скользящей средней валовой добавленной стоимости в фармацевтической отрасли movVA для рассматриваемой группы стран, что следует из оценки уравнения (2):

$$\text{Log}(\text{movRD})_{it} = \alpha_{1i} + \alpha_2 \text{Log}(\text{movVA})_{it} + \varepsilon_{it}. \quad (2)$$

Ряды динамики, входящие в уравнение (2), интегрированы, что подтверждается тестом Энгла–Грэнджера для панельных данных [16]. Оценка методом *FMOLS* (*Fully Modified Least Squares*) [17] показывает, что вариация movRD на 98% объясняется вариацией movVA , а оценка параметра α_2 равна единице.

Во избежание мультиколлинеарности и для определения влияния именно затрат на НИОКР на объемы национального экспорта мы рассматриваем movRD в качестве объясняющей переменной в модели (1) и не включаем movVA .

В табл. 4 приведены оценки параметров уравнения (1) тремя различными методами. В первом столбце приводятся оценки методом наименьших квадратов с фиксированным эффектом для панельных данных (*LSDV, least squares dummy variables*). В этом методе предполагается, что случайная составляющая ε_{it} имеет постоянную дисперсию и не коррелирует со своими предыдущими наблюдениями или с наблюдениями другой пространственной размерности (ошибки модели для каждой страны и каждого момента времени не зависят от ошибок для другой страны/другого момента времени). Во втором столбце приведены оценки взвешенным методом наименьших квадратов (*WLSDV, weighted least squares dummy variables*), где ослабляются предположения метода *LSDV*,

а именно считается, что дисперсии случайной составляющей различны для различных пространственных наблюдений, те принимается во внимание проблема гетероскедастичности.

При оценке панельных данных, как и при оценке моделей по данным временных рядов, возникает проблема, связанная со свойствами временного ряда. Если временной ряд нестационарен, то регрессионная модель может оказываться ложной, например, в том случае, когда ряды динамики, входящие в модель, имеют общий временной тренд, но непосредственно не зависят один от другого. Тем не менее даже между нестационарными переменными может быть долгосрочное коинтегрирующее соотношение, если случайная составляющая модели является стационарным временным рядом. Оценки модели методом наименьших квадратов в случае коинтеграции могут иметь “плохие” свойства на коротких выборках. В этом случае применяется полностью модифицированный метод наименьших квадратов (*FMOLS*). Кроме того, при оценке, приведенной в столбце 3 табл. 4, учтена возможная гетероскедастичность пространственных данных.

Как видно из результатов, приведенных в табл. 4, оценки параметров модели (1) незначительно отличаются при различных предположениях относительно случайной составляющей. Это говорит в пользу робастности полученных результатов. Анализ рядов динамики, входящих в уравнение (1), говорит о целесообразности использовать *FMOLS* для оценок параметров модели. Полученные оценки выражают долгосрочную тенденцию, отклонения от которой корректируются в силу стационарности временного ряда случайной составляющей модели.

Рассмотрим краткосрочное и накопленное влияние выделенных в модели факторов на изменение объемов экспорта.

Оценка эластичности экспорта по импорту показывает, что увеличение импорта в предыдущем периоде на 1% ведет к увеличению экспорта на 0.76% при неизменности расходов на НИОКР. При увеличении объемов импорта в течение 5 предшествующих лет на 1% и сохранении структуры распределения импорта между конечным и промежуточным потреблением объем экспорта возрастает за 5 лет в среднем на 3.8%. Эти результаты говорят о важной составляющей импорта в наращивании объемов экспорта для стран – лидеров фармацевтического рынка. Мы видим, что непрерывный рост импорта может дать существенный вклад в рост объемов экспорта последующих периодов.

Эффект от расходов на НИОКР на объем экспорта гораздо ниже. Увеличение 5-летней скользящей средней на 1% означает ежегодное увеличение расходов на НИОКР на 1%. Это ведет к росту экс-

порта на 0.2% при неизменных объемах импорта, а накопительный эффект от ежегодного роста расходов на НИОКР в среднем составляет 1% за 5 лет. Однако даже эти оценки несколько завышены, поскольку в уравнении (1) опущена переменная “валовая добавленная стоимость” (ВДС), существенная для определения величины экспорта. Как уже отмечалось, расходы на НИОКР и ВДС тесно коррелируют, что не позволяет включить обе эти переменные в уравнение (1). Но невключение ВДС приводит к смещению вверх оценок коэффициента β_3 в уравнении (1).

Полученные низкие оценки вклада расходов на НИОКР в изменения объемов экспорта фармацевтической продукции согласуются с выводами ряда авторов, которые исследовали продуктивность НИОКР в фармацевтике (см. пионерские работы [18, 19]). Результаты исследований, приведенные в работе [20], показывают, что существует некий порог, ниже которого затраты на НИОКР не дают отдачи.

Заметим, что для оценки их эффективности/продуктивности надо также учитывать ограничения со стороны национальных регуляторов, которые очень требовательны к действенности и безопасности новых препаратов, которые компании выводят на рынок. Поэтому часть затрат идет не на разработку новых препаратов, а на проведение их клинических испытаний. Когда же новый эффективный препарат выходит на национальный, а затем и мировой рынок, появляется возможность получения монопольной прибыли для компании-инноватора как отложенный эффект от произведенных в прошлом расходов на НИОКР.

На рис. 2 приведены среднегодовые темпы роста экспорта и импорта стран – лидеров мирового фармацевтического рынка за период 2000–2018 гг., а также интенсивность расходов на НИОКР в фармацевтической индустрии этих стран⁴. Видно, что для стран, которые увеличили за рассматриваемый период свою долю на мировом рынке (страны, “опережающие рынок”), темпы роста национального экспорта опережали темпы роста мирового экспорта (который составил 10.4%) и в большинстве случаев опережали темпы роста национально-го импорта.

К странам, опережавшим рынок в период 2000–2018 гг., относятся Германия, Швейцария, Ирландия, Бельгия, Нидерланды: все они имели темпы роста фармацевтического экспорта выше, чем темпы роста мирового рынка. Заметим, что в группу “опережающих” стран попали как государства, в которых базируются штаб-квартиры

⁴ В открытом доступе недостаточно данных для расчета интенсивности затрат на НИОКР в фармацевтической отрасли Ирландии.

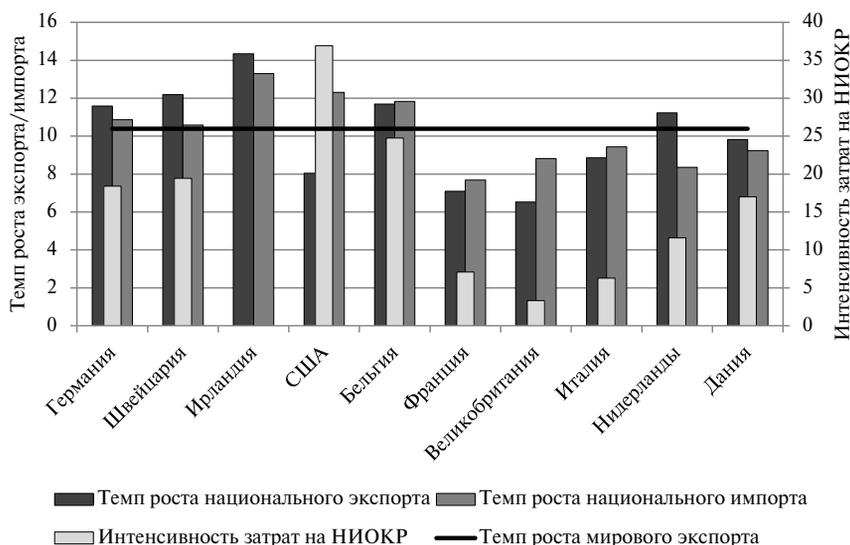

Рис. 2. Среднегодовые темпы роста экспорта и импорта фармацевтической продукции стран-лидеров (левая ось) и медианная интенсивность затрат на НИОКР (правая ось), %, 2000–2018 гг.

Рассчитано по: [4, 6].

мультинациональных компаний *Big Pharma* (Германия, Швейцария), так и те, где они отсутствуют (Бельгия, Ирландия, Нидерланды).

Для дальнейшей детализации в определении влияния импорта и расходов на НИОКР на экспорт фармацевтической продукции мы оценили параметры уравнения (1) для каждой из опережающих стран в отдельности. Точнее, оценки получены для Бельгии, Германии и Швейцарии. Ирландия и Нидерланды не попали в оценочный процесс, поскольку у них нет официальных данных о расходах на НИОКР в фармацевтике до 2008/2009 г. Поэтому ряд наблюдений достаточно короткий и не позволяет получить достоверных оценок параметров уравнения (1).

Оценки, приведенные в табл. 5, получены методом *FMOLS*. Предварительно была проведена проверка на наличие коинтегрирующего соотношения методом Энгла–Йоргенсена. Сравнение оценок, приведенных в табл. 4, с оценками, приведенными

в табл. 5, говорят о том, что для Бельгии мы имеем оценки эластичности экспорта по импорту предыдущего периода и расходам на НИОКР, близкие к оценкам, которые отражают общую тенденцию в группе стран – лидеров фармрынка.

Мы уже отмечали, что затраты на НИОКР имеют накопительный эффект. И Бельгия в последние годы активно увеличивает расходы на исследования (с 520 млн в 2000 г. до 2230 млн евро в 2017 г., то есть в 4.3 раза в текущих ценах). За это же время бельгийский импорт фармацевтической продукции вырос в 5.4 раза, а экспорт – в 5.6 раза.

Швейцария показывает достаточно низкую взаимосвязь экспорта с импортом и высокую эластичность по расходам на НИОКР. Это говорит о высокой продуктивности сектора исследований в этой отрасли. Скорее всего, это связано с наличием большого количества патентов у фармацевтических компаний Швейцарии. Однако это предположение требует дополнительной проверки.

Таблица 5. Оценка параметров уравнения (1) для стран с опережающими темпами роста экспорта, период оценки 2002–2019 гг.

Переменная	Бельгия	Германия	Швейцария ¹
$\text{Log}(\text{Import})_{i,t-1}$	0.59*** (0.09)	0.42*** (0.18)	0.36** (0.15)
$\text{Log}(\text{movRD})_{it}$	0.23** (0.1)	2.1*** (0.62)	1.4*** (0.26)
R^2 (коэффициент детерминации)	0.85	0.98	0.99

Значимость оценок параметров: *** – на уровне 1%; ** – на уровне 5%. В скобках приведены стандартные ошибки коэффициентов.

¹ Данные о расходах на НИОКР Швейцарии публикуются с периодичностью раз в 2 года (до 2015 г. – раз в 4 года). Поскольку динамика таких расходов может быть охарактеризована как монотонно возрастающая, для заполнения пропусков в рядах применена линейная интерполяция (в постоянных ценах по ППС) и рассчитана 5-летняя скользящая средняя.

Составлено авторами.

Наибольшее отклонение от показателей по группе стран в целом имеет Германия. Взаимосвязь между объемами экспорта и импорта здесь ниже, чем для группы стран в целом: при росте импорта на 1% экспорт растет на 0.4% при неизменности расходов на НИОКР. Однако эластичность по расходам на них очень высокая: 2%-й рост экспорта при 1%-м росте затрат в течение 5 лет. Такая ситуация может объясняться как результативностью проводимых в Германии исследований и высокой отдачей от НИОКР (пример, вакцина против *SARS-CoV-2* от немецкого стартапа), так и значительной долей исследований, отданных на аутсорсинг в другие страны (расходы на НИОКР в этом случае не попадают в национальную статистику).

* * *

В статье была предпринята попытка выявить роль двух важнейших факторов, обеспечивающих лидерство страны на глобальном фармацевтическом рынке, под которым понимается объем экспортных продаж. Первый фактор — это участие в отраслевом международном разделении труда, которое характеризуется сочетанием больших объемов экспорта и соответствующих объемов импорта фармацевтической продукции.

Для завоевания лидерства на рынке такой наукоемкой продукции, какой является продукция фармацевтической отрасли, компании (при прямой или косвенной поддержке государства) должны поддерживать высокий уровень научных исследований в этой области. Поэтому вторым фактором обеспечения лидерства является объем проводимых НИОКР в отрасли. Нами предложен метод учета накопительного эффекта от расходов на НИОКР. Использование скользящей средней за 5-летний период позволяет, с одной стороны, сгладить связанные с конъюнктурой колебания

в распределении финансирования НИОКР во времени, а с другой стороны, учесть достаточно длительный период отдачи от вложений в НИОКР в этой области исследований.

Для анализа были выделены две группы стран-лидеров (по объему зарубежных продаж): страны, где расположены штаб-квартиры фармацевтических компаний-лидеров, такие как США, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, и страны, занимающие заметную долю мирового рынка, но не имеющие компаний *Big Pharma* (такие как Бельгия, Италия, Нидерланды, Дания). Результаты проведенного эконометрического анализа сводятся к тому, что у обеих групп стран есть общие факторы, определяющие объемы экспорта, и взаимозависимость экспорта и импорта тесна для всех стран-лидеров.

Такой вывод означает, что страны, не имеющие на своей территории штаб-квартир компаний *Big Pharma*, к которым относятся, в частности, Россия, Казахстан и Беларусь, имеют окна возможностей для того, чтобы интегрироваться в мировой фармацевтический рынок за счет роста экспортных продаж. Для этого необходимо либо осуществлять постоянные расходы на НИОКР в ключевых фармацевтических областях (что представляется маловероятным в кратко- или даже среднесрочной перспективе), либо встраиваться в международно фрагментированную систему фармацевтического производства, выполняя на контрактной основе функции, необходимые для всей фармацевтической цепочки и получая соответствующую долю добавленной стоимости. По такому пути пошла, в частности, Ирландия, которая за счет участия в цепочке создания стоимости, в первую очередь в биофармацевтической цепочке, смогла занять лидирующие позиции на мировом фармацевтическом рынке и удерживать звание “страны, опережающей рынок”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. GLOBAL 2000. The World's Largest Public Companies. *Forbes*, 13.05.2020. Available at: <https://www.forbes.com/global2000/#14918356335d> (accessed 10.01.2021).
2. Попов И., Ганжур Е., Злобин А., Березанская Е. *20 Лучших фармкомпаний России: первый рейтинг Forbes*. [Popov I., Ganzhur E., Zlobin A., Berezanskaya E. *20 best pharmaceutical companies in Russia: first Forbes rating*. (In Russ.)] Available at: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/408079-20-luchshih-farmkompaniy-rossii-pervyy-reyting-forbes> (accessed 10.01.2021).
3. *World Investment Report*. New York, Geneva, UNCTAD, 2019. Available at: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2019> (accessed 10.01.2021).
4. *Main Science and Technology Indicators*. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB (accessed 10.01.2021).
5. Galindo-Rueda F., Verger F. *OECD Taxonomy of Economic Activities Based on R&D Intensity*. OECD Science, Technology and Industry Working Papers no. 2016/04, Paris, OECD, 2016. Available at: <https://doi.org/10.1787/5jlv73sqqp8r-en> (accessed 10.01.2021).
6. *Analytical Business Enterprise R&D Database (ANBERD)*. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=ANBERD_REV4 (accessed 10.01.2021).
7. Мамедьяров З.А. Инструменты государственной инновационной политики в фармацевтической отрасли США и ЕС. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 2017, № 1 (29), сс. 105-114. [Mamedyarov Z.A. Public Innovation

- Policy In The Pharmaceutical Industry: The Cases of the EU and USA. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, 2017, no. 1 (29), pp. 105-114. (In Russ.) DOI: 10.18184/2079-4665.2017.8.1.105-114
8. *Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains*. Paris, OECD, 2013. 269 p. DOI: 10.1787/9789264189560-en
 9. *Global Value Chains in a Changing World*. Geneva, WTO, 2013. 433 p. DOI: 10.30875/0b68ab34-en
 10. *Global Value Chain Development Report*. Geneva, WTO, 2019. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvcd_report_19_e.htm (accessed 10.01.2021).
 11. *Global Value Chain Development Report*. Geneva, WTO, 2017. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvcd_report_17_e.htm#:~:text= (accessed 10.01.2021).
 12. *Trading for Development in the Age of Global Value Chains*. Washington, World Bank, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (accessed 10.01.2021).
 13. Волгина Н.А. Фармацевтическая цепочка создания стоимости: возможности для аутсорсинга. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*, 2021, № 1, т. 29, сс. 150-163. [Volgina N.A. Pharmaceutical value chain: opportunities for outsourcing. *RUDN Journal of Economics*, 2021, no. 1, vol. 29, pp. 150-163. (In Russ.)]
 14. Балашова С.А. Оценка влияния государственной системы финансирования НИОКР на предпринимательский сектор (на примере стран ОЭСР). *Прикладная эконометрика*, 2015, № 2 (38), сс. 64-82. [Balashova S.A. The impact of public R&D policy on business-funded R&D (case of OECD countries). *Applied Econometrics*, 2015, no. 2 (38), pp. 64-82. (In Russ.)] Available at: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0266.html> (accessed 10.01.2021).
 15. Afonso A., Huart F., Jalles J.T., Stanek P. Long-run Relationship between Exports and Imports: Current Account Sustainability Tests for the EU. *Portuguese Economic Journal*, 2020, no. 19, pp. 155-170. DOI: 10.1007/s10258-019-00168-x
 16. Engle R.F., Granger C.W.J. Co-integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing. *Econometrica*, 1987, no. 55 (2), pp. 251-276. DOI: 10.2307/1913236
 17. Phillips P.C.B. Fully Modified Least Squares and Vector Autoregression. *Econometrica*, 1995, no. 63 (5), pp. 1023-1078. DOI: 10.2307/2171721
 18. Munos B. Lessons from 60 Years of Pharmaceutical Innovation. *Nature Reviews Drug Discovery*, 2009, no. 8 (12), pp. 959-968.
 19. Pammolli F., Magazzini L., Riccaboni M. The Productivity Crisis in Pharmaceutical R&D. *Nature Reviews Drug Discovery*, 2011, no. 10 (6), pp. 428-438. DOI: 10.1038/nrd3405
 20. Grant K., Matousek R., Meyer M., Tzeremes N.G. Research and Development Spending and Technical Efficiency: Evidence from Biotechnology and Pharmaceutical Sector. *International Journal of Production Research*, 2020, no. 58 (20), pp. 6170-6184. DOI: 10.1080/00207543.2019.1671623

**PHARMACEUTICAL LEADERSHIP OF COUNTRIES:
ROLE OF ACCUMULATIVE EFFECT OF R&D EXPENDITURES
AND EFFECT OF IMPORTS CONTINUITY**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 49-59)

Received 15.02.2021.

Svetlana A. BALASHOVA,

ORCID 0000-0003-1797-8825, balashova_sa@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

Natalia A. VOLGINA,

ORCID 0000-0002-4160-5992, volgina_na@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the RFFI as part of the research project "Comparative analysis of the benefits and risks of embedding national companies in global value chains: on the example of the Russian pharmaceutical industry. Belarus and Kazakhstan" (no. 20-014-00011/20).

The pharmaceutical industry is one of the key sectors of the world modern economy, both in terms of its innovativeness and in terms of its contribution to GDP. Many countries and companies strive to achieve pharmaceutical leadership in the global market, by which we mean the volume of foreign sales (we distinguish between country and corporate pharmaceutical leadership). The aim of this article is to identify a number of factors that (to one degree or another) determine the leadership of countries in the global pharmaceutical industry or in the global pharmaceutical market. We hypothesize that the volume of national pharmaceutical exports depends on domestic R&D expenditures carried out by national companies, as well as on the volume of national pharmaceutical imports, that is, on the degree or depth of participation of pharmaceutical companies in the internationally fragmented pharmaceutical chain. Based on the conducted econometric analysis, the authors come to the conclusion that both R&D expenditures and participation in fragmented production have a significant impact on the volume of national pharmaceutical exports. At the same time, in the latter case, the effect of the continuous growth of imports of previous periods for the growth of exports of subsequent periods gets special significance. In the case of R&D expenditures, a special role is played by the cumulative

effect of these costs, rather than individual, albeit large investments in pharmaceuticals. When modelling the volumes of pharmaceutical exports, the countries “outpacing” the market were identified, that is, countries with the rates of national pharmaceutical exports exceeding the world ones. Among them were both countries where the headquarters of Big Pharma are located, and countries where there are no major pharmaceutical companies leading. This conclusion means that countries that do not have the headquarters of Big Pharma companies on their territory, which include, in particular, Russia, Kazakhstan and Belarus, also have certain potential windows of opportunity to take a leading position in the global pharmaceutical market.

Keywords: pharmaceutical leadership, Big Pharma, R&D, fragmentation of production, exports, imports.

About authors:

Svetlana A. BALASHOVA, Cand. Sci. (Physics and Math.)

Natalia A. VOLGINA, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-49-59

БИОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

© 2021 г. В. Сауткина

САУТКИНА Вера Алексеевна, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0002-6891-7726, vera-sautkina@yandex.ru
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021.

Во всем мире идет процесс интенсивного поиска эффективных мер по преодолению кризисных явлений в общественном здравоохранении. В данной статье рассматриваются наметившиеся в мире тенденции перестройки сложившего ранее ландшафта оказания медицинской помощи. Показано, что изменения начались как на клиническом, так и на организационном уровнях. Внутри медицинского сообщества существуют вполне обоснованные опасения относительно использования искусственного интеллекта (ИИ) и других инноваций в качестве диагностического инструмента и обработки огромного массива личных данных пациентов. Поэтому ключевым моментом для применения таких технологий становится обеспечение активного взаимодействия разработчиков программного обеспечения и других медицинских изделий с клиницистами, призванными обеспечить безопасность их применения для пациентов. Автор приходит к выводу, что значительным барьером для расширения использования биоинформационных технологий становится отсутствие четкой нормативной базы, чтобы и медики, и разработчики имели “правила дорожного движения”. Для обеспечения таких условий необходимо, чтобы начавшиеся преобразования проходили под постоянным научным наблюдением.

Ключевые слова: биоинформационные технологии, общественное здравоохранение, виртуальная медицинская помощь, цифровая медицина.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-60-68

В условиях чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, вызванной пандемией *COVID-19*, медицинские учреждения во всех странах были вынуждены переосмысливать прежние приемы оказания медицинской помощи. Пришлось внедрять новые технологии не только лечения, но и управления процессами экстренного размещения огромного потока пациентов, поиска источников финансирования связанных с этим затрат.

Стремительное продвижение прикладных цифровых технологий в реальную клиническую практику становится причиной повышенного интереса инвесторов, которые вкладывают свои средства в еще не отработанные технологии. Поспешность в захвате новых рынков без разработки новых нормативных и компенсационных механизмов чревата высокими рисками не только для их капиталов, но и для безопасности здоровья пациентов. По мере расширения начавшейся цифровой трансформации в медицинской сфере возрастает потребность давать всесторонний анализ достижений и неудач применяемых в мире моделей, актуализировать опыт различных стран, который необходимо рассматривать в контексте особенностей национальных систем здравоохранения и экономики в целом.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЛАНДШАФТА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В настоящее время начался сложный путь проникновения новейших технологий в различные сферы деятельности. Процесс трансформации систем общественного здравоохранения связан с необходимостью связать биоинформационные, медицинские и телекоммуникационные технологии и направить их на формирование принципиально новых форм и видов оказания медицинской помощи. Сложившийся ранее ландшафт оказания медицинских услуг меняется: искусственный интеллект (ИИ), интернет медицинских устройств (*IoMT*), цифровая и виртуальная реальность создают новые возможности для бизнеса, способного увеличивать эффективность системы здравоохранения, расширять границы результативности мониторинга состояния организма и повышать качество и безопасность лечения.

С невиданным ускорением появляются новые участники рынка, способные модифицировать сложившиеся до того традиции оказания медицинской помощи. Согласно данным консалтинговой компании *Frost & Sullivan*, ожидается, что к 2025 г. доходы мировой индустрии здравоохранения превысят 2.6 трлн долл. по сравнению с 2 трлн в 2020 г. Значительную часть этого роста ожидается полу-

чить за счет внедрения технологий искусственного интеллекта и телемедицины [1]. При таких возможностях увеличить доходы у технологических компаний может появиться соблазн выводить на рынок продукцию, способную лишь ломать старые модели, а не перестраивать их, создавая лучшие. В результате это может не уменьшить, а значительно увеличить расходы на общественное здравоохранение. Поэтому многие эксперты указывают на необходимость обязать этих новых игроков обеспечить достоверную информацию о безопасности предлагаемых устройств и получить одобрение со стороны медицинского сообщества.

Вместе с тем в случае удачного продвижения наметившихся тенденций в мире появится совершенно новая модель оказания медицинской помощи. Что же в первую очередь ожидают получить от цифровых инноваций? На клиническом уровне значительный прорыв возможен при одновременном использовании телемедицинских технологий и носимых устройств (“wearables”)¹: врачи смогут получать необходимые данные в режиме реального времени и оказывать своевременную помощь. Организации здравоохранения во всем мире работают над тем, чтобы, опираясь на огромные объемы данных, стало возможным использовать всю имеющуюся информацию для предоставления пациентам качественного лечения. Существующий в данный момент избыток разнородных медицинских данных подтолкнул индустрию к использованию интеллектуальных устройств. Усилия специалистов направлены на разработку взаимосвязанных технологий. Ключевым направлением, способным обеспечивать необходимую при этом интеграционную функцию, становится искусственный интеллект.

Разработчикам программного обеспечения для различных медицинских устройств необходимо тесно сотрудничать с клиницистами, а не пытаться самостоятельно решать технологические проблемы. Подобная интеграция становится ключевым моментом, так как, несмотря на большие ожидания, в отрасли существуют значительные опасения использования ИИ в качестве диагностического инструмента. Обеспечение прозрачности его работы становится условием для возможности полностью раскрыть потенциал преобразования современных систем здравоохранения.

Значительным барьером расширения использования технологий, связанных с ИИ, становит-

¹ Носимые устройства – это миниатюрные гаджеты, отслеживающие показатели давления и различные формы физической активности или параметры среды, в которой находится пользователь. Устройства, которые пациенты носят на себе, оснащены датчиками с беспроводным локальным или удаленным подключением к другим компьютерам. Большинство таких устройств используют смартфон с подключением к Интернету.

ся отсутствие четкой нормативной базы. В США это усложняется тем, что некоторые инструменты ИИ не считаются медицинскими устройствами и не регулируются Управлением по контролю за продуктами питания и лекарствами (*FDA*). Программное обеспечение не всегда может быть запатентованным, что препятствует определению его уязвимых сторон и, соответственно, выводу на легальный рынок. Для преодоления этих барьеров производителям необходимо предоставить сопроводительную информацию о предполагаемом использовании выводимого на рынок продукта и безопасности его применения.

Проблема сложная, но решать ее придется: если ИИ совершит ошибку и это повлечет серьезные последствия для пациента, кто именно понесет ответственность? Для решения проблемы правового регулирования применения ИИ в клинической практике требуются совместные усилия и государства, и частных инвесторов, готовых вкладывать свои средства в технологии, еще не прошедшие апробацию на рынке. Способы и методы лечения всегда оставались сферой консервативной в силу необходимости соблюдения принципа “не навреди”. Существует также множество объективных и субъективных факторов, которые сформировали множество барьеров на пути внедрения в медицинскую практику телемедицинских технологий.

Понимание необходимости увеличить возможности государственного регулирования зарождающейся отрасли существует. В январе 2021 г. в США создана новая организация для надзора за исследованиями в области искусственного интеллекта, а *FDA* опубликовало план мероприятий по усилению контроля над его применением в здравоохранении [2]. В РФ в конце 2020 г. правительство получило от главы государства перечень поручений для стимулирования деятельности российских инвесторов, направленной на внедрение отечественного ПО с искусственным интеллектом. Одновременно и на правительство, и на инвесторов накладывается большая ответственность по защите персональных данных, так как планируется предоставить таким компаниям возможность пользоваться базами данных из государственных систем [3].

Опыт применения технологий с ИИ в клинической практике российских врачей показывает их преимущества в оказании медицинской помощи больным. Использование разработанной компанией *Philips* информационной системы *IntelliSpace Critical Care and Anesthesia (ICCA)* в отделении анестезиологии и реанимации Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова происходит в тесном взаимодействии с компанией-разработчиком. Возмож-

ность клиницистов и технологических служб медицинского Центра в режиме реального времени консультироваться со специалистами компании *Philips* позволила успешно адаптировать систему под их конкретные запросы. Такая форма взаимодействия была успешно использована в условиях *COVID-19*, когда эпидемиологическая обстановка не позволяла применять многие прежние формы оказания помощи. Благодаря системе *ICCA* был обеспечен постоянный дистанционный контроль лечения каждого тяжелобольного в инфекционных отделениях реанимации, что позволяло спасти жизнь многим пациентам в тот сложный период [4].

В РФ идет процесс внедрения в клиническую практику отечественных разработок в области искусственного интеллекта. Одним из первых Росздравнадзором было зарегистрировано программное обеспечение с ИИ для анализа медицинских снимков — *Botkin.AI*, созданное компанией “Интеллоджик” (резидент Сколково). Медицинская компания *OneCell* разработала телемедицинскую платформу с ИИ, в которую одновременно входит оборудование для онкоскрининга, позволяющее сделать любой микроскоп в лабораториях цифровым. Инструмент позволит рассматривать изображение с увеличением в 400 крат, что даст возможность успешно диагностировать болезнь и предотвращать множество ошибок. Медицинский стартап *OneCell* запустил этот пилотный проект в трех лабораториях России. Внедрение телемедицинской платформы в клиническую практику позволит врачам ставить диагнозы и консультировать независимо от местонахождения пациента [5].

В результате обрушившейся в 2020 г. на мир пандемии сама жизнь заставила обратиться к виртуальным способам оказания медицинской помощи. Начался настоящий “прорыв” в разработке сценариев удаленного взаимодействия в двух режимах “врач—врач” и “врач—пациент”. Прежде всего необходимо было снять ограничения со стороны регулятора, чтобы все участники сферы применения телемедицинских решений действовали в максимально легальном пространстве. Чтобы предоставить доступ к виртуальной медицинской помощи малообеспеченным слоям населения, пришлось в экстренном порядке решать проблемы финансирования, менять тарифные ставки и модели в системе медицинского страхования. В США, где традиционно господствуют либеральные принципы проведения социальной политики, со стороны федерального правительства были выделены огромные средства на финансирование программы телемедицины и распространение оплаты виртуальных медицинских услуг на бенефициаров программ *Medicare* и *Medicaid*. В течение 2020 г. государством были добавлены 144 телемедицинские услуги, оплачиваемые

бенефициарам программы *Medicare* временно, до окончания пандемии. В целях обеспечения доступа к медицинскому обслуживанию пациентов в сельской местности правительством было добавлено еще 60 позиций в список телемедицинских услуг, оплата которых будет покрываться в рамках *Medicare* и после окончания чрезвычайного положения [6]. Важно отметить, что столь обширная программа помощи беднейшим группам населения со стороны государства была реализована, несмотря на сокращение денежных поступлений в казну в результате налоговых реформ Д. Трампа [7].

В РФ также приходится решать проблемы, связанные и с правовым обеспечением, и с финансированием телемедицинских услуг. В условиях нехватки высококвалифицированных врачей узких медицинских специальностей именно использование телемедицинских технологий позволяет медикам в отдаленных регионах оказывать помощь пациентам вовремя, получая консультацию коллег в режиме реального времени. Сложности возникают в связи с разными тарифными ставками на уровне регионов. Лишь в нескольких субъектах РФ территориальный фонд обязательного медицинского страхования выделяет специально тариф на телемедицину.

Серьезные проблемы в реализации стратегии цифровой трансформации здравоохранения в РФ были выявлены в ходе анализа результатов рейтинга по итогам реализации в 2020 г. федерального проекта “Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе *Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения* (ЕГИСЗ)”. Субъектам РФ была дана оценка по следующим показателям: оснащенность медиков автоматизированным рабочим местом, внедрение медицинских информационных систем и информационное взаимодействие с ЕГИСЗ, предоставление электронных услуг и сервисов на портале госуслуг, внедрение централизованных информационных систем в субъекте РФ, межведомственное электронное взаимодействие.

По итогам проверки в Министерстве финансов РФ было зафиксировано, что бюджет проекта “Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения” был исполнен лишь на 57.5%. Это мешает проникновению инновационных технологий в систему здравоохранения, поскольку их эффективное использование возможно лишь при условии тесной конвергенции медицинских и биоинформационных технологий в реальную клиническую практику на местах [8].

В целом процесс трансформации мировых систем здравоохранения идет в направлении фор-

мирования новой гибридной модели, когда виртуальная форма оказания медицинской помощи тесно взаимодействует с клинической на основе тех возможностей, которые открываются в связи с изобретением самых разных устройств. Носимые, имплантируемые устройства и растущее число других подключенных медицинских аппаратов, приложений на мобильном телефоне делают дистанционное оказание медицинской помощи все более доступным для пациентов, нуждающихся в постоянном медицинском контроле. Особенно быстро и плодотворно это направление развивается в сфере кардиологии, где технические достижения “шагают в ногу” с клинической практикой, врачи стараются как можно быстрее применять появляющиеся на рынке изделия, которые позволяют им держать своих пациентов в зоне постоянного наблюдения [9].

До 2020 г. о возможности перехода на принципиально новую модель оказания медицинской помощи эксперты писали как об отдаленной перспективе. Поразившая весь мир пандемия превратила в реальность переход оказания медицинской помощи с преобладанием домашнего обслуживания. В экспертной среде появляется новый термин “здоровоохранение на дому” (“*home healthcare*”), который становится ключевым понятием, отражающим направления развития нового тренда в медицинской отрасли в целом. Формируется модель оказания медицинской помощи, построенная по принципу прямого взаимодействия врача и пациента, которая может быть оказана в любое время, в любом месте.

В целях сегментации населения по формам заболеваний, категориям риска и обеспечения коммуникации по линии “врач—пациент” в настоящее время используются специальные цифровые платформы. Например, крупнейшая медицинская страховая компания в США *Medical Mutual* совместно с *Lark Health* внедрили интегрированную платформу для персонализированной профилактики и лечения хронических заболеваний. Платформа работает на основе использования разговорного ИИ и подключенных мониторов, беспроводных глюкометров, манжетов для измерения артериального давления, позволяющих оказывать помощь в режиме реального времени. Важно при этом, что сотрудничество в рамках партнерства программы управления хроническими заболеваниями *Medical Mutual* позволяет использовать четыре программы *Lark* бесплатно для клиентов этой страховой компании. Наблюдение за состоянием здоровья участников программ управления артериальной гипертензией и лечения диабета *Lark* за шесть недель показало: большинство пациентов благодаря контролю достигают нормализации уровня глюкозы в крови и артериального давления [10].

В начале 2021 г. в США на федеральном уровне было принято решение, направленное на стимулирование ускоренного внедрения прорывных медицинских технологий для лечения пациентов из низкодоходных групп населения, которое давало новый импульс для расширения деятельности таких компаний, как *Abbott*, *Boston Scientific*, *Johnson & Johnson* и *Medtronic* [11]. Реализация такой политики позволит им после одобрения со стороны *FDA* получать компенсацию за внедрение новейших устройств в целях лечения многомиллионных бенефициаров *Medicare*. Важно при этом, что речь идет о действительно жизненно важных устройствах: полностью имплантируемых продуктах *Abbott* и *Medtronic* для помощи левому желудочку, одноразовых дуоденоскопах *Boston Scientific* и системах микроволновой абляции с роботизированной поддержкой *J&J*.

Принятые решения становятся значительным стимулом ускорения процесса расширения возможности оказывать качественную медицинскую помощь тем слоям населения, которым ранее высокотехнологичная помощь не была доступна. Вместе с тем успешность коммерциализации медицинских устройств, особенно “носимых” (“*wearables*”) и имплантированных, может привести к непоправимым последствиям для жизни пациентов. Поэтому обеспечение постоянного контроля безопасности становится одним из главных условий дальнейшего продвижения медицинских новаций в клиническую практику [12].

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Поиск верной стратегии обеспечения кибербезопасности систем здравоохранения становится необходимым этапом в процессе более широкого применения информационных технологий в медицинских целях. Организации общественного здравоохранения вынуждены принимать решения в ускоренном режиме, ранее несвойственном такой консервативной отрасли, как медицина, опираясь на огромный поток данных: от клинических взаимодействий с пациентами до финансового обеспечения происходящих процессов. По мере того как все больше объемов информации передается от пациента к врачу в режиме реального времени, нарастает уязвимость этих данных. Особенно это связано с широким распространением носимых и имплантируемых устройств, так как и сбой программного обеспечения, и хакерские атаки могут стоить жизни таким пациентам — устройства напрямую доставляют информацию в сеть, подключены к различным приложениям и потенциально могут быть атакованы. Каким же образом предполагается преодолевать все возрастающие угрозы?

Опыт борьбы с пандемией показал: в первую очередь необходимо быстро реагировать на изменение ландшафта киберугроз. Когда объемы оказания виртуальной медицинской помощи увеличились в десятикратном размере, хакеры усилили свои атаки. К вымогательствам огромных сумм у медицинских организаций за сохранение конфиденциальности личных данных пациентов прибавились попытки фишинга электронной почты с предложением мнимых вакцин и тестирования.

Для формирования надежной защиты, предупреждающей возможные атаки, необходимы огромные интеллектуальные и финансовые усилия. Статистические данные свидетельствуют о том, что сектор кибербезопасности за четвертый квартал 2020 г. стал вторым по величине финансовых вливаний за последние 3 года [13]. Однако для большинства больниц даже в благополучных странах средств на обеспечение всего комплекса необходимой киберзащиты не хватает. Последствия такой незащищенности трудно переоценить.

В отчете сотрудников *CI Security*, проанализировавших только публично обнародованные случаи кибератак в США, зафиксировано: по сравнению с первой половиной 2020 г. нарушения во второй половине выросли на 35,6%. Без принятия экстренных мер число атакованных медицинских учреждений может вырасти в геометрической прогрессии [14]. Министерство внутренней безопасности США (ФБР) предупреждает отрасль здравоохранения о потенциальных атаках программ-вымогателей. Сложность заключается в том, что программа-вымогатель *Ryuk* может долгое время находиться в спящем режиме и нанести удар внезапно. В начале 2021 г. федеральным службам безопасности удалось предупредить ожидаемый натиск вымогателей, угрожавший взломом данных 400 больниц [15].

По данным *Kaspersky Security Network*, только за июль 2020 г. в мире ежедневно появлялось более 400 тыс. единиц нового вредоносного программного обеспечения. В настоящее время киберпреступность нацелена на формирование высокопрофессиональных интернациональных групп, специализирующихся на определенных направлениях. Особое внимание этих преступных групп сосредоточено на государственной инфраструктуре и объектах высоких технологий. Очевидно, что в условиях пандемии первоочередной удар был нанесен на всю сферу систем здравоохранения [16].

Опасность при расширении сферы использования новейших цифровых технологий возникает не только из-за целенаправленных взломов, но и по причине технических сбоев. Такие сбои происходят довольно часто, и они очень дорого обходятся: случаются они и во время проведения

высокотехнологичных операций, когда речь идет не о финансовых потерях, а об угрозах жизни пациентов [17].

В связи с необходимостью вакцинации для выхода из вынужденного “затворничества” во всем мире придется применить значительные усилия для защиты данных пациентов, пользующихся приложениями, которые подтверждают их вакцинацию. Проблема заключается в необходимости соблюдения принципа открытых стандартов, совместимости огромного объема информации и конфиденциальности. Чтобы безопасно вернуться к привычному ранее международному перемещению людских потоков, фондом *Commons Project Foundation* совместно со Всемирной организацией здравоохранения для потенциального глобального распространения цифровых учетных данных о вакцинальном статусе граждан предлагается использовать их разработку (*VCI*) [18].

Все усилия разработчиков могут оказаться неэффективными, если население не будет готово воспринять эти цифровые новации. Оказалось, что безопасность их применения во многом зависит от так называемого человеческого фактора. Из-за невнимательности сотрудников, их недостаточной компетентности могут происходить события, которые способны наносить финансовый, репутационный ущерб для медицинских организаций и вред здоровью пациентов. Компания, расположенная в штате Вайоминг (США), обнаружила, что кто-то из сотрудников случайно отправил по электронной почте персональные данные 900 пациентов, содержащие информацию не только о состоянии здоровья, но и номера их счетов и вид страховки [19]. Такие сообщения не единичны. С началом борьбы с пандемией медицинские организации становятся все более уязвимыми перед атаками вымогателей, утечками данных и некомпетентностью своих сотрудников в сфере цифровых технологий.

Значительный разрыв между требованиями, предъявляемыми к врачам в реальной практике (с учетом необходимости овладеть помимо медицинских знаний новейшими технологиями), и предоставлением таких навыков на разных уровнях системы медицинского образования становится существенным барьером на пути продвижения цифровой медицины. Сложность преодоления такой ситуации заключается в том, что подготовка профессионалов требует дать им знания, связанные и с медициной, и с информатикой [20].

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Вопрос о кадровом обеспечении процесса трансформации современных систем здравоохранения становится кризисной точкой, условием

формирования новых моделей оказания медицинской помощи. Инновации фокусируются одновременно в двух направлениях, которые имеют клиническую направленность и административную. Причем необходимо учитывать тот факт, что решать его придется в условиях усиливающейся тенденции нехватки медицинского персонала практически во всех регионах мира. В начале 2000-х годов совокупный дефицит медицинских работников составил 7.2 млн, угрожая достигнуть 12.9 млн к 2035 г. [21].

Одним из основных способов решения проблем нехватки медицинских работников в благополучных странах в период, предшествующий 2020 г., было привлечение их из-за рубежа, в первую очередь из развивающихся стран Азии. Однако эмиграция персонала здравоохранения для стран исхода обостряла там кадровый дефицит, ухудшала доступность медицинской помощи для их собственного населения [22]. На данном этапе продолжать решать проблему дефицита медицинских кадров путем расширения их циркулярной миграции не представляется возможным. Предстоит кардинальная смена путей решения данной проблемы. В условиях ускоренного внедрения новейших технологий придется одновременно готовить профессионалов в совершенно новых областях, а также переучивать уже имеющиеся кадры. По прогнозам Всемирного банка, к 2030 г. в мире появится около 40 млн новых должностных позиций в области медико-санитарного и социального обслуживания населения [23].

Необходимо и обучить такое число специалистов, и обеспечить ими территории, испытывающие дефицит медицинских кадров. Отсутствие внятных стратегий подготовки кадров, недостаток инвестиций в систему медицинского образования усугубляют сложившуюся ситуацию и тормозят стабильное функционирование отрасли. В российских вузах подготовка по новым специальностям в сфере цифровой медицины впервые началась в 2018 г. в МГМУ им. И.М. Сеченова. В программу обучения были введены такие специализации, как *IT-медик* и *сетевой врач*, а также немедицинские специальности по направлению “Информационные системы и технологии в медицине”. В целях реализации международного сотрудничества в сфере разработки образовательной политики на основе применения технологий ИИ на базе университета было открыто представительство Ассоциации медицинского образования в Европе (*AMEE*) [24].

В РФ финансовые механизмы подготовки медиков обрабатываются в рамках федерального проекта “Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами”, на реализацию которого до 2024 г. пла-

нируется потратить 166.1 млрд рублей. В феврале 2021 г. расширено число организаций, имеющих право претендовать на средства нормированного страхового запаса территориального фонда ОМС для оплаты труда вновь принятых специалистов. В 2021 г. такое право получили все виды организаций, а не только из первичного звена (на эти цели выделено 18.3 млрд руб.).

В ходе исследования по нацпроекту “Здравоохранение” силами ученых из Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ) были установлены реальные потребности в редких на сегодняшний день специальностях. Сравнительно недавно появилась должность медицинского физика. Нехватка таких специалистов в целом по РФ составляет 50% от уровня потребности для обслуживания пациентов. В 2019 г. во всех регионах работали 429 медицинских физиков, в то время как к 2025 г. потребность в них вырастет до 2.2 тыс. человек [25].

В связи с переходом на новые цифровые технологии острая необходимость в подготовке и переподготовке врачей новых специальностей требуется во всех направлениях. Финансирование столь масштабного перехода на новые технологические рельсы всей отрасли невозможно обеспечить только из бюджетных средств. В РФ пока нет бюджетных статей на повышение квалификации онкологов, радиологов и врачей лучевой терапии. Учитывая, что потребность в таких специалистах будет с каждым годом возрастать, некоммерческая организация “Ассоциация онкологических организаций Сибири и Дальнего Востока” осуществила сбор средств на обучение специалистов по данным направлениям на краудфандинговой платформе “Планета” [26].

Инвестиции в подготовку и переподготовку медицинских физиков, врачей-рентгенологов, радиологов, других технических специалистов по направлению ядерной медицины готовы вкладывать и государственные, и частные партнеры. Так, на базе Томского политехнического университета (ТПУ), Томского национального исследовательского медицинского центра (ТНИМЦ) и группы компаний “МедИнвестГрупп” был создан центр ядерной медицины “ПЭТ-Технолоджи”, где реальная клиническая практика постоянно связана с необходимостью подготовки и переподготовки специалистов [27].

Изучать физические и физико-химические механизмы жизненных процессов, проектировать компьютерные автоматизированные системы медицинского назначения предполагается в рамках новой специальности — “*медицинская кибернетика*”. В начале 2020 г. в Самарском государственном медицинском университете прошла процедура

лицензирования программы обучения по данной специальности. Начался прием студентов на курс, рассчитанный на 6 лет обучения на коммерческой основе (за каждый год студенту нужно будет заплатить 153 тыс. руб.) [28].

Формирование кадрового потенциала новой, современной системы здравоохранения возможно лишь при условии тесного взаимодействия всех участников процесса. В соответствии со сложившимися традициями и экономическими возможностями в каждой из стран формируются различные механизмы софинансирования получения медицинского образования. В РФ с 1 января 2021 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 сентября 2020 г. № 1448 “О государственной поддержке образовательного кредитования” студенты получили возможность взять кредит с целью оплаты стоимости или части стоимости образовательных услуг по программам высшего образования при поддержке государственных субсидий.

Для успешного преодоления кадрового дефицита и решения проблемы обучения и переобучения медицинского персонала необходимо восстановление полноценного международного сотрудничества. В условиях пандемии 2020 г. широко использовались возможности, которые раскрылись благодаря деятельности в рамках международных медицинских кластеров (ММК). На территории различных регионов мира в результате сотрудничества ученых, работающих совместно над новейшими препаратами против тяжелых заболеваний в рамках таких объединений, сокращаются сроки поступления лекарств на рынки значительного числа стран.

В РФ в конце 2020 г. образовательную лицензию получил Фонд Международного медицинского кластера (“Сколково”). В результате филиалы зарубежных университетов, центров или учреждений дополнительного профессионального образования будут работать на данной территории по своим стандартам, не получая дополнительной

аккредитации. На территории ММК признаются иностранные дипломы, что позволяет организовать трансфер лучших зарубежных практик в области образования и науки. В настоящее время идет работа над формированием концепции Международного медицинского университета, деятельность которого будет осуществляться на территории РФ в партнерстве с ведущими зарубежными образовательными и тренинговыми центрами [29].

* * *

В мире растет осознание необходимости изменений в сфере медицинской помощи и организации общественного здравоохранения в целом. Особенность нынешнего этапа развития медицинской сферы заключается в том, что в основе происходящей трансформации лежат технологии трех видов: медицинские, биоинформационные и телекоммуникационные. Именно в этом состоят и возможные преимущества, и барьеры в их внедрении в повседневную практику врачей. Эффективность их применения во многом зависит от возможности обеспечить своевременный процесс полного цикла: от идеи до инвестиций и выпуска продукции, готовой к практическому применению.

В качестве необходимых площадок для достижения такого эффекта используются центры трансляционной медицины, международные медицинские кластеры, где используются правовые механизмы, позволяющие значительно ускорить процесс выхода новой продукции на рынок, непосредственно в клинику и к пациентам. Открывшиеся возможности оказания виртуальной медицинской помощи, расширяя пределы ее доступности, одновременно значительно обостряют проблему безопасности. Поэтому вопрос о том, в какой степени внедрение новейших технологий в систему общественного здравоохранения будет способствовать расширению доступа к качественной и безопасной медицинской помощи, приобретает большую актуальность и требует постоянного научного наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pifer R. *3 big predictions for digital health in 2021*. January 29, 2021. Available at: <https://www.healthcarediver.com/news/3-big-predictions-for-digital-health-in-2021/593691/> (accessed 26.02.2021).
2. *Artificial Intelligence/Machine Learning (AI/ML)-Based Software as a Medical Device (SaMD) Action Plan*. January 2021. 8 p. Available at: <https://www.fda.gov/media/145022/download> (accessed 25.03.2021).
3. “Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту” (утв. Президентом РФ 31.12.2020 № Пр-2242). [“The list of instructions following the conference on artificial intelligence” (approved by the President of the Russian Federation on 31.12.2020 No. Pr-2242). (In Russ.)] Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=373298#utm_campaign=med&utm_source=consultant&utm_medium=email&utm_content=old (accessed 02.03.2021).
4. Окрыленные цифрой: как система ICCA облегчает работу сотрудников реанимационных отделений. *Vademecum*, 01.02.2021. [Inspired by the number: how the ICCA system makes the work of emergency department employees easier. *Vademecum*, 01.02.2021. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2021/01/29/okrylennye-tsifroy-kak-sistema-icca-oblegchaet-rabotu-sotrudnikov-reanimatsionnykh-otdeleniy/> (accessed 02.03.2021).

5. Медицинский стартап OneCell разработал за \$6 млн платформу с ИИ для диагностики опухоли. *Vademecum*, 12.02.2021. [Medical startup OneCell has developed an AI platform for tumor diagnostics for \$6 million. *Vademecum*, 12.02.2021. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2021/02/12/meditsinskiy-startap-onecell-razrabotal-za-6-mln-platformu-s-ii-dlya-diagnostiki-opukholey/> (accessed 02.03.2021).
6. Pifer R. *CMS makes some telehealth coverage permanent, finalizes specialty rate cuts*. December 2, 2020. Available at: <https://www.healthcarediver.com/news/cms-makes-some-telehealth-coverage-permanent-finalizes-specialty-rate-cuts/591431/> (accessed 25.01.2021).
7. Лебедева Л.Ф. Подходы к экономической и социальной безопасности в период президентства Д. Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019, т. 50, № 2, сс. 29-42. [Lebedeva L.F. Approaches to economic and social security during the presidency of D. Trump. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2019, vol. 50, no. 2, pp. 29-42. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S268667300008239-2
8. Никитина М. Тульская и Тамбовская область стали лидерами рейтинга цифровизации здравоохранения. *Vademecum*, 18.02.2021. [Nikitina M. Tula and Tambov regions became leaders in the rating of digitalization of healthcare. *Vademecum*, 18.02.2021. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2021/02/18/tulskaya-i-tambovskaya-oblasti-stali-liderami-reytinga-tsifrovizatsii-zdravookhraneniya/> (accessed 25.01.2021).
9. Zipp R. *New iRhythm CEO on national pricing setback, Medtronic market expansion lessons*. January 28, 2021. Available at: <https://www.medtechdive.com/news/irhythm-ceo-looks-to-build-on-irhythms-success/594031/> (accessed 25.02.2021).
10. *Medical Mutual Combines A.I. Digital Health Coaching from Lark with Live Care Management Support to Boost Population Health Benefits*. February 10, 2021. Available at: <https://www.prnewswire.com/news-releases/medical-mutual-combines-ai-digital-health-coaching-from-lark-with-live-care-management-support-to-boost-population-health-benefits-301225474.html> (accessed 12.02.2021).
11. *Medicare Program; Medicare Coverage of Innovative Technology (MCIT) and Definition of "Reasonable and Necessary"*. 14.01.2021. 76 p. Available at: <https://public-inspection.federalregister.gov/2021-00707.pdf> (accessed 25.03.2021).
12. Pifer R. *Forging trust in AI, sustaining the virtual care boom and other CES takeaways*. *Forging trust in AI, sustaining the virtual care boom and other CES takeaways*. 19.01.2021. Available at: <https://www.healthcarediver.com/news/forging-trust-in-ai-sustaining-the-virtual-care-boom-and-other-ces-takeawa/593344/> (accessed 25.01.2021).
13. Pifer R. *Healthcare funding shatters records in 2020, helped by COVID-19*. 20.01.2021. Available at: <https://www.healthcarediver.com/news/healthcare-funding-shatters-records-in-2020-helped-by-covid-19/593670/> (accessed 25.01.2021).
14. Shinkman R. *COVID-19 leads to explosion in cyberattacks, data breaches*. February 10, 2021. Available at: <https://www.healthcarediver.com/news/covid-19-leads-to-explosion-in-cyberattacks-data-breaches/594911/> (accessed 25.02.2021).
15. Schwarts S. *FBI, DHS warn of hospital cyberattacks as Ryuk ransomware wakes from hibernation*. October 29, 2020. Available at: <https://www.healthcarediver.com/news/Ryuk-FBI-DHS-ransomware-healthcare/588019/> (accessed 25.01.2021).
16. Касперский назвал три тренда киберпреступности. *Деловая газета "Взгляд"*, 07.12.2020. [Kaspersky named three trends in cybercrime. *Business newspaper "Vzglyad"*, 07.12.2020. (In Russ.)] Available at: https://news.rambler.ru/tech/45384660/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 25.12.2020).
17. Сауткина В.А. Телемедицинские технологии в США: социальные детерминанты развития. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 2021, т. 51, № 4, сс. 96-113. [Sautkina V.A. Telemedical technologies in the USA: social determinants of development. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, 2021, vol. 51, no. 4, pp. 96-113. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S268667300014341-5
18. Shinkman R. *Mayo, Epic and Cerner teaming to create digital COVID-19 vaccine passport*. January 15, 2021. Available at: [https://www.healthcarediver.com/news/mayo-epic-and-cerner-teaming-\[\]to-create-digital-covid-19-vaccine-passport/593457/](https://www.healthcarediver.com/news/mayo-epic-and-cerner-teaming-[]to-create-digital-covid-19-vaccine-passport/593457/) (accessed 03.05.2021).
19. Drees J. *Wyoming health system accidentally emails personal health info of 900 patients*. February 16, 2021. Available at: <https://www.beckershospitalreview.com/cybersecurity/wyoming-health-system-accidentally-emails-personal-health-info-of-900-patients.html> (accessed 08.04.2021).
20. Сауткина В.А. Инновационная медицина и общественное здравоохранение: на перекрестке прогресса. *Вестник ВГУ. Серия экономика и управление*, 2019, № 4, сс. 56-61. [Sautkina V.A. Innovative medicine and public health: at the crossroads of progress. *Bulletin of the VSU. Series Economics and Management*, 2019, no. 4, pp. 56-61. (In Russ.)] Available at: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/2478/2494> (accessed 08.04.2021).
21. *Глобальная стратегия для развития кадровых ресурсов здравоохранения: трудовые ресурсы 2030 г. Проект, представленный на 138-й сессии Исполнительного комитета ВОЗ*. [Global strategy for human resources for health: workforce 2030. Draft presented to the 138th session of the WHO Executive Board. (In Russ.)] Available at: https://www.who.int/hrh/resources/pub_globstrathrh-2030/ru/ (accessed 08.04.2021).
22. Цапенко И.П., Сауткина В.А. Трансграничная мобильность в сфере здравоохранения. *Человек. Сообщество. Управление*, 2017, т. 18, № 2, сс. 6-24. [Tsapenko I.P., Sautkina V.A. Cross-border health mobility. *Man. Community. Control*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 6-24. (In Russ.)] Available at: https://www.researchgate.net/publication/319753342_TRANSGRANICNAA_MOBILNOST_V_SFERE_ZDRAVOOHRANENIA (accessed 08.04.2021).
23. Economic, demographic, and epidemiological transitions and the future of health labour markets. *Global Health Workforce Alliance – Working Group*, no. 1, 28.02.2014. 17 p. Available at: https://www.who.int/workforcealliance/media/news/2014/WG1_SynthesisSept282014.pdf (accessed 08.04.2021).

24. Сеченовский университет научит цифровым технологиям в здравоохранении. 18.10.2018. [*Sechenov University will teach digital technologies in healthcare*. 18.10.2018. (In Russ.)] Available at: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/115402/2018-10-18/sechenovskiy-universitet-nauchit-cifrovym-tehnologiyam-v-zdravoohranenii> (accessed 08.04.2021).
25. В российских больницах дефицит медицинских физиков составляет более 50%. ТАСС, 28.01.2021. [In Russian hospitals, the shortage of medical physicists is more than 50%. TASS, 28.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/10566157> (accessed 08.04.2021).
26. Ассоциация онкодиспансеров Сибири и Дальнего Востока открыла сбор средств на обучение онкологов. *Vademecum*, 01.03.2021. [The Association of Oncological Dispensaries of Siberia and the Far East has opened fundraising for the training of oncologists. *Vademecum*, 01.03.2021. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2021/03/01/assot-siatsiya-onkodispanserov-sibiri-i-dalnego-vostoka-otkryla-sbor-sredstv-na-obuchenie-onkologov/> (accessed 08.04.2021).
27. “Мединвестгрупп” откроет центр ядерной медицины на базе Томского политеха. *Vademecum*, 13.05.2020. [“Medinvestgroup” will open a nuclear medicine center on the basis of the Tomsk Polytechnic University. *Vademecum*, 13.05.2020. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2020/05/13/medinvestgrupp-otkroet-tsentr-yadernoy-meditsiny-na-tomskogo-politekha/> (accessed 08.04.2021).
28. СамГМУ будут обучать специальности “медицинская кибернетика”. *Vademecum*, 25.09.2020. [SamSMU will teach the specialty “medical cybernetics”. *Vademecum*, 25.09.2020. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2020/09/25/v-samgmu-budut-obuchat-spetsialnosti-meditsinskaya-kibernetika/> (accessed 08.04.2021).
29. Образовательные программы международного кластера будут доступны не только “звездам”, но молодым талантливым врачам и медсестрам. Партнерский материал ММК. *Vademecum*, 28.12.2020. [Educational programs of the international cluster will be available not only to “stars”, but to young talented doctors and nurses. MMK partner material. *Vademecum*, 28.12.2020. (In Russ.)] Available at: <https://vademec.ru/news/2020/12/26/obrazovatelnye-programmy-mezhdunarodnogo-medklastera-budut-dostupny-ne-tolko-zvezdam-no-i-molodym-talantlivym-vracham-i-medsestram.> (accessed 08.04.2021).

**BIOINFORMATION TECHNOLOGIES IN THE MEDICAL FIELD:
ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 60-68)

Receive 21.06.2021.

Vera A. SAUTKINA,

ORCID 0000-0002-6891-7726, vera-sautkina@yandex.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Global health systems are under extreme strain to cope with the consequences of the pandemic that broke out in 2020. The need to find new approaches to the development of the medical industry forms and significantly expands the problem field of research in this area. This study examines the new opportunities that a new technological revolution opens up, which simultaneously affected all areas of modern medicine. The changes affected diagnostics and treatment, new scientific directions appeared, and the industry itself turned into a rapidly developing industry that attracts new players in the market of medical services. Consistently considering the emerging trends in the world, the author comes to the conclusion: with a successful combination of the interests of all participants in the process of transformation that has begun, a completely new model of medical care will appear in the world. The breakthrough is expected both at the clinical level and at the organizational level, which is associated with the active penetration of telemedicine technologies based on AI into the public health system. However, a prerequisite for the introduction of a new hybrid model, which provides for a combination of clinical and virtual methods of treatment, remains the need to comply with the fundamental principles: accessibility, quality and safety. To achieve these goals, it is necessary to link bioinformatics, medical and telecommunications technologies and direct them in the necessary direction, which requires the theoretical understanding of various practical experiences and new global trends in the organization of management of modern health systems.

Keywords: bioinformation technologies, public health, virtual health care, digital medicine.

About author:

Vera A. SAUTKINA, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-60-68

“ВОКС”: ИСПАНСКИЙ ВАРИАНТ ПРАВорадикальной партии в современной Европе

© 2021 г. С. Хенкин

ХЕНКИН Сергей Маркович, доктор исторических наук, профессор,
ORCID 0000-0003-2137-2113, sergkhenkin@mail.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76;
ИНИОН РАН, РФ, 117418 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21.

Статья поступила в редакцию 19.04.2021.

В статье показано, что Испания, где, в отличие от большинства европейских стран, долгое время не было влиятельной праворадикальной партии, быстро наверстала упущенное. Бурный взлет “Вокс” неотделим от глубокого системного кризиса испанской политики и волны критики, обрушившейся на неолиберальную идеологическую парадигму, господствующую в стране. Установки “Вокс”, целеустремленно проповедующей национализм и отстаивающей традиционные ценности, созвучны настроениям миллионов испанцев.

Ключевые слова: Испания, “Вокс”, неолиберальная парадигма, системный кризис, национализм, традиционные ценности, государство автономий, каталонский конфликт, национальные меньшинства, Народная партия, Испанская социалистическая рабочая партия, “Подемос”, “Сьюдаданос”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-69-78

На протяжении нескольких десятилетий пост-франкисккая Испания оставалась одной из немногих стран Европы, в которой не было влиятельной праворадикальной партии. Ситуация изменилась в 2018 г., когда образовавшаяся незадолго до этого праворадикальная “Вокс” (исп. *Vox*) начала превращаться в серьезную политическую силу, уже через год ставшую третьей партией в кортесах по числу завоеванных на выборах голосов.

Вокруг оценки этой партии разворачивается острая и оживленная полемика, в ходе которой высказываются две принципиально разные точки зрения. Согласно одной из них, “Вокс” — это партия, способная восстановить в Испании порядок и стабильность, обуздать сепаратизм, дать отпор установкам неолиберализма и возродить утраченные консервативно-католические ценности, не ломая при этом устоев демократии. Сторонники альтернативной позиции видят в этой партии наследницу франкизма, популистов, стремящихся дестабилизировать страну и вернуться к авторитарному государству.

В этом контексте определение социального характера “Вокс”, ее роли и перспектив приобретает важное научное и политическое значение, позволяя глубже осмыслить феномен правого радикализма в современной Европе.

ФАКТОРЫ ВЗЛЕТА “ВОКС”

В период демократии — до 2019 г. — праворадикальные силы были представлены в испанском пар-

ламенте только один раз — в 1979–1982 г., когда туда был избран их единственный представитель. В ряду праворадикальных организаций самой заметной стала “Платформа за Каталонию” (исп. *Plataforma per Catalunya, PxC*), действовавшая в начале нулевых годов и выступавшая с антиисламских позиций. Однако она не смогла распространить влияние за пределы каталонской автономии [1].

Репрезентативная праворадикальная партия не появилась даже в годы глобального кризиса, начавшегося в Испании в 2008 г. Реакцией на резкое ухудшение социально-экономических условий для миллионов людей и их недовольство существующей политической системой стало возникновение “Движения возмущенных” (исп. *Movimiento 15-M*), не называвшего себя левым, но по существу являвшегося таковым. Оно дало импульс возникновению леворадикальной партии “Подемос” (исп. *Podemos*), стремительно ворвавшейся на политическую авансцену, а также разнообразных движений социального протеста [2].

Длительное отсутствие праворадикальной партии, именуемое рядом авторов “испанской исключительностью”, объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, большинство испанцев не хочет возвращения к франкистскому прошлому, с которым отождествляется праворадикальная партия. Во-вторых, несколько десятилетий практически все правое политико-электоральное пространство монополизировала Народная партия (НП, исп. *Partido Popular*), являвшаяся, наряду с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП, исп.

Partido Socialista Obrero Español), одной из двух ведущих партий страны (в 1996–2004 и 2011–2018 гг. она была правящей). Идеологическая ориентация и политическая практика НП в той или иной степени удовлетворяли правых разных оттенков — от либералов и христианских демократов до тех, кто с ностальгией вспоминал о временах франкизма. В этом контексте отсутствие праворадикальной партии национального масштаба было только кажущимся: фактически она существовала в самой Народной партии [3, р. 3]. Правда, при этом она оставалась неоформленной, и голос ее представителей был трудно различим в общем хоре правых.

Ситуация начала меняться в 2013 г., когда несколько деятелей, стоявших на крайнем правом фланге НП, вышли из нее, подвергнув критике политику руководства и основав “Вокс”. В 2014–2017 гг. успехи новой партии были невелики — на всеобщих, автономных и муниципальных выборах она набирала менее 0.5% голосов [1, р. 205]. “Вокс” оставалась маргинальной партией, не представленной в органах власти.

Перелом произошел в 2018 г.: на выборах в автономный парламент Андалусии “Вокс” совершила мощный бросок вперед, завоевав 12 мест (11%) голосов. Еще более впечатляющими стали результаты всеобщих выборов в парламент в апреле 2019 г., на которых партия получила 24 депутатских места и 10.3% голосов избирателей (2.7 млн). Впервые после 1979–1982 гг. праворадикальные силы в ее лице вошли в кортесы. Но и этим дело не ограничилось. В ноябре 2019 г. в Испании, переживавшей острый политико-институциональный кризис, прошли еще одни внеочередные парламентские выборы. “Вокс” более чем удвоила депутатскую фракцию, обретя 52 мандата. За нее проголосовали 15.1% избирателей (3.6 млн). Праворадикальная партия заняла 3-е место, уступив только ИСРП (120 мест) и НП (88 мест) и опередив, в частности, блок “Объединенные Подемос” (исп. *Unidas Podemos*) (35 мест), в который входит уже упомянутая “Подемос” [4]. В феврале 2021 г. “Вокс” добилась очередного успеха — на выборах в региональный парламент Каталонии, впервые завоевав 11 депутатских мандатов. Знаменательно, что успех “Вокс” контрастировал с неудачей двух других партий правого лагеря — Народной партии и “Сьюдаданос” (исп. *Ciudadanos*), которые даже в совокупности получили меньше мест (три и шесть соответственно) [5]. К этому следует добавить, что “Вокс” добилась представительства еще в 10 автономных сообществах и во многих муниципалитетах, а на выборах 2019 г. в Европарламент завоевала 6.2% голосов (четыре мандата) [6, р. 695].

Возникновение “Вокс” и ее бурный взлет неотделимы от глубокого системного кризиса испан-

ской политики, обнажившего множество проблем — экономических, социальных, политических, как новых, так и старых, ставших хроническими, как специфически испанских, так и общих для стран Европы. Царившее в обществе недовольство ростом безработицы, свертыванием расходов на социальные нужды, изъятиями в функционировании представительной демократии, широкомасштабной коррупцией привело к тому, что многие избиратели отказали в поддержке двум ведущим партиям и сделали другой выбор, поддержав новичков.

Отдельно следует сказать о том, что в эти годы резко обострилось негативное отношение части общественности к ряду разнообразных новаций, которые произошли в годы демократии. Прежде всего речь идет о государстве автономий, сменившем унитарное франкистское государство и давшем испанским регионам столько прав и свобод, сколько у них никогда не было прежде. Вместе с тем начавшийся в годы глобального кризиса каталонский конфликт выявил, что государство автономий не в состоянии пресечь сепаратистские устремления регионов. Угроза территориальной целостности Испании, равно как и курс каталонских властей, нацеленный на ассимиляцию некаталаноязычных жителей региона, породили чувство ущемленного национального достоинства. Начался подъем национализма, усилилось стремление вдохнуть новую жизнь в понятия “нация” и “национальный”. Фактор времени ослабил иммунитет части общества, особенно людей, плохо помнивших времена гражданской войны и франкизма, к восприятию националистических идей. Испанский национализм, казалось, отошедший на второй план, вновь ожил и расцвел пышным цветом, представ в радикальном облики.

Другой новацией, вызывающей растущее недовольство, стал приток миллионных масс иммигрантов из разных регионов мира, которые рассматриваются частью граждан и как конкуренты коренных жителей в борьбе за рабочие места, и как фактор, угрожающий политико-культурной самобытности страны, ее национальной идентичности.

Волна критики обрушилась также на неолиберальную идеологическую парадигму, ставшую господствующей в Испании в последние десятилетия и включающую политкорректность, толерантность, феминизм, экологизм, мультикультурализм, защиту прав меньшинств и т. д. Новые установки оказали серьезное влияние на отношение испанцев ко многим важным элементам и ориентирам бытия, в том числе к религии и церкви, к формам семейной жизни, к роли женщины в семье и обществе [7, сс. 41–42].

Важной вехой во внедрении новых ценностей принципов стало правление правительств

ИСРП во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапато (2004–2011 г.). Назовем только две меры этого правительства, ставшие шоком для консервативно-традиционалистской Испании: отмену обязательного религиозного обучения в школах, существовавшего много веков, а также разрешение на однополые браки. Напомним, что еще в 1977 г., в начале демократизации, испанцы даже не обладали правом на развод! Таким образом, на протяжении жизни всего одного поколения произошли сдвиги поистине эпохального значения. Волну нововведений продолжило правительство ИСРП во главе с Педро Санчесом (у власти с 2018 г.), принявшее, в частности, закон о легализации эвтаназии (Испания стала четвертой страной в Европе, где она разрешена).

Критики видели в новациях подрыв сложившегося веками уклада жизни, покушение на самую суть “испанскости”. Образовались два неформальных лагеря — “прогрессистов” и “традиционалистов”, ориентирующихся на разные ценностные системы и, соответственно, по-разному представляющих, что такое хорошо и что такое плохо, что допустимо, а что нет как в самом человеке, так и в окружающем его мире [7, с. 42]. В обществе сформировался запрос на новую идеологию, в ряде аспектов противоположную господствующей неолиберальной модели. Появление “Вокс” стало ответом на этот запрос.

Следует подчеркнуть, что в Испании, в отличие от многих других европейских стран, решающую роль в превращении праворадикальной партии во влиятельную политическую силу не сыграли — при всей их важности — антииммигрантские настроения, антиглобализм, неприязненное отношение к элитам и антифеминизм. Катализатором здесь стал каталонский конфликт. Напомним, что всего за семь месяцев — с апрельских до ноябрьских парламентских выборов 2019 г. — доля голосов, отданных “Вокс”, а также ее парламентское представительство возросли более чем в 2 раза. Связано это было с очередным подъемом каталонского сепаратизма. За несколько дней до выборов, прошедших 10 ноября, состоялось вынесение приговоров лидерам сепаратистов (длительные сроки тюремного заключения) за организацию незаконного референдума в октябре 2017 г. Сепаратистские организации ответили на решение суда массовыми акциями протеста, сопровождавшимися уличными беспорядками и актами насилия, при официальной поддержке этих действий региональными властями. Безнаказанность сепаратистов усилила симпатии к партии, которая, по мнению части электората, может “навести порядок” в отношениях между Барселоной и Мадридом.

На руку “Вокс” играет также своеобразие расстановки политических сил в нижней палате пар-

ламента: зависимость правительства П. Санчеса от поддержки сепаратистских партий Каталонии и Страны Басков. 1 июня 2018 г. после вынесения вотума недоверия правительству Народной партии лидер социалистов П. Санчес, не имевший достаточной опоры, был утвержден в должности председателя правительства благодаря поддержке двух сепаратистских партий. Эта зависимость продолжает сохраняться при решении многих проблем и ранит сознание националистически настроенных избирателей.

Успеху “Вокс” благоприятствовал и нестандартный характер ее формирования, отличавшийся от многих других партий. Ее создали не новые неопытные деятели, а политики, состоявшие в Народной партии и порвавшие с ней, накопившие опыт политической борьбы и имеющие налаженные связи в стране и за рубежом. Политики, адвокаты, крупные предприниматели, вошедшие в состав партийного руководства, тесно связаны своим происхождением и родственными связями с правоконсервативным лагерем Испании.

Председатель “Вокс” — Сантьяго Абаскаль (родился в 1976 г.) начиная с 18-летнего возраста состоял в Народной партии и занимал в ней ряд административных постов. Его отец более 35 лет был лидером НП в Алаве (Страна Басков), дед занимал пост мэра во времена франкизма. Генеральный секретарь партии — Хавьер Ортега Смит (родился в 1968 г.), адвокат. Его дядя, с которым он поддерживает тесные отношения, генерал в отставке, председатель национального фонда Франсиско Франко. Третье лицо в партии — Иван Эспиноса де лос Монтерос (родился в 1971 г.), бизнесмен по недвижимости, в настоящее время отвечающий за международные связи “Вокс” и возглавляющий ее парламентскую фракцию, выходец из богатой и известной в Испании аристократической семьи. Его отец был верховным комиссаром по продвижению проекта *Marca España* при правительстве. Брат деда служил послом Франко в нацистской Германии. Росио Монастерио, супруга И. Эспиноса де лос Монтерос, архитектор и бизнесмен, возглавляющая отделение “Вокс” в автономной области Мадрид. На национальном уровне отвечает за социальные вопросы и пользуется значительным влиянием в партии.

Говоря о факторах подъема “Вокс”, нельзя не сказать о современных цифровых технологиях, широко и умело используемых партией. Например, в Инстаграм у “Вокс” в 2019 г. было 311 тыс. подписчиков, больше, чем у любой другой партии [3, р. 14]. Грамотно выстроенная политтехнология, наглядная символика, воздействующая на эмоции, рассчитаны на избирателей из разных социальных слоев. Само название партии *Vox* в испанском

произношении читается как “бокс”, ассоциируясь с силой, мужественностью. Кроме того, V – символ победы [8, с. 40].

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

В учредительном манифесте “Вокс” провозглашается необходимость “сплотить нацию, обеспечить эффективную деятельность государства, улучшить качество институтов, гарантировать честность государственных руководителей и стимулировать экономический рост на благо всех граждан” [9].

При этом краеугольный камень идеологии “Вокс” – воинственный национализм, точнее, нативизм – понятие, означающее сочетание национализма (этнонационализма) с ксенофобией. Базовый приоритет – единство Испании, трактовка которого отличается от интерпретаций всех остальных партий. “Вокс” понимает под “единством Испании” ее превращение в унитарное централизованное государство. Иными словами, предлагается упразднить нынешнее государство автономий, передав унитарному государству их полномочия в сферах образования и здравоохранения, распустив местную полицию и ограничив, “насколько это вообще возможно, законодательную деятельность автономий” [10].

Во главу угла ставятся “идея Испании” и укрепление национальной идентичности. Программа “Вокс” требует ужесточить наказания за “обиды, нанесенные Испании”: никакие оскорбления гимна, знамени и монархии “не должны оставаться безнаказанными”. Упраздняется официально существующее сейчас как обязательное условие знание того или иного из языков народов Испании при занятии государственной должности – приоритет отдается испанскому. Активируется “интегральный план знания, распространения и защиты национальной идентичности и вклада Испании в мировую цивилизацию и культуру, в котором особое внимание обращается на героические деяния наших национальных героев” [10, 11]. Вообще апологетика “славного имперского прошлого” и вооруженных сил – неотъемлемая часть партийного дискурса.

“Вокс” борется за Испанию (“испанское государство”) под лозунгом “новой Реконкисты”. Ее символом в социальных сетях стал лидер партии С. Абаскаль, скачущий на коне с мечом под музыку из популярной серии “Властелина колец” [8, с. 39]. В отличие от большинства испанских партий, для которых фундамент национального единства – Конституция 1978 г., для “Вокс” – это “такие эпизоды, как открытие Америки или Ре-

конкиста католических королей против мусульман в Средние века” (12, р. 85). В этом контексте вполне логичным выглядит требование “Вокс” вернуть стране Гибралтар – территорию, спор по поводу принадлежности которой между Испанией и Великобританией имеет давнюю историю (с 1830 г. Гибралтар официально считается колонией Великобритании).

«Наша цель совершенно ясна: испанцы будут первыми, – заявил генеральный секретарь “Вокс” Х. Ортега Смит. – Отсюда безусловное обязательство: вместе еще раз сделаем Испанию великой. Да здравствует Испания и да здравствует король!» [12, р. 87]. В этом высказывании звучит не только апелляция к имперскому прошлому, но и чувствуется явная переключка с девизом бывшего американского президента Дональда Трампа (“Сделаем Америку снова великой”), идеи и политическая практика которого повлияли на руководство партии¹.

“Вокс” требует упразднить “Закон о признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы гражданской войны и диктатуры”, который сокращенно именуется “Законом об исторической памяти”. К примеру, деятели партии выступают против борьбы с франкистской символикой – одной из частей этого закона. Эта символика рассматривается как «часть прошлого страны и как форма “чувствовать” всех тех, кто, придерживаясь разных позиций, сражался за Испанию». Партия энергично выступала против переноса останков Франко из мемориального комплекса Долины павших, которую осуществило правительство ИСРП в октябре 2019 г.

Дать оценку отношению “Вокс” к режиму Франко можно, суммируя отдельные высказывания его руководителей. Так, в одном случае С. Абаскаль утверждал, что нынешнее правительство П. Санчеса – “худшее за последние 80 лет”. Тем самым он ясно дал понять, что для “Вокс” оно хуже, чем диктатура Франко. В другом случае, заявив, что “фигура Франко историческая”, он вместе с тем признал: “В партии у одних людей одно отношение к режиму Франко, у других другое”. Вторя ему, генеральный секретарь Х. Ортега Смит отмечает, что “есть деяния франкизма, которые не нравятся. Напротив, другие, такие как социальное обеспечение и общественные работы, сохраняются и приносят пользу” [13]. Как видно, в “Вокс” существует избирательное отношение к франкизму. Отказываясь от апологетики авторитарного режима, значительная часть партии подчеркивает актуальность некоторых аспектов франкистской политики.

¹ По данным испанской прессы, видную роль в разработке стратегии “Вокс” сыграл Стив Бэннон, возглавлявший избирательный штаб президента Дональда Трампа.

Главный внутренний противник “Вокс” – каталонский сепаратизм. Партия требует максимально ограничить права правительства Каталонии, по всей строгости судить лидеров сепаратизма и “запретить партии и ассоциации, которые стремятся разрушить территориальное единство нации и ее суверенитет”. В этот список включается и Баскская националистическая партия (исп. *Partido Nacionalista Vasco*), правящая в этой автономии. Привилегии, которыми исторически пользуются Страна Басков и Наварра, предлагается отменить [11]. Риторика партии выдержана в духе старого испанского национализма, основанного на противопоставлении “истинной Испании” “Анти-Испании” (в последнюю включаются враги “Вокс”).

Главный внешний противник “Вокс” – иммигранты, прежде всего мусульмане. Партия говорит о “иммиграционном нашествии” в Европе. “На первом месте – испанцы”, “государство благосостояния – для испанцев”, заявляют деятели “Вокс”. “Внешние границы Евросоюза должны стать непроницаемыми для любого гражданина из третьих стран, который захочет нелегально сюда проникнуть”. Для достижения этой цели партия готова упразднить Шенгенские договоренности и пространство. “Вокс” высказывается за ужесточение требований к получению испанского гражданства и его разрешению, исходя из потребностей экономики. Предлагается депортировать нелегальных иммигрантов, а также переселенцев, имеющих испанское гражданство, но совершивших преступление. Говорится о необходимости построить стену на границе между Сеутой, Мелильей и Марокко, исключив проникновение нелегалов в Испанию с территории Африки. Предлагается закрыть мечети, депортировать радикально настроенных имамов и исключить изучение ислама из государственного образования [10, 11]. Иммиграция зачастую отождествляется с преступностью. Показательно следующее высказывание С. Абаскаля: “Испания хочет, чтобы наши бабушки могли спокойно ходить по улице и при этом ни один преступник, будь то испанец или иностранец, хотя в большинстве своем это иностранцы, не мог вырвать у них сумку” [12, pp. 87-88]. По существу, “Вокс” ориентируется на создание мононациональной испанской нации, ее гомогенизацию, минимизирующую присутствие иммигрантов и исключаящую из повестки дня проекты каталонских и баскских националистов.

Еще один внешний противник – глобализация, хотя о ней “Вокс” говорит намного меньше. С. Абаскаль требует от ЕС и других международных институтов “уважения нашего суверенитета, идентичности и законов”. Как следует из программы, партия “отдает приоритет потребностям Испании

и испанцев перед интересами олигархов, касиков², лоббистов и наднациональных организаций” [11].

В сфере экономики “Вокс” защищает частную собственность и свободу рынка, высказывается за сокращение общественных расходов. В соответствии с логикой неоллиберализма, партия выступает за снижение налогов (с предприятий – с 30 до 22% без различия в их размерах) или их отмену (налог на наследство и пожертвования). Безусловно, эти меры ориентированы на защиту прежде всего обеспеченных слоев населения (3, p. 10). Вместе с тем партия не отказывается от протекционистских мер в отношении трудящихся и национальной экономики, не раскрывая их конкретное содержание. По замечанию испанского политолога Хесуса Санчеса Родригеса, предлагаемая “Вокс” экономическая модель представляет собой “противоречивую смесь неоллиберализма и протекционизма” [14].

В дискурсе “Вокс” испанская демократия предстает как период упадка, в котором виноваты различные “враги”, не только сепаратисты, но и левые: антикоммунизм – неотъемлемый элемент политико-идеологической ориентации партии. “Вокс” требует неукоснительного соблюдения в стране закона и порядка. Считая, что нарушения закона всеми “врагами” Испании должны строго караться, партия высказывается за восстановление пожизненного заключения. По словам видного партийного деятеля Р. Монастеро, “в стране должна править железная рука, чтобы гарантировать нашим гражданам безопасность и свободу” [12, p. 88]. В контексте документов и высказываний деятелей “Вокс” это заявление не означает отторжения ею демократии и намерения установить диктатуру. Оно свидетельствует о собственном, отвечающим партийным интересам представлении о демократии, зачастую противоречащим принципам неоллиберализма.

Отстаивая традиционные ценности, “Вокс” защищает семью как базовую ячейку общества, требует запретить аборт и однополые браки. Ставится вопрос о создании министерства семьи, отдельно говорится о необходимости оказывать поддержку многодетным семьям и стимулировать рождаемость [11]. Одна из предлагаемых мер – возможность испанцам иметь в своем доме оружие, которое “можно использовать для самообороны в случае реальной опасности” [15].

Партия выступает за отмену Закона о насилии в семье (известно, что жертвами мачизма в стране ежегодно становятся десятки женщин). Сильное и весьма воинственное в Испании фе-

² В Испании и странах Латинской Америки так называют влиятельных политиков местного масштаба, именитых персон. Центральное правительство осуществляет свою власть на местах, в том числе и при помощи касиков.

министское движение “Вокс” называет “насильственным и безрассудным”, требуя прекратить финансирование радикальных женских организаций. Партия утверждает, что праздник 8 Марта “используется для идеологических манипуляций как метательный снаряд в борьбе полов, отравляющей общество” [16]. Она предлагает превратить женский праздник в день памяти жертв коронавируса. Негативное отношение “Вокс” к феминистскому движению – во многом реакция на серьезные завоевания, которых добились испанские женщины в борьбе за равноправие в последние годы. Рациональным моментом в позиции партии по этой проблеме можно считать стремление устранить крайние, ультрарадикальные выражения феминизма, проявляющиеся в желании некоторых его представительниц добиться не равенства, а превосходства над мужчинами [17].

“Вокс” заявляет о поддержке испанских католиков, сталкивающихся с угрозой со стороны светских движений. Партия защищает также “сельский мир” Испании, которому угрожает вымирание из-за массовой миграции населения в города и низкого роста рождаемости. Одновременно она выступает в защиту боя быков и охоты как “деятельности необходимой и традиционной для сельского мира” [11].

Таким образом, политико-идеологические установки “Вокс” представляют собой сплав традиционных консервативных воззрений со многими характеристиками, присущими современным западноевропейским праворадикальным партиям. При этом установки партии оплодотворяются национальным духом.

РОЛЬ “ВОКС” В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИСПАНИИ

“Вокс” вступила на политическую арену Испании, когда функционировало левоцентристское правительство ИСРП во главе с П. Санчесом. После ноябрьских выборов 2019 г. оно стало коалиционным – на правах младшего партнера к министрам из ИСРП присоединились министры из левой коалиции “Объединенные Подемос”. Деятели “Вокс” утверждают, что “социал-коммунистическое правительство” несет угрозу национальному единству, поскольку находится в зависимости от сепаратистских партий. В январе 2020 г. С. Абаскаль заявил: “Мира с Педро Санчесом не будет. Будет тотальная и фронтальная оппозиция – как в парламенте, так и в судах, и на улице” [18].

Решения и инициативы правительства по большей части встречаются этой партией в штыки. “Вокс” и близкие к ней организации постоянно организуют манифестации по всей Испании с це-

лью делегитимизировать правительство. Следует отметить, что манифестации “Вокс” становятся центром притяжения для правоэкстремистских группировок, нередко совершающих в ходе их противоправные действия.

В марте 2020 г., через некоторое время после начала эпидемии *COVID-19*, “Вокс” потребовала ухода кабинета министров П. Санчеса в отставку и замену его правительством “национальной чрезвычайной ситуации”, образованным непартийными технократами, с единственной целью “обуздать пандемию и спасти свободу и благополучие испанцев”, которым угрожает нынешнее правительство [19]. В октябре “Вокс” внесла в парламент вотум недоверия правительству. Однако попытка оказалась неудачной, и партия со своими 52 головами депутатов осталась в одиночестве.

“Вокс” с момента зарождения была отторгнута значительной частью испанской общественности, стремившейся создать вокруг нее “санитарный кордон”. В постфранкистские десятилетия слово “правые” в Испании непопулярно, многие правые деятели и избиратели предпочитают себя так не называть, зачастую из страха быть обвиненными в приверженности франкизму.

Основной партнер “Вокс” – правоцентристская Народная партия, с которой она генетически связана своим происхождением. По ряду вопросов обе партии одинаково голосуют в парламенте, сотрудничают в автономных областях и муниципалитетах. В некоторых регионах НП вместе с другой правоцентристской партией “Сьюдаданос” управляют при поддержке “Вокс” (Андалусия, Мурсия, автономная область Мадрид).

Вместе с тем отношения между двумя партиями довольно сложные. Само рождение “Вокс” ее деятели, так же как и некоторые другие политики, объясняли тем, что НП не защищала должным образом национальное единство и традиционные ценности³. Позже активисты “Вокс” стали называть НП “трусливой правой”. Электоральные успехи новой партии обострили борьбу за первенство в правом лагере. Часть электората НП потянулась к “Вокс”. Стремясь не допустить потери голосов, лидер НП Пабло Касадо пытался выгнать таким же решительным и бескомпромиссным, как и руководство “Вокс”, и взял на вооружение многие слагаемые праворадикальной риторики. Выборы в апреле 2019 г. показали, что такой курс себя не оправдал. П. Касадо не только

³ По мнению прежнего лидера НП Хосе Мария Аснара, усиление “Вокс” – это следствие бездействия правительства НП во главе с Мариано Рахоем во время попытки каталонских сепаратистов отделиться. *Los secretos de la estrategia de Vox. El Pais*, 12.05.2019. Available at: https://elpais.com/elpais/2019/05/10/ideas/1557485729_129647.html (accessed 05.02.2021).

не переломил ситуацию, но усугубил ее. На этих выборах НП потерпела самое серьезное в своей истории поражение: ее электорат сократился примерно вдвое по сравнению с предшествующими выборами 2016 г. — 4,4 млн избирателей (16,7%) против 7,9 млн (33,4%). Радикально настроенная часть избирателей НП предпочла проголосовать за “Вокс”, потому что позиция последней изначально выглядела безоговорочно твердой, отличавшейся от метаморфоз, происходивших в НП. Как говорят в Испании, объясняя отток голосов от НП к “Вокс”, “оригинал лучше, чем копия”.

Показательным для отношений между двумя правыми партиями стало уже упоминавшееся голосование по вотуму недоверия правительству П. Санчеса в октябре 2020 г. Выдвигая это предложение, “Вокс” направляла удар и против НП, поскольку ставила последнюю в сложное положение. Проголосовать за вотум недоверия — означало для консерваторов поддержать “Вокс”, то есть согласиться с тем, что она перехватывает стратегическую инициативу в правом лагере и диктует свои правила игры. Проголосовать против или воздержаться значило — отказаться от роли радикальной оппозиции и оставить это поле “Вокс”. НП воздержалась, отмежевываясь от “Вокс” и вернувшись в тот момент на привычное место правоцентристской партии.

Ряд деятелей НП видят в набравшей силу “Вокс” сильного конкурента и даже угрозу для своей партии. В прошлом видный деятель Народной партии Хайме Майор Ореха в марте 2021 г. предупредил об «опасности исчезновения НП в том случае, если она не объединится с “Вокс” на более-менее равноправной основе» [20].

Электоральные успехи “Вокс” повлияли и на политический курс правоцентристской партии “Сьюдаданос”. Прежде блокировавшаяся в зависимости от обстоятельств то с правыми, то с левыми, она совершила крутой поворот вправо, взяв на вооружение агрессивный националистический дискурс “Вокс”. Этот вираж обернулся для “Сьюдаданос” еще большими электоральными потерями, чем для НП. Многие ее избиратели отдали голоса “Вокс”.

Избирательный корпус “Вокс” первоначально составляли преимущественно обеспеченные слои населения. Отдельно надо назвать военных и полицейских (в этих кругах партия имеет тесные связи)⁴. По мере усиления своих позиций “Вокс” превратилась в поликлассовую партию, распространившую свое влияние также на трудовые слои

⁴ К примеру, в избирательный список “Вокс” были включены четыре генерала, подписавшие летом 2018 г. манифест против уже упомянутого решения правительства П. Санчеса о переносе останков Франко из его мавзолея. Rubio Pueyo V. Op. cit., p. 9.

населения. На досрочных парламентских выборах в ноябре 2019 г. она стала единственной партией, получившей электоральную прибавку в 10 самых бедных селениях Испании. Во многих случаях на выбор людей повлияло присутствие значительной прослойки нелегальных иммигрантов, которых “Вокс” обещала депортировать [21]. Критическое отношение партии к феминизму делает ее привлекательной прежде всего для мужчин, составляющих большинство электората. При оценке политико-электорального влияния “Вокс” не следует сбрасывать со счетов и то, что за продиктованным политкорректностью отношением части общественности к ней как к “нерукопожатной” партии скрывается одобрительное отношение к тем или иным ее установкам.

Резкое расширение электората “Вокс” — свидетельство того, что в испанском общественном сознании происходят серьезные сдвиги. Значительные слои населения поддерживают партию, которая впервые в постфранкистской Испании преодолела негласное табу на широкую пропаганду националистических идей. “Вокс” более последовательно и целеустремленно, чем любая другая испанская партия, отстаивает традиционные ценности и бросает вызов неолиберальной парадигме общественного развития. Раздвигнув рамки общественных дебатов, она обострила противостояние левого и консервативно-традиционалистского лагерей.

МЕСТО “ВОКС” В СПЕКТРЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ ЕВРОПЫ

К какому типу правых партий можно отнести “Вокс” — консервативно-ортодоксальных, радикальных, экстремистских (ультраправых)? Несомненно, существование глубокого идейно-политического родства между нею и Народной партией. Обе защищают традиционные консервативно-католические и семейные ценности, закон и порядок. Тем не менее “Вокс” трудно причислить к традиционным правоконсервативным партиям. Если НП, ориентируясь на усиление централистских начал в государстве автономий, не требует его упразднения, то “Вокс” настаивает на последнем. Другое принципиальное отличие — нативизм “Вокс”, выраженное присутствие в ее дискурсе ксенофобского отношения к иммигрантам, которого нет в программно-идеологических установках Народной партии. Знаменательно, что политики из НП, в ряде случаев сотрудничая с “Вокс”, одновременно дистанцируются от нее. Так, пресс-секретарь НП Хавьер Марото заявил в декабре 2020 г., что “Вокс” отрицает “разнообразие, европеизм, насилие против женщин” и “защищает Испанию, но стальгирующую по временам франкизма” [22].

В общественном мнении Испании, включая часть научного сообщества, “Вокс” нередко квалифицируется как “экстремистская”, “ультраправая”, “неофранкистская” партия. Представляется, что это пропагандистские определения, рассчитанные на эмоциональное восприятие аудитории. С нашей точки зрения, “Вокс” праворадикальная, но не правоэкстремистская (ультраправая) партия. Существует принципиальная разница между понятиями “экстремизм” и “радикализм”. Правые экстремисты борются с демократической системой и стремятся заменить ее диктаторским государством, используя при этом насилие. Правые радикалы же в целом принимают демократию и демократические правила игры, не апеллируя к насилию. Анализ документов и политической практики “Вокс” свидетельствует, что она не выступает против демократической системы и не требует ограничения прав и свобод большинства населения. Партия не ставит вопрос о реставрации в Испании авторитаризма и не намерена использовать насилие для достижения своих целей.

Критикуя режим либеральной демократии в Испании, “Вокс” стремится не демонтировать, а реформировать его. Ревизия предполагает резкое усиление централизаторских, унитаристских начал в государстве путем упразднения прав автономий, а также очень существенное ограничение прав национальных меньшинств (каталонцев, басков, иммигрантов). Эта позиция влечет за собой активизацию авторитарных тенденций в массовом сознании. Таким образом, “Вокс” отбрасывает одни принципы либеральной демократии (ряд элементов политического плюрализма), не отвергая другие.

Следует иметь в виду, что данный анализ отношения “Вокс” к либеральной демократии основан на изучении ее документов и выступлений руководителей в условиях пребывания в оппозиции. Но как поведет себя эта партия в случае прихода к власти — пойдет ли она по пути демонтажа либерального государства или ограничится пересмотром ряда его элементов? Это остается неясным.

Можно ли назвать “Вокс” популистской партией? В программных документах и выступлениях ее руководителей практически отсутствует типичное для таких партий утверждение о существовании противоречия между народом и “коррупционной элитой”. Слово “коррупция” используется редко, а слово “народ” вообще не употребляется — по контрасту с постоянным использованием слов “Испания” и “испанцы”. Безусловно, “Вокс” нельзя относить к числу классически популистских партий, но неверно считать и антипопулист-

ской, поскольку ее популизм проявляется в националистической риторике. Можно согласиться с испанским политологом Карлесом Феррейрой, считающим, что риторика “Вокс” “намного более националистическая, чем популистская”, хотя элементы популизма в ее дискурсе, несомненно, присутствуют [12, р. 90].

Показательно, что, войдя в Европарламент в мае 2019 г., “Вокс” вступила не в парламентскую группу “Идентичность и демократия”, а в группу “Европейских консерваторов и реформистов”, между которыми существует заметное различие. В первой представлены праворадикальные популистские партии (французское “Национальное объединение”, “Альтернатива для Германии”, итальянская “Лига”, австрийская “Партия свободы”). Вторая группа более гетерогенна. Польская партия “Порядок и справедливость” и “Шведские демократы” соседствуют в ней с Консервативной партией Великобритании, которую вряд ли можно причислить к праворадикальным и популистским [12, р. 88].

Примечательно, что кризис бипартизма в Испании сопровождался сперва взлетом леворадикальной “Подemos”, а затем праворадикальной “Вокс”. Пустовавшие прежде фланги теперь заполнены. Партийная система обрела законченный вид: в ней присутствуют пять основных национальных партий разной направленности (включая “Сьюдаданос”). Перед испанцами расширились возможности выбора. В то же время система поляризованной многопартийности привнесла в политическую жизнь и новые риски, резко ослабив консенсусные начала и усложнив проблему управляемости.

В начале 2020-х годов “Вокс” находилась на подъеме. Ее программа и политическая практика созвучны умонастроениям миллионов испанцев. Усиление этой партии вписывается в общий тренд роста влияния праворадикальных партий, борющихся за политико-культурную гегемонию в европейских обществах.

Перспективы “Вокс” зависят от многих факторов: развития политической, социально-экономической и социально-психологической ситуации в Испании и Европе; политики властей, их способности найти адекватные ответы на многочисленные проблемы, стоящие перед обществом; положения дел в самой партии. Как бы там ни было, очевидно, что “Вокс” — не сиюминутное явление. Это партия, которая вошла в политическую жизнь Испании и не без успеха предлагает свою модель ее развития, во многом альтернативную существующей нелиберальной парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ortiz Barquero P., Ruiz Jiménez A.M., González Fernández M.T. El caso español y sus implicaciones para el estudio de la ultraderecha: antecedentes y nuevas estrategias de investigación. *Revista de estudios políticos*, 2020, no. 188, pp. 199-220.
2. Хенкин С. Испания: современные тенденции массового протеста. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 9, сс. 73-82. [Khenkin S. Spain: Modern Trends of Mass Protest. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 9, pp. 73-82. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-73-82>
3. Rubio-Pueyo V. *Vox: una nueva extrema derecha en España?* New York, Rosa Luxemburg Stiftung, 2019. 21 p.
4. Elecciones generales de 2019 en España: resultado y ganador. *La Vanguardia*, 13.10.2019. Available at: <https://www.lavanguardia.com/elecciones/elecciones-generales-noviembre-2019> (accessed 20.03.2021).
5. Los resultados dan la victoria al PSC a escasa distancia de ERC y Junts. *La Vanguardia*, 14.02.2021. Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/elecciones/20210214/6247579/resultados-elecciones-catalanas-14f-psc-erc.html> (accessed 20.03.2021).
6. Arroyo Menendez M. Las causas del apoyo electoral a Vox en España. *Política y sociedad*, 2019, no. 3, pp. 693-717.
7. Кожановский А.Н. Эволюция социально-культурных ценностей и норм испанского общества на рубеже XX–XXI веков. *Иberoамериканские тетради*, 2017, вып. 1 (15), сс. 41-45. [Kozhanovskii A.N. Evolution of socio-cultural values and norms of the Spanish society at the turn of the XX–XXI century. *Iberoamerikanskije tetradi*, 2017, vol. 1 (15), pp. 41-45. (In Russ.)]
8. Астахова Е.В. Особенности дискурса партии Vox и причины ее успеха. *Испания в новой национальной и международной реальности*. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А., отв. ред. Москва, ИЛА РАН, 2020, сс. 35-44. [Astakhova E.V. Peculiarities of the Vox party discourse and the reasons for its success. *Spain in a new national and international reality*. Yakovlev P.P., Kurakina-Damir A.A., eds. Moscow, ILA RAN, 2020, pp. 35-44. (In Russ.)]
9. *Manifiesto Fundacional*. Available at: <https://www.voxespana.es/espana/manifiesto-fundacional-vox> (accessed 04.02.2021).
10. *Qué piensa y qué propone realmente el programa de Vox para España*, 08.11.2019. Available at: <https://magnet.xataka.com/en-diez-minutos/que-piensa-que-propone-realmente-programa-vox-para-espana-1> (accessed 04.02.2021).
11. *Las 100 medidas urgentes de Vox para España*. Available at: https://cadenaser.com/ser/2019/04/08/politica/1554730981_370802.html (accessed 05.02.2021).
12. Ferreira C. Vox como representante de la derecha radical en España: un estudio sobre su ideología. *Revista Española de Ciencia Política*, 2019, no. 51, pp. 73-98.
13. *El discurso y la posición de Vox sobre el franquismo*, 20.11.2020. Available at: <https://maldita.es/malditahemeroteca/20201120/el-discurso-y-la-posicion-de-vox-sobre-el-franquismo/> (accessed 01.03.2021).
14. Sánchez Rodríguez J. Un análisis de Vox: Causas de su éxito, naturaleza de su programa, estrategias de crecimiento. *Rebelión*, 06.02.2020. Available at: <https://rebellion.org/un-analisis-de-vox-causas-de-su-exito-naturaleza-de-su-programa-estrategias-de-crecimiento/> (accessed 14.03.2021).
15. *Vox plantea un cambio “radical” en la ley de las armas para que se puedan llevar para la autodefensa*. Available at: <https://www.rtve.es/noticias/20190320/vox-plantea-cambio-ley-armas-para-se-puedan-llevar-para-defensa-propia/1905820.shtml> (accessed 03.04.2021).
16. Vox insiste en declarar el 8M día de las víctimas del coronavirus y tilde de “violento” y “enloquecido” al movimiento feminista. *La Vanguardia*, 08.03.2021. Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/20210308/6265749/vox-insiste-declarar-8m-dia-nacional-victimas-coronavirus.html> (accessed 25.03.2021).
17. Испанский “рай феминисток” атаковали за “феминизм”. *Vzglyad*, 13.11.2019. [Spanish “feminist paradise” was attacked for “feminazism”. *Vsglyad*, 13.11.2019. (In Russ.)] Available at: <https://vz.ru/news/2019/11/13/1008271.html> (accessed 05.04.2021).
18. *Vox calienta la calle entre ataques a sedes del PSOE, amenazas a políticos y llamamientos golpistas*, 12.01.2020. Available at: https://www.elplural.com/politica/espana/vox-calienta-calle-ataques-sedes-psoe-amenazas-politicos-llamamientos-golpistas_231101102 (accessed 15.03.2021).
19. *Vox reclama la dimisión de Pedro Sánchez y la creación de un Gobierno de “emergencia nacional”*. Available at: <https://elpais.com/espana/2020-03-31/vox-reclama-la-dimision-de-pedro-sanchez-y-la-creacion-de-un-gobierno-de-emergencia-nacional.html> (accessed 05.02.2021).
20. El Aznarismo reclama a Casado la integración con Vox para evitar la extinción del PP. *El País*, 02.03.2021. Available at: <https://elpais.com/espana/2021-03-01/el-aznarismo-reclama-a-casado-la-integracion-con-vox-para-evitar-la-extincion-del-pp.html> (accessed 03.03.2021).
21. Vox, el único partido que crece en los diez pueblos más pobres de España. *ABC*, 14.11.2019. Available at: https://www.abc.es/espana/abci-unico-partido-crece-diez-pueblos-mas-pobres-espana-201911132223_noticia.html (accessed 05.02.2021).
22. *El PP acentúa su distancia con Vox: “Defiende una España nostálgica de los años del franquismo”*. Available at: <https://www.servimedia.es/noticias/1338629> (accessed 14.03.2021).

VOX – SPANISH VARIANT OF RADICAL RIGHT PARTY IN PRESENT-DAY EUROPE

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 69-78)

Received 19.04.2021.

Sergey M. KHENKIN,

ORCID 0000-0003-2137-2113, sergkhenkin@mail.ru

Moscow State Institute of International Relations, The Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation;

Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAS), 51/21, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117418, Russian Federation.

For many years, Spain was one of a few European countries without an influential radical right party. In the recent years, the situation has changed sharply as a marginal right radical party VOX turned into a significant force – a third party in the Cortes according to the number of votes. The stormy take off of VOX cannot be separated from the systemic crisis of the Spanish polity which manifested itself particularly in the Catalan conflict. The threat to territorial integrity gave rise to a sense of impaired national dignity. Spanish nationalism, which seemed to recede into the background of the societal agenda during the first post-Francoist decades, has revived in a more radical guise. VOX advocates militant nationalism and upholds traditional values challenging the liberal paradigm of societal development. By sharply criticizing the liberal democratic regime VOX intends not to dismantle but to reform it. The revision assumes the reinforcement of centralizing and unitary origins in the Spanish state through the abolition of the autonomies' rights and also the radical restrictions of the rights of ethnic minorities (Catalans, Basques, immigrants). Such standpoint entails the strengthening of authoritarian tendencies in the mass consciousness. At the same time, the party does not stand against the democratic system and does not raise the question on the restoration of authoritarianism in Spain. VOX, therefore, discards some principles of liberal democracy (a number of elements of political pluralism), without rejecting the other (rights and freedoms for the majority of the population).

Keywords: Spain, VOX, liberal paradigm, systemic crisis, nationalism, traditional values, state of autonomies, Catalan conflict, ethnic minorities, People's Party, Spanish Socialist Workers' Party, Podemos, Ciudadanos.

About author:

Sergey M. KHENKIN, Doctor of History, Professor, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-69-78

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА ЮГЕ АФРИКИ

© 2021 г. А. Кузнецов

*КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ORCID 0000-0001-5172-9924, kuznetsov_alexei@mail.ru
ИНИОН РАН, РФ, 117418 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21.*

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 17-78-20216 “Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы” реализован в ИМЭМО РАН.

Статья поступила в редакцию 09.05.2021.

Под Югом Африки в статье понимаются 10 стран – ЮАР, Намибия, Ботсвана, Эсватини, Лесото, Зимбабве, Замбия, Малави, Ангола и Мозамбик. Регион может занять важное место в общей политике экономического разворота РФ на Глобальный Юг. Проведенный автором анализ показал, что пока лишь ЮАР и Ангола характеризуются диверсифицированной структурой двусторонних экономических связей, причем довольно благоприятной для России. Тем не менее потенциал для углубления сотрудничества с РФ есть почти у всех стран региона.

Ключевые слова: Юг Африки, Россия, ЮАР, Ангола, внешняя торговля, товарная структура торговли, прямые иностранные инвестиции, российские ТНК.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-79-87

Разразившийся в 2020 г. глобальный экономический кризис ведет к переформатированию мирового хозяйства, трансформации глобальных цепочек стоимости, существенным сдвигам в структуре и географии торгово-инвестиционных связей большинства государств [1, 2]. Перед Россией стоит задача поиска новых ниш в меняющемся мире с учетом ресурсного и демографического потенциала разных регионов мира. Рассмотрим ситуацию на Юге Африки [3], к которому в узком смысле относят ЮАР и соседние 4 небольшие государства – Намибию, Ботсвану, Лесото и Эсватини (бывш. Свазиленд). Такого подхода придерживается ООН [4, р. xviii], а вслед за ней Банк России в своей статистике прямых иностранных инвестиций. Перечисленные 5 стран образуют один из старейших в мире таможенных союзов – Южноафриканский (ЮАТС).

Вместе с тем существуют и более широкие трактовки. Например, в основанном в 1992 г. Сообществе развития Юга Африки (САДК) сейчас 16 членов (правда, среди них есть центральноафриканская страна – Демократическая Республика Конго). Панафриканская исследовательская сеть “Афробарометр” рассматривает 12 государств: помимо 5 членов ЮАТС бывшие британские колонии Зимбабве, Замбию и Малави, португалоязычные Анголу и Мозамбик, а также островные Мадагаскар и Маврикий [5]. Африканский банк развития тоже выделяет 12 стран [6, р. 73].

Британская энциклопедия определяет Южную Африку в составе 10 стран, исключая островные государства, причем Мадагаскар прежде всего по языковому признаку [7]. Новостной портал *AllAfrica.com* включает Мадагаскар и Маврикий в Восточную Африку, относя к Южной Африке лишь остальные 10 государств. Наконец, эти же 10 стран обособляют в отдельный регион Африканский союз [8, р. 18] и ЮНКТАД в ежегодных докладах о мировых инвестициях [2, р. 239]. Такого же подхода будем придерживаться и мы, рассматривая 10 стран – ЮАР, Намибию, Ботсвану, Эсватини, Лесото, Зимбабве, Замбию, Малави, Анголу и Мозамбик с точки зрения текущей ситуации и потенциала их внешнеторгового и инвестиционного сотрудничества с Россией.

ЗНАЧЕНИЕ ЮГА АФРИКИ ДЛЯ РОССИИ

На государственном уровне в РФ Югу Африки уделяется не слишком большое внимание. С одной стороны, из 7 африканских стран, с которыми у нас действуют соглашения об избежании двойного налогообложения, Намибия, ЮАР и Ботсвана находятся в этом регионе. Среди 67 стран, с которыми у России действуют соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений, в Африке находятся 6, в их числе ЮАР, Ангола и Зимбабве. В ЮАР расположено единственное торгпредство России в Африке южнее Сахары (АЮС), тогда как

на севере континента их три. С Анголой, Зимбабве, Мозамбиком, Намибией и ЮАР есть межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (они созданы также и с 13 другими странами Африки).

В 2018 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров совершил турне по 5 африканским странам, 4 из которых расположены на юге континента (Ангола, Намибия, Мозамбик и Зимбабве). Выбор был нацелен на поиск новых форм экономического сотрудничества со странами, которым СССР активно помогал в борьбе за независимость [9]. В 2019 г. перед саммитом Россия–Африка в РФ приезжали четыре африканских президента, в том числе Зимбабве (Э. Мнангагва), Анголы (Ж. Лоуренсу) и Мозамбика (Ф. Ньюси).

С другой стороны, Россия до сих пор не преодолела негативных последствий “ухода” с Черного континента после распада СССР. Прекращена деятельность торгпредств сначала в 1996 г. в Замбии и Зимбабве, а в 2000-е годы – в Анголе и Мозамбике. Самое свежее соглашение об избежании двойного налогообложения в регионе (с Ботсваной) вступило в силу в 2010 г. Такого режима нет ни с Мозамбиком, ни с Анголой, входящими в число 20 важнейших партнеров нашей страны в Африке. При этом в целом такие соглашения есть с 85 государствами. Подписанное в 2009 г. соглашение о взаимной защите и поощрении капиталовложений между РФ и Намибией до сих пор не вступило в силу (впрочем, как и соглашения с такими странами, как Алжир, Марокко, Нигерия и Эфиопия).

На 10 стран региона, где в 2019 г. проживало почти 180 млн человек (14% населения всего континента) и которые формируют при расчете по паритетам покупательной способности валют 19% ВВП всей Африки [10], приходится менее 10% африканского товарооборота России¹. У нас до сих пор нет комплексного видения места отечественных компаний в экономике стран Юга Африки, нередко случайные разовые крупные сделки могут определять структуру торговли с отдельными государствами. По сути, связи развиваются на основе того, что может предложить российский бизнес, для которого этот регион никогда не входил в число приоритетных, а не на базе того, что нужно африканским партнерам (хотя часть такого спроса российские компании легко могли бы удовлетворить даже в условиях конкурентной борьбы с европейскими и китайскими ТНК). Выход на африканские рынки и завоевание устойчивых позиций требуют системной политико-дипломатической, кредитно-финансовой, правовой поддержки со стороны государства, подкрепленной экспертным сопровождением со стороны научного сообщества [11].

¹ Рассчитано автором на основе данных Федеральной таможенной службы РФ.

Российские эксперты понимают важность Юга Африки для внешнеэкономических связей России. Советский задел (СССР оказал большую экономическую помощь освободившимся от колониализма государствам региона, прежде всего Анголе) может быть использован для наращивания “мягкой силы” РФ [12]. Однако пока регион рассматривают в отрыве от других возможных векторов развития российских внешнеэкономических связей. Внешняя торговля и инвестиции осуществляются отдельными компаниями, имеющими большой выбор в части географии. К сожалению, специалисты-африканисты часто упускают это из виду. Иными словами, для российского бизнеса не стоит задача замкнуться на российском рынке либо идти в Африку, особенно на юг континента. Можно сетовать, что “российская бизнес-элита обогатилась на основе экономического сотрудничества с западными странами и не может в той или иной мере не тормозить отход от евроцентризма, достижения оптимально выгодного, с точки зрения национальных интересов, соотношения между западным и восточным векторами во внешнеполитической стратегии России” [13, с. 207]. Однако если российским ТНК невыгодно отказываться от связей со странами ЕС в пользу стран Африки, то нет смысла заставлять их платить (причем не только снижением прибылей, но и возможным сокращением рабочих мест на их предприятиях в РФ) за некие внешнеполитические расклады.

Нередко годами проработавшиеся российским бизнесом планы выхода на африканский рынок рушатся в результате некоего политического решения при невозможности заменить их аналогичным проектом в соседних странах. Достаточно вспомнить предпринимавшиеся с 2012 г. усилия “Росатома” принять участие в строительстве АЭС в ЮАР, которая уже имеет действующую АЭС. Давались радужные прогнозы о вхождении российского бизнеса в электроэнергетику ЮАР, а возможно, и превращении страны с нашей помощью в “ядерный” хаб континента [14]. “Росатом” действительно имел большие шансы на успех в борьбе за тендер с французским и другими конкурентами, однако в 2018 г. по внутривнутриполитическим соображениям ЮАР закрыла всю программу дальнейшего строительства АЭС.

Более того, уже при принятии решения войти со своими товарами или инвестициями на континент, выбор точно не ограничивается ЮАР, Анголой или еще какой-то страной наиболее территориально удаленной от России Юга Африки – альтернативой служат многие страны Северной и Тропической Африки. Например, в 2009 г. “Лаборатория Касперского” открыла представительство в ЮАР, менее чем за десятилетие доведя свою долю на рынке информационной безопасности страны до 10%. Офис фирмы в Йоханнесбурге стал

Таблица 1. Внешняя торговля России со странами Юга Африки, млн долл., 2014–2020 гг.

Страна	2014			2015	2016	2017	2018	2019	2020		
	Экспорт	Импорт	Оборот						Экспорт	Импорт	Оборот
ЮАР	285.0	690.8	975.9	836.2	718.4	831.5	1069.9	1107.6	288.4	693.4	981.8
Мозамбик	54.7	38.0	92.6	109.7	75.1	92.3	114.8	92.0	88.4	32.3	120.7
Ангола	58.0	0.1	58.2	243.9	567.9	119.7	79.5	79.1	79.4	2.9	82.3
Малави	16.5	73.6	90.1	77.5	76.0	75.3	85.5	69.6	11.6	64.1	75.7
Зимбабве	9.1	33.0	42.1	45.4	67.0	53.1	45.9	33.1	3.0	45.8	48.8
Намибия	2.5	3.6	6.0	55.9	24.1	2.0	14.9	14.1	24.2	5.3	29.5
Ботсвана	6.6	0.0	6.6	22.6	21.3	18.7	19.9	31.9	24.6	4.3	28.9
Замбия	3.3	15.9	19.2	28.6	13.9	11.6	9.9	98.2	9.5	11.7	21.2
В целом 8 стран	435.6	854.9	1290.6	1419.8	1563.8	1204.1	1439.9	1526.6	529.1	859.8	1388.9
Вся Африка	9376	2814	12 189	12 152	13 779	17 447	20 421	16 798	11 825	2583	14 408

Составлено на основе статистики ФТС России (<http://www.customs.ru>).

Примечание. Данные по Лесото и Эсватини не приведены из-за их незначительности.

26-м за рубежом и изначально был ориентирован на 40 стран АЮС. По мере расширения присутствия “Лаборатории Касперского” на континенте изначально планировалось открыть два дополнительных офиса – в Западной и Восточной Африке², в 2019 г. офис был действительно открыт в столице Руанды. Тем не менее, на наш взгляд, на основе одного проекта не стоит делать далеко идущие выводы о выгоды завоевания российскими компаниями всего рынка информационных услуг Африки именно через ЮАР [15, с. 36].

Нельзя игнорировать и конкуренцию со стороны других глобальных игроков, причем ТНК не только развитых государств, но и Китая, Индии, Бразилии, других стран Глобального Юга. Да и местный бизнес уже не является пассивным объектом внешнеэкономических связей, причем речь идет не только о ТНК из ЮАР, но и, например, о *Sonangol* и ряде других ангольских инвесторов. Довольно наивными, по нашему мнению, выглядят пожелания некоторых экспертов развивать кооперацию между ТНК из России и Китая, других конкурентов, отталкиваясь от декларативных заявлений политического по своей сути формата БРИКС (см., например, [16]). Куда реалистичнее позиция ряда африканистов, отмечающих, что уже сейчас разворачивается конкуренция Китая, Индии и Бразилии за рынки тех стран Юга Африки, которые могут показать высокий экономический динамизм (например, Мозамбика, где роль России пока более чем скромная) [17].

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ С ЮГОМ АФРИКИ

Товарная торговля России с Югом Африки демонстрирует неустойчивую динамику (табл. 1).

² “Касперский”: наш офис в ЮАР покрывает почти всю Африку. 19.11.2009. Available at: https://www.cnews.ru/news/top/kasperskij_nash_ofis_v_yuar_pokroet (accessed 04.04.2021).

Рост 2015–2016 гг. сменился падением показателя в 2017 г., так что новый восходящий тренд не позволил в 2019 г. даже превзойти уровень трехлетней давности. В 2020 г. дополнительные сложности создал глобальный экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса *COVID-19*. Устойчивого роста показателей у России нет в товарной торговле ни с одной страной региона. Более того, оборот российско-ангольской торговли в 2018–2020 гг. в разы меньше, чем в 2015–2016 гг. По сути, в регионе доминирует ЮАР, на которую приходилось свыше 75% российского товарооборота с Югом Африки в 2014 г. и более 70% – в 2020 г.

Резкие всплески показателей торговли нередко связаны с крупными, но нестабильными поставками вооружений и военной техники. При этом самым серьезным конкурентом по доле рынка во многих странах выступают не европейские поставщики или бывшие советские республики, а Китай (подробнее см. [18, 19]). Вместе с тем в ряд стран в последнее время растет и гражданский экспорт, хотя поставки также нестабильны. Как пример приведем российский экспорт автомобилей в Замбию, что привело к перемещению Замбии с 8-го на 2-е место в регионе в 2019 г. и обратно в 2020 г. Поставки автомобилей в 2019 г. обеспечили почти 2/3 экспорта России в эту страну, причем по объему продаж российских грузовиков, достигшему 32 млн долл., Замбия уступила лишь Белоруссии и Казахстану. Однако в 2020 г. экспорта автомобилей в Замбию из России уже не было. Можно упомянуть и выпуск дензнаков для Анголы и Замбии. Например, в 2019 г. экспорт монет и банкнот обеспечил 19% российских товарных поставок в Анголу. Сильно колеблются и встречные поставки сырьевых товаров и продовольствия в Россию.

Анализируя статистику ФТС, легко заметить, что почти со всеми странами Юга Африки у Рос-

сии несбалансированная торговля, причем в случаях ЮАР и особенно Малави и Зимбабве у нашей страны крупное отрицательное сальдо. В торговле с Зимбабве это объясняется масштабными поставками табака (около 90% всего российского импорта из этой страны) и другой сельскохозяйственной продукции, тогда как российский экспорт представлен прежде всего минеральными удобрениями (в 2020 г. свыше 80% российских поставок в Зимбабве против 56% в 2019 г.), а также энергетическим оборудованием (при этом в 2019 г. почти 25% пришлось на экспорт печатной продукции, не осуществлявшийся в 2020 г.; одновременно прекращен экспорт зерна, но начат экспорт в рамках “секретного кода”)³.

В Малави Россия также закупает почти исключительно табачное сырье (свыше 98% импорта), а поставляет в основном зерно (больше 90% экспорта, а после прекращения в 2020 г. поставок овощей и масел — 98.7%)⁴, что означает почти полное отсутствие взаимной торговли промышленной продукцией. Почти 10-кратный рост российского экспорта в Намибию за шесть лет (см. табл. 1) обеспечен в основном поставками зерна, взаимная торговля также мало связана с поставками готовых товаров.

Иная ситуация складывается в российской торговле с ЮАР и двумя бывшими португальскими колониями, придерживавшимися до распада СССР социалистической ориентации. В торговле с Анголой и ЮАР у России наблюдается самая диверсифицированная структура экспорта, основанная на большом количестве сравнительных преимуществ. При этом выделяются среди прочего поставки из России продукции с высокой добавленной стоимостью, особенно в Анголу [20].

Больше половины российского товарного экспорта направляется в самую развитую страну Юга Африки — ЮАР. Структура взаимной торговли в этом случае лишь отчасти приближена к тому, что наблюдается в отношениях России и ЕС, — преимущественно сырье и полуфабрикаты Россия в немалой степени обменивает на готовую продукцию. Например, на машинотехническую продукцию приходится около 1/5 российских закупок в ЮАР. Вместе с тем 30.5% российского импорта из ЮАР в 2019 г. и свыше 41% в 2020 г. составили фрукты и орехи, еще около 22% в оба года — руды. Экспорт России в ЮАР тоже более диверсифици-

рован по сравнению с поставками в страны Запада, особенно в части химикатов (наряду с удобрениями поставляются на сумму несколько миллионов долларов в год неорганические химикаты, каучук и резинотехнические изделия, пластмассы), лесобумажной продукции и металлов (в основном экспортируется сталелитейная продукция, но также и алюминий). При этом, как и в экспорте во многие другие страны Африки, ведущая статья российского экспорта в ЮАР — зерно (почти 1/4 в 2019 г. и 40% в 2020 г.).

К сожалению, на фоне других внешнеторговых партнеров значение РФ для ЮАР (впрочем, как и других стран Юга Африки) невелико. Например, по данным южноафриканской статистики, в 2020 г. Россия была лишь 35-м по значению внешним рынком сбыта товаров из ЮАР с долей 0.43%, уступая Китаю в 26 раз, США и Германии — в 19, а Великобритании — в 11 раз. По масштабам поставок в ЮАР у России было 33-е место с долей 0.75%, что было в 28 раз меньше показателя Китая. В части поставок продовольствия в ЮАР Россия заметно уступает Таиланду и некоторым другим азиатским странам.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что, согласно этим данным, именно у ЮАР с Россией было отрицательное сальдо в торговле — 372.6 млн долл. экспорта в Россию против 517.3 млн долл. импорта из нашей страны. При этом Международный торговый центр приводит данные ФТС России, согласно которым российский экспорт в ЮАР в 1.8 раза ниже, а импорт в 1.9 раза выше, то есть сальдо отрицательное уже у РФ⁵. Существенные расхождения (главным образом из-за специфики регистрации торговых сделок) в масштабах экспорта и импорта в “зеркальной статистике” наблюдаются и по другим странам Юга Африки. Это хорошо иллюстрирует обобщенная статистика Всемирного банка, которая с некоторым опозданием собирает сведения разных стран (табл. 2).

ЮАР — единственная страна региона, у которой с Россией наряду с поставками товаров есть значимая торговля услугами, хотя разрыв в оборотах более чем десятикратный. ЮАР занимает среди партнеров РФ место в седьмом десятке и по торговле товарами, и по торговле услугами. По российским данным, в 2020 г. экспорт наших товаров составил 288.4 млн долл., а услуг — 19.3 млн; импорт товаров из ЮАР — 693.4 млн долл., а услуг — 93.9 млн⁶.

³ *Торговля между Россией и Зимбабве в 2020 г.* 13 февраля 2021 г. Available at: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-zimbabve-v-2020-g/> (accessed 04.04.2021).

⁴ *Торговля между Россией и Малави в 2020 г.* 13 февраля 2021 г. Available at: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-malavi-v-2020-g/> (accessed 04.04.2021).

⁵ *List of Importing Markets for a Product Exported by South Africa; List of Supplying Markets for a Product Imported by South Africa.* Available at: <https://www.trademap.org> (accessed 04.04.2021).

⁶ *Внешняя торговля Российской Федерации услугами по основным странам-партнерам за 2020 год.* Available at: http://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/trade/64-trade_20.xls (accessed 04.04.2021).

Таблица 2. Товарный экспорт РФ в страны Юга Африки в 2018 г., российские данные и “зеркальная” статистика, млн долл.

Страна	Всего		Продукты растительного происхождения		Химикаты		Недрагоценные металлы и изделия из них		Минеральное топливо		Электротехника и электроника	
	данные РФ	данные партнера	данные РФ	данные партнера	данные РФ	данные партнера	данные РФ	данные партнера	данные РФ	данные партнера	данные РФ	данные партнера
ЮАР	285.7	511.4	153.6	175.7	18.8	79.2	8.6	76.5	26.4	59.4	5.0	10.1
Ангола	49.5	96.3	9.7	17.3	4.9	14.6	1.0	1.2	5.1	24.3	4.9	8.4
Мозамбик	95.4	79.6	67.5	64.1	20.9	10.0	0.1	0.0	5.3	4.5	0.7	0.1
Зимбабве	9.7	40.5	5.3	11.4	2.8	28.1	0.0	0.0	0.0	0.0	0.7	0.2
Ботсвана ¹	19.5	36.9	0.0*	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
Намибия	14.4	26.9	4.3	13.7	1.6	8.5	0.0	0.0	0.0	0.0	0.2	0.3
Замбия	3.7	13.8	0.0	2.1	3.2	10.3	0.0	0.0	0.0	0.0	0.1	0.1
В целом 7 стран ²	477.9	805.4	240.4	284.3	52.2	142.2	9.7	77.7	36.8	88.2	11.6	19.2

¹ 99.6% российского экспорта в Ботсвану (98.8% по данным “зеркальной” статистики) приходится на драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них, причем стоимость сырьевых товаров в этих разделах составляла по российским данным свыше 70%, а по ботсванским — лишь 38%. С учетом почти двукратного разрыва в общих показателях последнее свидетельствует о регистрации экспорта обработанной продукции из России в Ботсвану в третьих государствах.

² “Зеркальные” данные по Малави и Эсватини, занимавшим 8-е и 9-е места в регионе по экспорту товаров из России, на момент написания статьи были доступны только за 2017 г.

Примечание. Данные по Лесото отсутствуют.

Составлено по: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2018/TradeFlow/Export/Partner/ZAF/Product/all-groups>

Таблица 3. Структура экспорта России в страны Юга Африки в 2020 г.

Товарные группы	ЮАР		Мозамбик		Ангола	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (коды ТН ВЭД 01–24)	116.9	40.5	76.7	86.8	50.1	63.1
Злаки (код 10)	115.5	40.1	76.3	86.3	46.1	58.0
Минеральные продукты (коды 25–27)	58.7	20.4	1.8	2.1	2.6	3.2
Химикаты (коды 28–40)	47.5	16.5	9.8	11.1	4.4	5.5
Удобрения (код 31)	36.5	12.7	9.0	10.2	2.7	3.4
Пластмассы и изделия из них (код 39)	3.3	1.2	0.0	0.0	0.1	0.1
Продукты неорганической химии (код 28)	2.1	0.7	0.3	0.3	0.6	0.8
Металлы и изделия из них (коды 72–83)	28.2	9.8	0.0	0.0	0.3	0.4
Черные металлы (код 72)	26.9	9.3	0.0	0.0	0.0	0.0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия (коды 44–49)	25.9	9.0	0.0	0.0	0.2	0.3
Бумага и картон, изделия из бумажной массы и проч. (код 48)	15.6	5.4	0.0	0.0	0.2	0.3
Машины, оборудование и транспортные средства (коды 84–90)	8.6	3.0	0.0	0.0	17.3	21.8
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного (код 87)	0.1	0.0	0.0	0.0	11.9	15.0
Реакторы, котлы и проч. (код 84)	2.3	0.8	0.0	0.0	2.8	3.5
Электрические машины и оборудование, их части и проч. (код 85)	3.4	1.2	0.0	0.0	0.5	0.6
Прочее	2.6	0.9	0.1	0.1	4.5	5.7
Драгоценные металлы и камни (код 71)	0.0	0.0	0.0	0.0	4.3	5.4
Всего	288.4	100.0	88.4	100.0	79.4	100.0

Составлено по: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-yuar-v-2020-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-mozambikom-v-2020-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-angoloy-v-2020-g/>

Меньший по объему товарный экспорт России в Анголу является наиболее диверсифицированным на фоне поставок в другие страны Юга Африки (в отличие от импорта, который на 99.5% состоит из алмазов). К сожалению, детальную картину дает только неполная статистика ФТС России (табл. 3).

Вместе с тем Ангола заняла по масштабам товарооборота с Россией лишь 107-е место по итогам 2020 г. Объемы поставок многих товаров исчисляются сотнями тысяч долларов, поэтому говорить о наличии или отсутствии потенциала завоевания рынка в той или иной нише пока очень сложно. Например, удельный вес поставок фармацевтической

продукции в российском экспорте в Анголу превысил 0.5% (почти вдвое выше, чем в целом в наших поставках по миру), но по стоимости составил только 426 тыс. долл., автомобилей – более 15% (на порядок выше, чем по российскому экспорту в целом), но только 11.9 млн долл. В 2020 г. прекратился экспорт печатной продукции (банкнот), доля которой в 2019 г. составила 17% (на сумму свыше 8 млн долл., а в 2018 г. – 14.3 млн долл. при доле 29%). В 2020 г. почти полностью прекратился и российский экспорт черных металлов в Анголу. Вероятно, в немалой степени сложившаяся нестандартная структура экспорта России в Анголу предопределена инвестиционной активностью наших ТНК.

Хотя Мозамбик в отдельные годы выходил на второе место среди торговых партнеров России в Южной Африке, структура встречных товарных поставок очень примитивна – зерно, а также удобрения обмениваются, как и в случае Малави и Зимбабве, на табачное сырье (в 2020 г. свыше 96% импорта РФ). Правда, мы закупаем в Мозамбике также фрукты.

РОССИЙСКИЕ ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ НА ЮГЕ АФРИКИ

Продвижение бизнеса на Юг Африки отвечает российским интересам по нескольким причинам. По числу жителей регион сопоставим с Россией и ее партнерами по ЕАЭС вместе взятыми, причем южноафриканское население продолжает динамично расти. С учетом аграрно-индустриального характера местной экономики это создает большие возможности для наращивания российского экспорта продовольствия (причем не только зерна), минеральных удобрений, сельскохозяйственной техники. Одновременно Юг Африки предъявляет растущий спрос на технологические, но более дешевые в сравнении с продукцией высокоразвитых стран Запады товары, включая оборудование. Регион богат природными ресурсами, которые нередко требуют дальнейшей геологоразведки и создания сопутствующей инфраструктуры для развития добывающих предприятий, что обычно сопряжено с поставками оборудования из-за рубежа. В случае активизации российских инвесторов в регионе, а также их более широкого участия в совместных проектах в добывающей и обрабатывающей промышленности, электроэнергетике и транспортном секторе сформируются предпосылки для наращивания и российского товарного экспорта.

Статистика ЦБ РФ по масштабам российских прямых инвестиций за рубежом неполная. К тому же некоторые российские ТНК входят в Африку, используя офшоры, что приводит к неверному учету географии ПИИ. “Зеркальная” статистика африканских реципиентов ПИИ также

не отличается качеством. Тем не менее проведенный нами анализ разных статистических источников (включая международные), информации на сайтах российских компаний, а также СМИ показал, что ключевыми реципиентами российских капиталовложений являются Ангола и ЮАР.

Первый крупный российский инвестиционный проект в Анголе связан с добычей алмазов компанией АЛРОСА с 1993 г. С тех пор в этой африканской стране было реализовано несколько других значимых проектов. Также там в 2006 г. открылся первый российский дочерний банк на Юге Африки – “ВТБ Ангола” (ради преодоления западных санкций в 2020 г. доля участия российского банка была снижена с 50.1 до 40%). Однако следует подчеркнуть, что инвестиционная экспансия России в Анголе проходит нелегко [21].

Ангола вряд ли может претендовать на роль плацдарма в проникновении российских инвесторов на Юг Африки, в том числе из-за наличия языкового барьера (почти все страны региона в колониальный период входили в Британскую империю, тогда как Ангола – бывшая португальская колония, причем до сих пор именно португальский язык важен для ведения бизнеса). Не помогает и отраслевая близость: так, АЛРОСА после 4 лет геологоразведки алмазов вышла в 2018 г. из совместного предприятия в Ботсване. Правда, есть пример компании “Газпром нефть”, которая, добывая сырье в Анголе, осуществляет сбыв продукции на Юге Африки не только в португалоязычном Мозамбике, но и в ЮАР.

ЮАР имеет больше шансов стать “воротами” для российских инвесторов на Юг Африки. Прежде всего эта страна сама по себе является привлекательной для прямых инвесторов из России. В последние годы о своих масштабных инвестиционных планах заявляла главным образом подвергшаяся западным санкциям РЕНОВА, которая уже владеет в ЮАР 49% акций *United Manganese of Kalahari* по разработке марганцевых руд и участвует в контроле над заводом ферросплавов *Transalloys*, вложив более 0.5 млрд долл.⁷ “Газпромбанк” выбрал в 2014 г. именно ЮАР для открытия своего дочернего банка в регионе (ранее в стране было только представительство ВЭБ), считая, что в условиях “войны санкций” с Западом выбор страны – участницы БРИКС наиболее надежный.

Самым очевидным направлением экспансии при использовании ЮАР в качестве плацдарма является Намибия. Примером служит “Росатом”, ко-

⁷ РЕНОВА планирует вложить 16.5 млрд руб. в африканские проекты вместе с партнерами из ЮАР. Available at: <https://finance.rambler.ru/business/43035279-renova-planiruet-vlozhit-16-5-mlrd-rub-v-afrikanskie-proekty-vmeste-s-partnerami-iz-yuar/> (accessed 04.04.2021).

торый через дочерние структуры ведет там разведку урановых руд. Что касается еще одной малонаселенной страны с богатыми ресурсами – Ботсваны, то иллюстрацией мог бы служить “Норильский никель”, однако он пока безуспешно пытается уйти из страны, хотя и получил в ходе ведущихся с 2016 г. судебных тяжб адекватную компенсацию за свои вложения в 85% акций *Tati Nickel Mining Company*.

В ЮАР довольно сильная конкуренция почти во всех потенциальных отраслях российской экспансии. Неслучайно “Евраз” покинул страну в 2017 г. Кроме того, во многих соседних с ЮАР странах потенциал для развития бизнеса российскими ТНК не слишком велик, а в случае Лесото и Эсватини крайне мал. Примечательно, что “Ростсельмаш”, который имеет производственные активы за рубежом, в 2018 г. начал наряду с ЮАР и Анголой (где у него есть авторизованные дилеры) поставки сельскохозяйственной техники в Зимбабве. Для нее была даже разработана известная из опыта СССР модель моторно-тракторных станций, что встретило положительную реакцию на самом высоком уровне в этой южноафриканской стране. Однако на сайте компании “Ростсельмаш” сообщается о поставке в Зимбабве пока лишь трех уборочных комбайнов и одного (!) трактора⁸. В то же время белорусские конкуренты благодаря поддержке Банка развития Беларуси, а также организации сервисного обслуживания и программ обучения для местных аграриев сообщили о поставке туда в 2019–2020 гг. нескольких сотен единиц техники на сумму более 50 млн долл. В статистике Белоруссии за 2020 г. отражен рекордный рост экспорта в Зимбабве до 24.1 млн долл.⁹

Довольно туманны перспективы российских ПИИ в Зимбабве. В конце 2014 г. ЦБ РФ зафиксировал довольно крупные капиталовложения в размере 157 млн долл. Именно тогда было анонсировано создание крупного совместного предприятия *Great Dyke Investments* по разработке платины на ме-

сторождении Дарвендейл. Однако с тех пор “Ростех” и ВЭБ вышли из проекта, так что единственным российским владельцем 50% является частная компания “Ви холдинг” В. Машицкого (правда, по сообщениям СМИ, он близок к руководству корпорации “Ростех” и данная схема может быть использована для обхода западных санкций)¹⁰.

По-видимому, ЮАР не сможет стать для российского бизнеса “воротами” в регионе только для португалоязычного Мозамбика. В связи с этим вполне закономерно, что один из лидеров российского нефтегазового бизнеса “Роснефть” входит в Мозамбик вне привязки к другим странам Юга Африки.

Безусловно, определенный интерес Юг Африки представляет для российских компаний обрабатывающей промышленности и сферы нефинансовых услуг (нередко небольших частных компаний). Однако очевидно, что без господдержки их инвестиционные проекты могут оказаться лишь экзотикой. Можно вспомнить немало анонсированных в СМИ, но в итоге не состоявшихся проектов. Вместе с тем прирост товарооборота и диверсификацию его структуры в немалой степени смогут обеспечить как раз компании, приходящие в регион в качестве инвесторов – в том числе как потребители российской продукции, экспортируемой на Юг Африки.

* * *

С точки зрения задач диверсификации российских внешнеэкономических связей страны Юга Африки вполне перспективны. Однако для реального прогресса государству, бизнесу и экспертному сообществу надо предпринимать скоординированные усилия. В частности, речь идет как об осмыслении уже накопленного опыта в ходе разрозненных попыток бизнес-экспансии в регионе, так и о продвижении российской “мягкой силы” через расширение подготовки в российских вузах южноафриканских специалистов (пока представленных в основном ангольцами и замбийцами). В противном случае на планируемом на конец 2022 г. втором саммите Россия–Африка будут опять звучать лишь слова о возможностях интенсификации торговли и расширения присутствия российских инвесторов. Важно, однако, чтобы это подкреплялось конкретными фактами российского “возвращения” на Юг Африки.

¹⁰ Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3854737> (accessed 04.04.2021).

⁸ Available at: <https://rostselmash.com/>; <https://ria.ru/20190116/1549442921.html>; <https://www.agroinvestor.ru/business-pages/34280-rostselmash-postavil-pervuyu-partiyu-zernouborochnykh-kombaynov-nova-v-efiopiyyu/> (accessed 04.04.2021).

⁹ Available at: <https://news.tut.by/economics/702398.html>; <https://agbztech.ru/news/belarus-postavila-v-zimbabve-selkhoztehniku-na-58-mln-dollarov/>; https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Official_statistika/Godovwe/Export_po_SNG20g.xlsx (accessed 04.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *World Economic Outlook. Managing Divergent Recoveries*. Washington, IMF, April 2021. 192 p.
2. *World Investment Report 2020: International Production beyond the Pandemic. Key Messages and Overview*. Geneva, United Nations, 2020. 65 p.
3. Абрамова И. О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2018, т. 11, № 5, сс. 6-21. [Abramova I. O. Africa in the Modern

- Model of the World Order: a Powerful Player or an Outsider? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 6-21. (In Russ.)] DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21>
4. *Economic Development in Africa Report 2019*. Geneva, UNCTAD, 2019. 217 p.
 5. Sanny J.A.-N., Logan C., Gyimah-Boadi E. In Search of Opportunity: Young and Educated Africans Most Likely to Consider Moving Abroad. *Afrobarometer*, March 26, 2019, no. 288. 32 p.
 6. *African Development Bank Group. Annual Report 2019*. Abidjan, ADBG, 2020. 100 p.
 7. Marks Sh.E. *Southern Africa. Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/place/Southern-Africa> (accessed 30.03.2021).
 8. *African Union Handbook 2020*. Addis Ababa, African Union Commission, 2020. 262 p.
 9. Абрамова И.О. Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*, 2018, № 5 (730), сс. 2-10. [Abramova I.O. Lavrov's African tour: new challenges and perspectives for Russian cooperation with Africa. *Asia and Africa Today*, 2018, no. 5 (730), pp. 2-10. (In Russ.)] DOI: <https://doi.org/10.7868/S032150751805001X>
 10. Мачавариани Г. *Мир в 2019 г. (Таблицы мирового развития)*. Москва, ИМЭМО, 2019. 39 с. [Machavariani G. *World in 2019. World development tables*. Moscow, IMEMO, 2019. 39 p. (In Russ.)] Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Osn_pokaz_ME/2020/FullText2020.pdf (accessed 29.03.2021).
 11. Абрамова И., Фитуни Л. Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 9, сс. 24-35. [Abramova I., Fituni L. The potential of the African continent in the development strategy of the Russian economy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 9, pp. 24-35. (In Russ.)] DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35>
 12. Abramova I.O., Fituni L.L. Russia's New Strategy on Africa. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 6, pp. 688-696. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1019331620060027>
 13. Корендясов Е.Н. Российско-африканские отношения на новом старте. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2016, т. 16, № 2, сс. 203-214. [Korendyasov E.N. The new start for Russian-African relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 203-214. (In Russ.)] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-afrikanskie-otnosheniya-na-novom-starte/viewer> (accessed 29.03.2021).
 14. Салахетдинов Э.Р., Сидоров В.А. Российские проекты и энергетическое сотрудничество в Южной Африке. *Проблемы прогнозирования*, 2018, № 3 (168), сс. 142-151. [Salahetdinov E.R., Sidorov V.A. Russian projects and energy cooperation in South Africa. *Studies on Russian Economic Development*, 2018, no. 3 (168), pp. 142-151. (In Russ.)] Available at: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2018/08/rossijskie-proekty-i-energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-yuzhnoj-afrike.pdf> (accessed 29.03.2021).
 15. Салахетдинов Э.Р., Сидоров В.А. Южная Африка: цифровой трамплин России. *Азия и Африка сегодня*, 2017, № 4 (717), сс. 31-37. [Salahetdinov E.R., Sidorov V.A. South Africa: Russian digital springboard. *Asia and Africa Today*, 2017, no. 4 (717), pp. 31-37. (In Russ.)] Available at: http://archive.asaf-today.ru/images/AA_nomers/2017/201704/Salakhedinov_Sidorov-4-2017.pdf (accessed 29.03.2021).
 16. Сапунцов А.Л. Сотрудничество многонациональных предприятий развивающегося мира и России в Африке. *Экономические науки*, 2017, № 155, сс. 65-70. [Sapuntsov A.L. Cooperation between multinational enterprises from the developing world and Russia in Africa. *Economic Sciences*, 2017, no. 155, pp. 65-70. (In Russ.)] Available at: https://ecsn.ru/app/webroot/files/pdf/201710/201710_65.pdf (accessed 29.03.2021).
 17. Дейч Т.Л., Усов В.А. "Восходящие" державы на африканском континенте: пример Мозамбика. *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 2 (679), сс. 30-36. [Deutch T.L., Usov V.A. Emerging powers in Africa: Mozambique case. *Asia and Africa Today*, 2014, no. 2 (679), pp. 30-36. (In Russ.)] Available at: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000617-4-1-ru-379/> (accessed 29.03.2021).
 18. Корендясов Е.Н. Военно-техническое сотрудничество России с Африкой. *Азия и Африка сегодня*, 2015, № 9 (698), сс. 9-18. [Korendyasov E.N. Military-technical cooperation of Russia with Africa. *Asia and Africa Today*, 2015, no. 9 (698), pp. 9-18. (In Russ.)] Available at: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-348/> (accessed 29.03.2021).
 19. Корендясов Е.Н. Военно-техническое сотрудничество России с Африкой. *Азия и Африка сегодня*, 2015, № 10 (699), сс. 8-16. [Korendyasov E.N. Military-technical cooperation of Russia with Africa. *Asia and Africa Today*, 2015, no. 10 (699), pp. 8-16. (In Russ.)] Available at: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-348/> (accessed 29.03.2021).
 20. Подоба З.С., Смирнова М.М. Экспортная специализация России в странах Африки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2019, т. 12, № 3, сс. 109-128. [Podoba Z.S., Smirnova M.M. Russia's export specialization in African countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 109-128. (In Russ.)] DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-109-128>
 21. Дикарев А.Д. Китай—Ангола—Россия: несуществующий треугольник. *Международная аналитика*, 2019, № 3 (29), сс. 48-61. [Dikarev A.D. China—Angola—Russia: non-existing triangle. *International Analytics*, 2019, no. 3 (29), pp. 48-61. (In Russ.)] DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-3-48-61>

PROMOTING RUSSIAN ECONOMIC INTERESTS IN SOUTHERN AFRICA*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 79-87)**Received 09.05.2021.**Alexey V. KUZNETSOV,**ORCID 0000-0001-5172-9924, kuznetsov_alexei@mail.ru**Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the RAS, 51/21, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117418, Russian Federation.**Acknowledgements. The article was prepared at IMEMO under the support of the Russian Science Foundation (project no. 17-78-20216).*

In this study Southern Africa refers to 10 countries: South Africa, Namibia, Botswana, Eswatini, Lesotho, Zimbabwe, Zambia, Malawi, Angola and Mozambique. The author states that this region can take an important place in the general policy of the economic turn of the Russian Federation to the Global South. The Soviet Union developed close ties with some countries, supporting them in their struggle for independence, but after the collapse of the USSR, our country "left the region". Analysis of main features of modern Russian foreign trade in goods and services, as well as foreign direct investment, has shown that only South Africa and Angola are characterized by a diversified structure of bilateral economic relations, and quite favorable in terms of Russian exports of goods. However, even in South Africa and Angola, the dynamics of trade with Russia is unstable, Russian investment was made by a limited number of leading TNCs (mainly in raw materials). Imports from Angola are associated only with diamonds, which does not distinguish this country from Mozambique, Zimbabwe and Malawi, which mainly specialize in the supply of tobacco raw materials to Russia. Russian high-tech exports are primarily related to arms supplies, while a significant proportion of other high value-added goods are usually associated with small volumes of supplies (as in the case of Russia's pharmaceutical exports to Angola). So far, Russian grain and mineral fertilizers are most in demand in Southern Africa. At the same time, almost all countries in the region have the potential to deepen cooperation with Russia. Russian companies that come to the region as investors will be able to significantly increase trade turnover and diversify its structure. The most significant investments have been made by Russian oil and gas TNCs and diamond mining giant ALROSA. However, Russian investors from other industries, as well as service companies, are also showing interest in Southern Africa.

Keywords: Southern Africa, Russia, South Africa, Angola, foreign trade, commodity structure of trade, foreign direct investment, TNCs.

*About author:**Alexey V. KUZNETSOV, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Director***DOI:** 10.20542/0131-2227-2021-65-11-79-87

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 2015 г.: НОВЫЕ ТРЕНДЫ, СТАРЫЕ ДИЛЕММЫ

© 2021 г. С. Шерстюков, Н. Бодиштяну

*ШЕРСТЮКОВ Сергей Андреевич, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0002-1392-2595, ssherstyukov@hse.ru*

Научный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

*БОДИШТЯНУ Николь Витальевна, аспирантка департамента международных отношений,
ORCID 0000-0001-7113-029X, nbodishteanu@hse.ru*

Научный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

Статья опубликована при поддержке проекта “Влияние политики Ирана и Турции на трансформацию Ближнего Востока и постсоветского пространства” факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Статья поступила в редакцию 05.04.2021.

После начала “арабской весны” и особенно после 2014 г. безопасность занимает все более важное место в российско-турецких отношениях, а необходимость сотрудничества для снижения угроз безопасности стала движущей силой сближения Москвы и Анкары после кризиса 2015 г. Такое смещение приоритетов в двусторонних отношениях следует рассматривать не только как реакцию на возникшие угрозы внутренней и внешней безопасности двух стран (в том числе в пространстве их “общего соседства”), но и как следствие произошедших изменений в стратегической ориентации России и Турции после окончания холодной войны.

Ключевые слова: Россия, Турция, НАТО, безопасность, Евразия, Ближний Восток, региональные конфликты.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-88-96

“Арабская весна”, войны в Сирии и Ливии, поддержка США сирийских курдов из “Отрядов сил народной самообороны”, украинский кризис 2014 г. и присоединение Крыма к России, начало военной операции России в Сирии, кризис 2015 г. в российско-турецких отношениях, попытка военного переворота в Турции в 2016 г. — важнейшие события, во многом определившие динамику двусторонних отношений и продолжающие в той или иной степени влиять на них [1]. По мнению российского исследователя П. Шлыкова, после кризиса 2015 г. в российско-турецких отношениях и последовавшего за этим периода семимесячной холодной войны происходит формирование новой модели взаимодействия Москвы и Анкары, в рамках которой акцент сделан на проблемы региональной безопасности. Парадокс модели в том, полагает он, что у двух стран наблюдаются расхождения в подходах ко многим вопросам региональной повестки, однако это не делает их диалог невозможным [2]. Вместе с тем региональные кризисы вблизи границ России и Турции не только подтолкнули Москву и Анкару к более активному взаимодействию в сфере безопасности, но и создали новые вызовы для их отношений.

Авторы статьи исследуют современную динамику российско-турецких отношений, а также возможности и ограничения для сотрудничества двух

стран с учетом того, что безопасность становится все более важным элементом в отношениях России и Турции.

Процесс сближения России и Турции, начавшийся в конце 1990-х годов и получивший дополнительный импульс в начале 2000-х, не был ни линейным, ни беспроблемным. В отношениях двух стран существуют противоречия и линии разлома, которые способны не только приостановить их сближение, но и обернуть его вспять. В обширной литературе, посвященной российско-турецким отношениям, последние исследовались с точки зрения разных концептуальных подходов. Часть экспертов описывает их как взаимозависимые, полагая, что речь идет об асимметричной взаимозависимости, при которой у России имеется ряд преимуществ перед Турцией [3, р. 11]. В этих работах, однако, редко предпринимаются попытки ответить на вопросы о том, когда возникла данная взаимозависимость и какова ее динамика.

Другие исследователи считают, что ни либеральная теория торговли, ни теория институционального либерализма не могут в полной мере объяснить динамику российско-турецких отношений после окончания холодной войны. Они обращают внимание, в частности, на то, что, хотя в указанный период экономическое сотрудничество двух стран переживало как спады, так и подъемы, их сближе-

ние в целом продолжалось и в 1990-е, и в 2000-е годы [4, pp. 349–350], а высокий уровень экономической взаимозависимости не стал препятствием для кризиса двусторонних отношений в 2015–2016 гг. [5, p. 95]. Поэтому они предлагают рассматривать российско-турецкие отношения в реалистической перспективе. По мнению турецкого исследователя Ш. Актюрка, причиной быстрого сближения России и Турции в 90-е годы стало сокращение разницы в демографическом, экономическом и военном потенциале двух стран, поскольку у Турции исчез страх перед РФ [4, p. 348], являвшийся константой и османской, и турецкой политики в отношении России. Именно изменение баланса военно-стратегических угроз, полагает он, определило курс российско-турецких отношений как во время, так и после холодной войны [6, p. 110].

Начиная с 1990-х годов в обеих странах на разных уровнях делались попытки найти или выработать какую-то общую идеологическую платформу для сближения. Как правило, эти усилия сосредоточивались на интерпретации (и попытках инструментализации) евразийских идей. Именно в этот период турецкое евразийство превратилось в “четвертый полюс” турецкого интеллектуального ландшафта (три других “полюса” – пантюркизм, панисламизм и западничество) [7, p. 211]. Часть исследователей, обращая внимание на определенные параллели между “неоевразийством” в России и “кемалистским евразийством” в Турции, высказывали предположение, что это позволит двум странам выработать общий взгляд на “Евразию” [8, p. 126]. Другие эксперты, однако, акцентировали внимание на том, что видение Анкарой ее стратегических интересов в значительно большей степени определяется неоосманистскими представлениями, чем кемалистским евразийством [8, p. 145].

Следует учитывать и то, что в Турции, в отличие от России, евразийство не опирается на серьезную интеллектуальную традицию, к тому же после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), как полагают некоторые наблюдатели, произошла “неоосманистская интерпретация турецкого евразийства” [9, p. 431]. Исследователь Малик Муфти пишет о том, что лидеры ПСР уже давно придерживаются особого гегемонистского видения, в соответствии с которым Турция играет ведущую роль в построении реинтегрированного регионального политического сообщества, – точные очертания которого остаются неясными, – с общей нормативной (исламской) и исторической (османской) идентичностью. Это видение, иногда характеризуемое как “неоосманизм”, по его мнению, является современным проявлением более старой традиции исламского реализма [10, p. 28].

Авторы статьи надеются внести свой вклад в продолжающееся обсуждение российско-турецких отношений, еще раз обратившись как к историческому контексту этих отношений, так и к анализу тех изменений, которые произошли в них в последние годы.

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОШЛОЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Историческое прошлое является одним из исходных параметров, который должны учитывать исследователи, занимающиеся изучением российско-турецких отношений.

Россия и Турция больше не являются империями, однако имперское прошлое продолжает оказывать влияние на их развитие, на то, как элиты (и общества) этих стран воспринимают себя и внешний мир. Чаще всего исследователи предпочитают писать о переживаемом этими странами “имперском” или “постимперском синдроме” [8, pp. 132–133; 11, p. 116], однако более важно то, что и Россия, и Турция сохраняют определенные структурные черты, которые не позволяют их исчерпывающим образом описывать ни как “бывшие империи”, ни как обычные “национальные государства”. В обоих случаях речь не идет о попытках восстановления утраченных империй, однако оба государства претендуют на “особую” роль в бывших имперских окраинах.

В ходе переговоров на высшем уровне лидеры двух государств предпочитают не делать отсылок к прошлому, тем не менее обе стороны помнят о многочисленных русско-турецких войнах и о том, что большинство из этих войн завершилось поражением Османской империи. На протяжении нескольких веков обе империи периодически конфликтовали из-за контроля над приграничными районами, которые разделяли сферы их безусловного культурного влияния [12, с. 36]. Российская империя была более успешной в этих конфликтах. Как заметил исследователь Сонер Чагаптай, “история подъема Российской империи – это история упадка Османской империи” [13]. Турция и Россия были противниками, а не союзниками на протяжении большей части их современной истории, и это все еще формирует их восприятие друг друга [14, p. 216].

Вместе с тем в этих отношениях было гораздо больше взаимозависимости и элементов сотрудничества, чем принято думать. По мнению ряда исследователей, континентальные империи Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов, существовавшие на протяжении нескольких веков, были взаимосвязаны, образуя особую макросистему, поэтому изучение их истории предполагает

рассмотрение данной макросистемы и взаимозависимостей, установившихся в ее рамках [15, с. 33]. Макросистемы континентальных империй больше не существует, как и самих континентальных империй, тем не менее некоторые аспекты отношений между Россией и Турцией, которые по-прежнему сочетают в себе сложную диалектику соперничества и взаимозависимости, заставляют вспомнить о наследии имперского прошлого.

В российском и турецком обществах не только сохраняется память о столкновениях Российской и Османской империй, сами общества несут в себе следы сложных взаимосвязей двух империй, частью которых был и периодически происходивший процесс “обмена населением”. В Турции в настоящее время проживают около 3–5 млн выходцев с Северного Кавказа, значительная часть которых является потомками мухаджиров, переселившихся в Османскую империю в ходе и после окончания Кавказских войн. Многие из них ведут активную общественную и лоббистскую деятельность. Они представлены в армии, парламенте, медийных структурах, являются важным электоральным ресурсом [16]. Это еще один фактор, придающий сложность и многомерность российско-турецким отношениям.

Турецкие исследователи О. Йешилот и Б. Оздемир полагают, что, говоря о развитии отношений между Россией и Турцией, нельзя упускать из виду тюрко-мусульманское население в России [17, с. 70]. Весьма вероятно, однако, что усиление внимания Турции к тюркскому (и мусульманскому) населению России не столько сблизит две страны, сколько усилит подозрения Москвы в отношении намерений Анкары.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ: СМЕНА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ

Окончание холодной войны и распад СССР поставили и Россию, и Турцию перед необходимостью поиска нового места в мире и выработки новой внешнеполитической идентичности. Нельзя сказать, что эти поиски завершены спустя 30 лет после упомянутых событий. Однако в течение всего этого периода они драматическим образом зависели от взаимоотношений России и Турции с Западом.

Для обеих стран на протяжении нескольких последних веков Европа выступала в качестве конституирующего Иного. Антизападничество, в котором стремление бросить вызов западному могуществу сочеталось с восхищением западными успехами, было важным элементом советско-турецкого сближения в 20–30-е годы прошлого столетия [18, р. 35].

После распада СССР не только у части российской элиты, но и у части российского общества были надежды на то, что Россия в обозримом будущем может стать членом ЕС (и даже НАТО) [19, р. 79]. Однако вскоре эти надежды сменились разочарованием. Несмотря на присутствие Турции в некоторых западных многосторонних институтах (прежде всего в НАТО), ее попытки стать членом ЕС не увенчались успехом. Следствием описанной ситуации стали не только изменения во внешней политике двух стран, но и проявившееся стремление выработать жизнеспособные альтернативы европейской интеграции. После неудачной попытки военного переворота в Турции, произошедшей в 2016 г., и неоднозначной реакции стран Запада (и прежде всего США) на этот кризис в Турции снова усилились голоса тех, кто считает, что ей надо переориентировать внешнюю политику на другие страны, в том числе укрепив сотрудничество с Россией [6, pp. 104–105].

Однако в действительности процесс стратегической переориентации Турции был запущен уже после окончания холодной войны [20, р. 42]. С распадом СССР исчезла важнейшая угроза безопасности Турции, но в радикально изменившемся геополитическом контексте появились новые угрозы, что породило необходимость выработки новых подходов к безопасности, основанных, в частности, на признании того, что безопасность Турции не может быть обеспечена только при опоре на НАТО [21, с. 38].

В период с весны 2015 по лето 2016 г. стратегическая переориентация Анкары вступила в новую фазу — события, произошедшие в этот период, укрепили решимость Турции утвердить себя в качестве независимой региональной державы [20, р. 45].

Украинский кризис, начавшийся в 2014 г. и приведший к политическому столкновению России с США и ЕС, подвел черту под неоднократными попытками РФ “встроиться” в Евро-Атлантическое сообщество, став частью “расширенного Запада” [22]. Москва начала предпринимать все более настойчивые усилия для налаживания сотрудничества с другими незападными игроками в целях ослабления могущества и влияния США на мировой арене и создания более справедливого, с ее точки зрения, мирового порядка [23].

По мере обострения отношений России и Турции с Западом их восприятие угрозы (которая одновременно представляется как внутренняя и внешняя) становилось все более сходным, создавая стимул для сближения двух стран [24, р. 11]. В то время как Россия вступила в прямую конфронтацию с США после 2014 г., отношения Турции с США и ЕС на фоне сирийского и ливийского кризисов и нарастающей активности и самостоя-

тельности Анкары в регионе становились все более конфликтными.

Несмотря на то что Турция поддержала территориальную целостность Украины и не признала результаты референдума в Крыму, она отказалась присоединиться к западным санкциям против России и продолжила экономическое сотрудничество с ней [25, р. 60]. Более того, заявление о проекте газопровода “Турецкий поток”, сделанное в ходе визита президента России Владимира Путина в Турцию в декабре 2014 г., можно было рассматривать как свидетельство перехода сотрудничества двух стран на более высокий уровень [25, р. 60]. Заняв особую позицию в отношении России, которая отвечала логике ее стратегической переориентации, Турция постаралась использовать открывшиеся для нее возможности в условиях нарастающей конфронтации России и Запада.

Одной из точек расхождения между США и ведущими странами ЕС, с одной стороны, и Турцией – с другой, стала принятая Анкарой новая концепция безопасности, которая получила название в турецких СМИ “Доктрина Эрдогана”. В соответствии с ней Турция должна проводить активную политику безопасности с использованием упреждающей военной силы за пределами своих границ и при необходимости действовать в одностороннем порядке, даже если это означает игнорирование партнеров по альянсу [14, р. 210].

По мнению многих экспертов, растущая самостоятельность Турции внутри НАТО отвечает интересам России [26]. Однако все более частое использование Турцией инструментов силовой политики не только осложнило ее отношения с партнерами по НАТО, но и создало новые линии раскола в отношениях с Россией. Борьба с широко понимаемыми угрозами безопасности (внутренней и внешней) является приоритетом не только для Анкары, но и для Москвы. С одной стороны, это подталкивает стороны к сближению, с другой – все большая секьюритизация их политики реанимирует и традиционные страхи двух стран в отношении друг друга. В свете этих опасений следует рассматривать озабоченность Анкары угрозами безопасности, связанными с потенциалом сети *A2/AD*, которая была развернута Россией одновременно в трех ареалах, непосредственно граничащих с Турцией, – на Кавказе, в Сирии и в Крыму [25, р. 67].

Ряд турецких экспертов высказывает опасения относительно того, что турбулентные отношения республики с Западом могут привести к усилению позиции России в ее отношениях с Турцией [27]. По мнению обозревателя газеты “Хьюриет” Эргина Седата, основной вопрос заключается в том, сможет ли Турция сбалансировать сближение с Россией ее отношениями с Западом в предстоящий период [27].

Новая американская администрация, вероятно, одновременно будет оказывать давление на Анкару и попытается сделать отношения с ней более функциональными. Воплощение в жизнь периодически обсуждаемого сценария [28], предполагающего выход Турции из НАТО и ее дальнейшее движение в сторону России и Китая, стало бы стратегическим вызовом для США и Североатлантического альянса. Несмотря на ухудшение отношений Турции с США, НАТО и ЕС в последние несколько лет, этот сценарий вряд ли заслуживает серьезного внимания, однако Турция останется трудным союзником, а отношения между Анкарой и Вашингтоном больше не вернутся к модели, которая существовала в годы холодной войны.

В ситуации продолжающейся милитаризации Черного моря и деградации отношений Запада с Россией руководство Североатлантического альянса стремится к более тесной координации действий черноморских государств, входящих в НАТО. Одновременно с этим озабоченность Анкары усилением военного присутствия России в Черном море после 2014 г. повышает ее заинтересованность в НАТО. Беспокойство Анкары было связано не только с кризисом в российско-турецких отношениях, проявившимся в 2015 г., но прежде всего с признанием того, что действия России привели к изменению стратегического равновесия в регионе, о чем открыто сказал Р. Эрдоган на Варшавском саммите НАТО, состоявшемся в июле 2016 г. Незадолго до этого саммита турецкий лидер выступил с требованием принять контрмеры против действий, превративших Черное море во “внутреннее море” России [25, р. 64].

Москва рассматривает свои шаги, связанные с усилением военной инфраструктуры в регионе Большого Причерноморья, как восстановление когда-то утраченных ею позиций и как симметричный ответ на действия НАТО. Анкара в свою очередь расценивает их как прямую угрозу собственной безопасности, возрождающую страхи, которые, как казалось, остались в прошлом после окончания холодной войны.

Стремление к достижению (и сохранению) стратегической автономии сближает Москву и Анкару так же, как и прагматичный подход к двусторонним отношениям. Однако надо помнить и о том, что стремление Турции к стратегической автономии распространяется не только на отношения Турции с США и ведущими странами Европы, но и на отношения с Россией. Это проявляется, в частности, в усилиях Анкары, направленных на то, чтобы снизить зависимость турецкой экономики от российских энергоресурсов, диверсифицировав маршруты поставок, и превратить Турцию в крупный энергетический хаб.

Сделку Москвы и Анкары, связанную с покупкой Анкарой российского зенитного комплекса С-400, судьба которой до сих пор остается неясной, рассматривают и как попытку Турции упрочить отношения с Россией, и как еще одно подтверждение ее стремления к стратегической автономии, и как очередное проявление ее конфликтных отношений с Западом. Эксперты Аслы Айдынташбаш и Джереми Шапиро полагают, что решение Турции купить российскую зенитную систему С-400 больше отражало опасения Эрдогана по поводу очередного переворота с участием его собственных военно-воздушных сил, чем попытку сблизиться с Россией [29]. Впрочем, вряд ли можно противопоставлять эти причины друг другу, поскольку в данном случае, как и в ряде других, логика безопасности не противоречила, а подталкивала Турцию к сближению с Россией, однако та же логика лежит в основе все больше проявляющегося в последнее время стремления ее руководства сделать отношения с США (и НАТО) более функциональными.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ В ЕВРАЗИИ: КОНКУРЕНТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Россия и Турция — два важнейших государства в Евразии, имеющие длительные традиции евразийской политики, обладающие значительными ресурсами, а также историческими, культурными и экономическими связями с государствами этого региона [30, р. 17] и нацеленные на активное участие в строительстве большой Евразии. И в России, и в Турции распространены представления об их уникальном географическом положении, в обеих странах первостепенное значение придавалось (и придается сегодня) безопасности, что является следствием как их географии, так и истории [21, с. 38]. Впрочем, этим сходство двух стран не ограничивается — стратегические культуры обоих государств отражают идею (восходящую к пережитому ими опыту распада многонациональных империй) о том, что внешние враги используют внутренние разногласия [24, р. 11].

Россия и Турция сталкиваются со схожими вызовами, один из них — необходимость выстроить приемлемую модель отношений с другими центрами силы в Евразии, и прежде всего с крупнейшим из них — Китаем. Сближение Москвы и Анкары, произошедшее в последние десятилетия, и рост внимания обеих стран к евразийскому пространству (и концепту “Евразия”), с одной стороны, создали возможности для их взаимодействия. С другой стороны, существуют и различия в подходах, и несовпадение интересов и целей, которые распространяются в том числе на сферу безопасности.

С появлением после 1991 г. независимых государств в Центральной Азии и Закавказье воз-

никло пространство как для сотрудничества, так и для соперничества между Россией и Турцией. Активизация Турции, попытавшейся осуществить в этих регионах крупные проекты, стала неприятным сюрпризом для Москвы, а война в Нагорном Карабахе в 1992 г. поставила две страны на грань прямого военного столкновения [6, р. 99]. Тем не менее в конце 90-х годов происходит усиление сотрудничества между двумя странами, в том числе из-за понимания того, что только сотрудничество может помочь разрешить конфликты на пространстве “общего соседства” [31, р. 383].

Быстрое снижение советско-российской угрозы, воплощенное в исчезновении сухопутной границы между постсоветской Россией и Турцией, открыло множество возможностей для двустороннего сотрудничества [6, р. 99]. В то же время территориальная близость двух стран и их соприкосновение в регионах, которые обе страны рассматривают в качестве сферы собственных интересов, влияют на динамику развития двусторонних отношений. Не только на Ближнем Востоке, но и на Кавказе, в Черном море и Центральной Азии Россия и Турция воспринимают друг друга чаще всего как соперников, а не как партнеров. Это обстоятельство, а кроме того, их несовпадающие позиции в отношении Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, а также Крыма снова заставляют вспомнить об имперском прошлом двух стран и, в частности, о “сложных пограничных зонах”, существовавших вдоль евроазиатских границ, где три или более имперские державы соперничали друг с другом за влияние или прямой контроль [12, с. 56]. Несмотря на то что к прямым сравнениям и аналогиям нужно относиться с осторожностью, иногда бывает полезно посмотреть на современные проблемы в более широкой исторической перспективе.

Большинство конфликтов России и Турции в последние годы происходили в Сирии и из-за Сирии. Вместе с тем Сирия выступает в качестве своеобразного полигона, на котором вырабатываются новые формы взаимодействия (и управляемого соперничества) двух стран. При определенных обстоятельствах они могут быть востребованы за пределами Сирии.

Конфликт в Карабахе и новая роль Турции в этом конфликте стали еще одним вызовом для российско-турецких отношений. Турция, усилившая свои позиции в регионе Южного Кавказа, поставила Москву перед необходимостью договариваться с ней, чтобы не обрушить всю конструкцию двусторонних отношений, как это пришлось делать самой Анкаре после начала военной операции России в Сирии в 2015 г. Противоречивые заявления российской и турецкой сторон по поводу возможного ввода турецких миротворцев в Карабах

[32, 33] свидетельствуют не только о сложностях переговорного процесса и поиска взаимоприемлемых решений, но и о том, насколько значимую роль в отношениях двух стран в регионе играет силовой баланс.

Как отметил российский политолог Д. Тренин, «сотрудничество по Нагорному Карабаху создает лучший климат для взаимодействия по всем направлениям. Отсутствие сотрудничества там испортило бы отношения по всем направлениям» [34]. С одной стороны, распространение российско-турецкого взаимодействия на Нагорный Карабах (вслед за Сирией и Ливией) еще больше расширяет взаимозависимость двух государств, потенциально делая их отношения более устойчивыми, и, как считают некоторые эксперты, свидетельствует о переходе этих отношений на новый уровень сотрудничества [2]. С другой – не следует забывать, что во всех трех зонах конфликта Россия и Турция выступают как соперники, поддерживающие противостоящие друг другу силы, поэтому произошло расширение не только пространства сотрудничества, но и пространства соперничества. И, как показал 2020 г., в условиях расширения повестки «региональной безопасности» диалог между Анкарой и Москвой становится все сложнее [2]. Важно не только то, что Россия и Турция стали взаимодействовать (и конкурировать) на более широком пространстве, но и то, что это пространство, включающее не только Кавказ, но и Ближний Восток, Средиземное и Черное моря, становится все более взаимосвязанным и проницаемым.

Некоторые наблюдатели полагают, что Россия и Турция исходят из необходимости сохранить относительный статус-кво в Большом Причерноморье [5, р. 110-111]. Однако российско-грузинская война 2008 г., украинский политический кризис 2014 г. и реакция на него России, а также недавняя война в Нагорном Карабахе и роль Турции в ней показывают, что обе страны могут совершать сами или поддерживать силовые акции союзных им сил (ведущие к нарушению статус-кво в регионе), если расценивают ситуацию как несущую угрозу их национальной безопасности и/или как предоставляющую возможность для получения ими стратегического выигрыша.

Внешняя политика Турции в последние годы все в большей степени формируется под влиянием не только исламистских идей и представлений об исламской солидарности, но и национализма, что связано как с ростом националистических настроений в обществе, так и с изменениями в политической жизни страны и, в частности, со все более тесным сближением ПСР с ультра националистами.

Исламистское и националистическое видения находятся в сложных отношениях друг с другом,

однако оба ориентированы на то, чтобы рассматривать Россию скорее как конкурента (или даже стратегического противника), а не как партнера и тем более союзника. Так, бывший министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу в своей наиболее известной работе «Стратегическая глубина» призывал к более «динамичной» и «дерзкой» (атакующей) позиции на севере, основанной на признании одной основополагающей реальности: «историческом османо/турецко-русско/советско/российском соперничестве». Допуская возможность периодического сотрудничества с Россией ради общего блага или против общей угрозы, он тем не менее исходил из того, что отношения двух стран имеют конкурентный (и конфликтный) характер и писал о необходимости «уравновешивания влияния России в Центральной Азии и на Кавказе» [10, р. 33].

В любом случае прагматичный подход к отношениям с Россией (даже если речь идет об «исламском реалистическом прагматизме») предполагает, что у сближения России и Турции есть определенные пределы и, вероятно, эти пределы уже достигнуты.

На внешнюю политику Турции и политику безопасности продолжают влиять представления о ее уязвимости [14, р. 207]. На протяжении длительного времени эти представления подпитывались угрозой со стороны России/СССР. Несмотря на то что окончание холодной войны и распад СССР открыли новую страницу в российско-турецких отношениях, каркасом которых стало торгово-экономическое сотрудничество, события последних лет показали, что логика двусторонних отношений все в большей степени определяется проблемами безопасности. Смена Россией и Турцией стратегических ориентиров, во многом связанная с нарастающим отчуждением двух стран от Запада, а также с необходимостью взаимодействия для уменьшения угроз безопасности, создала предпосылки для их сближения. Однако фактором, осложняющим и ограничивающим это сближение, является то, что обе стороны продолжают видеть угрозы безопасности не только вовне, но и друг в друге. Независимо от того, идет ли речь о кемалистской или исламистской элите, пишет турецкий исследователь Б. Акынжы, формирование внешней политики Турции в значительной степени ограничено Севрским синдромом и русофобией [35, р. 11].

В отношениях России и Турции уже после 2016 г. (когда в результате встречи Путина и Эрдогана начался процесс нормализации двусторонних отношений) не один раз возникали ситуации, которые можно было оценить как кризисные или предкризисные. Каждый раз сторонам удавалось пре-

одолевать эти ситуации и восстанавливать хрупкий баланс двусторонних отношений, но происходило это только в результате встреч и переговоров двух лидеров. Как заметил исследователь П. Шлыков, отношения между Россией и Турцией лидер-центричны, то есть основаны на личных отношениях между двумя президентами, чьи взгляды на мир очень похожи [2]. Два лидера договаривались о реализации ключевых проектов, которые являются витриной российско-турецкого сотрудничества (АЭС “Аккую”, “Турецкий поток”), а также о покупке Турцией российских комплексов С-400. Договоренности в двух- и трехстороннем форматах позволили создать механизм балансирования и сотрудничества в Сирии. В то же время обратной стороной персонализации двусторонних отношений является их слабая институционализация [24, p. 15].

Попытки Москвы вбить клин в отношения между США и Турцией не должны подменять необходимость поиска стратегического подхода к отношениям с Анкарой. Эксперты Т. Грэм и Д. Тренин в статье, посвященной российско-американским отношениям, пишут о необходимости ответственного регулирования соперничества двух стран, чтобы не допустить внезапной эскалации, способной спровоцировать военный конфликт [36]. Не сравнивая российско-американские отношения с российско-турецкими, отличающимися по многим параметрам, отметим, что и для последних управление соперничеством является актуальной задачей и для сегодняшнего дня, и для обозримого будущего. В действительности элементы управляемого соперничества уже присутствуют в российско-турецких отношениях, тем не менее устойчивость и предсказуемость отношений двух важнейших евразийских держав не должна в критической степени зависеть от хороших отношений их лидеров и их способности договариваться в моменты периодически возникающих напряженностей.

Ряд турецких исследователей также признает, что приоритет сотрудничества двух стран не озна-

чает игнорирования существующих проблем и факторов конкуренции между ними. В связи с этим они предлагают увеличить количество платформ, на которых Россия и Турция могли бы обсуждать проблемы двусторонних отношений без участия третьих стран [17, s. 70]. Это предложение кажется разумным, однако контакты и совместная работа России и Турции в рамках многосторонних структур и площадок (ШОС, “астанинский формат”) также могут придать дополнительную динамику их отношениям и снизить градус соперничества.

Сторонники теории асимметричной взаимозависимости в качестве подтверждения своей точки зрения указывают на то, что заморозка двусторонних отношений и российские санкции в отношении Турции, последовавшие после инцидента с российским самолетом, оказались более болезненными для турецкой экономики, чем для российской, и поэтому, полагают они, у России есть рычаги экономического давления на Турцию. Однако Россия также зависит от Турции в ряде очень чувствительных для нее вопросов (режим черноморских проливов, “Турецкий поток”, российские коммуникации с Сирией, поддержание статус-кво и будущее политическое урегулирование в Сирии). К тому же Турция по-прежнему является одним из крупнейших покупателей российского газа [6, p. 98]. Экономическая взаимозависимость между странами не смогла предотвратить кризиса 2015 г., тем не менее важность сотрудничества для экономик двух стран стала одной из причин, подтолкнувших Анкару и Москву к преодолению этого кризиса и нормализации отношений. Несмотря на то что в последние годы важное (и, вероятно, определяющее) место в российско-турецких отношениях заняла повестка, связанная с безопасностью, это не только не уменьшает, но даже повышает значимость других сфер взаимодействия, от которых во многом будут зависеть и устойчивость двусторонних отношений, и их функциональность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Aktürk Ş. Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Cooperation over Nuclear Energy. *Insight Turkey*, 2014, vol. 16, no. 4, pp. 13-22.
2. Русско-турецкое оба-на. *Коммерсант*, 29.12.2020 [Russian-Turkish oba-na. *Kommersant*, 29.12.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4637028> (accessed 17.03.2021).
3. Köstem S. The Political Economy of Turkish-Russian Relations: Dynamics of Asymmetric Interdependence. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2018, vol. XXIII, no. 2, pp. 10-32.
4. Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002). *Turkish Studies*, 2006, vol. 7, no 3, pp. 337-364. DOI: 10.1080/14683840600891034
5. Shlykov P. Russian-Turkish Relations in the Wider Black Sea Region: Cooperation and Competition. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 93-117.
6. Aktürk Ş. Relations between Russia and Turkey Before, During, and After the Failed Coup of 2016. *Insight Turkey*, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 97-113.
7. Aktürk Ş. Counter-hegemonic Visions and Reconciliation through the Past: The Case of Turkish Eurasianism. *Ab Imperio*, 2004, vol. 4, pp. 207-238. DOI: 10.1353/imp.2004.0110

8. Torbakov I. Neo-Ottomanism versus Neo-Eurasianism?: Nationalism and Symbolic Geography in Postimperial Turkey and Russia. *Mediterranean Quarterly*, 2017, vol. 28, no. 2, pp. 125-145. DOI: 10.1215/10474552-4164303
9. Çelik N., İşeri E. Islamically Oriented Humanitarian NGOs in Turkey: AKP Foreign Policy Parallelism. *Turkish Studies*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 429-448. DOI: 10.1080/14683849.2016.1204917
10. Mufti M. The AK Party's Islamic Realist Political Vision: Theory and Practice. *Politics and Governance*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 28-42. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/pag.v2i2.48>
11. Milevski O. The Russian factor in the Wider Black Sea Region: Inconclusive Status Quo or a Neo-Imperial Strategy? *New Regionalism or No Regionalism? Emerging Regionalism in the Black Sea Area*. London; New York: Routledge, 2012, pp. 111-137.
12. Ридер А. Сравнивая континентальные империи. *Российская империя в сравнительной перспективе*. Сборник статей, под ред. А.И. Миллера. Москва, Новое литературное обозрение, 2004, сс. 33-69. [Rider A. Comparing Continental Empires. *The Russian Empire in Comparative Perspective*. Miller A.I. ed. Moscow, New Literary Observer, 2004, pp. 33-69. (In Russ.)].
13. Whitmore B. *A Limited Partnership. Four Things We Need to Understand About the Russian-Turkish Relationship*. Available at: <https://cepa.org/a-limited-partnership/> (accessed 17.03.2021).
14. Haugom L. Turkish Foreign Policy under Erdogan: A Change in International Orientation? *Comparative Strategy*, 2019, vol. 38, no 3, pp. 206-223. DOI: 10.1080/01495933.2019.1606662
15. Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования*. Москва, Новое литературное обозрение, 2006. 248 с. [Miller A.I. *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Moscow, New Literary Observer. 2006. 248 p. (In Russ.)].
16. Markedonov S. Russia-Turkey Relations and Security Issues in the Caucasus. *Russia in Global Affairs*, 30.05.2016. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/russia-turkey-relations-and-security-issues-in-the-caucasus/> (accessed 17.03.2021).
17. Yeşilot O., Özdemir B. Türk-Rus İlişkilerinin Geleceği: Rekabi mi? İş Birliği mi? *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 2016, cilt III, sayı 2, ss. 55-73. [Yeşilot O., Özdemir B. The Future of Turkish-Russian Relations: Competition or Cooperation? *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 2016, vol. III, iss. 2, pp. 55-73. (In Turk.)] DOI: 10.16985/MTAD.2016227942
18. Hirst S.J. Anti-Westernism on the European Periphery: The Meaning of Soviet-Turkish Convergence in the 1930s. *Slavic Review*, 2013, vol. 72, no. 1, pp. 32-53. DOI: 10.5612/slavicreview.72.1.0032
19. Trenin D. *Post-Imperium: A Eurasian Story*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 2011. 279 p.
20. Tanchum M. The Logic Beyond Lausanne: A Geopolitical Perspective on the Congruence between Turkey's New Hard Power and its Strategic Reorientation. *Insight Turkey*, 2020, vol. 22, no. 3, pp. 41-54. DOI: 10.25253/99.2020223.03
21. Mustafa Aydın, Fulya Ereker. *Türkiye'de güvenlik: algı, politika, yapı* [Mustafa Aydın, Fulya Ereker. *Security in Turkey: Perception Politics and Structure*. Istanbul, Istanbul Bilgi University Yayınları, 2013. 80 p. (In Turk.)]
22. Trenin D. To Understand Ukraine. *Russia in Global Affairs*, 27.12.2017. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-ukrainu/> (accessed 17.03.2021).
23. Trenin D. The Ukraine Crisis and the Resumption of Great-Power Rivalry. *Carnegie Moscow Center*, 09.07.2014. Available at: <https://carnegie.ru/2014/07/09/ukraine-crisis-and-resumption-of-great-power-rivalry-pub-56113> (accessed 17.03.2021).
24. Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia: Historical Patterns and Contemporary Trends in Bilateral Relations. *The Oxford Handbook of Turkish Politics*. Güneş Murat Tezcür, ed. Oxford University Press, 2018, pp. 1-20. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190064891.013.12
25. Çelikpala M., Erşen E. Turkey's Black Sea Predicament: Challenging or Accommodating Russia? Andrey Kortunov et al., Emre Erşen et al. Igor Ivanov (Editor-in-Chief). *Deepening Russia-Turkey Relations: Report No. 41, 2019*. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow, NPMP RIAC, 2019, pp. 56-70.
26. Idiz S. Cracks in Turkish-Russian Ties Begin to Show. *Al-Monitor*, 23.10.2020. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/10/turkey-russia-s400-tested-cracks-ankara-moscow-ties-show.html> (accessed 17.03.2021).
27. Ergin Sedat 2020'den 2021'e Dış Politika (1) Rusya ile rekabet, çatışma ve işbirliği el ele yürüyor. *Hürriyet*, 29.12.2020. [Foreign Policy from 2020 to 2021 (1) Competition, Conflict and Cooperation with Russia go hand in hand. *Hürriyet*, 29.12.2020. (In Turk.)] Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/2020den-2021e-dis-politika-1-rusya-ile-rekabet-catisma-ve-isbirligi-el-ele-yuruyor-41700719> (accessed 17.03.2021).
28. Doğanekin V. Turkey pulling out of NATO body blow to alliance. *Anadolu Agency*, 10.06.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-pulling-out-of-nato-body-blow-to-alliance/1500684> (accessed 17.03.2021).
29. Aydıntaşbaş A., Shapiro J. *Biden and Erdogan. Are Trapped in a Double Fantasy. Why Washington and Ankara don't get each other at all – and need each other anyway*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/01/06/biden-america-and-erdogan-turkey-are-trapped-in-a-double-fantasy/> (accessed 17.03.2021).
30. Karakullukçu M., Trenin D., Vatanserver A., Malashenko A., Zvyagelskaya I., Shlykov P. *Exploring the Prospects for Russian-Turkish Cooperation in a Turbulent Neighborhood*. Global Relation Forum & Carnegie Moscow Center Working Group, İstanbul, 2014. 30 p.
31. Svarin D. Towards a Eurasian Axis? Russia and Turkey between Cooperation and Competition. *Global Affairs*, 2015, vol. 1, no. 4-5, pp. 381-398. Available at: <https://doi.org/10.1080/23340460.2015.1117250>

32. No Turkish peacekeepers to be sent to Nagorno-Karabakh – Lavrov. *TASS*, 12.11.2020. Available at: <https://tass.com/politics/1222931> (accessed 17.03.2021).
33. Turkey's forces to join Nagorno-Karabakh peacekeeping mission, defense minister says. *TASS*, 12.11.2020. Available at: <https://tass.com/world/1222903> (accessed 17.03.2021).
34. Rettman A. There is no 'Russia-Turkey Alliance'. *Observer*, 24.11.2020. Available at: <https://euobserver.com/foreign/150151> (accessed 17.03.2021).
35. Basri A.A. *Turkish foreign policy-making vis-à-vis the Ukraine crisis: From Sevres syndrome and Russophobia perspective*. Diss. İstanbul Bilgi University, 2018. 101 p.
36. Graham T., Trenin D. How to Safely Manage U.S. – Russian Great Power. *Carnegie Moscow Center*, 11.12.2020. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/83432> (accessed 17.03.2021).

RUSSIAN-TURKISH RELATIONS AFTER 2015: NEW TRENDS, OLD DILEMMAS

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 88-96)

Received 05.04.2021.

Sergey A. SHERSTYUKOV,

ORCID 0000-0002-1392-2595, ssherstyukov@hse.ru

National Research University Higher School of Economics, 17, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

Nicole V. BODISHTEANU,

ORCID 0000-0001-7113-029X, nbodishteanu@hse.ru

National Research University Higher School of Economics, 17, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

Acknowledgements. Published with the financial support of the project "The influence of the policy of Iran and Turkey on transformation of the Middle East and Post-Soviet space" of the Faculty of World Economy and International Affairs of HSE-University.

As the events of the past few years indicate, relations between Russia and Turkey are increasingly determined by security-related issues. Such a shift in priorities in bilateral relations should be perceived not only as a response to the emerging threats to the internal and external security of the two countries but also as a consequence of the changes in the strategic orientation of Russia and Turkey after the end of the Cold War. The most important events in the formation of a new model of relations between Russia and Turkey were such as the "Arab Spring", the wars in Syria and Libya, US support for the Syrian Kurds from the "People's Self-Defense Forces", the revolution in Ukraine and the subsequent Russia's annexation of Crimea, the Russian military operation in Syria, the 2015 crisis in Russian-Turkish relations, and the attempted military coup in Turkey in 2016. Regional crises near the borders of Russia and Turkey and the growing securitization of the policies of both states not only pushed Moscow and Ankara to interact in the security sphere but also created new challenges for their relations. In this article, the authors examine the dynamics of Russian-Turkish relations, paying particular attention to the security dimension, as well as the opportunities and limitations for cooperation between the two countries, given that security is becoming an increasingly important element in bilateral relations. The main focus is on the analysis of competitive cooperation between Russia and Turkey in Eurasia, for the understanding of which it is necessary to refer not only to the current context but also to the historical experience of interaction between the two countries in this wide geographical space.

Keywords: Russia, Turkey, NATO, security, Eurasia, Middle East, regional conflicts.

About authors:

Sergey A. SHERSTYUKOV, PhD (History), Senior Researcher.

Nicole V. BODISHTEANU, PhD Candidate (International Relations), Research Assistant.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-88-96

“ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР” И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ ИММИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

© 2021 г. Н. Лапина

ЛАПИНА Наталья Юрьевна, доктор политических наук,
ORCID 0000-0002-1449-2152, lapina@inion.ru
ИНИОН РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021.

Рассматривается роль “исламского фактора” в общественно-политической жизни современной Франции, анализируется отношение французского общества к исламу. Особое внимание уделено общественно-политической дискуссии, которая затрагивает вопросы культурно-конфессиональной неоднородности и сложности, связанные с адаптацией выходцев из мусульманских стран.

Ключевые слова: мусульманская община, ислам, Франция, “исламогошизм”, терроризм, общественная дискуссия, “культура исключения”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-97-105

Современное французское общество глубоко фрагментировано. На социально-экономическое неравенство, пространственные и поколенческие различия [1] накладывается раскол, имеющий культурно-религиозное, идеологическое и политическое измерения. Он связан с ростом массовой иммиграции и возрастанием роли “мусульманского фактора” в политической и культурно-религиозной жизни Республики.

Франция исторически является страной массовой иммиграции. Со второй половины XX в. сюда устремились потоки выходцев преимущественно из мусульманских стран Северной, Тропической и Экваториальной Африки. Первоначально трудовая иммиграция мыслилась как временное явление. Однако с принятием закона о воссоединении семей (1976 г.) ситуация изменилась. Франция становилась для иммигрантов постоянным местом жительства. В течение предыдущих десятилетий численность мусульман неуклонно росла, достигнув в наше время 5.5–6.0 млн человек. На сегодняшний день мусульманская община Франции — самая многочисленная в Европе, ислам является второй религией в стране.

По мере того как иммиграционная волна нарастала, а состав мигрантов диверсифицировался, менялись ориентиры государственной политики. С приходом к власти социалистов (1981 г.) произошел отказ от политики ассимиляции иностранцев, которая предполагала их превращение во французов, ставка была сделана на их интеграцию во французское общество. Правительство социалистов, официально этого не признавая, *de facto*

проводило политику *мультикультурализма*. Речь идет об особом французском варианте мультикультурализма, в рамках которого отдельные группы граждан не получали законодательно оформленных прав. Зато облегчалось создание иммигрантами культурных, спортивных, женских, религиозных организаций. Государство и местные власти начали оказывать помощь мусульманским общинам, выделяли средства на строительство мечетей, предоставляли льготы и субсидии исламским ассоциациям. Французское общество в культурном отношении стало более открытым. Вместе с тем политика мультикультурализма привела к формированию замкнутых этнических сообществ, явления, получившего название “коммунитаризм” (*communautarisme* — общинность). Признание президентом Франции Николя Саркози “провала” политики мультикультурализма (2011 г.) усилило контроль за иммиграцией, но не повлияло на повседневную жизнь мусульманской общины.

Долгое время во французском обществе не было принято обсуждать проблемы, связанные с культурно-конфессиональной неоднородностью и сложностями адаптации иностранцев. Интеллектуалы старались не затрагивать эту тему. Власти также сохраняли “обет молчания”, тем более что многие политики рассматривали этнические меньшинства в качестве своего электората.

Мировой финансовый кризис 2009 г. способствовал росту социального неравенства и бедности. В условиях пандемии *COVID-19* выходцы из иммиграции, жители неблагополучных кварталов — они именуются во Франции “городскими

зонами, требующими особого внимания” (*zones urbaines sensibles, ZUS*) — одними из первых пострадали от коронавирусной инфекции, локдауна, роста безработицы. Сложная социально-экономическая ситуация еще больше обострила межэтнические и межконфессиональные отношения, что уже оказывает влияние на неофициально начавшуюся президентскую кампанию.

В статье освещаются вопросы, связанные с жизнью мусульманской общины; взаимоотношения между мусульманским сообществом и теми, кого принято называть коренными французами. Анализируется дискуссия, ведущаяся в современной Франции вокруг проблем ислама и радикального исламизма, способности и готовности мусульман к интеграции в принявшее их общество.

ИСЛАМ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Во Франции в публичном пространстве иммигранты, выходцы из мусульманских стран, впервые заявили о себе в 1980-е годы во время массовых забастовок в автомобильной промышленности. Они выступили не только против закрытия предприятий, но и за признание исламской идентичности (уважение к Рамадану) и своих гражданских прав.

В 1989 г. во Франции впервые вспыхнул публичный скандал с участием мусульман: три школьницы пришли на занятия в хиджабе, за что были исключены из колледжа. Со временем ношение традиционной женской одежды стало одной из центральных тем в противостоянии мусульманской общины и светского государства. Исламские проповедники делают особый упор на этом вопросе, а мусульманская община Франции болезненно реагирует на меры полицейского контроля, задержание женщин-мусульманок, продолжающих, несмотря на запреты, носить традиционную одежду. Ислам как религия и образ жизни все шире утверждается в среде выходцев из иммиграции. “Потребность в исламе”, пишет политолог и арабист, ведущий французский специалист в вопросах мусульманской иммиграции Жиль Кепель, стала нормальной реакцией людей, которые поняли, что остались во Франции навсегда и уже никогда не вернуться на историческую родину [2]. Наряду с поиском “защитных механизмов” и способов самоутверждения меньшинств, о которых говорят исследователи [3, с. 238], были и другие обстоятельства, способствовавшие превращению “исламского фактора” в общественно значимое явление в современной Франции.

В начале XXI в. произошла политизация ислама, а “культурная антизападная революция” (Хедди Булл) переросла в вооруженное противо-

стояние и выразилась в проведении радикалами-исламистами террористических актов на территории Франции. В этой стране, считает Кепель, цель радикальных исламистов состояла в том, чтобы террористическими актами дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию, привлечь на свою сторону жителей неблагополучных кварталов и тем самым спровоцировать гражданскую войну [4].

Большую роль в исламизации “сложных” районов сыграли мусульманские организации фундаменталистского толка. Среди них ведущее место занимает организация “Братьев мусульман” (далее “братья”)¹. Ее цель состоит в “реисламизации” арабо-мусульманского населения Франции. В неблагополучных кварталах “братья” оказывают материальную помощь нуждающимся семьям, занимаются “воспитанием” молодежи. Среди членов организации немало интеллектуалов и преподавателей высшей школы. “Братья” активно участвуют в политической жизни Франции, информируя представителей арабо-мусульманской общины о политиках, которых следует поддерживать на выборах, и выдвигая кандидатов из своей среды.

Мусульманская община Франции неоднородна, ее представители придерживаются разных взглядов на жизнь и место в ней религии. Сторонники традиционного ислама — преимущественно люди старшего и среднего возраста, давно проживающие в стране, не смешивают религию с политикой. Часть мусульман, представители среднего класса, выступают за “просвещенный ислам”. Его сторонники убеждены, что можно быть одновременно мусульманином и ответственным гражданином Франции. Вот как об этом говорит Сайда Каида, возглавляющая организацию женщин мусульманок: “Речь идет о том, чтобы объединить наши религиозные ценности с гражданским участием”. Для нее быть мусульманкой — это еще и быть активным гражданином в своем квартале, городе, регионе [5]. Есть и такие выходцы из мусульманской общины, которые сделали ставку на полную интеграцию во французское общество. Как правило, это успешные представители культуры, ученые, бизнесмены, политики. Среди них Рашида Дати, ставшая первой женщиной-министром из иммигрантской среды². Когда Дати задают вопрос о ее “корнях”, она отвечает: “Я — дитя Республики”.

Наряду с прогрессивным и традиционным исламом в мусульманской общине существует радикальное течение. Исламисты не принимают европейские ценности и выступают против интеграции мусульман во французский социум. Их задача — создание “альтернативного общества”, состоящего из замкнутых, живущих по законам шариата мусульманских

¹ Запрещена в Российской Федерации.

² Министр юстиции (2007–2009 гг.).

комьюнити. Радикалы, как считает Кепель, – немногочисленная группа, большинство французских мусульман их взглядов не разделяет [6].

Несмотря на неоднородность мусульманской общины, усилия исламистских организаций не пропали даром. Опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения (*Institut français d'opinion publique, IFOP*), свидетельствует, что за последние 30 лет французские мусульмане стали более религиозными. Если в 1989 г. о регулярном посещении пятничной молитвы заявляли 16% опрошенных, то в 2019 г. их доля возросла до 38%. Выросла численность мусульман, соблюдающих посты, не принимающих алкоголь и предпочитающих халяльную пищу [7].

Приверженцы ислама все чаще требуют признания своих прав, в частности права на ношение религиозных символов на работе и в учебных заведениях. Привязанность к символам является способом самоутверждения в обществе, в котором выходцы из мусульманской общины занимают маргинальное положение. В 2017 г., по данным Национального института статистики и экономических исследований, четверть иммигрантов, приехавших во Францию не из стран Европейского союза, не имели работы (24%), уровень безработицы в этой среде был в 2,8 раза выше, чем среди французов. Иммигранты, имеющие работу, в основном были заняты непрестижным трудом на производстве или в сфере обслуживания. Лишь 7,1% из них имели собственное предприятие, 13,4% занимали руководящие посты [8]. Требование разрешить ношение религиозных символов больше распространено среди представителей низших социально-профессиональных категорий и в меньшей степени среди управленцев.

Трансформируется отношение мусульманского населения к государству: 37% опрошенных в 2020 г. считали, что французское светское государство должно адаптироваться к исламским нормам, 27% полагали, что нормы шариата значат больше, чем государственные законы. Исследование *IFOP* свидетельствует: о приверженности нормам шариата чаще заявляют молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет (57%), то есть представители третьей и четвертой волн иммиграции [9]. Они с презрением относятся к западной цивилизации, либерализации нравов, не приемлют разводов, аборт, сексуальности вне брака, выступают против равенства мужчин и женщин.

Специалисты признают, что “ислам стал элементом культуры и общественно-политической жизни страны” [10]. Выходцы из мусульманских стран представлены в интеллектуальном и медийном пространстве, вошли в состав французской бизнес-элиты. В последние годы французские мусульмане все

чаще участвуют в политической жизни, избираются в ходе муниципальных, региональных и парламентских выборов. Они представлены и в высшей исполнительной власти. Но на фоне историй успеха немногих большинство французских мусульман занимает маргинальное социальное положение. Молодые люди из неблагополучных семей, живущие в этнических кварталах, слабо социализированы, многие попадают под влияние радикальных проповедников или торговцев наркотиками. В предместьях крупных французских городов возникли анклав, в которых не действуют законы Республики.

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО НЕДОВЕРИЯ

Радикалам-исламистам не удалось спровоцировать гражданскую войну, но своих целей они в известном смысле добились. Во французском обществе раскол между мусульманами и “коренными” французами нарастает. Опросы Центра изучения французской политической жизни (*Centre d'études de la vie politique française de Sciences Po, CEVIPOF*) свидетельствуют, что за последние годы у французов снизился уровень доверия к людям другой национальности (55% в феврале 2021 г., в декабре 2015 г. – 65%). Большинство французов (60%) полагают, что в стране “слишком много иммигрантов”. В обществе вызывает раздражение то, что многие “получают социальную помощь”, не внося вклада в систему социального страхования (73%) [11].

На фоне общей усталости (это чувство в феврале 2021 г. испытывал 41% опрошенных), мрачных настроений (34%), страха (14%) во французском обществе формируется образ ислама как “внутреннего врага”, который угрожает личным и коллективным свободам. В 2020 г. большинство французов видели в исламе “угрозу для Республики” (62% опрошенных). Многие, и речь идет не только о представителях крайне правых политических течений, болезненно воспринимают появление на улицах родных городов женщин с закрытыми лицами. Подавляющее большинство опрошенных (72%) воспринимают ислам “как угрозу французскому стилю жизни”. Характерно, что эти опасения во Франции ощущаются острее, чем в Великобритании, где такого мнения придерживаются 58% опрошенных, или в ФРГ (56%) [12].

Недоверие к мусульманской общине, страх перед второй религией не означают, что французы – закостенелые националисты. “Уроки мультикультурализма” не забыты. Для 52% опрошенных иммиграция остается источником культурного, а для 41% – экономического обогащения страны. Французы положительно относятся к выходцам из “азиатской” иммиграции, которую относят к “образцовому меньшинству”. Китайцы, вьет-

намцы, камбоджийцы много работают, их дети хорошо учатся. В этой среде возник феномен “совмещенной идентичности”: “азиаты” интегрируются, сохраняя свои национальные особенности [13]. Однако с мусульманами этого не происходит, поскольку для многих из них большое значение имеет собственная идентичность.

По мере того как во французском обществе нарастало недоверие к мусульманской общине, ее представители все больше замыкались на себе. Особенно остро это проявилось после террористических актов 2015 г. — убийства журналистов еженедельника *Charlie Hebdo* и расстрела публики в концертном зале “Батаклан”, организованных радикальными исламистами. С начала нового столетия выходцы из арабо-мусульманской общины перестали “рассеиваться” по территории страны и все чаще селятся в зонах компактного этнического проживания. К концу второго десятилетия XXI в. число смешанных браков сократилось, возрос контроль над жизнью мусульманских женщин в семье, в целом родственники все реже соглашаются на брак девушки-мусульманки с “галлом” [14].

“ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР” В ОБЪЕКТИВЕ ДИСКУССИИ

С 1990-х годов “исламский фактор” в его различных проявлениях присутствует во французской общественной жизни, порождая идейные и политические расколы. Отношение к исламу вскрыло глубокие противоречия внутри политических партий. Это отчетливо видно на примере Французской социалистической партии (ФСП). С одной стороны, социалисты — сторонники прав человека и в этом качестве выступают за право иммигрантов и их потомков “быть иными”, с другой — они убежденные республиканцы, защищающие принципы гражданской нации и светской школы. Особую позицию занимают представители леворадикального течения, солидаризирующиеся с мусульманским сообществом и отчасти с исламистами (“Непокоренная Франция”).

На пересечении крайне левых идей, коммунизма и борьбы с исламофобией во Франции возникло специфическое явление — “исламогошизм” (*islamo-gauchisme*)³. Его сторонники полагают, что культурные различия — это общественная норма, а принимающая страна не может навязывать свои ценности прибывающим иностранцам. Борцов с исламофобией не тревожит замкнутость этнических сообществ, они “не замечают” отсутствия в неблагополучных кварталах равноправия

³ Впервые термин был использован британским троцкистом Крисом Арманом в 1994 г., утверждавшим, что левые силы могут выступать заодно с мусульманами, если речь идет о борьбе с государством. В русском языке также используется перевод “исламо-левачество”.

мужчин и женщин. Зато они делают упор на актах насилия в отношении мусульман, грубости полиции. “Исламогошисты” — это горстка политиков и интеллектуалов, которые вместе с тем обладают большим “весом” в коммуникационном пространстве. Среди них немало нынешних и бывших троцкистов, в том числе Жан-Люк Меланшон — лидер леворадикальной “Непокоренной Франции”.

Со своей стороны правоцентристская партия “Республиканцы” выступает за установление жесткого контроля над иммиграционным процессом и предоставлением гражданства, за депортацию иммигрантов-правонарушителей. В среде крайне правых иммиграция рассматривается как угроза французской культуре и идентичности, а “защита Франции” является важнейшей идейно-политической установкой.

Долгое время тема раскола между мусульманским сообществом и “коренными” французами замалчивалась. Публичная дискуссия стала возможна лишь после террористических актов 2015 г. Начало ей положил выход в свет книги Мишеля Уэльбека “Покорность” (январь 2015 г.). Сам писатель утверждал, что, если бы не террористические акты, совпавшие день в день с выходом в свет книги, против него было бы возбуждено судебное разбирательство. На этот раз дело ограничилось обвинениями в “исламофобии”. Уэльбек называет жанр своего произведения “политической фантастикой”. События романа разворачиваются в 2022 г., когда на президентских выборах во Франции побеждает “умеренный мусульманин” Бен Аббес. С его приходом начинается исламизация: университеты подпадают под финансовый контроль ближневосточных монархий; преподаватели (причем к преподаванию допускаются только мужчины) должны принять ислам. За короткий срок французское общество принимает мусульманские нормы жизни. Интеллектуалы с удовольствием приобщаются к многоженству и материальным привилегиям, которые им дает новая религия. В романе реальность смешана с фантастикой, сам писатель поясняет: “Я концентрируюсь на эволюции, которая, на мой взгляд, реалистична” [15].

Книга Уэльбека вызвала бурную полемику во французском обществе, левые обвинили писателя в исламофобии. А известный своими исследованиями о расизме, национализме и терроризме социолог Мишель Вивьорка написал свою историю — ответ Уэльбеку [16]. К жанру политического романа ученый обратился впервые. В его книге на президентских выборах 2017 г. побеждает Марин Ле Пен (лидер ультраправой консервативной националистической партии “Национальное объединение”, ранее — “Национальный фронт”), а американский журналист, находящийся в Париже, под

вымышленным именем которого издана книга, в своих репортажах описывает происходящее. События носят трагический характер: с приходом Ле Пен в Елисейский дворец во Франции начинается хаос, сотни людей эмигрируют, вывозя капиталы; институты власти разваливаются; иммигранты изгоняются, страна выходит из Европейского союза. Все это происходит на фоне нарастающей агрессии, погромов мечетей, которые учиняют сторонники французской национальной идентичности. Роман Вивьорки – это предупреждение социолога, который не скрывает своей симпатии к идеям мультикультурализма. Именно в мультикультурализме, сочетающемся с уважением законов и толерантностью, социолог видит будущее Франции [17].

Не менее известным защитником идей мультикультурализма во Франции является Жак Ланг, министр культуры в годы правления Ф. Миттерана, а ныне президент Института арабского мира. В 2020 г. Ланг был частым гостем на телевизионных площадках и радиоканалах в связи с выходом книги “Арабский язык, сокровище Франции” [18], посвященной вкладу арабов в мировую культуру. В ней автор ставит вопрос о необходимости введения преподавания арабского языка во французской школе. Его главный аргумент: при отсутствии этого предмета в государственных учебных заведениях молодые люди будут изучать его в коранических школах, где они рискуют подпасть под влияние исламистов⁴.

В то же время у мультикультурализма во Франции немало противников. Это прежде всего сторонники республиканизма, светской школы, равенства прав всех граждан. Многие политики, философы, историки говорят о том, что французское государство, гордящееся своими светскими традициями, на протяжении многих лет шло на неоправданные уступки мусульманскому сообществу, тем самым разрушая республиканские принципы. “Боюсь, что уже слишком поздно”, – с горечью отмечает известный французский философ Элизабет Бадэнтер, размышляя о перспективах “перевоспитания” выходцев из иммиграции, которые ставят принципы шариата выше законов Республики. И причина не в том, что французские учителя “плохо учат”, а в том, что многие ученики приходят в школу с уже сложившимся религиозным сознанием.

На другом фланге борьбы с мультикультурализмом – правые и крайне правые идеологи и политики. О праворадикальной партии “Национальное объединение” речь уже шла выше. Мультикультурализм ущемляет “права личности в пользу поддержки групповых идентичностей”, приводит к появлению закрытых сообществ, несет в себе опасность “сепар-

ратизма” и “коммунитаризма”, считает Эрик Земмур, писатель и публицист, которого во Франции относят к крайне правым. Он хорошо известен своими выступлениями против иммиграции, которая, на его взгляд, превратилась в “колонизацию Франции”, против стремления иммигрантов навязать принявшей их стране чуждый ей образ жизни, несовместимый со светскими принципами. “Мы больше не живем во Франции и не живем в республиканской стране”⁵, – утверждает он. В книге “Судьба Франции” (2018 г.) автор использовал историю в качестве своеобразного путеводителя по-настоящему и будущему. В своих выступлениях Земмур с тревогой говорит о том, что писатель крайне правых взглядов Рено Камю еще в 1980-е годы назвал “большим замещением” (*Le Grand Remplacement*): пришельцы из мусульманских стран “замещают” белое население, “им не знакома любовь к родине, они не знают слов Марсельезы” и не желают интегрироваться во французское общество.

Республика переживает глубокий кризис, который проявился в росте терроризма, насилии, городских бунтах, пишет в прошлом первый секретарь Французской социалистической партии Ж.-К. Камбаделис в тексте “Беспристрастная республика. Меморандум левого республиканизма”. По его мнению, левые силы увлеклись защитой индивидуальных свобод и меньшинств, забыв об общественных интересах. На левом фланге часть социалистов, исповедующая антирасистские взгляды, эволюционировала в сторону коммуитаризма (“Непокоренная Франция”). На правом фланге в “Национальном объединении” М. Ле Пен и близких к нему организациях проповедуются идеи национальной французской идентичности. Оба эти течения, считает Камбаделис, представляют опасность для страны [19].

НОВЫЙ ПОВОРОТ: ДИСКУССИЮ ЗАПРЕТИТЬ!

Високосный 2020 г. запомнится надолго. На фоне пандемии *COVID-19*, унесшей только в одном этом году жизни более 80 тыс. французов, локдауна и последовавшего за ним экономического кризиса обострились проблемы, связанные с неблагополучными кварталами и миграцией. В июне 2020 г. тысячи французов вышли на улицы, чтобы почтить память афроамериканца, погибшего от рук полицейского в США. Акции против расовой дискриминации проходили под лозунгами “Жизни черных важны”, “Нет расизму”. Участники выступлений вспоминали другого чернокожего – гражданина Франции Адама Трауре, несколько лет назад умершего от побоев в полицейском участке.

⁴ *Débat entre Jack Lang et Eric Zemmour sur l'apprentissage de la langue arabe, sur CNEWS*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=JWwWjsArVCM> (accessed 27.02.2020).

⁵ “On n’est plus en France” Eric Zemmour – Les incorrectibles. *Radio Sud*, 19.11.2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KzFaZYzwV-w> (accessed 09.11.2020).

Осенью 2020 г. во Франции произошла новая серия террористических актов: 29 октября было совершено нападение на прихожан собора Нотр-Дам в Ницце, а 31 октября жертвой фанатика стал священник греческой церкви в Лионе. Однако самым резонансным оказалось убийство Самюэля Пати, учителя истории и географии в городке Конфлан-Сен-Онорин недалеко от Парижа. Учитель был убит и обезглавлен чеченским юношей, отомстившим за то, что на уроке Пати показал ученикам карикатуры на пророка. Эти события всколыхнули всю Францию. “Республика в опасности”, – так прокомментировал сложившуюся ситуацию председатель Сената Жерар Ларше [20]. В ситуации повышенной напряженности президент Эмманюэль Макрон заявил об объявлении войны “политическому исламу”. Макрон стал первым президентом Франции, который напрямую обвинил исламистов в организации террористических актов.

На фоне массовых выступлений против расовой дискриминации и роста террористической опасности в стране развернулась дискуссия на тему, связанную с расизмом и антиколониализмом. Расизм и борьба с ним – сюжеты для Республики не новые, во французском обществе они обсуждаются с 1970-х годов. В наше время дискуссия о расовом вопросе проходит в условиях распространения идеологии “неопостколониализма” и “неоантирасизма”, пришедшей из США. Ее адепты выступают за разрыв “с проклятым прошлым”, которое они сводят исключительно к расизму, торговле чернокожими рабами и негативным факторам колонизации. Как и сторонники “альтернативной истории”, они ведут борьбу за “историческую память”. Часть левых политиков и связанных с ними интеллектуалов вдохновилась этими идеями, порвав с марксизмом, новой идеологии сформировать не сумели.

Антирасистская тематика в ее радикальной интерпретации нашла свою аудиторию во французских университетах. Новым явлением для французской студенческой среды стал “антибелый расизм”. Новая “постколониальная” идеология представляет белого человека как “от природы привилегированное создание”, а значит, его можно подозревать в расистском поведении. Такое понимание антирасизма, подчеркивает политолог Даниэль Бурмо, “порождает расистское по своей сути утверждение о виновности белого человека” [21].

Идеи антирасизма и антиколониализма распространяются на фоне утверждения новой для Франции “культуры исключения” (*cancel culture*), также пришедшей из США. Сегодня во Французской Республике – стране, которая гордится своими демократическими традициями, появились новые формы цензуры и остракизма. “Культура исключения”, нетерпимая к Другому, способство-

вала радикализации дискуссии. В университетах проводятся собрания, на которые вход “белым” запрещен. Отменяются выступления профессоров, которые не придерживаются “правильных” взглядов, а сами они подвергаются преследованиям в социальных сетях и не только...

Дискуссия о расизме и антиколониализме не закончена. Ее радикализация не помогает решать накопившиеся в обществе проблемы и буквально отравляет социальную и политическую атмосферу в стране, разжигая взаимную ненависть.

* * *

В 1959 г. основатель Пятой республики Шарль де Голль опасался, что, если Алжир останется французской территорией, со временем многие его жители переедут во Францию, и Колумбэ о двух церквях может превратиться в Колумбэ о двух мечетях [22, р. 56]. В современной Франции, где пятая часть граждан имеет иммигрантские корни, не прекращаются споры об удачах и неудачах интеграции мигрантов-мусульман. На левом фланге полагают, что интеграционные механизмы работают, на правом чаще говорят о том, что политика интеграции не действует; ставится вопрос о сокращении или вовсе об отказе от приема мигрантов. Современная дискуссия по этим вопросам имеет ряд особенностей.

Во-первых, еще полтора десятилетия тому назад проблемы ислама и мусульманской общины обсуждались в узком кругу специалистов и споры в основном носили академический характер. В настоящее время число участников полемики резко возросло. С расширением круга заинтересованных лиц и появлением новых платформ, на которых ведется обсуждение (соцсетей, мессенджеров), дискуссия обрела новое качество. Ее тональность становится все более агрессивной и непримиримой. Раймон Арон, вспоминая межвоенное время, говорил, что в 1930-е годы можно было оставаться друзьями, не соглашаясь друг с другом, тогда как в послевоенный период это стало невозможно. Франция возвращается к тем же реалиям сегодня, по признанию многих французских коллег, нормальная дискуссия отсутствует, споры перерастают во взаимные оскорбления, окрашены ненавистью.

Во-вторых, обсуждения вопросов миграции в основном сосредоточены на культурно-религиозных вопросах. По мере эссенциализации этно-религиозных различий другие различия оказались отодвинутыми на задний план. Тогда как именно социально-экономические проблемы, связанные с дискриминацией иммигрантов и выходцев из их среды на рынке труда, отсутствие социальных перспектив и возможности получить хорошее образование толкают подростков из неблагополучных кварталов на путь преступности или радикального

исламизма. Во Франции немногие специалисты, в основном марксисты (Стефан Бо, Жерар Нуарель), напоминают, что иммигранты – это прежде всего рабочие и служащие, а потом уже мусульмане или представители других этносов. В пылу дискуссий их голос почти не слышен.

В-третьих, до недавних пор складывалось впечатление, что в вопросах отношения к мусульманской общине и исламу во французском обществе противостоят два подхода: с одной стороны, противники ислама, отстаивающие принципы французской национальной идентичности, с другой – сторонники “коммунитаризма”, заявляющие о себе как о защитниках прав человека. По мере того как угроза терроризма и исламизации нарастала, разброс мнений стал необычайно велик. Позиции разошлись по широкому кругу вопросов. Сегодня существует раскол между сторонниками “счастливой глобализации”, считающими, что Францию спасут открытые границы и более полноценная интеграция в глобальный мир (к ним относятся президент Э. Макрон и его последователи), и “деклинистами”⁶, опасаящимися “растворения” Франции в открытом мире, деградации и гибели ее культуры. Кто-то выступает за признание коммунитаристских движений, другие отстаивают принципы французской и/или мусульманской идентичности, третьи защищают мультикультурализм, четвертые – республиканские принципы “единой нации” и светской школы. Не могут не удивлять складывающиеся на идейно-политической почве альянсы. О солидарности “исламогошистов” с мусульманскими, а порой и исламистскими организациями уже говорилось. Есть мусульманские организации (“Дети Франции”), которые близки “Национальному объединению”⁷. Их сближает неприятие западного гедонизма, они выступают против вседозволенности в повседневной жизни и легализации однополых браков.

Франция, как и другие страны Европы, меняется, трансформируются антропологический тип французов, их религиозная принадлежность. Прошли те времена, когда брак “белого” француза с африканской женщиной, как это пронзительно описано в новелле Ги де Мопассана, рассматривался чуть ли не как “союз с самим дьяволом”. Сегодня во Франции никого не удивляют пары, в которых мужчина и женщина принадлежат к различным расам и этносам. Французов тревожит не иностранное происхождение или цвет кожи, а то, что часть граждан не хочет считаться с принятыми нормами и законами. Специалисты подчеркивают, что глобализация и рост миграционных потоков приводят к нараста-

нию потенциально конфликтных отношений между диаспорами и принимающим обществом [23, с. 433].

Во французских общественно-политических кругах уже не одно десятилетие ведутся споры о том, как решить проблемы, связанные с интеграцией иммигрантов из мусульманских стран, как положить конец этно-конфессиональным конфликтам, а теперь еще и радикальному исламизму. В декабре 2020 г. власти подготовили законопроект “Об укреплении республиканских принципов”. Согласно документу, государство обязано контролировать деятельность общественных и религиозных организаций, а также источники их финансирования из-за границы. Большое внимание в проекте уделяется вопросам образования. Посещение школ становится обязательным для всех детей в возрасте 3–16 лет; домашнее образование строго ограничивается медицинскими показаниями. Законопроект содержит раздел, устанавливающий наказание за угрозы и преследования госслужащих по религиозным соображениям. Эта мера призвана защитить медицинский персонал, а также педагогов, которые могут, как убитый учитель, стать жертвой радикалов. В январе 2021 г. законопроект был принят Национальным собранием Франции, в апреле Сенат внес в текст свои поправки.

Подобный законопроект – смелый шаг французских властей. Однако положить конец радикальному исламизму на национальном уровне не представляется возможным. Для этого необходимо, чтобы видные представители мусульманского мира – политики и духовники заявили о недопустимости насилия. Пока до этого далеко. Власти Франции находятся в сложном положении: они опасаются новых террористических атак и социальных взрывов в неблагополучных кварталах и пытаются решить острые вопросы путем переговоров с французским мусульманским сообществом. Однако это далеко не всегда удается.

В компетенции государства – принятие законодательных актов и укрепление сил правопорядка. Левые политические силы критикуют правительство и выступают за увеличение финансирования территорий и системы образования. Местные власти и урбанисты настаивают на том, что неблагополучные кварталы можно превратить в комфортные территории, развивая транспортную инфраструктуру. Такие меры позволят вывести жителей этих ареалов из изоляции и дадут им работу. В свою очередь преуспевшие в жизни выходцы из неблагополучных кварталов, такие как режиссер фильма “Отверженные”⁸ Ладж Ли, рэпер

⁶ От французского слова *déclin* – упадок.

⁷ Часть иммигрантов, получивших гражданство и имеющих стабильное положение в обществе, поддерживают М. Ле Пен и выступают против притока новых мигрантов.

⁸ Фильм “Отверженные”, удостоившийся премии жюри Каннского фестиваля (2019) и премии “Сезар”, повествует о жизни подростков в неблагополучном пригороде Парижа – Монфермее.

Кэрри Джеймс, актер Саид Тагмауи, убеждены, что только культурное развитие может спасти мальчиков и девочек из “сложных” районов. “Человек по рождению не приговорен к неудаче. Культура делает его свободным”, — убежден Джеймс. Певец создал ассоциацию, которая оказывает помощь в обучении детям из неблагополучных семей.

Во Франции есть и другие проекты, которые позволяют малообеспеченным талантам получить высшее образование. Престижный Парижский институт политических наук (*Sciences Po, ScPo*) уже более 10 лет реализует программу, ориентированную на способных детей из “сложных” пригородов. Однако он остается единственной “большой школой”, которая согласилась открыть свои двери выходцам из неблагополучных кварталов. Думается, если бы подобные программы получили развитие и социальные лифты заработали, многие проблемы могли быть решены.

Вопрос, который де Голль задавал в 1960-е годы, сегодня следует, на наш взгляд, перефразировать. Необходимо понять: сможет ли “Коломбэ о двух церквях” мирно сосуществовать с “Колом-

бэ о двух мечетях” и что для этого нужно сделать? Для реализации позитивного сценария требуются условия социального и индивидуального развития и продвижения людей, выросших в неблагополучной среде, — и речь идет не только об этнических анклавах. Огромная роль принадлежит системе образования, в которой должны происходить изменения, адекватные сдвигам в обществе. В стране, где значимая часть граждан — выходцы из Африки, Азии и многих государств Европы, курс истории и литературы не может ориентироваться исключительно на французскую историю, но должен включать всемирную историю и литературу. Важно и развитие горизонтальных связей между людьми и институтами гражданского общества, без чего невозможно восстановить взаимное доверие. Именно эти цели преследует новое течение — “интеркультурализм”, которое ориентировано “на интеграцию людей на личном уровне, на работу на местах, на налаживание горизонтальных связей. Особенно — на поддержку взаимодействия в повседневной жизни носителей разных культурных установок и идентичностей” [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий. *Актуальные проблемы Европы*, 2021, № 3, сс. 85-112. [Lapina N.Yu. Society of Lost Illusions. *Current Problems of Europe*, 2021, no. 3, pp. 85-112. (In Russ.)] DOI: 10.31249/ape/2021.03.04
2. Kepel G. *Les banlieux de l'Islam. Naissance d'une religion en France*. Paris, Ed. du Seuil, 1987. 424 p.
3. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие. *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Под общ. ред. Семенов И.С. Москва, Издательство “Весь мир”, 2017, сс. 228-241. [Kudryashova I.V. Muslim Political Identity: Unity and Diversity. *Identity: the Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Semenenko I.S., ed. Moscow, Izdatelstvo “Ves Mir”, 2017, pp. 228-241. (In Russ.)]
4. Koller F. Gilles Kepel: “Le 13 novembre? Le résultat d'une faillite des élites politiques françaises”. *Le Temps*, 26.11.2015. Available at: <https://www.letemps.ch/monde/gilles-kepel-13-novembre-resultat-dune-faillite-elites-politiques-francaises> (accessed 26.11.2015).
5. Fregosi F. Formes de mobilisation collective des musulmans en France et en Europe. *Revue internationale de politique comparée*, 2009, vol. 16, no. 1, pp. 41-61. Available at: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-politique-comparee-2009-1-page-41.htm> (accessed 24.06.2009).
6. Kepel G. “Eviter une guerre entre l'Arabie et l'Iran”. Available at: https://www.herodote.net/Gilles_Kepel_Eviter_une_guerre_entre_1_Arabie_et_1_Iran_-article-1693.php (accessed 26.11.2017).
7. Les musulmans en France, 30 ans après l'affaire des foulards de Creil. *Le Point*, 23.09.2019. Available at: <https://www.ifop.com/publication/les-musulmans-en-france-30-ans-apres-laffaire-des-foulards-de-creil/> (accessed 30.09.2019).
8. *Tableaux de l'économie française*. Paris, INSEE, 2019. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3676614?sommaire=3696937> (accessed 29.12.2020).
9. Pétreault Cl. Pour 57% des jeunes musulmans, la charia plus importante que la République. *Le Point*, 05.11.2020. Available at: https://www.lepoint.fr/politique/pour-57-des-jeunes-musulmans-la-charia-plus-importante-que-la-republique-05-11-2020-2399511_20.php (accessed 17.11.2020).
10. Долгов Б.В. Мусульманский ренессанс во Франции: Итоги и перспективы. *Актуальные проблемы Европы*, 2015, № 4, сс. 112-140. [Dolgov B.V. Moslem Renaissance in France: Results and prospects. *Current Problems of Europe*, 2015, no. 4, pp. 112-140. (In Russ.)]
11. *En qu(o)i les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique*. Paris, Sciences Po/CEVIPOF, 2020. Vague 11. Available at: <https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (accessed 25.04.2020).
12. *En qu(o)i les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique*. Paris, Sciences Po/CEVIPOF, 2021. Vague 12. Available at: [https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague12%20-%20Rapport%20international%20\(1\).pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague12%20-%20Rapport%20international%20(1).pdf) (accessed 15.04.2021).

13. Гордон А.В. Китайские общины Парижа: интегрироваться, сохраняя идентичность. *Актуальные проблемы Европы*, 2021, № 3, сс. 136-163. [Gordon A.V. The Chinese Communities of Paris: To Integrate While Preserving Their Identity. *Current Problems of Europe*, 2021, no. 3, pp. 136-163. (In Russ.)] DOI: 10.31249/ape/2021.03.06
14. Fourquet J. *L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée*. Paris, Seuil, 2019. 383 p.
15. Bourmeau S. Scare Tactics: Michel Houellebecq Defends His Controversial New Book. *The Paris Review*, 02.01.2015. Available at: <https://www.theparisreview.org/blog/2015/01/02/scare-tactics-michel-houellebecq-on-his-new-book/> (accessed 15.03.2015).
16. Squierrel M.W. *Le séisme. Marine Le Pen présidente*. Paris, Robert Laffont, 2016. 234 p.
17. Wiewiorka M. *Multiculturalisme: le débat est-il clos?* 03.03.2015. Available at: <https://wiewiorka.hypotheses.org/351> (accessed 10.03.2015).
18. Lang J. *La langue arabe, trésor de France*. Paris, Le Cherche Midi, 2020. 334 p.
19. Nazaret A. Jean-Christophe Cambadélis au JDD: “Pour 2022, je ne me sens pas hors-jeu”. *Journal du dimanche*, 14.11.2020. Available at: <https://www.lejdd.fr/Politique/jean-christophe-cambadelis-au-jdd-pour-2022-je-ne-me-sens-pas-hors-jeu-4005590> (accessed 28.12.2020).
20. Carriat J., Darame M. “Il faut agir et il est déjà tard”: la droite lance les grandes manœuvres contre l’islamisme. *Le Monde*, 20.10.2020. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/10/20/il-faut-agir-et-il-est-deja-tard-la-droite-lance-les-grandes-man-uvres-contre-l-islamisme_6056686_823448.html (accessed 02.01.2020).
21. Бурмо Д. Две Франции сквозь призму социальных движений. *Актуальные проблемы Европы*, 2021, № 3, сс. 113-135. [Bourmaud D. Two Frances through the Prism of Social Movements. *Current Problems of Europe*, 2021, no. 3, pp. 113-135. (In Russ.)] DOI: 10.31249/ape/2021.03.05
22. Peyrefitte A. *C'était de Gaulle*. Paris, Éditions de Fallois/Fayard, 1994. Vol. 1. 435 p.
23. Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные “миры”. *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. Семенов И.С. Москва, Изд-во “Весь мир”, 2017, сс. 432-439. [Prokhorenko I.L. Diasporas and Diasporas “Worlds”. *Identity: the Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Semenenko I.S., ed. Moscow, Izdatelstvo ‘Ves Mir’, 2017, pp. 432-439. (In Russ.)]
24. Замдиректора ИМЭМО: французская идентичность беженцев не интересует. Ирина Семеновка рассказала о новых вызовах безопасности в Европе. *Интерфакс*, 11.11.2020. [Deputy Director of IMEMO: the French Identity Is Not Interested for Refugees. Irina Semenenko Spoke about New Security Challenges in Europe. *Interfax*, 11.11.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/world/736560> (accessed 11.12.2020).

**“ISLAMIC FACTOR” AND SOCIO-POLITICAL DEBATE
ON IMMIGRATION IN MODERN FRANCE**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 97-105)

Received 01.04.2021.

Natalia Yu. LAPINA,

ORCID 0000-0002-1449-2152, lapina@inion.ru

Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), 51/21, Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article considers the place of Muslims in the socio-political life of modern France. The heterogeneity of the Muslim community, different trends within it, the attitude of French Muslims to religion and its place in life are shown. It is noted that in recent years, French Muslims, especially young ones, have become more religious and more often observe the norms of the Koran. There is a growing number of Muslims who believe that the French secular state must adapt to Islamic norms of life. Against this background, especially in connection with the terrorist attacks that have not stopped since 2015, French society is growing distrust of Muslims. Most of the French perceive Islam as a “threat to the Republic”. These sentiments are reflected in the socio-political discussion around issues related to immigration and the “Islamic factor”, which involves well-known French intellectuals, writers and scientists. In the discussion, the supporters of “happy globalization”, who believe that France will be saved by open borders (including President E. Macron and his followers), are opposed by “declinists”, who are afraid of “dissolving” France in the global world. Some advocate the recognition of communitarist movements, some defend the principles of French and/or Muslim identity, others defend multiculturalism, and yet others defend the Republican principles of “one nation” and the secular school. Recently, the discussion has included topics such as racism/anti-racism, the colonial past and anti-colonialism. The country approves a “cancel culture”, which came from the United States and is new to France. An intolerant “cancel culture” contributes to radicalization of the discussion. Another new phenomenon is “anti-white racism” in the French university environment, evident in the fact that meetings are held in universities, attending which is prohibited for “whites”. The peculiarity of the socio-political discussion today is that the number of its participants has increased dramatically. With the expansion of the circle of interested parties and the emergence of new platforms for discussion (social networks, messengers), it has acquired a new quality, and its tone is becoming more aggressive and irreconcilable.

Keywords: muslim community, Islam, France, “islamogohism”, terrorism, public discussion, “cancel culture”.

About author:

Natalia Yu. LAPINA, Principal Researcher, Doctor of Political Sciences.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-97-105

ИНОСТРАННЫЕ БОЕВИКИ-ТЕРРОРИСТЫ КАК ФАКТОР СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

© 2021 г. О. Потемкина

ПОТЕМКИНА Ольга Юрьевна, доктор политических наук,
ORCID 0000-0002-9844-4093, olga_potemkina@mail.ru
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11-3.

Статья поступила в редакцию 26.04.2021.

В статье анализируется влияние феномена иностранных боевиков-террористов (ИБТ) на секьюритизацию миграционной политики Евросоюза. Исследуются основные документы миграционной политики и противодействия терроризму на предмет конструирования ИБТ как серьезной угрозы безопасности, а также практические действия, направленные на устранение угрозы. Отмечается сходство между методами социальной интеграции мигрантов и реинтеграции ИБТ и членов их семей, что автор также считает свидетельством перехода миграционной проблемы в сферу политики безопасности ЕС.

Ключевые слова: иностранные боевики-террористы, секьюритизация, миграционная политика, информационные системы, интеграция, безопасность границ.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-106-114

После террористических актов в мире изменилось отношение к проблемам и явлениям, которые в общественном мнении и в политическом дискурсе так или иначе связаны с безопасностью, и самым очевидным примером становятся миграция и ее регулирование. В современной повестке дня Европейского союза дестабилизирующее воздействие притока мигрантов на общественный порядок занимает центральное место: миграция представляется как угроза культурной самобытности, стабильности рынка труда, наконец, безопасности [1, р. 517].

Главным фактором, обусловившим секьюритизацию миграционной политики ЕС, стало возвращение иностранных боевиков-террористов (ИБТ), которое воспринимается как долгосрочная опасность, “бомба замедленного действия”. Начиная с 2011 г. европейцы отправились в зоны боевых действий в Ираке и Сирии для присоединения к террористическим группам Исламского государства (ИГ) или “Аль-Каиды”¹. По оценкам Европейской сети осведомленности о радикализации (*Radicalisation Awareness Network, RAN*), до 5300 граждан стран – членов ЕС воевали в Сирии и Ираке, 30% вернулись в Европу после распада ИГ [2]. Опасения массового возвращения ИБТ с деструктивными намерениями в потоке ищущих убежище заставили ЕС сконцентрировать не только контртеррористическую, но и миграционную политику вокруг ответа на новую потенциальную угрозу.

Однако алармистские прогнозы не оправдались: после распада ИГ число возвращенцев сокра-

тилось, большинство были убиты в зоне конфликта или заключены в тюрьмы [3, р. 33]. Операция “Источник мира”, начатая Турцией осенью 2019 г., добавила европейским правительствам волнений. Хотя в дальнейшем не наблюдалось роста насилия, сопутствующего возвращению, сложно было предугадать, как и где проявят себя ИБТ. В то время как некоторые из них были обвинены в подготовке терактов, другие разочаровались в джихаде и готовы были вернуться к нормальной жизни, не имея никаких намерений участвовать в будущем в террористической деятельности.

Тем не менее возвращение ИБТ создает целый ряд проблем.

- Они по-прежнему воспринимаются как угроза безопасности. Для подготовки и совершения терактов не обязательно массовое возвращение ИБТ, достаточно небольшой их группы. Находясь в зонах конфликтов, ИБТ приобретают боевой опыт, и это порождает оправданные опасения, что его можно применить для подготовки новых терактов, радикализации, сбора средств и содействия террористической деятельности [4, р. 299]. Несколько террористических нападений в европейских городах действительно было совершено вернувшимися из зон боевых действий иностранными боевиками, включая стрельбу в Еврейском музее в Брюсселе в мае 2014 г., теракты в Париже в ноябре 2015 г. и взрывы в Брюсселе в ноябре 2016 г. [5, р.1]. Правоохранительные ведомства стран ЕС продолжают раскрывать террористические сети, в том числе в тюрьмах.

¹ Организации, запрещенные в РФ.

- Проблема не только в возвращении самих боевиков: многие привозили в зоны конфликтов семьи или обзаводились ими в период боевых действий. Судьба “жен джихада”, особенно в случае их непосредственного участия в террористической деятельности, становится все более актуальной: семьи боевиков, вероятно, хотели бы вернуться на родину, и число их с трудом поддается исчислению. Особые трудности создает возвращение детей: приходится устанавливать их личности и искать возможности репатриации в государства — члены ЕС, где могут проживать их родственники.

- В политическом дискурсе и общественном сознании восприятие возвращенцев как потенциальной угрозы распространяется и на мигрантов, хотя, по существу, сами иностранные боевики таковыми не являются, они имеют гражданство стран Европейского союза, будучи в основном потомками мигрантов. Начиная с 2015 г. боевики использовали потоки ищущих убежище для пересечения границы Евросоюза. Эта тактику поначалу недооценили правоохранительные ведомства, поскольку несколькими годами ранее ИБТ двигались в противоположном направлении, используя сети контрабандистов и торговцев людьми, чтобы попасть из своих родных мест в зону конфликта. Теперь же они возобновили эти старые контрабандные контакты [6].

Феномен иностранных боевиков подробно изучен как российскими авторами, так и зарубежными [7, 8]. Однако на фоне “нового старта” миграционной политики ЕС, а также появления очередных стратегических документов по противодействию терроризму он по-прежнему актуален как фактор преобразования миграции в проблему безопасности, что потребовало и соответствующих изменений в политике.

КОНСТРУИРОВАНИЕ УГРОЗЫ ИБТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЕС

Опираясь на подходы (пост)копенгагенской и парижской школ, исследователи отмечают секьюритизацию как самой миграции, подрывающей основы безопасности стран Евросоюза, так и его миграционной политики, которая во главу угла ставит защиту границ и общественный порядок от опасности миграционного притока [9, р. 150]. Секьюритизация рассматривается как социальный процесс, который включает и дискурс, и практические действия — “инструменты секьюритизации”. Объявляя в правовых и программных документах возвращение иностранных боевиков угрозой, ЕС обосновывает таким образом практику криминализации передвижения граждан Союза и мигрантов, принятия специальных методов защиты от наплыва ищущих убежище.

Феномен “иностраных боевиков” не был новым для Европы, он употреблялся в различных политических документах Евросоюза, однако Резолюция 2178 Совета Безопасности ООН в 2014 г. ознаменовала появление в повестке дня международной безопасности “иностранной (террористической) угрозы” и “иностраных боевиков-террористов — лиц, отправляющихся в государство, не являющееся государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, в том числе в связи с вооруженным конфликтом” [10]. Данное определение не подразумевало, что все эти “лица” обязательно будут совершать террористические акты, а лишь вероятность этого, более высокую, чем для иностранных боевиков, которые вступали в организации, не применяющие террористическое насилие.

Более того, в Резолюции 2396 СБ ООН, принятой в декабре 2017 г., призвал государства-члены проводить разграничение между ИБТ “и другими лицами, включая сопровождающих их членов семьи, которые, возможно, не причастны к правонарушениям, связанным с иностранными боевиками-террористами” [11].

Не желая оставаться в стороне, ЕС поспешил обновить свой подход к проблеме иностранных боевиков с учетом резолюции СБ ООН, предложив ввести уголовное наказание за их действия посредством поправок к действующему Рамочному решению 2008 г. о противодействии терроризму, а в последующие годы активно исполнил рекомендацию Совета Безопасности разработать меры по ограничению поездок с террористическими целями.

В совместном заявлении глав государств и правительств по итогам саммита в Риге, принятом после нападения на журналистов *Charlie Hebdo* в январе 2015 г., был впервые использован новый термин — “феномен иностранных боевиков-террористов во всем мире”. В заявлении содержался и призыв “укрепить внешние границы и перейти к систематическим проверкам лиц, пользующихся правом свободного передвижения, по базам данных, предназначенным для борьбы с терроризмом” [12]. Таким образом, проблема ИБТ была привязана к ограничениям свободы передвижения граждан, что вылилось впоследствии в принятие соответствующего законодательства и рекомендаций о “подозрительных” и “несущественных поездках”.

“Повышенная угроза безопасности для всех государств-членов” была упомянута в связи с возвращением иностранных боевиков-террористов и в обновленной Директиве ЕС о борьбе с терроризмом 2017 г., посредством которой Евросоюз

узаконил привязку пограничного контроля к противодействию терроризму и ввел криминализацию поездок с террористическими целями. Выявление “подозрительных форм поездок”, как и “секьюритизация границы” ЕС становятся центральным пунктом реагирования Брюсселя на угрозу со стороны возвращенцев [13, p. 10].

В процессе подготовки реформы законодательства о противодействии терроризму Евросоюз был подвергнут критике со стороны как правозащитных организаций, так и собственных ведомств. Так, Экономический и социальный комитет указал на расплывчатость формулировки “поездка с террористическими целями”. *Amnesty International* сразу же отметила связь противодействия терроризму с миграцией, предупредив, что криминализация поездок как актов подготовки к совершению террористических нападений может быть использована для нарушения прав “этнических и религиозных меньшинств, беженцев и мигрантов” [14]. Тем не менее потенциальная террористическая угроза, исходящая от “нелегального мигранта” или “ненадежного путешественника”, который въезжает в ЕС из опасных мест, перекочевала и в последующие политические документы Союза.

Так, в “Европейской повестке дня по безопасности” на 2015–2020 гг., принятой после террористических актов в Париже, Копенгагене и Брюсселе, Комиссия ЕС вновь обратила внимание на потенциальную угрозу иностранных боевиков-террористов и указала на важную функцию Шенгенской информационной системы (ШИС) – выявлять лиц, подозреваемых в намерении присоединиться к террористическим группам за пределами Европейского союза. Расширение сотрудничества и “решительный ответ ЕС терроризму и иностранными боевикам” предполагают реагирование на “неожиданные события” с использованием новых возможностей”, а также предвидение “будущих тенденций и рисков в области безопасности” [15]. В целом в политических документах Евросоюза последних лет термины “иностранцы боевики” и “иностранцы боевики-террористы” чаще всего употребляются взаимозаменяемо.

Надо отметить, что Европейскому союзу удалось убедить своих граждан в необходимости усилить пограничный контроль: по данным специального выпуска *Eurobarometer* в июне 2017 г., 86% европейцев назвали внешнюю границу ЕС серьезным вызовом безопасности, а почти 80% высказались в пользу увеличения участия Евросоюза в охране общей границы, расширения помощи национальным пограничным службам [16, p. 66].

Пандемия *COVID-19* стала настоящим испытанием для правоохранительных ведомств Евросоюза

и государств-членов. Хотя количество физических преступлений сократилось благодаря карантину, активная деятельность криминальных группировок переместилась в виртуальное пространство, сосредоточившись на привлечении новых сторонников среди молодых людей, пользователей соцсетей. Кроме того, события в зонах конфликтов за пределами Европы по-прежнему влияют на ситуацию с терроризмом в Европе. Хотя очень немногие иностранные боевики смогли вернуться в Европу в 2020 г., отчасти в результате пандемии, ситуация в лагерях на севере Сирии все еще вызывала тревогу в ЕС: в хаосе боевых действий иностранные боевики ИГ, захваченные в курдских районах, могли сбежать из лагерей и тюрем и пробраться в Европу. В принятых 30 марта 2020 г. рекомендациях о временных ограничениях на поездки граждан Еврокомиссия призвала государства-члены не утрачивать бдительности и дополнить контроль за состоянием здоровья пересекающих внешние границы Союза “вторичными проверками” с использованием всех имеющихся информационных систем для выявления лиц, представлявших угрозу общественному порядку и безопасности, в частности иностранных боевиков-террористов.

Таким образом, террористические акты в европейских городах с участием возвращенцев дали Евросоюзу повод убедительно обосновать легитимизацию упреждающих форм обеспечения безопасности, возможные новые нападения определили основные направления не только контртеррористической, но и миграционной политики ЕС. Меры по контролю над иностранными боевиками сыграли ключевую роль в продолжавшейся ее секьюритизации посредством усиления пограничного контроля как самого верного способа обеспечения безопасности [17, p. 5].

В академической литературе данное направление миграционной политики получило название “пространственное измерение секьюритизации”, то есть связанное как с передвижением европейцев и мигрантов в пределах Евросоюза, так и заграничными поездками. “Секьюритизация границы” подразумевает потенциальную террористическую угрозу для государств Европейского союза со стороны “нелегального мигранта” или “не вызывающего доверия путешественника”, которые въезжают в Союз из “опасных мест”. Миграционный контроль усиливается как необходимая реакция на терроризм для выявления лиц, проживающих в зонах, обозначенных как “подверженные риску” [18, p. 215]. Возвращающиеся ИБТ рассматриваются не только как потенциальная террористическая угроза, но и как опасная категория мигрантов, поэтому возникает необходимость усиления охраны границы ЕС. Отсутствие пограничного контроля внутри Шенгенской зоны и охват джихадистски-

ми сетями нескольких европейских стран требуют взаимодействия на уровне Евросоюза, поскольку вернувшиеся боевики и члены их семей имеют возможность передвигаться внутри шенгенского пространства. Показателен случай с Мехди Неммушем, которого признали виновным в нападении в Еврейском музее в Брюсселе в 2015 г.: французский иностранный боевик из Сирии въехал в ЕС через Германию и затем совершил теракт в Бельгии.

Новый Пакт о миграции и убежище, который Урсула фон дер Ляйен, глава Комиссии ЕС, вынесла на обсуждение в сентябре 2020 г., предусматривает вызывающую много возражений со стороны как правозащитных организаций, так и депутатов Европарламента процедуру “предварительного скрининга” ищущих убежище на границе: проверки на предмет состояния здоровья, а также и безопасности посредством запросов в европейские базы данных о том, что данное лицо не представляет угрозы [19]. Интересно отметить, что на раздел Пакта о мерах по усилению охраны границы ЕС неоднократно ссылались участники обсуждения новых мер Союза по противодействию терроризму в Совете ЕС, что лишний раз отчетливо продемонстрировало совпадение ключевых позиций Евросоюза по регулированию миграции и обеспечению безопасности [20, p. 5].

ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ИНОСТРАННЫХ БОЕВИКАХ-ТЕРРОРИСТАХ НА УРОВНЕ ЕС

В целях обеспечения безопасности Евросоюз пытается добиться совместимости информационных систем, изначально предназначенных для управления миграцией, которые были созданы в разное время и с разными целями [21, с. 99]. К моменту миграционного кризиса и появления возможности проникновения иностранных боевиков в ЕС под видом ищущих убежище различные системы пограничного контроля ЕС функционировали раздельно, со своими собственными техническими особенностями и методами. В результате появились “слепые зоны”, где люди, возможно, причастные к террористической деятельности, были зарегистрированы в различных, не связанных между собой базах данных под разными именами.

В июне 2016 г. Комиссия ЕС подготовила дорожную карту по улучшению обмена информацией между государствами-членами, в которой, указав на взаимосвязь безопасности и миграционных вызовов, привела доводы в пользу повышения функциональной совместимости действующих Шенгенской и Визовой информационных систем, дактилоскопической базы данных Евродак (*Eurodac*) с системами Европола (*Europol*) и Ев-

ропейской информационной системы уголовных досье (*European Criminal Records Information System, ECRIS*) для обнаружения подозрительных передвижений лиц. В тексте дорожной карты “террористические поездки” иностранных боевиков использовались в качестве способа легитимизации этого шага как упреждающего, с использованием инструментов контроля над миграцией и защиты границ. В последующих документах неоднократно подчеркивалось решающее значение эффективного обмена информацией между правоохранительными, судебными и разведывательными ведомствами государств-членов для отслеживания иностранных боевиков. О необходимости усовершенствовать охрану внешней границы ЕС с помощью новых и модернизированных крупномасштабных информационных систем при поддержке агентств Фронтекс (*Frontex*) и ЕС-ЛИСА (*eu-LISA*), чтобы “защитить европейцев от угрозы возвращения иностранных боевиков-террористов”, упоминается и в новом стратегическом документе “Контртеррористическая повестка дня”, представленном Еврокомиссией в декабре 2020 г. и впоследствии принятом саммитом Евросовета.

“Рамки взаимодействия” между шестью информационными системами ЕС для управления охраной границ и миграцией, а также обеспечения безопасности, половина из которых пока не введена в действие, были установлены в 2019 г. В соответствии с двумя принятыми Регламентами, система регистрации въезда и выезда (*entry-exit system, EES*), Европейская система уведомления и выдачи разрешений на въезд (*European Travel Information and Authorisation System, ETIAS*), расширенная Европейская система криминальных досье на лиц из третьих стран (*ECRIS-TCN*), Шенгенская и Визовая информационные системы, а также ожидающая обновления Евродак дополняют друг друга для более эффективной идентификации людей, прибывающих в Евросоюз.

Соединение базовых систем будет осуществлено путем создания трех новых централизованных баз данных и инструмента поиска, который позволит выполнять запросы одновременно во все информационные системы к 2023 г., когда будет создан единый интерфейс для поиска и сопоставления биометрических данных.

Совместимость создает новые возможности для национальных компетентных органов как миграционных и пограничных служб, так и правоохранительных ведомств, поэтому данные о лицах, помещенные в одну из систем для регулирования миграционных потоков, в результате могут быть использованы для предупреждения, выявления и расследования преступлений. Такой исход предстоящей реформы вызывает ряд вопросов у ис-

следователей и правозащитных организаций, поскольку связанными оказываются две различные цели — управление миграцией и борьба с терроризмом и преступностью, что выходит за рамки основных функций пограничного контроля, предоставления убежища и выдачи краткосрочных виз гражданам “третьих стран”, не замешанным в преступлениях и террористической деятельности. Таким образом, Регламенты не только меняют первоначальное назначение баз данных с иммиграционного на правоохранительное, но и создают риски нарушения прав граждан при обработке персональных данных, полученных из систем [22, p. 283].

РОЛЬ АГЕНТСТВА ФРОНТЕКС

Агентство пограничной и береговой охраны ЕС (Фронтекс), первоначально созданное для оказания помощи в управлении миграцией и пограничном контроле, постепенно превратилось в мощный координационный центр действий государств-членов. Мандат агентства был пересмотрен в 2016 г., в разгар миграционного кризиса, после продолжительных дискуссий и межинституциональных переговоров: позиции Комиссии ЕС, Европарламента и Совета не во всем совпадали. В результате агентство получило право обрабатывать персональные данные и передавать их государствам-членам для анализа рисков, заниматься оперативной деятельностью, в том числе совместно с последними: пограничные интервенции, высылка мигрантов и их реинтеграция на родине. В частности, Фронтекс будет отвечать за управление основными частями режима совместимости информационных систем. Агентство проводит также систематические проверки граждан ЕС на внешних сухопутных, морских и воздушных границах, используя ШИС и базу данных о похищенных и утраченных проездных документах Интерпола. С этими новыми полномочиями Фронтекс все больше напоминает правоохранительное ведомство. Секьюритизация операций пограничного контроля привела к тому, что они стали рассматриваться в первую очередь как меры безопасности; поэтому и данные, собранные в ходе операций, считаются ценным ресурсом ее обеспечения.

Еще один пакет реформ был принят в 2019 г. Еврокомиссии снова удалось значительно расширить полномочия агентства и придать ему “постоянный корпус” численностью до 10 тыс. человек, что позволяет Фронтекс гораздо меньше зависеть от государств-членов. В обнаружении и задержании иностранных боевиков-террористов агентству определена специальная роль. Новая операция “Фемида” в Центральном Средиземноморье, помимо поисково-спасательных целей, имеет “усиленную правоохранительную направлен-

ность”: “сбор разведывательных данных и шаги, направленные на выявление иностранных боевиков и других террористических угроз на внешних границах” [23]. Информация, собранная сотрудниками Фронтекс в ходе операции, отправляется Европолу, а также итальянским властям. Таким образом, новые полномочия агентства, направленные на обеспечение безопасности, ознаменовали переход от предыдущих спасательных операций к поиску на море и выявлению мигрантов, представляющих потенциальную угрозу. “Кто бы мог подумать три года назад, что Фронтекс будет собирать персональные данные, передавать их Европолу и национальным полицейским службам, чтобы оказать им помощь в расследовании и предотвращении нападений”, — отметил директор агентства Леггери в беседе с представителями Комитета по вопросам борьбы с терроризмом Европарламента [24]. Примечательно, что в ноябре 2020 г. Европарламент потребовал расследования деятельности агентства на предмет нарушения прав ищущих убежище во имя обеспечения безопасности, но через полгода вынужден был снять обвинения, выдвинутые против агентства.

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК СРЕДСТВО ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ

Предотвращение радикализации и процесс дерадикализации как в тюрьмах, так и за их пределами стали предметом широких обсуждений в политических и экспертных кругах Евросоюза.

Одной из центральных тем новой Контртеррористической стратегии ЕС стало предотвращение терактов “посредством противодействия радикализации и экстремистским идеологиям до того, как они укоренятся в обществе”. Стратегия была представлена одновременно с очередным Планом действий ЕС по интеграции мигрантов, который, по существу, стал инструментом социального противодействия радикализации. Еврокомиссия впервые предложила обширную программу (ре)интеграции не только мигрантов, но и граждан ЕС “с миграционным прошлым”. Данное нововведение, несомненно, было продиктовано опасениями влияния экстремизма на молодых людей, которые становятся потенциальными участниками террористических сетей, даже не совершая при этом “подозрительных поездок” за пределы Евросоюза. Против “постоянного подчеркивания связи между интеграцией мигрантов и предотвращением радикализации” немедленно выступил Европейский совет по делам беженцев и изгнанников (*European Council on Refugees and Exiles, ECRE*) [25], уловив тенденцию секьюритизации политики миграции и убежища. Таким образом, тема интеграции перекочевала из сферы миграционной

политики в стратегии и программы обеспечения безопасности ЕС, между понятиями “интеграция” и “терроризм” установилась тесная связь. “Контртеррористическая повестка дня” в вопросах интеграции молодых людей “из группы риска” делает прямую отсылку к Плану действий по интеграции [2, p. 8].

Компетенции в сфере интеграции мигрантов принадлежат государствам-членам, Комиссия ЕС также может играть лишь координирующую роль и поддерживать национальные программы реабилитации и реинтеграции возвращенцев, обращая особое внимание на методы дерадикализации (*deradicalisation* – выведение ИБТ из-под влияния экстремистских идеологий) и разрыв (*disengagement* – отказ от дальнейшего участия в террористической деятельности) [26, p. 3]. Поддержка действий стран-членов осуществляется в нескольких направлениях, таких как: выявление наилучших подходов к управлению и оценке риска со стороны радикально настроенных заключенных; помощь в подготовке специалистов в данной области и издание Руководства по реабилитации и реинтеграции заключенных, в том числе после освобождения в рамках Сети осведомленности о радикализации; разработка методологии с едиными стандартами и оценки эффективности программы реинтеграции. Методы поддержки и координации, по существу, очень схожи с теми, что предлагает План действий по интеграции мигрантов и их натурализовавшихся потомков.

В последние годы количество программ, разработанных как для заключенных, так и освобожденных бывших ИБТ, увеличилось как реакция на их возвращение. В государствах – членах ЕС осуществляются многочисленные программы реинтеграции и регулярно разворачиваются новые инициативы, охватывающие целый ряд направлений: религиозное и психологическое консультирование, ориентированное на дерадикализацию, а также профессиональная подготовка, образование и рекреационная деятельность, нацеленные на разрыв с экстремистской активностью. Большинство из них осуществляется в Северо-Западной Европе: программы “выхода” в Норвегии, Швеции и Германии, “Орхусский подход” в Дании, инициатива по реинтеграции, возглавляемая Службой пробации Нидерландов. В Германии целому ряду организаций поручено содействовать реабилитации и реинтеграции ИБТ, и каждая из этих организаций имеет свою собственную философию в отношении дерадикализации или их разрыва с прежней деятельностью. Через Сеть информирования о радикализации Комиссия ЕС оказывает поддержку практикующим специалистам в разработке передовых практик и обучении их навыкам, необходимым для борьбы с насильственным экстремизмом, ре-

билитации и реинтеграции в общество в сотрудничестве с местными властями. Реинтеграция становится необходимым компонентом всеобъемлющей стратегии борьбы с экстремизмом, хотя для оценки долгосрочного эффекта программ прошло слишком мало времени, на данном этапе исследователи часто заявляют об их провале или недостаточной эффективности [7, с. 78].

На саммите ЕС в декабре 2020 г. лидеры государств и правительств вновь подняли вопрос о религиозном образовании в Европе, вызвавший ажиотаж в ноябре 2020 г., после того как председатель Евросовета Ш. Мишель предложил создать “европейский институт подготовки имамов”. В “Заключениях” саммита “европейские имамы” уже не упоминались, участники встречи сошлись на политкорректной формулировке – “соответствие религиозного образования и профессиональной подготовки основополагающим принципам и ценностям ЕС” [27].

Особой темой в дискуссиях об интеграции мигрантов и серьезной причиной озабоченности членов ЕС стало возвращение жен и детей иностранных боевиков после распада ИГ. Многие женщины, выезжавшие в зоны конфликтов, не ограничивались ролью жен и матерей. Отношение к детям боевиков еще сложнее: они могли подвергаться насилию и психологическому воздействию пропаганды радикальных взглядов, получая тем самым серьезные психологические травмы. С другой стороны, некоторые из них прошли военную подготовку, в ходе которой их учили использовать различные виды оружия и убивать.

В 2019 г. депутаты Европарламента призвали Комиссию ЕС принять меры для помощи государствам-членам в реабилитации, образовании детей, нуждающихся в репатриации, и учредить программу финансовой помощи, в частности местным органам власти для реинтеграции детей и их семей. Со ссылкой на ЮНИСЕФ Европарламент привел данные о 700 европейцах из 29 тыс. детей моложе 12 лет, находящихся в сирийских лагерях для задержанных, и призвал страны-члены репатриировать их для дальнейшего восстановления и интеграции [28]. При этом государства ЕС в основном весьма неохотно возвращают своих связанных с ИГ граждан, хотя все же привозят домой женщин и детей. Некоторые сумели самостоятельно вернуться на родину через Турцию, в то время как другие до сих пор числятся пропавшими без вести.

Ряд стран ЕС принял решение о лишении ИБТ гражданства, что позволяет уклониться от каких-либо обязательств по их репатриации и ограничить потенциальные возможности родившихся в Сирии детей претендовать на европейское гражданство; при этом Еврокомиссия не поддержала подобные

инициативы, но не имела полномочий вмешаться. По оценкам Европейской сети осведомленности о радикализации, тысяча детей уехала из Европы вместе с родителями и 600 родились на охваченных конфликтом территориях после 2012 г. [2, p. 5]. У администрации лагерей нет возможности отделить убежденных сторонников террористов от тех, кто хотел бы вернуться к мирной жизни, и оградить детей от влияния экстремистской идеологии, поэтому маленькие граждане Евросоюза растут в условиях радикализации, что впоследствии может вылиться в очередную угрозу безопасности ЕС [29].

* * *

Возвращение ИБТ побуждает ЕС действовать сразу в нескольких направлениях сферы внутренней безопасности и регулирования миграции: меры уголовного преследования в отношении возвращенцев; криминализация “поездок с террористическими целями”, усовершенствование методов контроля на внешних границах и выявления подозрительных поездок; обмен информацией на уровне ЕС; предотвращение радикализации, особенно молодежи; дерадикализация и реабилитация в тюрьмах. Некоторые инициативы были восприняты критически политиками и общественностью с точки зрения как их эффективности в отношении заявленных целей, так и соблюдения прав граждан. Очевидно, что цель секьюритизации миграционной политики — не только и не столько предотвращение потенциальной угрозы терро-

ристической деятельности возвращенцев, сколько сдерживание миграционного потока в целом, в том числе и сокращение числа ищущих убежище в странах ЕС. Тем не менее терроризм и миграция тесно связаны в общественном дискурсе, несмотря на отсутствие эмпирического основания для вывода о прямом взаимовлиянии этих факторов: большинство арестованных за террористические преступления не выезжали за пределы Евросоюза и не пересекали границы для этого.

Тема иностранных боевиков присутствует постоянно в политической повестке дня Брюсселя, выходит на первый план после атак террористов и постепенно уходит на фоне ослабления их деятельности. Однако секьюритизация миграции предоставляет правоохранительным ведомствам широкие возможности после очередных террористических нападений. Возвращение ИБТ придало европейской миграционной политике дополнительные функции, превратив ее в инструмент борьбы с терроризмом и, по существу, в одно из направлений политики безопасности ЕС.

Иностранные боевики не могут считаться внешним врагом, так как имеют глубокие корни и социальные контакты в европейском обществе. Их возвращение — скорее, угроза латентного характера и поэтому один из самых сложных вызовов безопасности. Но не менее сложно найти ту грань, за которой секьюритизация миграции и миграционной политики может быть оправдана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Alkophera T.D., Blanch E. Schengen Area Shaken: the Impact of Immigration-related Threat Perceptions on the European Security Community. *Journal of International Relations and Development*, 2017, vol. 20, no. 3, pp. 511-542. DOI: 10.1057/s41268-016-0005-9
2. *Repatriated foreign terrorist fighters and their families: European experiences & lessons for P/CVE*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2021. 5 p.
3. *Terrorism Situation and Trend Report 2020*. Europol, The Hague, 2021. 98 p.
4. De Kerchove G., Höhn Ch. The Regional Answers and Governance Structure for Dealing with Foreign Fighters: The Case of the EU. *Foreign Fighters under International Law and Beyond*. De Guttry A., Capone F., Paulussen Ch., eds. The Hague, Springer, 2016, pp. 299-331. DOI: 10.1007/978-94-6265-099-2
5. Milton D. Lessons from September 11 about the Post-conflict Threat Posed by Foreign Terrorist Fighters. *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*, 2020, no. 2, pp. 136-153. DOI: 10.1080/18335330.2020.1725097
6. Parkes R. Out of Syria: Shifting Routes and Returns. *EUISS*, 2017, no. 8. Available at: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Alert_8_Syria_refugees.pdf (accessed 06.03.2021).
7. Степанова Е.А. *ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке*. Москва, ИМЭМО РАН, 2020. 198 с. [Stepanova E.A. *ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq*. Moscow, IMEMO, 2020. 198 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3
8. *The Return of Foreign Fighters to EU Soil: Ex-post Evaluation*. European Parliamentary Research Service, 2018. 102 p. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621811/EPRS_STU\(2018\)621811_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621811/EPRS_STU(2018)621811_EN.pdf) (accessed 25.02.2021).
9. Karamanidou L. The Securitisation of European Migration Policies: Perceptions of Threat and Management of Risk. *The Securitisation of Migration in the EU*. Lazaridis G., Wadia K., eds. London, Springer, 2015, pp. 37-61. DOI: 10.1057/9781137480583
10. *Резолюция СБ ООН № 2178*. 24.09.2014. [UNSC Resolution No. 2178. 24.09.2014. (In Russ.)] Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/2178\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2178(2014)) (accessed 25.02.2021).

11. *Резолюция СБ ООН № 2396*. 21.02.2017. [UNSC Resolution No. 2396. 21.02.2017. (In Russ.)] Available at: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/2396%20\(2017\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/RES/2396%20(2017)) (accessed 25.02.2021).
12. *Informal Meeting of Justice and Home Affairs Ministers in Riga*. Council of the European Union, 30.01.2015. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5855-2015-INIT/en/pdf> (accessed 25.02.2021).
13. Baker-Beall Ch. The Threat of the “Returning Foreign Fighter”: The Securitization of EU Migration and Border Control Policy. *Security Dialogue*, 2019, no. 50 (5), pp. 437-453. DOI: 10.1177/0967010619857048
14. *Joint Statement by Amnesty International, International Commission of Jurists, Open Society European Policy Institute and Open Society Justice Initiative*. Brussels, 13.07.2016. Available at: <https://www.amnesty.org/download/Documents/IOR6034702016ENGLISH.pdf> (accessed 25.02.2021).
15. *The European Agenda on Security*. European Commission. Strasbourg, 28.04.2015. Available at: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/documents/basic-documents/docs/eu_agenda_on_security_en.pdf (accessed 12.02.2021).
16. Eurobarometer. Special issue 474. *Europeans’ perceptions of the Schengen Area*. June-July 2018. Available at: <http://www.europeanmigrationlaw.eu/documents/EuroBarometer-Schengen-Summary.pdf> (accessed 01.03.2021).
17. Bove V., Böhmelt T., Nussio E. Terrorism Abroad and Migration Policies at Home. *Journal of European Public Policy*, January 2020, no. 28(4), pp. 190-207. DOI: 10.1080/13501763.2020.1729227
18. Bigo D. The (In)securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy – Border Guards/Police – Database Analysts. *Security Dialogue*, 2014, vol. 45 (3), pp. 209-225. DOI: 10.1177/0967010614530459
19. *Communication on a New Pact on Migration and Asylum*. European Commission. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1601287338054&uri=COM:2020:609:FIN> (accessed 01.03.2021).
20. EU home affairs ministers commit to improving their response to terrorist attacks while preserving cohesion of societies. *Europe Daily Bulletin*, 2020, no. 12601. Available at: <https://agenceurope.eu/en/bulletin/article/12601/6> (accessed 12.02.2021).
21. Войников В. Правовое регулирование информационных систем пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 2019, № 4 (129), сс. 99-111. [Voynikov V. Legal Regulation of the Information Systems within the EU’ Area of Freedom, Security and Justice. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, no. 4 (129), pp. 99-111. (In Russ.)]
22. Quintel T. From Tampere over Stockholm to Luxembourg and Brussels: where are we now? The evolution of AFSJ databases – meandering between security and data protection. *20 year anniversary of the Tampere programme. Europeanisation Dynamics of the EU Area of Freedom, Security and Justice*. Carrera S., Curtin D., Geddes A., eds. Florence, European University Institute, 2020, pp. 279-295. DOI: 10.2870/66646
23. *Frontex launching new operation in Central Med*. Press release. Available at: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-launching-new-operation-in-central-med-yKqSc7> (accessed 02.03.2021).
24. Frontex naval operation to look for “foreign fighters”. *EU Observer*, 01.02.2018. Available at: <https://euobserver.com/migration/140806> (accessed 02.03.2021).
25. The new Action Plan on Integration and Inclusion: Promising Elements, Rising Expectations. *ECRE news*, 11.12.2020. Available at: <https://www.ecre.org/op-ed-the-new-action-plan-on-integration-and-inclusion-promising-elements-rising-expectations/> (accessed 12.02.2021).
26. Prevention Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism. Exit strategies. *Radicalisation Awareness Network*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019. 720 p.
27. *European Council Conclusions*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/11/european-council-conclusions-10-11-december-2020/> (accessed 04.03.2021).
28. *Parliamentary questions*. *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2019-003827_EN.html (accessed 04.03.2020).
29. Renard Th. From bad to worse: The fate of European foreign fighters and families detained in Syria, one year after the Turkish offensive. *Egmont Security Policy Brief*, 2020, no. 130. Available at: <https://www.egmontinstitute.be/from-bad-to-worse-the-fate-of-european-foreign-fighters-and-families-detained-in-syria/> (accessed 04.03.2020).

**FOREIGN TERRORIST FIGHTERS AS A FACTOR OF SECURITIZATION
OF THE EU MIGRATION POLICY**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 106-114)

Received 26.04.2021.

Olga Yu. POTEKINA,

ORCID 0000-0002-9844-4093, olga_potemkina@mail.ru

Institute of Europe, Russian Academy of Science (IE RAS), 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

The article analyzes the impact of the Foreign Terrorist Fighters’ (FTF) phenomenon on the securitization of the European Union’s migration policy. The author follows the construction of the FTF as a serious security threat to the European Union’s strategies and action plans, and demonstrates the EU’s practical actions to respond the

threat: criminalization of “suspicious travel”, strengthening border security, preliminary screening of asylum seekers at the border. The article pays special attention to the EU plans to achieve compatibility of the European Union information systems, while emphasizing new opportunities for the law enforcement bodies to access migration databases for combating terrorism. Exploring the new EU integration plan for migrants, the author notes that this is for the first time that the European Commission focuses its efforts not only on migrants, but also on the EU citizens with “migratory background”, which is undoubtedly dictated by a fear of the extremist ideology influence on young people. The article exposes certain similarities between the Commission’s methods to coordinate integration and inclusion of migrants, reintegration of the FTF and their families, which indicates that the migration policy is becoming a part of the EU security policy. That leads to a conclusion that securitization of migration policy aims not only and not so much at preventing the potential threat of the returnees’ terrorist activities, but at curbing migration flows as a whole and reducing the number of asylum seekers, in particular. Nevertheless, terrorism and migration seem to be closely linked in public discourse, despite the absence of an empirical basis to conclude that these factors directly influence each other. The author considers the most difficult problem of modern migration policy to be the definition of the red line beyond which its securitization can be justified.

Keywords: foreign terrorist fighters, securitization, migration policy, information systems, integration, border security.

About author:

Olga Yu. ПОТЕМКИНА, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of European integration research.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-106-114

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ (ЧАСТЬ II)

© 2021 г. П. Гудев

ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0002-2951-6313, gudev@imemo.ru
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Статья поступила в редакцию 23.05.2021.

Эгейское море как общий для Греции и Турции морской регион — это не только важный источник ресурсов, но и акватория, где у обеих стран есть свои собственные интересы по его хозяйственному освоению и использованию. Неслучайно проблема разграничения континентального шельфа, то есть подводной окраины материка, сопровождает турецко-греческие отношения уже не одно десятилетие. Во второй части работы будет подробно рассмотрена суть конфликта по этому вопросу, а также показано, почему защита принципа свободы судоходства является одинаково важной как для Турции, так и для России и США.

Ключевые слова: Континентальный шельф, Международный суд ООН, делимитация, режим островов, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., территориальное море, право мирного прохода, право транзитного прохода, открытое море, свобода судоходства.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-115-122

ПОДХОДЫ К РАЗГРАНИЧЕНИЮ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА

Эта проблема действительно на протяжении уже нескольких десятилетий осложняет турецко-греческие отношения. А ее возникновение было обусловлено развитием научно-технического прогресса и появлением технологий глубоководного бурения на рубеже 1960–1970-х годов, которые привели к росту интереса как Турции, так и других государств к разведке неживых (энергетических) ресурсов морского дна Средиземного моря посредством проведения сейсмологических исследований.

Их проведение в непосредственной близости от греческих островов, выдача лицензий на разведку энергоресурсов за пределами своего территориального моря, но якобы на турецком континентальном шельфе, активное привлечение ВМС и ВВС Турции — эти шаги Анкара стала предпринимать примерно с 1973 г. Появление турецких научно-исследовательских судов в зонах, которые Греция считала находящимися под своей юрисдикцией, привело к тому, что Афины решили обратиться в СБ ООН, а также инициировать в 1976 г. иск в рамках Международного суда ООН [1, pp. 44–69]. Они просили Суд рассмотреть вопросы касательно: права греческих островов формировать режим континентального шельфа; разграничения континентального шельфа между сторонами; защиты прав Греции по разведке и разработке природных ресурсов ее континентального шельфа; запрета Турции проводить какие-либо исследования

или работы на греческом континентальном шельфе, поскольку эта деятельность является нарушением суверенных и исключительных прав Греции.

Международный суд ООН в 1978 г. признал у себя отсутствие юрисдикции по рассмотрению иска Греции, так как последняя сделала целый ряд оговорок к Генеральному акту о мирном разрешении международных споров 1928 г., которые не позволяют передать дело на рассмотрение Суда, а именно:

“Процедуры, описанные в Генеральном акте, не распространяются на следующие споры... в) споры, касающиеся вопросов, которые по международному праву решаются исключительно в рамках внутренней юрисдикции государств, и в частности споры, касающиеся *территориального статуса Греции* (выделено мною. — Г.П.), включая споры, связанные с ее правом на суверенитет над ее портами и линиями связи” [2, сс. 128–132].

Греция настаивала на том, что в 1928 г. при заключении Генерального акта и при ее присоединении к нему в 1931 г. понятия континентального шельфа не существовало. А фраза о “территориальном статусе” относилась исключительно к материковой части Греции касательно ее территориального спора с Болгарией. Кроме того, с позиции Афин, понятие “суверенитет” принципиальным образом отличается от формулировки о “суверенных правах” в отношении континентального шельфа соответствующей Конвенции 1958 г.

Однако, по мнению Суда, поскольку выражение “территориальный статус” в оговорке Греции

используется в качестве родового термина, отсюда неизбежно следует презумпция, что его смысл, как и смысл слова “права” в ст. 17 Генерального акта, должен был следовать эволюции права и соответствовать тому смыслу, который придается ему действующими нормами права в любой данный период времени. Поэтому Суд пришел к выводу: выражение “споры, касающиеся территориального статуса Греции” должно толковаться в соответствии с нормами международного права в том виде, в каком они существуют сегодня, а не в том виде, в каком они существовали в 1931 г. [2, с. 131].

Как отметил Суд, было бы трудно принять утверждение о том, что делимитация совершенно не связана с понятием территориального статуса, и указал, что спор о делимитации континентального шельфа уже по своему характеру относится к спорам, связанным с территориальным статусом, поскольку права прибрежного государства на континентальный шельф вытекают из его суверенитета над прилегающими территориями суши. Следовательно, территориальный статус прибрежного государства *ipso jure* включает в себя права на разведку и разработку богатств континентального шельфа, который принадлежит этому государству в соответствии с международным правом.

С тех пор не произошло больших изменений. Греция продолжает считать, что разграничение континентального шельфа в Эгейском море должно быть основано на использовании метода срединной (равноудаленной) линии, проведенной исключительно между турецким континентальным побережьем и греческими островами, расположенными напротив него. Греческие острова в рамках ст. 121 “Режим островов” Конвенции 1982 г. имеют право на формирование всех предписанных ею морских зон (территориального моря, прилегающей и исключительной экономической зоны, а также континентального шельфа) [3].

Турция, необходимо напомнить, не является участницей не только Конвенции ООН по континентальному шельфу 1958 г., но и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., к положениям которой апеллирует греческая сторона. Это позволяет ей исходить не из введенного первой “критерия эксплуатабельности”¹ в отношении шельфа или же правового и пространственного его понимания²,

¹ Статья 1 позволяла разработку его ресурсов до тех глубин, до которых прибрежное государство при наличии соответствующих технологий могло позволить себе разрабатывать естественные богатства этих районов.

² Права на континентальный шельф (подводную окраину материка) в пределах 200 морских миль от исходных линий получали абсолютно все прибрежные государства, даже те, которые с геологической точки зрения таким шельфом не обладали; а при наличии соответствующих геологических, геоморфологических и батиметрических характеристик его

изложенных во второй, а основываться на концепции его “естественного продолжения” [4]. С этой точки зрения Анкара настаивает на том, что значительная часть греческих островов Эгейского моря расположена на ее анатолийском континентальном шельфе как продолжении ее сухопутной территории. Эта позиция предполагает также, что греческие острова не могут претендовать на свой собственный континентальный шельф и исключительную экономическую зону в рамках Конвенции 1982 г. Соответственно, разграничение шельфа между Грецией и Турцией должно учитывать эти “особые обстоятельства” [5], включая протяженность береговой линии Турции, численность ее населения, исторические традиции освоения этих морских пространств и ресурсов, и вести к справедливому решению.

Практика международных судебных решений в целом подтверждает тот факт, что острова зачастую наделяются гораздо меньшими правами по формированию морских зон в спорах о делимитации морских пространств с целью достижения справедливого результата [6]. Действительно, если все острова будут проигнорированы, то разграничение будет примерно 59 на 41 в пользу Греции; если же все учтены – то уже 4 к 1 в ее пользу. Таким образом, беря некую среднюю цифру, можно предположить, что Турции должно достаться от 20 до 40% площади исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и соответствующего ей континентального шельфа в регионе [7, р. 88]. Более того, любая диспропорция в пользу Греции приведет к тому, что Турция будет лишена доступа к разведке и разработке живых и неживых ресурсов не только континентального шельфа, но и в соответствующей его протяженности ИЭЗ, где, согласно Конвенции 1982 г., действуют только три из шести свобод открытого моря (судоходства, полетов, прокладки кабелей и трубопроводов), а, например, такая важная свобода, как свобода рыболовства, отсутствует.

ИНТЕРЕСЫ СУДОХОДСТВА И ГРАНИЦЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МОРЯ

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. ввела максимальный лимит внешних границ территориального моря в 12 морских миль. Греция как участница этого международного соглашения апеллирует к тому, что имеет возможность их расширения в одностороннем порядке с существующих 6 миль в Эгейском море до конвенционного лимита, считая, что эта норма стала международным обычаем. При этом заявления Турции о том, что такой шаг будет рассматриваться ею как *casus belli*, с гре-

внешние границы могут быть отодвинуты за пределы 200 миль: а) на расстояние 350 миль от исходных линий; б) на расстояние в 100 морских миль от изобаты 2500 м (линии, соединяющей точки с глубинами в 2500 м) (ст. 76 Конвенции 1982 г.).

ческой точки зрения, является вопиющим нарушением основополагающих принципов Устава ООН о воздержании от угрозы силой или ее применения (п. 4 ст. 2), мирном разрешении споров (п. 3 ст. 2) и добрососедских отношениях и мирном сосуществовании (преамбула). Такая трактовка в свою очередь позволяет Афинам связывать эти угрозы с нарушением солидарности в рамках НАТО, а также с вопросом о несоответствии критериям на членство Турции в ЕС [8].

Напомним, что в ходе обсуждения этого вопроса на III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) Турция была главным оппонентом 12-мильного лимита территориального моря [9], и эта кодифицированная норма стала одной из многих причин ее отказа присоединиться к “Конституции морей”.

Турция, как представляется, возможно бы и согласилась с расширением с 6 до 12 морских миль, но исключительно от материковой части Греции, но никак не вокруг греческих островных образований восточной части Эгейского моря. Как ни удивительно на первый взгляд, но такую позицию поддерживают и американские правоведы, полагающие, что эти острова не составляют единое пространство с материковой Грецией, предлагая в качестве своеобразного “размена” даже сокращение зоны территориального моря вокруг них до 3 морских миль [7, р. 8].

Аргументация Турции против правопритязаний со стороны Греции носит многосоставной характер.

Во-первых, Анкара подчеркивает наличие сложившейся государственной практики о вдвое меньшем лимите (6 морских миль) территориального моря, а также указывает на уникальные географические характеристики Эгейского моря (см. первую часть статьи), свидетельствующие о существовании здесь “особых обстоятельств”, в том числе в виде большого количества греческих островов. Историческая практика также свидетельствует о том, что Турция традиционно пользовалась здесь всеми существующими свободами открытого моря, включая свободу перемещения судов, кораблей и грузов из Черного моря в Средиземное и обратно.

Во-вторых, Турция апеллирует к положениям ст. 122, 123 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которые гласят, что в замкнутых или полужамкнутых морях, к коим относится и Эгейское как часть Средиземного, прибрежным странам следует сотрудничать друг с другом в области управления живыми ресурсами, защиты и сохранения морской среды, проведения научных исследований. Из этого, по ее мнению, вытекает общее обязательство по координации любых действий, которые могут нанести ущерб интересам одной из сторон.

В-третьих, односторонние действия Греции могут рассматриваться как нарушение базовой ст. 300 Конвенции 1982 г. “Добросовестность и незлоупотребление правами”. Она, в частности, гласит, что государства-участники осуществляют права и юрисдикцию, а также пользуются свободами, признанными в настоящей Конвенции, таким образом, чтобы не допускать злоупотребления правами. Введение же 12-мильного лимита приведет как раз к ущемлению прав Турции в области судоходства. А это, в свою очередь, может трактоваться Анкарой как нарушение того баланса интересов, который был заложен еще в рамках положений Лозаннского мирного договора 1923 г.

Наконец, Греция тем самым получит неоправданное преимущество при делимитации морских пространств, так как вопрос о внешних границах территориального моря напрямую касается и разграничения континентального шельфа, установления режима исключительной экономической зоны, равно как вопроса о границах национального и международного воздушного пространства [10].

В целом же суть турецкой позиции заключается в том, что расширение границ территориального моря Греции приведет к ущемлению военных, экономических и научных интересов Турции, поскольку большая часть акватории Эгейского моря будет находиться под греческим суверенитетом, включая воздушное пространство³. Фактически турецкий тезис о риске превращения Эгейского моря в “греческое озеро”, хотя и не полностью, но выглядит не таким уж надуманным. Например, сокращение площади открытого моря неизбежно приведет к тому, что Турция лишится доступа к разведке и разработке живых и неживых ресурсов, равно как не сможет реализовывать право на свободу проведения морских научных исследований. В военном отношении здесь уже не будет никакой возможности проведения военных учений и маневров, так как в пределах территориального моря будет действовать жестко регламентированная норма международного морского права – право мирного прохода (см. ст. 19.2 Конвенции 1982 г.). Соответственно, даже проход турецких судов и кораблей в акваторию открытого моря с западного побережья Турции будет связан с ограничениями в рамках права мирного прохода, которое, кстати, также не предусматривает свободу полетов военной авиации!

Греция, конечно, может ссылаться на то, что для Турции и других стран не будет таких существенных ограничений в области судоходства, как при мирном проходе (см. ст. 19(2) Конвенции 1982 г.), поскольку к акваториям, перекрытым греческими территориальными водами, но расположенным

³ Изменение площади открытого моря в связи с установлением внешних границ территориального моря в 12 морских миль наглядно показано на карте [11, р. 64].

между греческими островами, будет применима более либеральная конвенционная норма — право транзитного прохода, действующее в отношении международных проливов.

Однако здесь существует ряд проблем.

Во-первых, есть целая категория проливов, к которым применимо не право транзитного, а лишь право мирного прохода (если они соединяют одну часть ИЭЗ или открытого моря с территориальным морем другого государства (ст. 45 Конвенции 1982 г.)). Такая ситуация существует и в Эгейском море, где пока не сформированы исключительные экономические зоны Турции и Греции, но есть акватории открытого и территориального морей. Решением этого противоречия могло бы стать, безусловно, официальное заявление со стороны Афин, что при расширении внешних границ своего территориального моря до 12 морских миль они готовы признавать именно действие права транзитного прохода как более либеральную норму международного морского права и не ограничивать проход гражданских судов и военных кораблей исключительно жестко регламентированной нормой — правом мирного прохода. Второй вариант — оставить границы в 6 морских миль в наиболее критически важных проливах с целью сохранения в них акватории открытого моря со всеми вытекающими свободами.

Последнее предложение не такое уж иррациональное. Так, в качестве примера взаимного учета интересов можно привести Финский залив, где Финляндия не стала расширять внешние границы своего территориального моря с целью оставления 3-мильного коридора от срединной линии для прохода советских/российских судов и кораблей в Балтийское море [12, 13]. При этом эта позиция нашла поддержку и у Эстонии [14], несмотря на то что эстонские политики в последнее время высказываются за ее пересмотр. Среди других примеров — Япония, которая еще в 1977 г. расширила внешние границы своего территориального моря с 3 до 12 морских миль, за исключением проливов Лаперуза, Цугáру (Сангáрского), восточного (Броутона) и западного (Крузенштерна) проходов Цусимского пролива, а также пролива Осуми [15], оставив таким образом в их пределах коридоры открытого моря [16]. Правда, следует отметить, что такое решение было мотивировано приверженностью Токио так называемому безъядерному принципу: не производить, не размещать, не разрешать ядерное оружие на своей территории. То есть расширение внешних границ территориального моря с 3 до 12 морских миль неизбежно бы привело к тому, что советские суда с ядерной силовой установкой или же ядерным оружием на борту, равно как и американские, были бы поставлены перед необходимостью воспользоваться правом мирного

или же транзитного проходов через воды, которые находились бы под суверенитетом Японии, а это означало бы нарушение вышеуказанного принципа. С целью сохранить лицо и не нарушать данный принцип, имеющий очень важное значение во внутренней политике Японии, было принято такое компромиссное решение: сохранить коридоры открытого моря в указанных проливах [17].

Те или иные государства отказались от 12-мильного лимита территориального моря вокруг островов в пользу его меньшей протяженности, среди которых: 1) Венесуэла и Тринидад и Тобаго (о. Патос); ОАЭ (Абу-Даби) и Катар (о. Даби); Австралия и Папуа-Новая Гвинея (австралийские острова в Торресовом проливе). Правда, все эти острова очень малы и не заселены, более того, соглашения в их отношении были достигнуты до вступления Конвенции 1982 г. в силу, тем не менее их пример может быть использован и в Эгейском море. Такой подход, безусловно, будет полностью устраивать как турецкую сторону, так и, вероятно, другие вне-региональные государства. Во всяком случае, нельзя не учитывать то обстоятельство, что в западной части Эгейского моря греческие острова расположены достаточно близко именно к греческому побережью, тем самым образуя с ним единое целое. В то же время в восточной части Эгейского моря греческие острова практически не имеют никакой связи с материковым побережьем Греции, а также представляют “угрозу” безопасности и судоходству для турецкой стороны [18, pp. 397-404].

Во-вторых, до сих пор нет единого мнения, является ли право транзитного прохода устоявшейся нормой международного обычного права или же это “новелла”, включенная в Конвенцию 1982 г., пользоваться которой могут лишь ее участники. Турция, напомним еще раз, не ратифицировала и не подписала это международное соглашение!

Вместе с тем США склонны считать, что Конвенция 1982 г. целиком и полностью кодифицировала исключительно устоявшиеся нормы обычного права. Такая позиция, безусловно, в полной степени отвечает военно-стратегическим интересам США⁴. Это связано с тем, что при таком рассмотрении роли и значения Конвенции 1982 г. другие страны, в том числе не участвующие в ней (Иран, Северная Корея, Сирия, Ливия, КНДР и др.), фак-

⁴ Защита свободы судоходства не только играет важнейшую роль в деле социально-экономического развития Соединенных Штатов, но и является ключевым элементом оборонной политики. Все основные элементы сферы американской национальной безопасности — стратегическое сдерживание, оперативное присутствие, реагирование на кризисы, переброска войск — напрямую зависят от соблюдения принципа свободы судоходства, в частности права транзитного прохода. Обеспечение мобильности и оперативности переброски ВС в любой регион Земного шара морским путем остается одним из приоритетных направлений политики США.

тически обязаны исполнять нормы обычного права, “якобы” кодифицированные в Конвенции, так как они обязательны для исполнения абсолютно всеми государствами. В результате США постоянно акцентируют внимание на том, что такие нормы, как право транзитного и архипелажного прохода, право мирного прохода военных кораблей через территориальное море, — это уже устоявшиеся нормы международного обычного права и все страны обязаны их беспрекословно соблюдать [19].

Соответственно, Соединенные Штаты являются последовательными защитниками права транзитного прохода применительно ко всем проливам, которые используются или же могут быть использованы для международного судоходства. Они неоднократно выступали против претензий других прибрежных государств, не признающих или ограничивающих право транзитного прохода, в отношении следующих проливов: Баб-эль-Мандебский, Бонифачо, Головнина, Зондский, Гибралтар, Ломбокский, Ормузский, Торресов, Фриза, а также проливов на трассе российского Северного морского пути (СМП) — Лаптева и Санникова и канадского арктического архипелага, формирующих трассу Северо-Западного прохода (СЗП) [20, pp. 283-345].

Однако на практике только несколько государств полностью согласны с тем, что транзитный проход является нормой обычного права. Некоторые страны (Албания, Испания, КНР, ОАЭ, Перу) открыто отказываются это признавать. Иран, Марокко, ОАЭ принимают лишь право мирного прохода через проливы, перекрытые территориальными водами [21, p. 197]. Иран настаивает на невозможности со стороны США как неучастника Конвенции 1982 г. претендовать на пользование конвенционным правом транзитного прохода, так как последнее не представляет собой действующую норму обычного права [22].

Еще в 1982 г. было заявлено: “Эта Конвенция не является Конвенцией, кодифицирующей правовые нормы. Утверждение о том, что, за исключением ч. XI, Конвенция представляет собой кодификацию обычного права либо отражает существующую международную практику, является неверным с фактической точки зрения и юридически необоснованным. Режим транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, и режим архипелажного прохода по морским коридорам являются двумя примерами из многих новых концепций, воплощенных в Конвенции” [23].

По устоявшейся точке зрения транзитный проход стал международным компромиссом и выходит за рамки как Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г., так и норм обычного международного права [24, p. 106]. Наиболее взвешенный подход по этому вопросу состоит в том,

что право транзитного прохода на сегодняшний день лишь движется к тому, чтобы в перспективе стать нормой обычного права [25]. И если исходить из последнего, то в руках Греции находятся “ключи” от проливов Эгейского моря, и она теоретически имеет основания решать, может ли Турция, будучи неучастником Конвенции 1982 г., пользоваться правом транзитного прохода через акватории, которые будут перекрыты ее территориальным морем, а значит, находиться под греческим суверенитетом.

Кроме того, до сих пор не совсем понятно, могут ли турецкие суда, выходящие или же идущие в/из портов Эгейского моря (например, Измира), рассматриваться как вовлеченные в осуществление транзитного прохода. Это обусловлено тем обстоятельством, что положения Конвенции 1982 г. о транзитном проходе (ст. 38(2)) предусматривают “непрерывный и быстрый транзит”, чтобы пройти “через пролив для целей входа, выхода или возвращения из государства, граничащего с проливом, при соблюдении условий входа в такое государство”. Однако турецкие порты, хотя они находятся в непосредственной близости от проливов Эгейского моря, не могут считаться граничащими с этими проливами! Соответственно, даже если иностранным судам будет предоставлено право транзитного прохода для прохода к Дарданеллам или же выхода из них через Эгейское море, лишь более жестко регламентированное право мирного прохода будет применимо к судам, следующим в/из турецких портов Эгейского моря [26]. В том числе и потому, что право транзитного прохода может не рассматриваться Грецией как устоявшаяся норма обычного права.

В-третьих, все права, закрепленные в Конвенции 1982 г., включая право мирного и транзитного проходов, являются правами мирного времени, равно как и сама “Конституция морей”. Для Турции это означает, что в случае военного конфликта с Грецией последняя будет обладать возможностью на свое усмотрение решать вопрос о закрытии тех или иных акваторий для судов и кораблей под турецкими флагами. Положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. не распространяются на ситуации и отношения, которые могут возникнуть между государствами в случае начала между ними военных действий (ст. 73, 75). В ходе вооруженного конфликта все двух- и многосторонние договоры между воюющими сторонами приостанавливают свое действие, и в силу вступает право вооруженных конфликтов [27, с. 601].

Наконец, Греция при присоединении к Конвенции 1982 г. сделала заявление, согласно которому интересы обеспечения международного судоходства через такие (между островами) проливы не должны ставиться выше интересов безопасности прибрежного государства. В частности, ею было заявлено, что:

«Настоящая декларация касается положений ч. III “О проливах, используемых для международного судоходства” и, в частности, применения на практике ст. 36, 38, 41 и 42 Конвенции по морскому праву.

В районах, где расположено большое количество островов, образующих значительное число альтернативных проливов, фактически служащих одним и тем же маршрутом для международного судоходства, Греция исходит из того, что “прибрежное государство несет ответственность за обозначение маршрута или маршрутов в указанных альтернативных проливах, через который суда и воздушные суда третьих стран могли бы проходить в режиме транзитного прохода таким образом, чтобы, с одной стороны, удовлетворялись требования международного судоходства и полетов, а с другой стороны, выполнялись минимальные требования безопасности как со стороны судов и воздушных судов, находящихся в транзите, так и в отношении прибрежных государств” [28].

В результате для Турции наличие открытого коридора через Эгейское море – критический вопрос ее национальной безопасности, а любое решение, касающееся разграничения, должно учитывать это обстоятельство. Даже сейчас при 6-мильном лимите территориального моря Греции у Анкары не так много вариантов прохода из Черного в Средиземное море и обратно без пересечения акваторий под греческим суверенитетом. В целом неудивительно, почему Турция рассматривает введение 12-мильного лимита как прямое “удушение” ее военно-морских возможностей в регионе. Важно отметить, что другие морские державы – в том числе США и Россия – также без сомнений будут озабочены ограничением своих прав в области судоходства и полетов в Эгейском море при реализации греческого подхода.

* * *

Вопросы делимитации морских пространств – территориального моря, ИЭЗ и континентального шельфа – одни из самых сложных и напряженных в международном морском праве. Практика в этой области складывалась десятилетиями, не только на основе кодификации норм и положений международного морского права в рамках соответствующих конвенций, норм международного обычного права, но и прежде всего на основе решений международных судебных инстанций. Греция уже пыталась решить этот вопрос в споре с Турцией путем обращения в Международный суд ООН, однако последний пришел к мнению об отсутствии у себя юрисдикции по рассмотрению указанного иска по существу вопроса. Данное обстоятельство, наряду с другими, – прежде всего неучастием Турции в Женевских конвенциях 1958 г. и в Конвенции ООН по морскому

праву 1982 г. – существенным образом осложняет перспективы нового судебного разбирательства. Обе стороны при этом имеют как прямо противоположные позиции – Греция апеллирует к действующим нормам международного морского права, а Турция – к необходимости соблюдения принципа справедливости, так и одинаковые опасения – любое судебное решение, вынесенное не в их пользу, будет окончательным и обязательным к исполнению. Соответственно, обе стороны, как представляется, устроила бы гораздо больше любая форма рассмотрения дела, которая предполагала бы выработку общего механизма разграничения, но не была бы обязательной для двух сторон. Это способствовало бы запуску нового раунда переговоров.

Камнем преткновения в турецко-греческих отношениях продолжает оставаться попытка Греции расширить внешние границы своего территориального моря с 6 до 12 морских миль, как это позволяет сделать Конвенция по морскому праву 1982 г. Турция считает такой шаг *casus belli* и трактует его как превращение Эгейского моря в “греческое озеро”. Несмотря на метафоричность данной характеристики, оно не лишено доли правды: акватория открытого моря в таком случае будет значительно сокращена, а значит, здесь уже не будет тех шести свобод открытого моря, которыми могли пользоваться Турция и все другие заинтересованные страны, включая США и Россию. Это позволяет однозначно утверждать, что намерения Греции по реализации такого сценария прямо затрагивают интересы всего мирового сообщества, прежде всего в сфере осуществления судоходства, причем это отнесется как к гражданским судам, так и военным кораблям.

Принимая во внимание греческую точку зрения по этому вопросу, нельзя не согласиться и с позицией Анкары, касающейся ее экономических, научных и военных интересов, связанных со свободой прохода из Эгейского моря в Черное и в обратном направлении, которые будут существенно ущемлены, как и интересы других участников международного сообщества. При реализации данного сценария будут действовать права мирного или же транзитного прохода, являющиеся четко регламентированными нормами международного права, в отличие от принципа свободы судоходства и полетов.

Соответственно, и для Российской Федерации, чьи торговые суда и военные корабли регулярно пересекают акваторию Эгейского моря в обоих направлениях, любые действия Греции по ограничению свободы судоходства не отвечают ее национальным интересам. И как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но по данному вопросу Россия находится на одной стороне с США, которые традиционно защищают свободу судоходства в масштабах всего Мирового океана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Dyke Jon M.V. The Role of Islands in Delimiting Maritime Zones: The Case of the Aegean Sea. *Ocean Yearbook*, 1989, vol. 8, iss. 1, pp. 44–69. Available at: <https://doi.org/10.1163/221160089X00047>
2. *Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991*. ООН, 1993. 297 с. [*Summaries of judgments, advisory opinions and orders of the International Court of Justice 1948–1991*. UN, 1993. 297 p. (In Russ.)] Available at: https://legal.un.org/icsjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (accessed 25.02.2021).
3. *Greek-Turkish dispute over the delimitation of the continental shelf*. Hellenic Republic, Ministry of Foreign Affairs. August 23, 2021. Available at: <https://www.mfa.gr/en/issues-of-greek-turkish-relations/relevant-documents/delimitation-of-the-continental-shelf.html> (accessed 15.03.2021).
4. Лабуть Д.А. Концепция “естественного продолжения сухопутной территории государства” в документах Комиссии по границам континентального шельфа. *Международное право*, 2018, № 2, сс. 27–46. [Labut’ D.A. The concept of the “natural continuation of the land territory of the state” in the documents of the Commission on the Limits of the Continental Shelf. *International Law*, 2018, vol. 2, pp. 27–46. (In Russ.)] DOI: 10.25136/2306-9899.2018.2.26992
5. *Turkey: draft article on delimitation between States; various aspects involved*. A/CONF.62/C.2/L.23. Codification Division, Office of Legal Affairs, Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Available at: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_123.pdf (accessed 15.03.2021).
6. Тихомин К.В. Роль островных территорий при разграничении морских пространств. *Московский журнал международного права*, 2008, № 3, сс. 151–171. [Tikhomin K.V. The role of island territories in maritime delimitation. *Moscow Journal of International Law*, 2008, no. 3, pp. 151–171. (In Russ.)]
7. Dyke Jon M.V. An Analysis of the Aegean Disputes under International Law. *Ocean Development & International Law*, 2005, vol. 36, iss. 1, pp. 63–117. DOI: 10.1080/00908320590909088
8. *Territorial sea – Casus belli*. Hellenic Republic, Ministry of Foreign Affairs. August 23, 2021. Available at: <https://www.mfa.gr/en/issues-of-greek-turkish-relations/relevant-documents/territorial-sea-casus-belli.html> (accessed 15.03.2021).
9. *Turkey: draft article on the breadth of the territorial sea; global or regional criteria; open seas and oceans, semi-enclosed seas and enclosed seas*. A/CONF.62/C.2/L.8. Codification Division, Office of Legal Affairs, Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Available at: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_18.pdf (accessed 15.03.2021).
10. *The Breadth of Territorial Waters*. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/the-breadth-of-territorial-waters.en.mfa> (accessed 15.03.2021).
11. Pratt M., Schofield C. The Imia/Kardak Rocks Dispute in the Aegean Sea. *IBRU Boundary and Security Bulletin*, Spring 1996. Available at: <https://docplayer.net/20915976-The-imia-kardak-rocks-dispute-in-the-aegean-sea.html> (accessed 11.03.2021).
12. *Act No. 463 on the Delimitation of the Territorial Waters of Finland (as amended by Act No. 144/1965, Act No. 332/1966 and Act No. 981/1995) adopted in Helsinki on 18 August 1956*. Finlex, online database of up-to-date legislative and other judicial information of Finland. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1956/en19560463.pdf> (accessed 11.03.2021).
13. *Decree on the Application of the Act on the Delimitation of the Territorial Waters of Finland (No. 993) issued in Helsinki on 31 July 1995(1)*. Marine Regions, Flanders Marine Institute. Available at: https://www.marineregions.org/documents/FIN_1995_Decree.pdf (accessed 11.03.2021).
14. *Exchange of notes constituting an agreement on the procedure to be followed in the modification of the limits of the territorial waters in the Gulf of Finland 6 April and 4 May 1994. The Embassy of Estonia in Helsinki to the Ministry of Foreign Affairs of Finland*. Maritime Space: Maritime Zones and Maritime Delimitation. Available at: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/EST-FIN1994GF.pdf> (accessed 11.03.2021).
15. *Law on the Territorial Sea (Law No. 30 of 2 May 1977)*. Maritime Space: Maritime Zones and Maritime Delimitation. Available at: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/JPN_1977_Law.pdf (accessed 11.03.2021).
16. Straight Baseline and Territorial Sea Claims: Japan. *Limits in the Seas*, 1998, № 120. Office of Ocean Affairs, US State Department. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/LIS-120.pdf> (accessed 11.03.2021).
17. Kawasaki Y. International straits: an issue concerning Japan’s ratification of the United Nations. *IBRU Boundary & Security Bulletin*, 1995, vol. 3, no. 2. Available at: https://duracuk-lb01-production.terminalfour.net/media/durham-university/research-/research-centres/ibru-centre-for-borders-research/maps-and-databases/publications-database/boundary-and-security-bulletins/bsb3-2_kawasaki.pdf (accessed 11.03.2021).
18. Dyke Jon M.V. The Aegean Sea dispute: options and avenues. *Marine Policy*, 1996, vol. 20, no. 5, pp. 397–404. DOI: 10.1016/0308-597X(96)00025-5 Available at: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/54246/1/Folder%2028.pdf> (accessed 11.03.2021).
19. Гудев П.А. Политика США в Мировом океане. *Международные процессы*, 2016, т. 14, № 1, сс. 106–120. [Gudev P.A. US policy in the World’s Oceans. *International Trends*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 106–120. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.9
20. Roach J.A., Smith W.R. *Excessive Maritime Claims*. 3rd ed. Leiden, Martinus Nijhoff Publishers, 2012. 926 p.
21. Lopez M.A.G. *International Straits*. Concept, Classification and Rules of Passage. Berlin, Heidelberg, Springer, 2010. 218 p. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-12906-3>

22. Kraska J. Legal Vortex in the Strait of Hormuz. *Virginia Journal of International Law*, 2014, vol. 323, pp. 323-366. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2472065 (accessed 17.09.2019).
23. Конституция для океанов. Высказывания Председателя третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву Томи Т.Б. Ко (Сингапур). [A Constitution for the Oceans. Statements by the President of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea, Tomi T.B. Ko (Singapore). (In Russ.)] Available at: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf (accessed 14.04.2020).
24. Tanaka Y. *The International Law of the Sea*. New York, Cambridge University Press, 2012. 435 p. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511844478>
25. Гудев П.А. Политико-правовые аспекты американо-иранского противостояния в Ормузском проливе и прилегающих к нему акваториях: правовые интерпретации. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, 2020, № 2, сс. 161-176. [Gudev P.A. The Political and Legal Aspects of the US-Iranian Confrontation in the Strait of Hormuz and its Adjacent Waters: Legal Interpretations. *The Oriens*, 2020, no. 2, pp. 161-176. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S086919080009166-9
26. Politakis P.G. The Aegean Agenda: Greek National Interests and the New Law of the Sea Convention. *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 1995, vol. 4, no. 4, pp. 497-527. Available at: <https://doi.org/10.1163/157180895X00259>
27. Ануфриева Л.П., Мелков Г.М., Панов В.П., Шинкарецкая Г.Г., Шумилов В.М. *Международное право. Учебник*. Москва, РИОР, 2011. 720 с. [Anufrieva L. P., Melkov G. M., Panov V. P., Shinkareckaya G. G., Shumilov V. M. *International Law. Textbook*. Moscow, RIOR, 2011. 720 p. (In Russ.)]
28. *Declarations and Reservations. Greece. UN Treaty Collection. Law of the Sea*. Available at: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec (accessed 11.03.2021).

THE AEGEAN SEA OF CONTRADICTIONS (PART II)

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 115-122)

Received 23.05.2021.

Pavel A. GUDEV,

ORCID 0000-0002-2951-6313, gudev@imemo.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The Aegean Sea as a common sea region for Greece and Turkey is not only an important source of aquatic biological and energy resources, but also a water area where both countries have their own interests in its economic development and use. Traditionally, this sea area, most of which is a high sea in terms of rules and provisions of the modern international maritime law, has been used by both states on a parity basis, and other extra-regional countries have had equal rights with them here. However, the desire of Greece and Turkey to extend their zones of sovereignty, sovereign rights and jurisdiction over maritime zones, seabed and subsoil has given rise to new maritime disputes. It is no coincidence that the problem of delimiting the continental shelf, i.e. the underwater margin of the continent where coastal countries are vested with rights to explore and exploit its resources, has accompanied the Turkish-Greek negotiations for decades. Greece has even initiated legal proceedings before the International Court of Justice on the issue, but for various reasons the Court found that it had no jurisdiction to hear the case. To date, the positions of the parties on this issue have not changed; they are directly opposite and mutually exclusive. This and other circumstances, as well as the fact that Turkey is not a party to either the 1958 Geneva Conventions or the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, severely limits the possibility of a new trial. Moreover, the legal positivism of the Greek position on the entire spectrum of Aegean Sea problems, i.e. an appeal solely to the applicable rules and provisions of international law of the sea, not only fails to satisfy Turkey but also has negative consequences for other countries. First of all, this concerns issues related to the freedom of navigation. Greece's claim to extend the outer limits of its territorial sea from 6 to 12 nautical miles around the huge number of Greek islands in the Aegean Sea would inevitably lead to a significant reduction of the high sea. Although at a minimum the right of innocent passage and at a maximum the more liberal rule of the law of the sea – the right of transit passage – will apply, the legal regime for these maritime areas will be fundamentally different and more heavily regulated. The passage of merchant ships and warships, as well as the overflight of military aircraft, including those of any foreign country, also of the U.S. and Russian Federation, will not be as free as on the high seas. All of these issues are dealt with in this (second) part of the paper.

Keywords: continental shelf, International Court of Justice, delimitation, regime of islands, 1982 UN Convention on the Law of the Sea, territorial sea, right of innocent passage, right of transit passage, high seas, freedom of navigation.

About author:

Pavel A. GUDEV, Candidate of History, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-115-122

РОССИЯ НА СЕВЕРНОМ МОРСКОМ ПУТИ: В ПОГОНЕ ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ?

© 2021 г. А. Тодоров

*ТОДОРОВ Андрей Андреевич, кандидат юридических наук,
ORCID 0000-0002-0105-329X, atodorov85@gmail.com
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

Статья поступила в редакцию 16.02.2021.

Данная статья анализирует последние тенденции в подходах России к управлению Северным морским путем (СМП). С одной стороны, РФ демонстрирует желание превратить СМП в конкурентоспособную на мировом рынке транспортную артерию за счет привлечения иностранных инвестиций и грузов. С другой стороны, власти страны все больше стремятся к ограничению присутствия на Севморпути иностранных судов. При этом в попытке защитить интересы отечественных компаний Россия невольно ставит под сомнение убедительность аргументов, на которые она опирается при обосновании жесткого национального режима доступа судов на СМП.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, международное морское право, судоходство, безопасность, защита окружающей среды.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-123-130

Северный морской путь (СМП) занимает важное место в планах России по развитию Арктики. По нему осуществляется вывоз добытых в Арктике природных ресурсов, он является кратчайшей морской артерией, связывающей европейскую часть страны с Сибирью и Дальним Востоком. Неудивительно поэтому, что за последние годы развитие СМП получило мощный импульс. Растет объем грузопотока, активно реализуются планы по строительству мощного ледокольного флота. В 2021 г. было зафиксировано знаменательное для Севморпути событие: впервые в истории в разгар зимнего сезона СПГ-танкеры ледового класса прошли по нему в восточном направлении без ледокольной проводки, приближая достижение цели по обеспечению круглогодичного судоходства на протяжении всей акватории СМП [1].

Несмотря на то что основным драйвером роста судоходства по Севморпути остаются нефтегазовые проекты в российской Арктике, власти РФ рассматривают увеличить привлекательность маршрута и для международных перевозок. В 2011 г. В. Путин заявил, что проходить через СМП судам «гораздо выгоднее, чем через Суэцкий канал» [2]. Впоследствии власти страны неоднократно призывали иностранных партнеров использовать СМП [3]. Цели по его развитию не только как национальной, но и как конкурентоспособной на мировом рынке транспортной артерии по перевозке международных грузов заложены государством в принятых в 2020 г. стратегических документах по развитию Арктики.

Однако в последние годы наметилась и другая тенденция. На фоне ухудшения отношений с за-

падными странами после 2014 г. и введенных ими санкций Россия все больше склоняется к ужесточению режима судоходства по Северному морскому пути и ограничению присутствия там иностранных судов. Одновременно в попытке защитить интересы отечественных компаний в регионе власти невольно ставят под сомнение базовые ценности, на которые опирается Россия при обосновании жесткого национального режима доступа судов в акваторию СМП.

Данная статья представляет собой попытку анализа двойственных подходов российских властей к управлению Северным морским путем и возможных последствий для РФ такой противоречивости.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АМБИЦИИ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ СМП

Последовательное увеличение грузопотока по Северному морскому пути за последние семь лет (с 4 млн т в 2014 г. до 33 млн т в 2020 г. [4]) в основном вызвано ростом объемов завозимых строительных материалов и вывозимых ресурсов из российской Арктики и напрямую связано с реализацией или строительством крупных нефтегазовых проектов – «Ямал-СПГ», «Новый Порт», «Арктик-СПГ-2» и др. [5, р. 8]. Транзитные потоки, хотя и имеют тенденцию к увеличению (объем транзитного судоходства вырос с 0.3 млн т в 2014 г. до более чем 1.2 млн т в 2021 г.), на сегодняшний день занимают в структуре грузоперевозок скромные 3% [6]. Следует учитывать также, что в данную

статистику транзита входят не только международные перевозки, но и превосходящие их по объему каботажные перевозки в порты или из портов за пределами СМП (например, Сабетта—Мурманск, Мурманск—Владивосток и т. д.).

Относительно низкие показатели международного транзита по Севморпути (через Суэцкий канал ежегодно проходит около 1 млрд т грузов [7]) во многом объясняются географическими, климатическими и экономическими факторами. Сдерживанию кардинального роста транзитных перевозок способствуют естественные ограничения в виде короткого сезона навигации и наличия льдов. Даже в условиях беспрецедентного таяния ледового покрова Арктики в ближайшие десятилетия полярные маршруты будут покрыты льдами большую часть года, создавая опасность столкновения с дрейфующими льдами и айсбергами [8]. Коммерческому контейнерному судоходству по СМП будут препятствовать необходимость приобретения судов ледового класса, эффективных только в полярных районах, высокие страховые риски, отсутствие инфраструктуры вдоль СМП, высокая вероятность нарушения сроков поставки в связи с суровыми условиями навигации, отсутствие крупных перевалочных узлов на пути следования, важных для повышения рентабельности рейсовых перевозок, и т. д. [9]. На текущий момент крупнейшие иностранные судовые компании (в частности, *Maersk*, *CMA CGM*, *Hapag-Lloyd*) не видят в СМП серьезной коммерческой альтернативы существующим международным маршрутам [10], и китайская *COSCO Shipping* остается единственной иностранной компанией, проявляющей активный интерес к транзитным возможностям Северного морского пути (в 2020 г. суда китайской компании совершили 8 рейсов по СМП, в 2019 г. — 11, 2018 г. — 6¹).

Вместе с тем привлечение международных транзитных потоков занимает заметное место в планах российских властей по достижению президентского ориентира в 80 млн т к 2024 г. [11] и дальнейшему развитию СМП. Продолжают звучать громкие заявления высокопоставленных чиновников о его международном потенциале. В частности, в 2020 г. глава Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития) А. Чекунков, в чью компетенцию входят вопросы развития Арктики, допустил, что появление круглогодичного судоходства сможет обеспечить конкуренцию СМП с Суэцким каналом и позволит «оттащить часть транспортных по-

токов — более 700 млн т в год» [12]. Впоследствии, однако, Чекунков сделал корректировку, назвав куда более скромную, но все еще значительную цифру — 10 млн т к 2030 г. [13].

В принятых в 2020 г. Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2035 года (далее — Стратегия) [14] и Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на аналогичный период (далее — Основы) [15] раскрытию международного транзитного потенциала Севморпути уделяется значительное внимание. Так, в качестве одной из задач России в Арктике в Основах называется «увеличение объема национальных и международных перевозок грузов по Северному морскому пути» (п. 28 «г»), а одним из основных показателей эффективности политики РФ в регионе считается «объем перевозок грузов в акватории Северного морского пути, в том числе транзитных перевозок» (п. 26 «о»). В Стратегии заложен план по развитию международных контейнерных перевозок по СМП: планируются «строительство портов-хабов и создание российского контейнерного оператора в целях обеспечения международных и каботажных перевозок в акватории Северного морского пути» (п. 13 «ж»). На втором этапе реализации Стратегии (2025–2030 гг.) предусматриваются «обеспечение круглогодичного судоходства на протяжении всей акватории Северного морского пути» и «начало строительства портов-хабов для перевалки международных контейнерных грузов» (п. 31 «д»), а на третьем (2031–2035 гг.) — «формирование на базе Северного морского пути конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации Российской Федерации и окончание строительства портов-хабов» (п. 32 «г»).

Более детальные планы по реализации транзитного потенциала СМП содержатся в проекте «Северный морской транзитный коридор» (СМТК) «Русатом Карго», компании, входящей в структуру главного оператора СМП — госкорпорации «Росатом». Согласно проекту, предполагается наладить по Севморпути международную транзитную контейнерную линию между двумя портами-хабами, которые планируется построить на западной и восточной границах СМТК (скорее всего, это будут Мурманск и Камчатка) [16]. Суть идеи заключается в том, что контейнеры будут доставляться до портов-хабов обычными судами, далее перегружаться на суда с ледовым усилением и перевозиться до второго перевалочного плеча СМТК. В этих целях «Русатом Карго» намеревается построить собственный флот контейнеровозов ледового класса *Arc 7* вместимостью примерно 5 тыс. *TEU*². Таким

¹ Разрешения на плавание судна в акватории Северного морского пути. ФГБУ Администрация Северного морского пути. [Permissions for Vessels on the Northern Sea Route. The Northern Sea Route Administration. (In Russ.)] Available at: http://www.nsra.ru/ru/rassmotrenie_zayavleniy/razresheniya.html (accessed 04.02.2021).

² *TEU* (twenty-foot equivalent unit) — 20-футовый эквивалент (условная единица измерения вместимости).

образом, это позволит иностранным компаниям, потенциально заинтересованным в использовании Севморпути, избежать необходимости вкладывать свои средства в приобретение судов ледового класса и рисков, связанных с навигацией в суровых условиях Арктики. Пилотная стадия проекта предполагает перевозки объемом в 8–10 млн т в год начиная с 2024 г. (что созвучно последним заявлениям представителя Минвостокразвития), с потенциалом дальнейшего увеличения. “Русатом Карго” также объявил о проведении переговоров с *DP World* (одним из крупнейших мировых портовых операторов с штаб-квартирой в ОАЭ) и *Creon Energy Fund* (инвестиционным фондом, учрежденным в Люксембурге) об инвестировании в данный проект [16].

К проекту СМТК все еще остаются вопросы: где будет строиться флот ледовых контейнеровозов, будет ли интерес со стороны иностранных компаний, способный обеспечить заявленные объемы перевозок, как будет решаться вопрос о страховании грузов и т. д. Однако очевидность вектора на международное сотрудничество и привлечение иностранных грузов и инвестиций для развития СМП не вызывает сомнений. В связи с этим возникает другой вопрос: насколько этим амбициям отвечает действующий национальный режим судоходства на Севморпути?

В СТОРОНУ ОГРАНИЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО СУДОХОДСТВА

Северный морской путь включает в себя акватории, которые обладают различными правовым статусом и режимом – внутренние воды, территориальное море, прилегающая зона, исключительная экономическая зона (ИЭЗ) России. По общему правилу, прибрежное государство распространяет свой суверенитет только на внутренние воды и территориальное море шириной в 12 морских миль, где оно может принимать свои правила судоходства (со значительным изъятием в виде права мирного прохода в территориальном море), тогда как за пределами 12 миль действует свобода судоходства. Однако, согласно национальному законодательству, Россия трактует всю совокупность различных морских зон в рамках СМП как единое целое – “исторически сложившуюся национальную транспортную коммуникацию Российской Федерации” [17, ст. 14]. Это позволило распространить на всю акваторию Севморпути единый режим судоходства. В соответствии с Правилами плавания по СМП [18], для доступа в акваторию Северного морского пути российские и иностранные суда должны получить разрешение российских властей в лице Администрации СМП. Условия допуска на Севморпуть варьируются в зависимости

от ледового класса судна, сезона, ледовых условий в тех районах, в которых планируется навигация. Среди прочего, правила плавания по СМП требуют от капитанов предоставлять сведения о маршруте следования, регулярно отчитываться о местоположении и состоянии судна, предусматривают обязательную ледовую лоцманскую и, в некоторых случаях ледокольную проводку и др.

Устанавливая разрешительный порядок прохода по Северному морскому пути, Россия опиралась на определенные международно-правовые аргументы (об этом ниже). Практика показывает, что на данный момент иностранные суда соблюдают российские правила на СМП. Вместе с тем не все страны признают легитимность российского режима. С 1960-х годов позиция СССР/России в отношении правового режима некоторых проливов Северного морского пути официально оспаривается США [19], а в 2015 г. американцами был подан дипломатический протест и в отношении режима регулирования судоходства по СМП в целом [20].

Желание России закрепить за собой контроль над жизненно важной транспортной коммуникацией понятно. Однако очевидно также, что разрешительный порядок прохода по СМП едва ли будет соответствовать задачам развития международного судоходства и привлечения иностранных грузов.

Если сравнивать Севморпуть с наиболее важными для международного судоходства проливами и каналами, то можно увидеть, что для содействия международному грузопотоку через них прибрежные государства гарантируют свободу судоходства. Так, несмотря на то, что воды Суэцкого канала охватываются внутренними водами Египта, в соответствии с Константинопольской конвенцией 1888 г. канал объявляется свободным и открытым для судов независимо от государственной принадлежности. Прибрежные государства, примыкающие к Малаккскому проливу, реализуют трехстороннее сотрудничество, нацеленное на обеспечение открытости проливов для всех судов [21, р. 562]. То же самое относится и к Гибралтарскому проливу, в отношении которого Испания и Марокко не предпринимали серьезных попыток ограничить свободу судоходства [22, р. 198].

Более того, новые регулятивные меры России в отношении СМП, принятые или инициированные за последние несколько лет, свидетельствуют о ее стремлении к еще большему национальному контролю над Северным морским путем за счет ограничения иностранного судоходства. В декабре 2017 г. президент России подписал закон, который среди прочего дает судам под государственным флагом РФ исключительное право на морские перевозки и хранение нефти, природного газа и другого сырья, добытых на территории России

или на территории, находящейся под российской юрисдикцией [23].

Новые правила вызвали озабоченность зарубежных судовых компаний, работающих на СМП. Так, после внесения изменений в российское законодательство в Министерство транспорта России обратились представители Дании с просьбой прояснить ряд вопросов [24]. Однако в большей степени новые правила ударили не по иностранным компаниям, а по российским. Большая часть судов одного из крупнейших операторов на СМП — «Новатэка» — зарегистрирована за пределами РФ, в связи с чем в марте 2019 г. правительство было вынуждено сделать ряд изъятий из нового закона, разрешающих морские перевозки СПГ зафрахтованными «Новатэком» судами, а также снимающих ограничения в отношении перевозки погруженных в порту Сабетта ресурсов [25].

Кроме того, в соответствии с поправками 2017 г., только судам под российским флагом разрешается осуществлять ледокольную проводку на СМП. Пока данная мера не вызвала серьезного международного резонанса, однако не исключено, что впоследствии у некоторых стран могут появиться вопросы. Например, Китай, строящий собственные ледоколы для расширения присутствия в Арктике и, в частности, на Севморпути, сейчас лишен возможности использовать на маршруте ледоколы под китайским флагом для сопровождения своих судов.

В марте 2018 г. Министерство промышленности и торговли РФ предложило дальнейшее ужесточение режима судоходства по СМП путем запрета использования в тех же целях, указанных в нововведении от декабря 2017 г. (морские перевозки нефти и газа, ледовая и лоцманская проводка и т. д.), судов иностранного производства. Согласно пояснениям разработчиков, проект подготовлен в целях повышения загрузки российских верфей и реализации планов по импортозамещению в судостроительной отрасли [26]. Главными сторонниками законопроекта являются «Объединенная судостроительная корпорация» и «Роснефть», которая реализует в консорциуме с «Газпромбанком» и «Роснефтегазом» проект верфи «Звезда» на Дальнем Востоке [27]. Однако законопроект получил отрицательную оценку со стороны Министерства экономического развития и в данный момент находится на стадии доработки [26].

На фоне ухудшения военно-политической обстановки в Арктике желание российских властей укрепить контроль над Северным морским путем коснулось и военных кораблей. В марте 2019 г. Министерство обороны РФ внесло в Правительство предложения об изменении правил плавания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерче-

ских целях, в водах СМП. В проекте, среди прочего, предлагается установить для иностранных военных кораблей необходимость подачи уведомления о планируемом проходе через территориальное море России в акватории СМП не позднее 45 дней до предполагаемой даты его начала. Хотя ряд стран практикует введение разрешительного или уведомительного порядка прохода военных кораблей через территориальное море, поводов для критики такой меры также достаточно — в силу как отсутствия значительных международно-правовых оснований, так и ее несоответствия многолетней практике СССР/России [28]. Предложенное Министерством обороны нововведение не было принято, и решение вопроса о его целесообразности, по всей видимости, пока отложено.

Таким образом, за последние три года российские власти предприняли или предложили ряд шагов по закреплению государственного контроля над судоходством по СМП путем ужесточения режима доступа иностранных судов. В каких-то случаях данные меры объяснялись протекционизмом и экономическими соображениями, в других — интересами безопасности. Однако общая тенденция по ограничению присутствия иностранных судов в российской Арктике не вызывает сомнений. Представляется, что это может в существенной степени сказаться на общей привлекательности Севморпути для зарубежных инвестиций. Характерным в этом свете является тот факт, что в западных экспертных кругах все чаще обсуждаются перспективы использования высокоширотных маршрутов в обход СМП в случае продолжения таяния льдов, в том числе напрямик через Северный Полюс, как возможного способа избежать необходимости согласования с российскими властями и связанных с этим бюрократических издержек [29].

БЕЗОПАСНОСТЬ И/ИЛИ ЭКОНОМИКА?

Одним из главных аргументов России в пользу установления разрешительного порядка плавания по Северному морскому пути было прежде всего наличие у прибрежного государства первичной ответственности за обеспечение безопасности судоходства и сохранение морской среды в районе СМП (см., например, п. 1 Правил плавания по СМП). Как отмечает авторитетный ученый А.Н. Вылегжанин, безопасно осуществлять судоходство «в этих экстремально суровых полярных районах неарктическое государство может только при согласии соответствующего арктического прибрежного государства, при опоре на его береговую инфраструктуру, его технические средства связи, на его возможность реагирования на чрезвычайные ситуации, поиска и спасания людей и грузов, устранения последствий загрязнения морской среды»

[30, с. 6]. Важной составляющей аргументации российских властей является отсылка к ст. 234 Конвенции 1982 г., дающей право прибрежным государствам в покрытых льдами районах в пределах ИЭЗ принимать и осуществлять меры по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов [31, с. 75].

Однако правоприменительная практика на СМП зачастую расходится с декларируемыми целями. Основная проблема заключается в том, что у ответственных ведомств фактически отсутствуют полномочия по пресечению нарушений правил плавания по Севморпути. Мандат Администрации СМП, уполномоченной на выдачу разрешений судам, ограничен проверкой оформленных в электронном виде документов, тогда как проверка реального состояния судна не требуется [18]. Поэтому в своих решениях Администрация опирается прежде всего на информацию портовых властей. Функции по расследованию нарушений правил плавания по Северному морскому пути, согласно ст. 23.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях, возложены на Пограничную службу ФСБ. В то же время, когда дело доходит до реальных случаев нарушений, вопросы об их пресечении и привлечении виновных к ответственности остаются открытыми.

В качестве примера можно привести инцидент с танкером “Новатэка” “Борисом Вилькицким”. В марте 2018 г. судно, изначально обладавшее высоким ледовым классом *Arc7*, получило повреждение одной из двигательных установок, в связи с чем его класс был понижен до *Arc4*. Это означало, что танкер не мог ходить в акватории СМП при средних ледовых условиях даже с ледоколом. Но в апреле 2018 г. танкер вошел в акваторию Северного морского пути (Карское море) под проводкой ледокола, и Администрация СМП объявила это нарушением правил. Только по прибытии судна в порт Сабетта были выявлены и другие нарушения: отсутствие карт, незнание капитаном и экипажем основ ледового плавания и др. [32]. Этот инцидент стал поводом для конфликта между Администрацией СМП, посчитавшей поведение судна “угрозой безопасности мореплавания и защите морской среды”³, и “Росатомфлотом”, который не отказал судну-нарушителю в проводке. Заинтересованной стороной был и “Новатэк”, который испытывал нехватку судов высокого ледового класса для реализации проекта “Ямал-СПГ” [33].

Подобные инциденты происходят до сих пор. Так, в октябре 2020 г. теплоход “Спарта III”, принадлежащий ООО “Оборонлогистика”, нарушил усло-

³ *Архив за 2018 год. “Суда-нарушители”. ФГБУ Администрация Северного морского пути [Archiv 2018. Non-Compliant Vessels. The Northern Sea Route Administration. (In Russ.)]. Available at: http://www.nsra.ru/ru/archive_non_compliant_vessels_2018.html (accessed 04.02.2021).*

вия выданного ему разрешения, выйдя за пределы обозначенных в нем районов. Несмотря на неоднократные уведомления о недопустимости нарушения, судно продолжило свой внеплановый маршрут и, оказавшись в сложной ледовой ситуации, получило повреждения. В итоге “Росатомфлоту” пришлось дважды отрывать несколько ледоколов от выполнения их штатных функций и проводить сложные операции по оказанию судну помощи [34].

Вместо того чтобы послужить толчком к усилению мер по пресечению нарушений (например, содержать патрульные группы, способные оперативно вывести судно за пределы Севморпути, увеличить штрафы за нарушение, в случае рецидивов – отказывать судам в доступе и т. д.), подобные аварии и возникшие в результате них конфликты между Администрацией СМП и заинтересованными коммерческими операторами привели к обратному эффекту. С 2018 г. продвигалась инициатива о дроблении акватории СМП на 28 районов вместо семи крупных зон. Такая мера позволила бы продлить навигацию судам со слабым ледовым укреплением в некоторых районах Северного морского пути (прежде всего в Карском море и в районе Обской губы), чего добивался “Новатэк” [33]. В итоге с принятием новых правил плавания по СМП в сентябре 2020 г. данная инициатива была реализована, фактически понизив таким образом общий уровень безопасности на Севморпути в интересах отечественных компаний.

Данные обстоятельства в совокупности с тем фактом, что после 2018 г. на сайте Администрации СМП перестали публиковать информацию о случаях нарушений правил плавания по Северному морскому пути⁴, позволяют предположить, что у российских властей отсутствуют реальные механизмы по поддержанию должного уровня безопасности и защиты окружающей среды на СМП, а иногда достижение этой цели может даже приноситься в жертву экономическим интересам. Такое предположение подкрепляется поведением России в Международной морской организации (ИМО⁵) при обсуждении вопросов о введении международных стандартов и требований к судам, эксплуатируемым в полярных водах: наша страна зачастую является одним из самых стойких противников принятия новых экологических ограничений⁶. Вместе с тем такая позиция, очевидно,

⁴ “Суда-нарушители”. ФГБУ Администрация Северного морского пути. [Non-Compliant Vessels. The Northern Sea Route Administration. (In Russ.)] Available at: http://www.nsra.ru/ru/non_compliant_vessels.html (accessed 04.02.2021).

⁵ *International Maritime Organization (IMO).*

⁶ Например, при обсуждении в ИМО введения запрета на использование мазута в Арктике Канада и Россия выступали против такой меры. После того как в феврале 2020 г. канадская делегация отозвала свои возражения, Россия осталась в оппозиционном одиночестве. Запрет на мазут в итоге был введен в конце 2020 г., однако усилиями России в

идет вразрез с упомянутыми доводами, обосновывающими жесткий национальный режим судоходства по Севморпути особой ответственностью РФ за обеспечение безопасности и сохранение уязвимых экосистем арктических морей, и негативным образом сказывается на ее международной репутации, давая повод для критики со стороны международного сообщества.

* * *

Сегодня в подходах России к развитию Северного морского пути можно наблюдать два разнонаправленных вектора. Один заключается в демонстрации открытости для международного сотрудничества, иностранных инвестиций и грузов, желании превратить СМП в конкурентный маршрут мирового значения. Такой посыл присутствует как в заявлениях представителей власти, так и в основных стратегических документах России, посвященных развитию Арктики. Одним из конкретных планов реализации этих задач является программа увеличения международного транзитного грузопотока по маршруту за счет создания двух портов-хабов на границах СМП, между которыми грузы будут перевозиться российскими контейнеровозами ледового класса.

Другой вектор проявляется в очевидном крене в сторону ограничения присутствия иностранных судов на Севморпути. В дополнение к национальному разрешительному порядку прохода судов с 2018 г. Россия запретила судам под иностранным флагом проведение некоторых видов операций в акватории СМП, обсуждаются аналогичные меры в отношении судов иностранного производства, а также ужесточение доступа военных кораблей.

Если попытаться объединить две обозначенные тенденции, то можно предположить следующее:

о окончательном решении ИМО были предусмотрены значительные послабления, позволяющие прибрежным государствам до 2029 г. делать исключения для определенного типа своих судов [35].

РФ стремится к развитию Северного морского пути за счет притока только иностранных инвестиций и грузов, но не иностранных судов. Главным аргументом России при этом является необходимость жесткого контроля со стороны прибрежного государства в целях обеспечения безопасности судоходства и защиты окружающей среды. Однако практика показывает, что в некоторых случаях Москва готова пренебрегать интересами безопасности и экологическими ценностями – в силу как отсутствия реальных механизмов контроля за соблюдением правил плавания по СМП, так и возможного нежелания тормозить экономическое развитие российской Арктики.

В том, что такой противоречивый подход будет способствовать увеличению привлекательности Северного морского пути для международного сообщества, есть серьезные сомнения. Погоня за двумя зайцами, как известно, редко заканчивается положительным результатом, и, вероятно, Россия будет вынуждена более четко определить вектор развития СМП и проводить более последовательную политику по его реализации. Если речь идет о развитии международного потенциала Севморпути, то, очевидно, национальный режим судоходства необходимо будет адаптировать так, чтобы иностранным компаниям и государствам была очевидна готовность РФ гарантировать беспрепятственный доступ в российские воды, конечно, при соблюдении высоких стандартов в области судоходства и охраны морской среды. В другом случае, если в приоритете задача усиления национального контроля над важнейшей для безопасности и экономики страны транспортной артерией, в том числе за счет ограничения присутствия иностранных судов, необходимо будет либо подкреплять аргументы об особой ответственности России за защиту экосистем Арктики и безопасность судоходства созданием действенных механизмов по их обеспечению и пресечению нарушений независимо от того, кто их совершает, либо находить более убедительные доводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Газовоз “Кристоф де Маржері” завершил переход по Севморпути в восточном секторе Арктики. *Port News*, 18.01.2021. [LNG Carrier “Christophe de Margerie” Completed Its Voyage in the Eastern Part of the Northern Sea Route. *Port News*, 18.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://portnews.ru/news/307576/> (accessed 04.02.2021).
2. Путин: эксперты ожидают десятикратный рост грузопотока по Севморпути. *РИА Новости*, 26.04.2011. [Putin: Experts Expect 10-fold Increase in Traffic on the Northern Sea Route. *RIA Novosti*, 26.04.2011. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20110426/368513140.html> (accessed 04.02.2021).
3. Путин пригласил партнеров использовать Северный морской путь. *Российская газета*, 12.09.2018. [Putin Invited Partners to Exploit the Northern Sea Route. *Rossiiskaya Gazeta*, 12.09.2018. (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2018/09/12/reg-dfo/putin-priglasil-zarubezhnyh-partnerov-ispolzovat-severnoy-morskoj-put.html> (accessed 04.02.2021).
4. Грузоперевозки по Севморпути в 2020 году выросли на 4.7%. *Port News*, 11.01.2021. [The Northern Sea Route Traffic Increased in 2020 by 4.7%. *Port News*, 11.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://portnews.ru/news/307245/> (accessed 04.02.2021).
5. Sevastyanov S., Kravchuk A. Russia’s Policy to Develop Trans-Arctic Shipping along the Northern Sea Route. *The Polar Journal*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 228-250. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1799609

6. Объем перевозок по Северному морскому пути в 2020 году составил 31 млн тонн. *Port News*, 11.01.2021. [Cargo Traffic on the Northern Sea Route in 2020 Reached 31 mln t. *Port News*, 11.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://portnews.ru/news/306100/> (accessed 04.02.2021).
7. Suez Canal Maintained Volumes in 2020 and Extends Incentives for 2021. *The Maritime Executive*, 04.01.2021. Available at: <https://www.maritime-executive.com/article/suez-canal-maintained-volumes-in-2020-and-extends-incentives-for-2021> (accessed 04.02.2021).
8. Brigham L. Governance and Economic Challenges for the Global Shipping Enterprise in a Seasonally Ice-Covered Arctic Ocean. Spohr K., Hamilton D.S., eds. *The Arctic and World Order*. Washington, 2020, pp. 143-160.
9. Тодоров А. Международный транзитный потенциал Северного морского пути: экономический и правовой аспекты. *Проблемы национальной стратегии*, 2017, № 3 (42), сс. 149-171. [Todorov A. International Transit Potential of the Northern Sea Route: Economic and Legal Aspects. *National Strategy Issues*, 2017, no. 3 (42), pp. 149-171. (In Russ.)]
10. Humpert M. Major Shipping Companies Hapag-Lloyd and MSC Step Away from Arctic Shipping. *High North News*, 18.10.2019. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/major-shipping-companies-hapag-lloyd-and-msc-step-away-arctic-shipping> (accessed 04.02.2021).
11. Указ Президента России от 07.05.2018 № 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”. [Russian Federation Presidential Decree of 07.05.2018 No. 204 “On National Goals and Strategic Objectives of the Russian Federation through to 2024”. (In Russ.)]
12. Круглогодичные перевозки по СМП позволят увеличить объемы грузов до 700 млн т в год. *TASS*, 15.01.2021. [Year-Round Traffic on the NSR Will Allow an Increase in Shipments up to 700 mln t per Year. *TASS*, 15.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10468623> (accessed 04.02.2021).
13. Министр по развитию Дальнего Востока и Арктики: лед будет проломлен. *TASS*, 21.01.2021. [Minister for the Development of the Russian Far East and Arctic: the Ice Will Be Broken, *TASS*, 21.01.2021. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/interviews/10512039> (accessed 04.02.2021).
14. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 “О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года”. [Russian Federation Presidential Decree of 26.10.2020 No. 645 “On the Strategy for Developing the Russian Arctic Zone and Ensuring National Security until 2035”. (In Russ.)]
15. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 “Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года”. [Russian Federation Presidential Decree of 05.03.2020 No. 164 “On Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035. (In Russ.)]
16. Севморпуть: теперь от арабов до Китая. *Port News*, 16.07.2020. [Northern Sea Route: Now from Arabs to China. *Port News*, 16.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://portnews.ru/comments/2863/> (accessed 04.02.2021).
17. Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ “О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации”. [Federal Law of 31.07.1998 No. 155-FZ “On the Internal Maritime Waters, Territorial Sea and Contiguous Zone of the Russian Federation”. (In Russ.)]
18. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1487 Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути. [The Russian Government Decree of 18.09.2020 No. 1487 On Approval of Rules of Navigation in the Water Area of the Northern Sea Route. (In Russ.)]
19. Тодоров А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-Западном морском пути. *Арктика и Север*, 2017, № 29, сс. 62-75. [Todorov A. The Russia-USA Legal Dispute over the Straits of the Northern Sea Route and Similar Case of the Northwest Passage. *Arctic and North*, 2017, no. 29, pp. 62-75. (In Russ.)] DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.74
20. Diplomatic Note from the Government of the United States to the Government of the Russian Federation Regarding the Northern Sea Route Regulatory Scheme. *Digest of United States Practice in International Law*, 2015, pp. 526-28. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/258187.pdf> (accessed 04.02.2021).
21. Rusli M. The Application of Transit Passage Regime in Straits Used for International Navigation: A Study of the Straits of Malacca and Singapore. *Asian Politics & Policy*, 2012, no. 4 (4), pp. 549-569.
22. Van Dyke J. Transit Passage through International Straits. Chircop A., McDorman T., Rolston S., eds. *The Future of Ocean Regime-Building*. Leiden, Nijhoff, 2009, pp. 175-232. DOI: 10.1163/ej.9789004172678.i-786.50
23. Федеральный закон от 29.12.2017 № 460-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации”. [Federal Law of 29.12.2017 No. 460-FZ “On Amending the Merchant Shipping Code of the Russian Federation and Invalidating Specific Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation”, December 29, 2017. (In Russ.)]
24. Pico S. Shipowners Prepared to Bring Russian Shipping Law before the EU. *Shippingwatch*, 12.02.2018. Available at: <https://shippingwatch.com/carriers/article10300617.ece> (accessed 04.02.2021).
25. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.03.2019 № 435-р. [The Russian Government Resolution of 14.03.2019 No. 435-r. (In Russ.)]
26. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона “О внесении изменений в статьи 4 и 7 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации”. [Report on Evaluation of Regulatory Impact on the Legislation Bill “On Amending Articles 4 and 7 of the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation”. (In Russ.)] Available at: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=77599> (accessed 04.02.2021).

27. Веденева А. В Арктике ищут российские признаки. *КоммерсантЪ*, 22.06.2018. [Vedeneeva A. In Search for Russian Marks in the Arctic. *Kommersant*, 22.06.2018. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3663908> (accessed 04.02.2021).
28. Тодоров А. *Куда ведет Северный морской путь?* Российский совет по международным делам, 18.03.2019. [Todorov A. *Where Does the Northern Sea Route Lead?* Russian International Affairs Council. March 18, 2019. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kuda-vedet-severnuy-morskoy-put/> (accessed 04.02.2021).
29. Bennett M., Stephenson S. et al. Climate Change and the Opening of the Transpolar Sea Route: Logistics, Governance, and Wider Geo-Economic, Societal and Environmental Impacts. Spohr K., Hamilton D., eds. *The Arctic and World Order*. Washington, Foreign Policy Institute, 2020, pp. 161–186.
30. Вылегжанин А.Н., ред. *Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане: материалы международного научного симпозиума (Москва, РСМД, 4 сентября 2012 г.)*. Москва, Спецкнига, 2012. 88 с. [Vylegzhanin A., ed. *International Cooperation in the Field of Environmental Protection, Conservation and Rational Management of Biological Resources in the Arctic Ocean: International Scientific Symposium Materials (Moscow, RIAC, September 4, 2012)*. Moscow, Spetskniga, 2012. 88 p. (In Russ.)]
31. Ключев В. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути. *Арктические ведомости*, 2012, № 3, сс. 68–77. [Klyuev V. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Concerning State Regulation of Merchant Shipping in the Area of the Northern Sea Route. *The Arctic Herald*, 2012, no. 3, pp. 68–77. (In Russ.)]
32. Веденева А., Барсуков Ю. Севморпуть дошел до Кремля. *КоммерсантЪ*, 03.05.2018. [Vedeneeva A., Barsukov Y. The Northern Sea Route Has Reached the Kremlin. *Kommersant*, 03.05.2018. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3619227> (accessed 04.02.2021).
33. Веденева А. Севморпуть станет газопригоднее. *КоммерсантЪ*, 02.11.2018. [Vedeneeva A. The Northern Sea Route Becomes More Gas-Oriented. *Kommersant*, 02.11.2018. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3787590> (accessed 04.02.2021).
34. Humpert M. Arctic Cargo Ship Violates Safety Rules Prompting Month-Long Rescue Operation. *High North News*, 14.01.2021. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/arctic-cargo-ship-violates-safety-rules-prompting-month-long-rescue-operation> (accessed 04.02.2021).
35. Humpert M. IMO Moves Forward with Ban of Arctic HFO but Exempts Some Vessels until 2029. *High North News*, 24.02.2020. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/imo-moves-forward-ban-arctic-hfo-exempts-some-vessels-until-2029> (accessed 04.02.2021).

RUSSIA ON THE NORTHERN SEA ROUTE: HAVING THE CAKE AND EATING IT TOO?

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 123–130)

Received 16.02.2021.

Andrey A. TODOROV,

ORCID 0000-0002-0105-329X, atodorov85@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Today Russia implements two different approaches to managing the Northern Sea Route (NSR). The first one entails signaling openness for international cooperation, foreign investments and cargo with the aim to develop the NSR into a globally competitive maritime route. Such approach is evident both from the statements of the high-ranking Russian officials and the strategic documents dedicated to the Arctic region. The other pattern is reflected in Russia's willingness to impose limitations on foreign shipping on the Route. In addition to the permission-based national regime for navigation on the NSR, since 2018, Russia has ruled out certain maritime activities on the Route carried out by vessels flying non-Russian flags. Further measures for ships built outside Russia, as well as foreign warships, are being discussed. Taken together, these trends could lead to a suggestion that Russia sees the future development of the Northern Sea Route in attracting foreign investments and cargo, but not the vessels. However, additional layer of inconsistency emerges in Moscow's attempts to justify the harsh national permission-based regime and national measures aimed at limiting foreign shipping on the NSR. The main argument by the Russian authorities is the special responsibility of the coastal state for the safety of navigation and protection of the marine environment. Yet, the practice indicates that the state is sometimes reluctant to keep high environmental and safety standards – both due to the lack of efficient law enforcement mechanisms and possible unwillingness to challenge the economic development of the region. The article concludes with the suggestion that Russia will need to more clearly decide the future course of development for the NSR and adjust the navigation regime and law enforcement mechanisms accordingly.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, Law of the Sea, shipping, security, environmental protection.

About author:

Andrey A. TODOROV, Candidate of Juridical Sciences, Research Associate.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-123-130

АКАДЕМИК НОДАРИ СИМОНИЯ – ПОСЛЕДНИЙ МАРКСИСТ

© 2021 г. П. Черкасов

*ЧЕРКАСОВ Петр Петрович, член-корреспондент РАН,
ORCID 0000-0003-3723-1657, pich46@mai.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

Статья поступила в редакцию 11.02.2021.

Статья представляет собой краткий очерк жизни и научной деятельности академика Нодари Александровича Симонии, крупного ученого востоковеда и международного, возглавлявшего в 2000–2006 гг. ИМЭМО РАН. Автор прослеживает жизненный путь Симонии, формирование его мировоззрения и научных взглядов, оценивает вклад ученого в изучение Востока после распада колониальной системы, знакомит с его концепцией европейских, азиатских и российских революций, с его взглядом на процессы современного мирового развития, наконец, говорит о его гражданской позиции.

Ключевые слова: Симония, Мартынов, Примаков, СССР, Россия, МГИМО, Институт востоковедения, ИМЭМО, Восток, модернизация, демократия, государственный капитализм, национализм, сталинизм, марксизм, либерализм, перестройка.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-131-140

В 2000 г. в Институте мировой экономики и международных отношений РАН произошла смена руководства. Академик Владлен Аркадьевич Мартынов, более 10 лет возглавлявший ИМЭМО, покинул директорский пост. Перейдя на должность советника РАН, он продолжил работу в Институте как исследователь и руководитель созданного им теоретического семинара, в котором на регулярной основе велось обсуждение проблем российской экономики переходного периода, а также новейших тенденций в мировой экономике. Соответственно, с уходом Мартынова вставал вопрос о его преемнике во главе ИМЭМО.

Со времен перестройки избрание директоров академических институтов проходило четыре этапа. На первом этапе будущего директора избирали из нескольких кандидатов на собрании трудового коллектива. Затем результаты голосования передавались в соответствующее Отделение РАН, где по результатам обсуждения и тайного голосования определялся победитель, после чего последний утверждался Президиумом РАН в качестве исполняющего обязанности (и.о.) директора Института. Право окончательного утверждения директора принадлежало Общему собранию членов Российской академии наук, созывавшемуся два раза в год. С момента избрания Общим собранием директор Института освобождался от приставки и.о. и наделялся всеми необходимыми полномочиями.

Такая демократическая система действовала тогда и в ИМЭМО. При этом все в Институте знали о важной роли, которую играл академик Евгений Максимович Примаков в выборе кандидатуры директора. Уходя в 1989 г. в большую политику, Примаков ре-

комендовал на свое директорское место в ИМЭМО В.А. Мартынова, и научный коллектив Института прислушался к его мнению, как и Академия наук. Перейдя в 1999 г. с поста председателя правительства на должность руководителя Торгово-промышленной палаты, Евгений Максимович активизировал контакты с ИМЭМО и Отделением международных отношений РАН, расположенном в здании Института. Академик Примаков был самым авторитетным членом Отделения, которое ранее возглавлял.

Когда Мартынов принял решение уйти с поста директора Института, Примаков порекомендовал избрать на этот пост крупного ученого-международника, академика Нодари Александровича Симонию, которого знал со студенческих времен. Как и в 1989 г., Ученый совет, а затем и коллектив ИМЭМО согласились с рекомендацией Примакова. В сентябре 2000 г. академик Н.А. Симония прошел все необходимые процедуры и стал шестым по счету директором ИМЭМО.

Нодари Александрович Симония родился 30 января 1932 г. в г. Тбилиси в интеллигентной русско-грузинской семье¹. Его отец, Александр Николаевич Симония, получивший образование еще до революции 1917 г., впоследствии работал экономистом. Его родители развелись, когда Нодари было три года. По взаимному согласию между ними мальчик остался с отцом².

¹ Архив ИМЭМО РАН.

² После смерти отца в 1956 г. Нодари Симония, к тому времени перебравшийся в Москву, заберет к себе мать – Тамару Ильиничну Тарханову, которая проживет с ним до своей кончины в 1995 г.

Детство и юность будущего академика прошли в Тбилиси. Вот как он сам определил значение тбилисского периода для формирования своего мировоззрения и всей последующей жизни: «Те полные семнадцать лет, которые я прожил в Тбилиси, — детский сад, двор, школа и все прочее, — особые годы. Тогда Тбилиси был городом предельно интернациональным... Дети чутко воспринимают весь характер окружающих их отношений. У нас никогда не было “этих проблем” — национальных, этнических и тому подобных. Двор наш был абсолютно интернационален. Грузины составляли, дай Бог, процентов десять; большинство было армян, много русских, евреев немало, курды были, один азербайджанец, один осетин и т. д. Мы играли вместе. Сходный опыт — одиннадцать лет в школе. Школа наша была русская. Ее выбрал отец, решивший, что грузинского языка предостаточно дома и в общении с родственниками. И вот эта сорочка третья школа (а после того, как нас разделили с девочками, третья мужская) тоже была интернациональной» [1, с. 25]. Среди школьных друзей Симония — Гарик (Микаэл) Таривердиев, будущий знаменитый композитор, Липарит Кюзаджян, будущий заместитель директора ИНИОН, Борис Лившиц...

«В моем кругу, — вспоминал Симония, — никогда не возникало разделений на этнической почве. Я благодарен своему родному городу — тогдашнему Тбилиси, еще не затронутому национализмом. Национализмом “золотой молодежи” из деревни, а потом и самой деревни, хлынувшей в город. Но в мои годы, это был замечательный город: полное отсутствие национализма и подобных явлений в нашей тогдашней молодежной среде. А уж позднее, когда я поездил, посмотрел мир, пожил в Москве и многое понял, — тогда я стал осознанным интернационалистом. Но, так или иначе, по самой сути дела — не по лозунгам, не по декларациям — с детства сформировалось мое интернациональное нутро...

Я много ездил, что называется, “от края и до края”... и убедился, что интернационализм и интеллигентность друг от друга неотделимы» [1, с. 26].

После окончания школы в 1950 г. 18-летний Симония уезжает в столицу и, успешно сдав экзамены, поступает в Московский институт востоковедения (Институт восточных языков), где изучает китайский, индонезийский и английский языки. По работе в институтской комсомольской организации он знакомится со студентом-старшекурсником Евгением Примаковым, своим земляком по Тбилиси. Еще студентом Нодари Симония вступает в брак, в котором родится дочь. Этот брак продержится до 1970 г., когда супруги разойдутся “по взаимному согласию”.

Завершать высшее образование Нодари Симонии пришлось уже в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО МИД СССР). В 1954 г. учебный Институт востоковедения “некомпетентным решением властей”, как писал Симония, был закрыт, а всех его студентов перевели в МГИМО³. Год спустя Симония завершил учебу, получив диплом с отличием по специальности “страновед по Зарубежному Востоку”. Как обладатель “красного диплома”, Симония был рекомендован в аспирантуру по кафедре экономики и географии стран Востока. Здесь он подготовил и в декабре 1958 г. успешно защитил диссертацию на тему “Роль китайской диаспоры в экономической жизни стран Юго-Восточной Азии”, получив ученую степень кандидата экономических наук.

На основе этой диссертации в 1959 г. Симония публикует свою первую монографию, вызвавшую интерес не только у советской, но и зарубежной научной общественности. Симония одним из первых, если не самым первым, поднял вопрос о важной роли китайской диаспоры в экономической жизни стран Юго-Восточной Азии. До него исследователи практически не обращали внимания на эту важную тему. «Вскоре книга была переведена на английский, — вспоминал Симония. — В те времена американцы переводили советские научные издания, посвященные лишь точным и естественным наукам и технологии. Наука ими воспринималась только в этом, локальном преломлении: *science*. Но в конечном итоге книгу, которую я издал здесь, в Москве, они перевели в Корнелльском университете, в серии “*Russian Studies*”. И это стало для меня важной жизненной вехой» [1, с. 20].

Работа над диссертацией, совпавшая по времени с пробуждением Востока и возникновением на пространстве вчерашней колониальной периферии молодых суверенных государств, пробудила у Нодари Симонии глубокий интерес к этой новой, совершенно неисследованной проблематике. Он решает посвятить себя науке и поступает на работу в Институт востоковедения Академии наук СССР в качестве младшего научного сотрудника.

С этим академическим институтом будут связаны последующие 30 лет его жизни. Там в июне 1959 г. он вступает в КПСС. В 1962 г. выходит в свет его научно-популярная работа “Остров большой реки”, посвященная экономико-географическому описанию крупнейшего индонезийского о-ва Калимантан. А еще через два года Симония публикует серьезное исследование о буржуазии Индонезии и становлении науки в этой стране. В его научной

³ Через два года по инициативе А.И. Микояна, одного из высших советских руководителей, Институт восточных языков был воссоздан в качестве специального факультета МГУ. С 1972 г. — Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

работе исследования по конкретной региональной тематике (страны Юго-Восточной Азии) изначально сочетались с глубоким интересом к теоретическому осмыслению процессов модернизации бывших колониальных и зависимых стран. Его теоретические построения всегда были основаны на детальном знании конкретного материала.

В 1965 г. по конкурсу Симония проходит на должность старшего научного сотрудника, а в мае 1971 г. назначается заведующим Сектором методологических проблем национально-освободительных революций в Отделе общих проблем стран Азии и Африки. С приходом в Институт востоковедения в декабре 1977 г. члена-корреспондента АН СССР Е.М. Примакова⁴ в качестве директора Н.А. Симония становится заместителем заведующего Отделом общих проблем, а в 1982 г. — заведующим реформированного им Отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии и Северной Африки. Еще в 1974 г. он защитил свою вторую диссертацию на тему “Некоторые особенности революционных процессов в странах Востока”, получив ученую степень доктора исторических наук.

Его профессиональная переориентация с экономики на историю и политологию была вынужденной. Уже в первых своих теоретических работах Н.А. Симония проявил себя как оригинально мыслящий ученый, выходящий за допустимые идеологические рамки официальной “марксистско-ленинской методологии”. Ревнителю устоев усмотрели в его трудах чуть ли не антисоветский подтекст и дали понять, что с защитой и утверждением докторской диссертации по экономическому профилю у него могут возникнуть проблемы. Поэтому Симонии пришлось представить к защите переработанную под историческую специальность диссертацию, в которой он сумел сохранить основные положения и выводы предыдущего ее варианта. Вот как он сам вспоминает ту давнюю историю.

Из воспоминаний Н.А. Симонии:

«[...] С докторской я не торопился. Я предполагал написать докторскую по экономическому профилю, даже четыре главы написал. Но — не хочу останавливаться на этом детально — был такой эпизод в моей жизни, когда мне популярно объяснили: вы, мол, нас критиковали в своих публикациях, а мы вот в ваковской комиссии состоим, так что докторскую вашу можем и не пропустить.

Чтобы не идти на компромиссы, я вынужден был стать доктором исторических наук, а злосчастные четыре главы пришлось полностью выбросить и писать нечто новое. И вот эта докторская стала

очень серьезной вехой в моей научной жизни, потому что, прочтя целиком, причем дважды (первый раз у меня ушло на это восемь месяцев) новое издание Ленина, которое — благодаря Хрущеву — вышло почти без купюр, я понял следующее. То, что я изучал до тех пор, и то, что у нас почему-то называется марксизмом-ленинизмом, на самом деле далеко от истины и от жизни.

Первое сомнение в нашем так называемом “социализме”, теперь я иначе как в кавычках и именовать-то его не могу, закралось у меня после прочтения Ленина именно в этом Полном собрании сочинений. А уж потом я решил почитать и Маркса, по счастью, тогда он тоже вышел в достаточно полном виде. И когда я увидел, что именно было вырезано прежде (а там изъятия были обозначены), я понял, что марксистское наследие фальсифицировано. Мое прозрение наступило именно тогда... Некоторые нынче говорят, что они чуть ли не с детства сомневались в марксизме и советском строе. Но у меня все началось именно в тот момент. И получилась моя диссертация, как мне приписывали, сугубо антисоветской. А самые “ярые” мои оппоненты честили меня антимарксистом, хотя я старался быть в этой работе предельным марксистом. Тем не менее, меня “разоблачали”.

Ситуация была потрясающей в том смысле, что она потрясла основы моей личной жизни. И длилось это “потрясение” три года.

Во-первых, я был “невъездной”: даже в ГДР меня не выпускали. Во-вторых, долгое время приходилось обсуждать на кухне с женой⁵ вопрос о том, как мы будем жить, если меня выгонят с работы, не арестуют, конечно, но просто выгонят с работы. И мы придумали такой выход: будем доставать какие-нибудь тексты, я буду переводить с английского под чужой фамилией, так будем зарабатывать на жизнь...

Это — вторая крупная веха» [1, с. 20, 21].

Защита докторской диссертации прошла благополучно, но репутация “ревизиониста” закрепилась за Симония на долгие годы. При этом, по странной для советских времен логике, на протяжении почти 20 лет “ревизионист” Симония преподавал в Институте общественных наук (ИОН) при ЦК КПСС, где готовили кадры для зарубежных компартий. Именно в ИОН Симония в 1980 г. получил ученое звание профессора.

Его углубленный интерес к вопросам теории исторического процесса и современного развития нашел свое обобщенное отражение в работе “Страны Востока: пути развития”, опубликован-

⁴ В 1979 г. Е.М. Примаков был избран действительным членом (академиком) АН СССР.

⁵ В 1973 г. Н.А. Симония женился вторым браком на своей коллеге по Институту востоковедения Аиде Алексеевне Дьяконовой, взявшей его фамилию.

ной в 1975 г. В этом капитальном исследовании Симония проанализировал структуру и динамику великих революций XVII–XX вв., сформулировав концепцию волнообразности политической революции, а также категории “забегания” и “отката” в революционном процессе. В своих последующих трудах он развивал эту теорию, применимую, по его убеждению, и к событиям начала 1990-х годов в России.

Широкий резонанс в научном сообществе вызвал коллективный труд под редакцией Н.А. Симонии и Л.И. Рейснера “Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного”, опубликованный в 1984 г. Высказанные в этой работе смелые идеи буквально взбудоражили общество востоковедов, собравшихся на конференцию, где в течение трех дней шли острые дискуссии по проблемам, поднятым Н. Симонией и его единомышленниками⁶.

Сам Симония, спустя много лет, следующим образом охарактеризовал подготовленное под его руководством исследование: «В этой работе на огромном фактическом материале было показано: под внешним, иностранным влиянием происходит в лучшем случае “синтез”, то есть соединение “местного” и “пришлого”. Причем сначала это протекает в форме объединения западных и западных социальных явлений и институтов, а только потом – их внутреннего содержания. Характер протекания подобных процессов и их результативность зависят от того, в какой пропорции сочетаются местные и привнесенные явления, насколько талантливы лидеры, которые проводят реформы, в какой степени сами преобразования подготовлены предшествующим этапом развития соответствующей страны, например, если этот этап был колониальным. Не всем государствам “повезло” быть британскими колониями...

Все остальные колониальные державы – Франция, Голландия, Португалия – оставили после себя в бывших колониях военные или гражданские авторитарные режимы. А вот те, кому повезло больше, смогли быстро переодеться в “западный костюм”, но сумели прошить его нитками традиционного, поэтому он на них и не распался (курсив Н. Симонии. – П.Ч.). И только потом началась медленная и постепенная содержательная трансформация» [2, с. 709].

Симония решительно возражал, когда модернизацию пыталась смешивать с вестернизацией, приводя в пример Индию. «Только в последнее десятилетие, – отмечал он в 2005 г. – демократия в Индии начинает становиться демократией в “западном” понимании. А ведь долгие предшество-

вавшие десятилетия в этой стране чисто внешне существовала парламентская форма правления: на самом деле сохранялось доминирование одной партии, которая была связана с населением весьма специфическими по своему характеру связями. Их можно назвать “бартерными”. Лидеры правящей партии сговаривались с руководителями местных общин о своеобразном обмене: местные вожди каст или иных общин гарантировали партии голоса “своих” членов, а партия обещала в случае победы на выборах построить в соответствующей местности дороги, мосты, вырыть колодцы и т. п. Назвать все это демократическим волеизъявлением трудно. Но такой механизм вполне успешно работал много десятилетий, пока, наконец, в Индии не начала складываться реальная, а не формально “наструганная” многопартийность» [2, с. 709].

«Именно эта, совсем недавняя тенденция в Индии, – по убеждению Н. Симонии, – и может называться модернизацией, но никак не вестернизацией, поскольку “изменения в обществе не сопровождаются его уподоблением Западу. Восточные общества меняются – Китай, Япония, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, даже Таиланд. Но их модернизация не идет в форме вестернизации – вот что важно. И далеко не везде модернизация сопровождается демократизацией. Получается, демократизация – важнейшая составляющая вестернизации, но не обязательный элемент модернизации. На деле “модернизационные” реформы во всех перечисленных странах проводились без демократизации.

На Западе демократия была органичным продуктом экономического развития, а не его инструментом. Причем само формирование демократии было длительным. Британии понадобилось около 280 лет с момента Великой английской революции (1640–1689 гг.), чтобы лишь в начале XX в. приобрести черты подлинной демократии, да и то за вычетом “женского вопроса”, то есть официального предоставления равных прав женщинам» [2, с. 710].

Еще более бурную реакцию среди советских обществоведов вызвала упомянутая выше монография Н. Симонии “Страны Востока: пути развития”. «Было от чего волноваться многим: и генералам от “общественных наук”, и начинающим карьеристам, – вспоминают давние соратники Симонии, Евгений Борисович Рашковский и Владимир Георгиевич Хорос. – Ибо под вопрос ставилось сделавшееся нормой бездумно-цитатническое отношение как к узловым проблемам истории, так и к конкретно-историческому материалу».

«Действительно, книга “Страны Востока...” страстно выступила против господствовавшего в тогдашней официальной науке социометрического редукционизма в трактовке глубоких историче-

⁶ Впоследствии этот труд был переведен на английский язык и издан в США.

ских трансформаций – редукционизма, который то ли в простоте душевной, то ли по причине идеологического конформизма люди склонны были выдавать за последнее слово “материализма”, “монизма” и т. д. А связанное с этим редукционизмом смешение социоэкономических и юридико-политических образов общества (при всех догматических размежеваниях “базиса” и “надстройки”) вело к идеологической путанице, а на практике – к массе волевых и некомпетентных решений» [1, с. 6, 7].

Содержание этой книги Симонии далеко выходило за рамки ее названия. В ней автор проявил себя не только как знаток Востока, но и как глубокий историк, сумевший обобщить и переосмыслить всемирную историю последних нескольких столетий. «Одна из центральных тем книги, – отмечают Рашковский и Хорос, – анализ структур и динамики великих революций, “потрясших мир” в различные времена на протяжении почти что полутысячелетия. В своей трактовке истории великих революций Н.А. Симония особо акцентирует категории “забегания” и “отката”. Преодолевая старые общественно-экономические структуры и сопротивление институтов “старого порядка”, революции нередко перехлестывают, перекрывают собственные цели и задачи, тем самым вольно или невольно расчищая путь для новых структур. Но очень часто, как об этом пишет Н.А. Симония, социально-исторические силы, лидирующие в революциях, бывают вынуждены сами “спускаться на тормозах” революционно-протестную стихию ради более плавного и стабильного развития новых отношений и институтов будущего» [1, с. 7].

Сам Симония, спустя 30 лет, следующим образом оценивал этот свой труд: “В этой работе я показал, что социализма в СССР фактически не построили, а то, что существовало в реальности, не соответствовало марксовым представлениям о социализме” [2, с. 713].

“Ревнителю устоев” во главе с давним недоброжелателем Симонии Ростиславом Александровичем Ульяновским⁷, занимавшим крупный пост заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС, сразу же распознали “антисоветскую” сущность, казалось бы, далекого от реалий “развитого социализма” академического труда Нодари Симонии. Стараниями Ульяновского на “ревизиониста” Симонию были наклеены новые ярлыки – “антимарксиста”, “троцкиста” и одновременно – “меньшевика”... Ульяновский пытался

⁷ Придерживавшийся крайне консервативных убеждений, Р.А. Ульяновский в Международном отделе ЦК курировал всю проблематику, связанную с Третьим миром, считая себя высшим авторитетом в этой области. Он решительно пресекал все попытки свободомыслия в научной среде, которые, по его мнению, выходили за рамки официальной идеологии и пропаганды.

организовать показательную идеологическую расправу над “ревизионистом”, но эта попытка сорвалась. Тем не менее Симонии на пять лет закрыли выезд за границу. И лишь в 1980 г. Примаков сумел добиться снятия этого запрета.

Новизной в постановке проблем отличались и последующие труды, подготовленные в Институте востоковедения при участии и под руководством Н. Симонии. Самыми значительными из них, по мнению специалистов-востоковедов, были две коллективные монографии: “Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного” (1984 г.) и “Город в формационном развитии стран Востока” (1990 г.).

В первой из них была сформулирована концепция “трех моделей капитализма”⁸ и было предложено рассматривать всемирную историю, включая историю стран Востока, в их сквозных и диалектических взаимосвязях. Во второй обращалось внимание на несовершенство формационного подхода к анализу восточных реалий – “недостаток соотношения понятий о модернизации с понятиями о глубинно-исторических матрицах восточных обществ и культур” [1, с. 11].

Довольно рано разочаровавшись в вульгарном, фальсифицированном в СССР “марксизме”, подававшемся под видом “марксизма-ленинизма”, Симония тем не менее оставался широко мыслящим марксистом. «Следуя марксистской теоретической традиции, Н.А. Симония, – отмечает В.Г. Хорос, – соотносит реалии стран Востока (и не только Востока) с формационной теорией. Опять-таки не в виде пресловутой “пятичленки”, которую “обязаны” проходить все народы и во все времена. Речь идет о формационном переходе от феодализма, добуржуазного общества, к капитализму, а затем от капитализма к социализму (или к тому, что идентифицировалось с социализмом). При этом ученый придает большое значение категории социальной и политической революции и ухода от сиюминутных поверхностных трактовок, возвращает категории ее нормативный научный смысл.

Социальная революция – это глубинные изменения в той или иной формации, постепенные объективные сдвиги в ее базисе – не только в экономических отношениях, но и в других сферах общественной жизни – социальных, правовых, а также культурных ценностях. Например, появление протестантизма в Европе имело не меньшее значение для складывания буржуазной форма-

⁸ Первая модель капитализма – “первичная” (страны Западной Европы и Северной Америки); “вторичная” модель была характерна для (Пруссии/Германии, Австро-Венгрии, России, Италии, Испании, Восточной Европы и Балкан); “третичная” – это восточные общества, где анклавные капиталистические отношения вводились методами колониальной экспансии или полуколониального закабаления.

ции, чем развитие мануфактур или бирж. Политическая же революция есть попытка приведения в соответствие надстройки, прежде всего структур власти, с накопившимися изменениями базисного характера.

И здесь Н.А. Симония обосновывает важную идею о том, как устанавливается (или не устанавливается) это соответствие, — концепцию о волнообразном характере политической революции» [3, с. 209, 210].

По твердому убеждению Н. Симонии, механизм волнообразной политической революции в общем и целом, с определенными особенностями, присущ как европейским (XVII—XIX вв.), так и российским революциям начала и конца XX в.

* * *

Сам Симония не называл себя шестидесятником, но по поколенческим, мировоззренческим и ментальным критериям он, безусловно, принадлежал к этой части советской интеллигенции, мечтавшей после смерти Сталина об обновлении общества, о возвращении к марксистским истокам и идеалам. Тогда, в середине 1980-х годов, лишь самая малая часть оппозиционно настроенной интеллигенции задумывалась о том, чтобы “сдать в утиль” все советское наследие вместе с марксизмом-ленинизмом и немедленно приступить к “строительству капитализма”. Н. Симония не принадлежал к их числу.

Задолго до перестройки он видел свою миссию в том, чтобы попытаться найти путь к истокам марксизма, очистив общественное сознание не только от наслоений сталинизма, но и от ошибок Ленина, на которого с некоторых пор он перестал смотреть как на икону. Именно поэтому Симония, как и все шестидесятники, с воодушевлением встретил перестройку. В это время он выступает с острыми научно-публицистическими публикациями. Наиболее заметные из них — статья “Сталинизм против социализма” [4] и книга под названием “Что мы построили” [5].

Тогда активно обсуждался вопрос: существовала ли в СССР на рубеже 1920—1930-х годов демократическая альтернатива сталинской модели? Свою точку зрения на это высказал и Симония, для которого реальная альтернатива существовала. Она состояла в продолжении нэпа как регулируемого госкапитализма. «Если бы Сталин был истинным ленинцем, — подчеркивал Симония, — ему бы следовало продолжить начатое Лениным, причем в более благоприятных условиях, то есть после того как НЭП успел доказать свою полезность и предотвратил перспективу краха. Очевидно, Сталин сознательно не захотел, да и вследствие своего слабого интеллектуального потенциала не смог бы

следовать сложным, трудным путем госкапитализма, предпочитая “прямой” путь “кавалерийского” натиска, открыв шлюзы для того самого “потока”, которому Ленин и его немногочисленные соратники так успешно противостояли до того» [2, с. 731].

В основе размышлений Симонии лежала его давняя концепция политических революций (как западных, так и российских), во всех случаях явивших один и тот же феномен — “забегание” на начальном этапе и последующий “откат”. Применительно к революции 1917 г., “забеганием” он считал тотальную национализацию и военный коммунизм, а “откатом” — НЭП.

Когда многие советские обществоведы и историки под влиянием бурных политических событий второй половины 1980-х годов один за другим спешили отречься от “марксистско-ленинской” формационной теории (пресловутой “пятичленки”) в пользу “цивилизационного” подхода, Симония остался привержен теории формаций, которую никогда не рассматривал узко и догматично. Начиная с 1960-х годов он пытался творчески развивать эту теорию, за что многие годы подвергался идеологическим нападениям.

Именно с позиций формационной теории, собственного взгляда на такие феномены, как модернизация, вестернизация, демократизация, он и осмысливал происходившие на его глазах процессы. «Я полагаю, — говорил Симония, — что мы слишком поспешно и неразумно отказались от концепции формационного развития. Психологически понятно, что этот отказ произошел в оправданном порыве накопившегося неприятия и отвержения того примитива, который Сталин и его “верные ученики” от политэкономии, философии, истории, социологии навязывали нам чуть ли не с детского сада под видом “марксизма-ленинизма”. У меня не вызывает удивления, что на Западе многие (хотя далеко не все!) в упор не хотят замечать ту пропасть, которая отделяет подлинные идеи и построения Маркса, Энгельса и даже Ленина о формационном развитии от того, что Сталин и его подручные выдавали за марксизм. Но мне непонятно, зачем это нужно нам, серьезным ученым? Почему мы, вслед за политиками, должны становиться на сомнительный путь радикального нигилизма?

Здесь, очевидно, следует сделать одну важную оговорку: под формацией я никогда не имел в виду одну только социально-экономическую сферу. Речь шла об определенном типе всего общества — от его экономического базиса, через соответствующую ему социальную структуру, политическую надстройку, культуру, идеологию, психологию и т. д.» [1, с. 27, 28].

В разгар перестройки Симония получает неожиданное предложение перейти из родного ему

Института востоковедения в Институт мировой экономики и международных отношений на должность заместителя директора.

Это предложение ему сделал академик Е.М. Примаков, его давний студенческий товарищ и бывший директор Института востоковедения. Сам Примаков еще в октябре 1985 г. перешел из ИВ АН в ИМЭМО, сменив Александра Николаевича Яковлева на посту директора этого Института.

Судя по всему, Симония не сразу согласился покинуть ставшие ему родными за 30 лет работы стены Института востоковедения. Но Примаков умел убеждать. В стремительно менявшейся в стране обстановке, когда остро встала необходимость переосмысления всего и вся, именно “ревизионист” Симония с его глубокими и одновременно новаторскими подходами к анализу политических и экономических реалий современного мира был необходим Примакову, который переориентировал ИМЭМО на решение новых задач.

В конце июля 1988 г. Симония перешел в ИМЭМО.

Из приказа директора ИМЭМО академика Е.М. Примакова от 29 июля 1988 г.:

“На основании разрешения Отделения проблем мировой экономики и международных отношений АН СССР доктора исторических наук Симония Нодари Александровича назначить с 8 августа 1988 года в порядке перевода из Института востоковедения АН СССР исполняющим обязанности зам. директора Института с окладом 550 руб. с последующим избранием на Ученом совете” [1].

К решению уйти из ИВ АН Симония подтолкнуло то обстоятельство, что у него не сложились отношения с Михаилом Степановичем Капицей, новым директором Института, переведенным туда в 1987 г. из МИД, где он был одним из заместителей Андрея Андреевича Громыко. Другой причиной, побудившей Симонию перейти в ИМЭМО, по всей видимости, стало обещание Примакова содействовать избранию Нодари Александровича в Академию наук.

Так или иначе, но в декабре 1990 г. Н.А. Симония был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению проблем мировой экономики и международных отношений, где решающее слово после смерти академика Николая Николаевича Иноземцева (1982 г.) всегда принадлежало академику Е.М. Примакову. Уже работая на высоких постах в государственных структурах, Примаков никогда не терял интереса к академическим делам. Известно, что из всех полученных им отличий на первое место он всегда ставил звание академика.

Поработать с Примаковым в ИМЭМО Симонии довелось всего один год. В июне 1989 г. Евге-

ний Максимович ушел в большую политику. Но он не забывал о Симонии. С его подачи в мае 1997 г. член-корреспондент Академии наук Н.А. Симония был избран действительным членом (академиком) Российской академии наук, а в марте 1999 г. стал академиком-секретарем Отделения международных отношений и членом Президиума РАН [1].

Таковы основные вехи жизненного пути и научной карьеры академика Н.А. Симонии к тому моменту, когда он возглавил ИМЭМО. Остается прояснить его позицию гражданина и ученого в последовавшие за крахом перестройки и распадом СССР годы.

Симония не изменил своим убеждениям. Он не последовал примеру многих вчерашних интеллигентов-шестидесятников, неожиданно превратившихся после 1991 г. из прогрессивно мыслящих марксистов в непримиримых антикоммунистов, в адептов, нередко радикальных, европейского либерализма и рыночной экономики. Причем новые идеалы они восприняли столь же вульгарно и догматично, как в советские времена многие из них понимали марксизм.

Опыт 1990-х годов убедил его в том, что “наши радикал-либералы”, как он называл новую интеллектуальную элиту, влиявшую на президента Бориса Николаевича Ельцина, навязали России модель “наихудшего, наиболее паразитарного варианта бюрократического капитализма”, олицетворением которого для Симонии была Индонезия времен президента Сукарно [1, с. 32].

Симония не разделял восторженного отношения некоторых своих коллег-либералов к Западу, который “нам поможет”. Он не верил в бескорыстие Запада в отношении молодой российской демократии. В этом Симония убеждал богатый опыт изучения им стран Третьего мира и отношений последнего со вчерашними метрополиями. Следует учитывать, что на США и на Запад в целом он всегда смотрел через призму западной политики в Третьем мире.

Он окреп в этом убеждении и применительно к России в результате многочисленных командировок в США и другие страны Запада на рубеже 1980–1990-х годов. Эти поездки, как рассказывал сам Симония, убедили его в том, что США и их союзники преследуют собственные, далекие от альтруизма цели в отношении России. Их главная стратегическая цель – закрепить свою победу в холодной войне и не допустить возрождения сильной России. Недоверие Симонии к США некоторые из его коллег в ИМЭМО будут трактовать как проявление у него антиамериканских настроений.

Столь же негативно академик Симония оценивал и результаты “демократизации” постсоветской

России, политическая система которой остается в большей степени декоративной, нежели реально существующей. И дело здесь не в злонамеренности или неумелости руководителей страны. Проблема, на его взгляд, кроется в базисных вещах. К какому миру по своей глубинной природе принадлежит Россия — западному или восточному?

Из интервью Н.А. Симонии главному редактору журнала “Международные процессы” Алексею Демосфеновичу Богатурову 17 февраля 2005 г.:

«[...] Без всякой политической корректности отвечу: Россия — евразийская страна. Это не Запад. Но это и не Азия. Мир многоцветен, а жесткое деление “Запад — Не запад” кажется мне слишком одноцветным. В мире много переходного — оттенков, ступеней.

Россия — во всех отношениях переходная страна. Она всегда тянулась к Западу, но ее сама всегда тянула в сторону “махровая азиатчина”. В. Ленин это не сразу стал понимать. Он был недостаточно глубоко марксистом и поэтому игнорировал или не понимал смысл предшествующих этапов развития Российской империи. Вот откуда взялся явный утопизм его книги “Развитие капитализма в России”. Только захватив власть в 1917 году, Ленин стал размышлять над тем, что такое наша “азиатчина”.

Спустя много лет Е. Гайдар и А. Чубайс тоже этого не поняли, да они и не попытались понять. Как человек и гражданин я со всей определенностью плохо к ним отношусь: они разорили отечественную науку. Но в то же время как ученый понимаю: в 1990-х годах реформы в России не могли принести ожидавшихся результатов, так как они были неподготовлены предшествующим развитием страны. Ведь в России не только никогда не было “нормального капитализма”, в ней никогда не было даже “нормального феодализма” [...].

Я думаю, что Россия развивается в рамках модели “догоняющего развития”. Но я не имею в виду... догоняющее развитие в прямом смысле: России не суждено догнать Францию или Британию в беге по шкале времени. Она никогда не повторит этапы развития Западной Европы. “Прошлое Европы — это не есть будущее России”. Говоря о догоняющем развитии, я имею в виду, что Россия должна встать вровень с другими ведущими странами мира — и в этом прямом смысле их, так сказать, догнать. Россияне хотели бы жить не хуже американцев. Но это не значит, что россияне хотят жить так, как живут американцы. Догнать по уровню, но остаться самими собой [...]

В России не удалось реализовать проект позитивного “бюрократического капитализма”, который вывел Японию на второе место в мире по экономической мощи. Такой же капитализм вывел

из нищеты Южную Корею, которая в 40-х годах прошлого века была бедней, чем Индия. Позитивный бюрократический капитализм развился не из недр общества, а был результатом политики сверху и заимствованием из-за рубежа. Верхушка сначала принимает общую формулу капитализма, а потом навязывает его сверху, сочетая с местными традициями. Авторитарные режимы использовали эту “позитивную бюрократию”, которая была отчасти коррумпированной, но одновременно и патриотичной. Именно патриотичность и дисциплинированность бюрократии делали ее эффективной. Бюрократы строго подчинялись стратегии верхушки.

В России получился худший вариант, похожий только на Индонезию. Некомпетентное руководство, харизматический популистский лидер (Сукарно в этом смысле куда мощнее Ельцина), отсутствие сильной власти. На фоне слабой власти бюрократия распускается и перестает следовать установкам высшей власти.

В Японии и Южной Корее бюрократия была только инструментом. В парламенте Южной Кореи никогда не было делегатов крупного бизнеса. Там заседали юристы, журналисты. Сами богатые люди не писали законы, как у нас. Там капиталисты работали на себя и на страну. А в России — только на себя, за что их сегодня пытаются репрессировать, например, взимая недоимки...

В общем, российская модель капитализма не похожа ни на западную, ни на восточную» [2, сс. 710-715].

Из всего сказанного становится очевидным, что аврально построенный в России в 1990-е годы на развалинах “развитого социализма” государственно-олигархический (бюрократическо-олигархический) капитализм с явным криминальным оттенком был глубоко чужд академику Нодари Симонии — последнему, наверное, искреннему марксисту в постсоветской России. Но Симония не терял исторического оптимизма. “Думаю, нам минимум еще 10–15 лет придется подождать до тех пор, пока у нашего народа возникнет привычка к демократии и так сказать демократическая квалификация”.

“...Сегодня же, — говорил он в 2005 г., — в российском демократическом процессе происходит откат. Это не возврат в советские времена или к сталинизму, конечно, но это откат — до той точки, от которой снова возобновится демократический процесс”. Подобную уверенность Симония черпал из глубокого знания им всемирно-исторических процессов и осмысления опыта всех революций последних пяти столетий.

В то же время следует отметить одно важное обстоятельство. Согласившись в 2000 г. занять ме-

сто директора ведущего в России “мозгового центра” в области исследования проблем мировой экономики и международных отношений, академик Н.А. Симония с учетом его взглядов возлагал на себя ответственность и за будущее ИМЭМО, которому изначально предписано было консультировать высшие органы государственной власти. А к постсоветской власти, как, впрочем, и к ее предшественнице, новый директор Института относился, мягко говоря, сдержанно, что, безусловно, создавало проблему не только для него лично, но и для ИМЭМО как научного коллектива.

Все, кто тесно общался с Нодари Александровичем, единодушно отмечали его природную интеллигентность, вежливость и чувство юмора. “Мне довелось работать бок о бок с Н.А. Симонией на протяжении многих лет в Институте востоковедения, а затем в течение почти двух десятилетий в ИМЭМО, – вспоминает академик Геннадий Илларионович Чуфрин. – Нодари Александрович Симония всегда был весьма корректен и сдержан в повседневном общении, строго контролируя свои эмоции. Будучи требовательным руководителем, никогда не допускал грубости и оскорблений в отношении с подчиненными, даже если они, по его мнению, были в чем-то серьезно виновны”⁹.

Таким же, по-настоящему интеллигентным руководителем Института, запомнился он ветерану ИМЭМО доктору исторических наук К.Г. Хо-

лодковскому, который вспоминает, что в отличие, например, от своего предшественника, Симония никогда не повышал голос на собеседника и одновременно никогда не панибратствовал. Правда, Мартынов мог себе позволить накричать на кого-то, как говорится, “по-свойски”, так как проработал в ИМЭМО более полувека и придерживался неформального стиля общения с коллегами. Что касается Симонии, то он, видимо, в какой-то степени продолжал чувствовать себя в Институте “пришельцем” и потому предпочитал “держаться дистанцию”. Но все, кто ранее работал с Симонией в Институте востоковедения, единодушно называют его безупречно вежливым и обходительным человеком.

“Светлый, колючий, чуть насмешливый, добрый и отстраненный, когда ему бывало непросто, человек”, – таково впечатление о Симонии профессора А.Д. Богатурова. “Работалось с Нодари Александровичем легко, без каких-либо трудностей”, – вспоминал Богатуров период своего недолгого пребывания в ИМЭМО в бытность Симония директором Института¹⁰.

Таков в самых общих чертах научный, политический и человеческий “профиль” академика Н.А. Симонии – шестого по счету директора ИМЭМО. Пожалуй, он не был похож ни на одного из своих предшественников.

Продолжение следует

⁹ Запись беседы автора с академиком Г.И. Чуфриным 19 марта 2020 г.

¹⁰ Запись беседы автора с профессором А.Д. Богатуровым 24 марта 2020 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Восток–Запад–Россия. Сборник статей*. Москва, Прогресс-Традиция, 2002. 431 с. [*East–West–Russia. Digest of articles*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2002. 431 p. (In Russ.)]
2. Симония Н.А. *Избранное*. Москва, МГИМО-Университет, 2012. 762 с. [Simoniya N.A. *Chosen*. Moscow, MGIMO-Universitet, 2012. 762 p. (In Russ.)]
3. Хорос В. Идеи, живущие во времени. *Свободная мысль*, 2013, № 6, сс. 209–210. [Khoros V. Ideas living in time. *Svobodnaya mysl'*, 2013, no. 6, pp. 209–210. (In Russ.)]
4. Симония Н. Сталинизм против социализма. Диалог и коммуникация – философские проблемы (Материалы “круглого стола”). *Вопросы философии*, 1989, № 7, сс. 28–45. [Simoniya N.A. Stalinism against socialism. Dialogue and communication-philosophical problems (Materials of the “round table”). *Voprosy filosofii*, 1989, no. 7, pp. 28–45. (In Russ.)]
5. Симония Н.А. *Что мы построили*. Москва, Прогресс, 1991. 431 с. [Simoniya N.A. *What we have built*. Moscow, Progress, 1991. 431 p. (In Russ.)]

ACADEMICIAN NODARI SIMONIA – THE LAST MARXIST

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 131–140)

Received 11.02.2021.

Peter P. CHERKASOV,

ORCID 0000-0003-3723-1657, ptch46@mail.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The author traces and analyzes the career and activity of Academician Nodari Aleksandrovich Simoniya (1932–2019), a prominent orientalist and expert in international relations who headed the Institute of World Economy and

International Relations of the Russian Academy of Sciences in 2000–2006. The article reveals the formation of the general worldview and academic views of N. Simoniya, assesses his contribution to the study of the East after the collapse of the colonial system and the formation of young independent states. The author acquaints the reader with the views of the Academician on the European, Asian and Russian revolutions, with his approach to understanding the processes of contemporary world development, explains his civil position, both under the Soviet regime and in post-Soviet Russia. N. Simoniya combined a detailed knowledge of realities in the Eastern regions he studied – primarily Southeast Asia – with a deep theoretical approach to the study of complex processes in the East after the end of World War II. Over time, the interests of the Academician went beyond the East, to which he devoted several decades of research. At the turn of the 1990s–2000s, his attention was attracted by the problems of global world development, as well as the development of post-Soviet Russia. All the works of N. Simoniya – he published 18 books and dozens of articles in Russian and foreign academic journals – were written by him, as he himself admitted, on the basis of the Marxist methodology. But Simoniya’s Marxism had nothing in common with vulgar ideas in Bolsheviks’ teachings of Marx and their “theory of Marxism-Leninism”. At the same time, the Academician criticized not only Stalin and Lenin, but also Marx himself, who succeeded only in deep analysis of contemporary pre-monopoly capitalism. N. Simoniya criticized the Soviet model of socialism as well, believing that there has never been any real socialism in the USSR. He was equally critical of the “liberal” turn of the Russian intellectual elite after 1991, blaming its radical faction, which influenced President Boris Yeltsin, for instilling in Russia a model of the “worst”, as he wrote, “the most parasitic version of bureaucratic capitalism”. For Simoniya, the latter was associated with Indonesia under Sukarno. But even there, not to mention Japan and South Korea, the business elite has never been antipatriotic, as it happened in modern Russia. In his opinion, the Russian model of capitalism turned out to be unlike either the Western or the Eastern model, and the modernization, which Russia urgently needs, is inseparable from genuine democratization, but should not represent an imitation of democracy, as is the case.

Keywords: Simoniya, Martynov, Primakov, USSR, Russia, MGIMO, Institute of Oriental Studies, IMEMO, East, modernization, democracy, state capitalism, nationalism, Stalinism, Marxism, liberalism, Perestroika.

About author:

Peter P. CHERKASOV, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-131-140

РЕЛЯЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2021 г. Н. Гудалов

KURKI M. *International Relations in a Relational Universe*. Oxford, Oxford University Press, 2020. X, 216 p.

ГУДАЛОВ Николай Николаевич, кандидат политических наук, доцент,
СПбГУ, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9 (n.gudalov@spbu.ru).

Рецензия поступила в редакцию 09.03.2021.

Ключевые слова: реляционность в международных отношениях, космология, междисциплинарность, постпозитивизм.

Для современной теории международных отношений (ТМО) актуально развитие междисциплинарных подходов. Все еще важны и вопросы, заостренные постпозитивистами. На что заменить поиск абсолютных “сущностей”? Как сочетать ограниченность знания и этики с плодотворной исследовательской и практической повесткой? Новейшая монография Милы Курки, известного теоретика, профессора знаменитой кафедры международной политики Университета Аберистута (Великобритания), – попытка по-новому осмыслить эти вызовы. Мы выделим основные идеи, а затем – некоторые преимущества и недостатки книги.

Первая ее часть посвящена понятию космологии. Согласно Курки, взгляды людей на мир и общество, в том числе сложившиеся до и вне современной науки, влияют на естественные науки. Она проследивает историю различных космологических картин в разных регионах мира и доминирующей современной, преимущественно “западной” космологии. На нее, несмотря на ее светский характер, повлияли иудео-христианская и исламская традиции, в которых человек способен познать разумный порядок мира, созданного всевышним. Вместе с тем, хотя “вненаучные” факторы влияют на науку, в ней сложилось относительное согласие по многим вопросам. Знание всегда ограничено, но его границы раздвигаются: так, установлен ряд основных физических констант, строятся некоторые модели с весьма высокой точностью, достигнут консенсус об эйнштейновских взглядах на относительность вселенной. Курки полагает, что сбалансированную философию науки предлагает научный¹ реализм. Согласно ему, наука исторически и социально ограничена, не имеет объективного доступа к миру, полного знания о нем. Ученые смотрят на мир через призму своих кон-

цепций и языков. Однако сама объективная реальность, с которой ученые работают, существует. Она не редуцируема к нашим представлениям, а сама корректирует их. Ученые в зависимости от многих факторов по-разному изучают реальность. Поэтому некоторые теории эмпирически и/или концептуально убедительнее других (pp. 23-36).

Курки считает, что ньютоновская космология до сих пор сильно влияет на представления об обществе, особенно на условном “Западе”. Ее ключевые образы – “рациональный порядок мира”, “вещи, движущиеся в пустом пространстве”, “баланс сил”, механистическая логика, соответствующие “законы” (p. 45). Современная научная космология отвергла физику Ньютона, и, как показано далее, Курки считает ньютоновские воззрения неуместными и для общественных наук. Однако и в самой научной космологии конкурируют разные подходы. Как считает, например, космолог Ли Смолин, сама физика не может быть отделена от философских, социальных, эстетических, теологических дискуссий (pp. 37-57).

Ключевым для Курки подходом в научной космологии становится реляционный. Он развит прежде всего Смолиным совместно с физиком Карло Ровелли и, что примечательно, со специалистом по социальной теории – Роберто Ангером. На Смолина повлияли такие философы, как Готфрид Вильгельм Лейбниц (отвергавший взгляд Ньютона на пространство), Людвиг Витгенштейн, Пол Фейерабенд. Согласно реляционной космологии, ошибочна картина мира как суммы “вещей”, которые существуют на некотором “фоне” и на которые можно посмотреть “извне” мира, картина, обещающая постижение “фундаментальных законов” и редукцию всего знания к физике (pp. 61-62). Вместо этого утверждается, что вселенная есть некое целое, вне которого нет ничего. Это целое – сеть отношений. “Эволюция на макро- и микромасштабах

¹ Не путать с политическим.

вселенной реляционна”; “и пространство, и время создаются в отношениях” (р. 65). Чтобы указать положение чего-либо, нужно учесть, в принципе, всю остальную вселенную — поэтому вместо отдельных “вещей” предлагается изучать многообразные отношения в мире. При этом сами отношения связывают не вещи, а другие отношения.

В книге выявляются параллели и связи между реляционной космологией и общественными науками. Космос и даже сами законы физики изменчивы, историчны, равно как и общество. Все события уникальны. Космос и социум — открытые системы. Инновации рождаются в них за счет тех отношений и их взаимосвязей, из которых состоит вселенная. “Вечных законов”, — например в экономике, — нет. Наблюдатели всегда внутри космоса — так же, как и исследователи общества, находящиеся внутри него. На знание влияет та точка в отношениях, где находится познающий. Сама наука подобна демократии: в ней либо находятся достаточные для решения какого-либо вопроса рациональные доводы на основе общедоступных доказательств, либо такие доказательства ищутся через различные взгляды и гипотезы. Все науки не сводимы к физике, но взаимосвязаны: все они изучают то, как их объекты исследования вплетены в сеть отношений во вселенной (pp. 58-81).

Во второй части Курки сосредоточивается на реляционном подходе в социальных дисциплинах, в том числе в ТМО. В плане эпистемологии она соглашается с подходом, в котором на познание влияет позиция познающего (*standpoint epistemology*). И даже, с одной стороны, еще более заостряет этот взгляд: познание должно учитывать место человека не только в некотором социальном контексте, а в реляционной вселенной в целом. Но, с другой стороны, Курки призывает преодолеть “ плен ” текущего контекста — не только осознавать свою ограниченность, но и проблематизировать имеющиеся подходы, расширять свои горизонты, в том числе через абстрагирование. Итак, автором отвергается позитивистский поиск объективности в реалистской, либеральной и марксистской ТМО, но также и акцент на ограниченности знания, например в конструктивизме, или антиисциентизм критических подходов. По ее мнению, необходимо преодолевать ограничения текущих концепций, вести диалог с естественными науками (pp. 87-105).

В плане онтологии Курки считает ошибочными образы абсолютно единого человечества, возвышающегося над природой и контролирующего ее. Человек — продукт не только человеческих, но и других отношений во вселенной. Человечность мыслится по-разному, иногда, к сожалению, через иерархические представления о “более или менее человеческих” группах. Автором критикуется нью-

тоновская картина атомизированных индивидов в либерализме, взгляды на международные отношения как взаимодействие “вещей” — повторяющееся (политический реализм) или прогрессивное (либерализм). Но говорится и о недостатках различных постпозитивистских и реляционных теорий (например, конструктивистских или марксистских): они подспудно все еще понимают мир как набор “вещей” (таких как агенты и структуры, материя и идеи) и ограничиваются акцентом на человеке. Даже мыслители, отвергающие абсолютную исключительность человека и его оторванность от среды (например, Брюно Латур), страдают от пережитков языка “вещей”. Курки соглашается с некоторыми теоретиками мира как “плюриверсума” и деколонизальными мыслителями в том, что абсолютное познание реальности невозможно, мир не един, а состоит из множественных, хотя и связанных “стилей жизни”, человек и природа неотделимы друг от друга (р. 129). При этом Курки подчеркивает, что какими бы множественными ни были взгляды на мир, нельзя умалять и их взаимосвязи, а критика догм “западной” науки не должна затемнять того, что наука может быть самокритичной. Курки предлагает картину, в которой все, в том числе люди и животные, вплетены в “сеть” (*mesh*) отношений вселенной, сами состоят из отношений, а границы “пористы” (pp. 106-135). Многие системы характеризуются не автопозисом, а “симпозицией” (цит. Донны Харауэй, р. 121).

Наконец, в плане этики Курки критикует космополитизм, верящий в универсальные, трансцендентные основания, которые она связывает с наследием теологии. Более реляционные теории — этика коммунитаризма (важны связи в сообществах), “заботы” (межличностные отношения) и постструктуралистов, опирающихся на Эмманюэля Левинаса (как человек отвечает Другому). Однако и большинство этих взглядов ограничены, поскольку сосредоточены только на человеке. Человек всегда вплетен в окружающий мир, меняет его, и Курки поддерживает подход, в котором внимание обращалось бы на то, как мы участвуем в развитии материи и смыслов, какие возможности и исключения при этом возникают. Она призывает к “способности отвечать” (*response-ability*, термин Харауэй), уважать и изучать “странность” других, а не брать на себя высокомерную “ответственность” за других на основе абсолютных принципов. Этика ограничена позицией в сети отношений. Однако при этом Курки не считает свой взгляд “нигилистским или релятивистским” (р. 157), а полагает, что он даже ведет к более сильным обязательствам, чем догматические этические стандарты. Курки не сводит свою ориентацию лишь к заботе о тех, кто связан с нами локально, а, наоборот, призывает учитывать разные уровни, от локального до пла-

нетарного и выше. Например, внимание к отдельному животному, погибающему от загрязнения среды, влечет за собой внимание и к глобальной экономике, и к климату. Учитывается не только человек: так, в этической оценке нуждаются не только интервенция в какое-либо государство, но и вмешательство в экосистему леса. Но и человек не игнорируется: например, дискуссии вокруг прав человека могут не только исключать все, кроме человека, но и по-разному вовлекать или, наоборот, исключать разные группы людей (pp. 136-158).

В третьей части Курки критикует понимание “международного” как взаимодействия только людей и государств, занявших место Бога и подчиняющих себе природу. Отвергает она и понятие “глобального” как чего-то цельного, единого, исключительно человеческого, объективно познаваемого. Курки предпочитает говорить о “планетарном” как учитывающем все формы жизни и неживую природу, внешние воздействия на Землю. При этом планетарное не подразумевает всеобщей гармонии, а признает важность политических дискуссий. Некритически нельзя подходить не только к “западным” догмам, но и к различным “туземным” взглядам. Курки пересматривает доминирующие практики демократии через призму реляционности, в том числе призывая включить в них не только человека, а также демократизировать науки и искусства. Свои взгляды Курки иллюстрирует на примере переговоров между Великобританией и Евросоюзом о рыболовных квотах после Брекзита. Она считает, что рыба здесь рассматривается лишь как эксплуатируемый ресурс. Однако рыба имеет свои интересы, и их могли бы – конечно, в меру возможности – представлять люди: неправительственные организации, туземные группы, другие транснациональные акторы, ученые (pp. 161-190).

Итак, из основных идей книги очевидно, что это одна из самых оригинальных и масштабных попыток ревизии ТМО за последние годы. Подход Курки часто не дает окончательных ответов, как она сама подчеркивает. Но он может быть плодотворно развит минимум по четырем направлениям, в том числе для преодоления стереотипных дихотомий.

Во-первых, оправданно стремление Курки к междисциплинарности. Кроме того, она избегает крайностей как антисциентизма в ТМО, так и веры в нейтральность и всемогущество естественных наук.

Во-вторых, ее эпистемология, с одной стороны, подчеркивает философские проблемы познания, влияние общественных идей на него, его ограниченность. Но, с другой стороны, это не постмодернистская констатация и прославление многообразных и несоизмеримых точек зрения. Реальность корректирует научные воззрения, наука (включая

“западную”) признает свое несовершенство, но проблематизирует текущие категории, абстрагируется от них, расширяет их. Это очень важно как противовес крайнему релятивизму и модным ныне подходам, которые, подобно раскритикованному Иммануилом Кантом² кроту, видят лишь имеющиеся практики и умаляют важность как теории (в том числе этической), так и соотнесения с другими практиками.

В-третьих, онтологический акцент на отношениях напоминает о том, что чаще всего искать в политике автаркические “сущности” бесполезно. Идентичности людей и государств зависят от взаимодействий. Но акцент на отношениях позволяет избежать и другой крайности – постмодернистской несоизмеримости многообразных контекстов.

В-четвертых, справедливо само по себе стремление избежать как этического догматизма, так и релятивизма и нигилизма. Этика ограничена, но она постоянно озабочена тем, как мы меняем мир, влияя при этом на людей и животных, близких и далеких, как мы можем не только констатировать их инаковость, но и узнать о них больше.

Признавая значимость подходов Курки к ревизии ТМО, отметим также и некоторые возникающие в связи с ними проблемы методологического и теоретического характера.

Так, на наш взгляд, Курки слишком упрощает интеллектуальную и политическую историю, особенно “западную”. Она, конечно, могла бы ответить, что отбирала для своего анализа лишь доминирующие взгляды. Но все же полезной была бы и оценка альтернатив, многоголосия прошлого. А на этом фоне идеи Курки выглядели бы не столь новаторскими. Сказать, что наука и философия должны признавать собственную ограниченность, ставить под вопрос текущие взгляды, пытаться выйти за их пределы, в том числе через недогматичные абстракции, – значит, сказать мало что нового. Идеал науки и философии зачастую и был таким, хотя, будучи идеалом, он то больше, то меньше соответствовал практике.

И в отношении религии Курки сосредоточена лишь на таких взглядах, которые приближают человека к трансцендентному Богу, отрывают человека от природы, дают ему знание разумного порядка мира, контроль над ним. При этом, по мысли автора, религиозное наследие якобы также внесло вклад в доминирование современного государства как института. Эта картина, конечно, игнорирует сложнейшую историю отношений религии и государства на Западе как минимум с по-

² Kant I. *Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis*. Guth K.-M., hrsg. Berlin, Hofenber, 2016, S. 5.

явления христианства до 1648 г., а также историю самих религиозных идей. Так, политический реализм у Курки связывается с ньютоновскими воззрениями, законами, объективно познаваемыми и направляемыми разумом (pp. 104, 131-132). Однако на реализм, в основном через Райнхольда Нибура, повлиял Августин – немаленькая фигура в христианской традиции! Августинский “скептицизм сомневается в возможности рационального стратегического действия”, в возможностях людей достигать своих целей, заостряет этические дилеммы в политике³. Хотя идеи многих реалистов и были менее глубокими, Курки могла бы обратить внимание на Августина, вместо того, чтобы упрощать как наследие религиозной мысли, так и реализм. Или, например, подчеркивая уникальность каждого события в реляционной космологии, рассуждая об абстракциях, Курки могла бы вспомнить спор об универсалиях (один из центральных в средневековой христианской философии), имена Иоанна Дунса Скота или Уильяма Оккама, заостривших представления о конкретности и случайности мира. Схожие идеи развивались в исламе, индуизме, буддизме, но и “западная” интеллектуальная история не была так проста, как может показаться⁴. В современности такой политический мыслитель, как Майкл Уолцер, отходя от универсалистской теории и этики, давно уже развивает именно идеи, “созвучные средневековой моральной теологии” и “казуистике”⁵. Курки могла бы подробнее рассмотреть и давнюю дискуссию о важности отношений, их влиянии на сущность вещей в разных традициях, включая “западную” (Бенедикт Спиноза, Фрэнсис Брэдли, Фердинанд де Соссюр, Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн)⁶.

Возвращаясь к реализму в ТМО, напомним, что в неоднородном наследии Ганса Моргентау есть и критика наивного рационализма и попыток социальных наук подражать устаревшей физике: “традиционные концепции времени, пространства... уступили место теории относительности; квантовая теория... заменила детерминизм принципом неопределенности”⁷. Давно высказаны сомнения в том, что классический реализм и даже неореализм Кеннета Уолца были позитивистски-

ми⁸. Эти элементы реализма, созвучные идеям Курки, она игнорирует. Стереотипной критике подвергается и либерализм – за образ атомизированных индивидов. Либерализм, конечно, многообразен, но и в нем есть влиятельные идеи, которые гораздо сложнее. Так, теория справедливости Джона Роулза, имея ряд индивидуалистических черт, говорит, что сам индивид не является чем-то законченным вне связей с другими, в том числе с прошлыми поколениями⁹. Рецензент не обязательно разделяет какой-либо из рассматриваемых взглядов, а лишь считает, что критика не должна упрощать их смысл.

Настаивая на необходимости междисциплинарных подходов, Курки не вполне поясняет влияние физики на общество. Между тем именно физическая космология становится для нее важным доводом в пользу реляционности. На наш взгляд, можно выделить два пути влияния физики на политику. Первый – каузальный: человеческий организм и мир вокруг, конечно, подчиняются законам физики. Однако Курки еще не доказала, что физическая космология так влияет на смыслы, создаваемые человеком, что если верна реляционная космология, то и эти смыслы должны ей соответствовать. Биохимия мозга, вероятно, сводима к физике, но порождаемые там смыслы автономны. Если человека и рассматривать как результат эволюции в мире обычных масштабов, где ньютоновская физика дает приблизительно верные результаты, то человек как раз будет биологически склонен к ньютоновской картине мира и политики, хотя, строго говоря, Ньютон и был неправ с точки зрения современной физики. Второй путь влияния физики – когда ее текущие представления находят подражание в общественных представлениях. Но такое подражание – это лишь метафоры, вдохновленные физикой, они шире и свободнее. Физическая космология не может заставить человека конструировать политические смыслы единым образом. Даже если человек биологически склонен к ньютоновскому мировоззрению, он не детерминирован ни ньютоновским, ни реляционными, ни другими физическими взглядами. Моргентау использовал идеи физики, но выводы для политики делал реалистические (хотя и нестереотипные). Выводы Курки – другие. А выводы, например, Дональда Дэвидсона – третьи. Дэвидсон и без опоры на физику считал, что содержание человеческих мыслей определяется только в языковых взаимоотношениях (реляционность!) субъекта и друго-

³ Loriaux M. The Realists and Saint Augustine: Skepticism, Psychology, and Moral Action in International Relations Thought. *International Studies Quarterly*, 1992, vol. 36, no. 4, p. 401.

⁴ Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, MA and London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2002, pp. 483-487, 593, 825, 828-829, 967.

⁵ Toulmin S. *Return to Reason*. Cambridge, MA and London, Harvard University Press, 2003, p. 136, 167.

⁶ Collins R. *Ibid.*, p. 668, 844, 967.

⁷ Morgenthau H. *Scientific Man vs. Power Politics*. London, Latimer House Limited, 1947, p. 116.

⁸ См.: Гудалов Н.Н., Чернов И.В. Роль языка в реалистической традиции изучения международных отношений. *Полития: анализ, хроника, прогноз*, 2020, № 2 (97), сс. 54-66. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-54-66

⁹ Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1971, pp. 264-265, 520-529, 565, 583-584.

го субъекта, вместе осмысливающих мир. Но это вовсе не умаляло для Дэвидсона рациональности человека — наоборот, нужно пытаться интерпретировать другого как рационального, насколько это возможно¹⁰.

Курки во многом необоснованно критикует ТМО за уподобление государства “вещи”. При этом она не дает определения вещи, но понимает ее слишком широко, даже включая сюда, например, структуры и агентов, материю и идеи. Однако неверно уравнивать чуть ли не любое существительное с вещью. Без существительных мы не можем говорить, но и не все они обозначают вещи. Если сами государства и ранее понимались не как вещи, а во многом как отношения, то и ТМО изучала “отношения между отношениями” — то есть то, к чему сама Курки сейчас призывает. И речь не только о современных конструктивистах, которые давно указывают на динамичное конструирование идентичности государства, роль Других в этом.

Курки стоило бы лишь перелистать классиков, чтобы увидеть, что государство редко приравнивалось к вещи. Так, платоновский Сократ говорит, что без справедливости государство теряет единство и силу и даже что лишь его идеальное государство, строго говоря, можно вообще называть государством, потому что остальные, хотя и кажутся едиными, внутренне разобщены на несколько государств по имущественному признаку¹¹. Но едва ли справедливость и другие ориентиры сократовского государства — это “вещи”. “Политика” Аристотеля начинается с определения государства как высшей формы “общения”¹², которое опять-таки нельзя назвать “вещью”. Латинское *res publica* дословно, конечно, — “вещь”, но у Цицерона речь об объединении людей посредством закона и интереса. В отсутствие последних, при тирании, нет государства, пусть там и будут прекрасные вещи — цитадель или храмы¹³.

Едва ли и традиция общественного договора говорит о вещи, а не об отношениях. Особенно любопытен пример Томаса Гоббса. У Курки Гоббс ассоциируется с “абсолютными и неизменными” идеями “Бога”, “справедливости” и “законов” (цит. Смолина, р. 76). Однако более убедительной представляется другая интерпретация

Гоббса¹⁴. Человек лишь гадает о законах природы, поскольку они созданы не им. Однако в математике человек сам создает последовательную систему смыслов и потому знает ее точно. Истина здесь создается, а не открывается. Подобную систему человек должен сконструировать и в политике. Если в естественном состоянии нет нужного единства политических смыслов, то оно устанавливается в государстве. Справедливость в основном создается сувереном, и религия интерпретируется им. У Гоббса даже человек не всегда является самоочевидной единицей (вещью?), которая затем вступает в отношения с другими, — это государство определяет то, кто считается человеком¹⁵.

Наконец, широта и неясности этики Курки, среди прочего, вызывают вопросы о том, как именно она может применяться — особенно в политике, где часто возникают проблемы выбора, иногда — между двух зол. Тем более это важно для международных отношений как гораздо менее централизованных, чем внутригосударственные. Конечно, необходимо уважать базовое достоинство всех людей в мире, но попытки предложить для международного уровня столь же сильные концепции справедливости, что и для внутригосударственного, давно вызывают вопросы в ТМО¹⁶. Кто и как будет координировать права, обязанности, мириады причинно-следственных связей? Кому, в каком порядке будут адресованы обязанности и права? Что, если Другой, о котором пытаются позаботиться, окажется опасным? Попытки лучше заботиться обо всех должны быть очень взвешенными, иначе они только ухудшат ситуацию. Если это справедливо относительно людей, то еще больше вопросов встает о животных. Расширение этической озабоченности не должно вести к недооценке важности уже существующих отношений людей и государств, демократических практик.

Сама Курки признает сложные “дилеммы” между обязательствами людей по отношению к самим себе, человечеству и другим (р. 187). И даже проявляет интерес к понятию благоразумия (*prudence*, pp. 153-154). Однако она не намечает путей того, как должен делаться выбор в политике. Таким образом, Курки заканчивает там, где самое интересное только начинается и где уже веками идет дискуссия с участием, например, реалистов, с их вниманием к благоразумию.

Подводя итоги, отметим, что важность книги состоит не только в отмеченных плюсах. Ее изъяны

¹⁰ Myers R.H., Verheggen C. *Donald Davidson's Triangulation Argument: A Philosophical Inquiry*. NY and London, Routledge, 2016. 224 p.

¹¹ Plato. *Republic*. *The Dialogues of Plato*. Trans., with analyses and introductions by Jowett B. London, Oxford University Press, 1931, vol. 3, pp. 31-32, 110-111.

¹² Аристотель. *Политика*. Пер. С. Жебелева. Москва, РИПОЛ-Классик, 2016, с. 142.

¹³ Cicero. *On the Commonwealth*. *Cicero. On the Commonwealth and On the Laws*. Zetzel J.E.G., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 18, 75.

¹⁴ См.: Гудалов Н.Н., Чернов И.В. Цит. соч.

¹⁵ См.: Hobbes T. *On the Citizen*. Tuck R., Silverthorne M., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, p. 215.

¹⁶ См. также: Meckled-Garcia S. On the Very Idea of Cosmopolitan Justice: Constructivism and International Agency. *The Journal of Political Philosophy*, 2008, vol. 16, no. 3, pp. 245-271. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2007.00281.x

тоже заставляют задуматься о довольно типичных “ловушках” в ТМО. Как ни привлекательны достижения физики, они не детерминируют рамки особой свободы – и ответственности – человека. Не снимут проблем выбора и рассуждения о широте этической озабоченности, и критика этического догматизма. Нам нужны какие-то, пусть несовершенные, но более конкретные ориентиры, чтобы действовать в сложнейшем мире политики.

И бьются мыслители над этими вопросами давно: недаром, когда читаешь Курки (и многих других наших современников), их внешне новый постпозитивистский лексикон заставляет вспомнить иронию на губах со знаменитого бюста Платона, а то и сарказм с портрета Гоббса. Без смелых попыток движения невозможен ни научный, ни этический прогресс, но нужно помнить, что такие попытки начались не вчера, а кончатся не завтра.

A RELATIONAL LOOK AT INTERNATIONAL RELATIONS

[Review of the book: Kurki M. International Relations in a Relational Universe. Oxford, Oxford University Press, 2020. X, 216 p.]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 141-146)

Received 09.03.2021.

Nikolay N. GUDALOV (n.gudalov@spbu.ru),

SPbSU, 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Keywords: relationality in international relations, cosmology, interdisciplinarity, postpositivism.

About author:

Nikolay N. GUDALOV, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ НЕРАВЕНСТВА В ДОХОДАХ

© 2021 г. В. Клинов

МИХАЙИ П., СЕЛЕНЬИ И. Получатели ренты: прибыли, заработки и неравенства (верхние 20%). Пер. с англ. Москва, Магистр, 2020. 176 с.

КЛИНОВ Виленин Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76; ИСКРАН, РФ, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (vg.klinov@mail.ru).

Рецензия поступила в редакцию 22.03.2021.

Ключевые слова: неравенство, доходы, государственная собственность, приватизация, глобализация.

Тема неравенства доходов в XXI в. в наше время стала одной из злободневных как в экономической науке, так и в общественно-политических дебатах. В этом контексте большой интерес вызывает книга П. Михайи и И. Селеньи, которая представляет собой полемику с работами выдающихся экономистов-теоретиков Дж. Стиглица “Цена неравенства”¹ и Т. Пикетти “Капитал в XXI веке”². Авторы рецензируемой книги предприняли попытку иначе взглянуть на проблему неравенства.

В отличие от своих оппонентов, которые видят проблему в росте в ВВП доли прибыли, П. Михайи и И. Селеньи обоснованно считают рост прибылей и ренты (в определенных размерах) благотворным для экономики. В то же время чрезмерная рента может порождать застой экономики и углублять неравенство. В этом утверждении авторы рецензируемой книги опираются на расчеты Т. Пикетти о росте в крупных развитых странах доли в ВВП доходов в форме прибыли с 15–25% в 1975 г. до 25–35% в 2000–2010 гг., что означает снижение доли доходов в форме зарплаты на 10 п. п. (с. 116). Авторы упоминают и проведенные журналом *The Economist* дебаты на тему “Искажен ли капитализм в пользу элит” (август 2018 г.), в которых из 15 тыс. проголосовавших 76% ответили утвердительно (с. 7).

Вторая половина XX в. стала периодом господства неоклассических моделей развития и социальной стабильности: зарплаты росли, разрыв в доходах между привилегированными и прочими группами населения сокращался. В XXI в. картина стала иной. В США, ФРГ, других развитых странах во многих отраслях на фоне роста прибылей реальные зарплаты не менялись годами. Авторы согласны с мнением Т. Пикетти, что это подпитывает

популистские настроения против глобализации, миграции, против высокообразованных и высокооплачиваемых бизнес-менеджеров. Но в отличие от Т. Пикетти авторы не считают, что рост неравенства из-за изменения соотношения зарплаток и прибыли негативно влияет на экономический рост. Так, в США при рекордно высоком индексе Джини (более 0.4) отмечены довольно значительные для развитых стран показатели экономического роста. В скандинавских странах, где, правда, нет такого резкого неравенства, как в США, хотя оно и увеличивается, темпы роста также сравнительно высоки и обстановка в обществе стабильна.

Современную ситуацию, когда усиление неравенства не обязательно приводит к политической нестабильности, авторы оценивают как противоречащую идеям Т. Пикетти. По их мнению, беднейшие слои населения не склонны протестовать, если зарплаты растут. В Китае, где крайне высока степень неравенства, на фоне продолжающегося с 1978 г. бурного роста экономики “приливной волной множество семейных лодок вытянуло из нищеты, хотя и с очень разной скоростью”. Неравенство не раздражает людей “до тех пор, пока не затронуты их собственные планы на лучшее будущее” (с. 22-23). Иными словами, пока растет их реальная зарплата.

Согласно концепции П. Михайи и И. Селеньи, для экономического роста имеет значение не масштаб, а источник неравенства. Там, где индекс Джини составляет 0.2–0.4, может сохраняться социальная стабильность и динамичность развития, пока распределение осуществляется на основе “меритократических принципов” (заслуг), а неравенство между заработками и прибылями возникает в условиях совершенной конкуренции. “В... либеральном демократическом обществе при существующей системе ценностей” неравенство превращается в политическую, социально-экономическую,

¹ Stiglitz J.E. *The Price of Inequality*. N.Y., W.W. Norton & Company, 2012. XXVI, 414 p.

² Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Harvard University Press, 2014. VIII, 685 p.

Таблица. Типы ренты

Виды ренты	Примеры
<i>А. Ренты ограниченности</i>	
1. Рента Рикардо	Сельскохозяйственные земли, рудники
Естественные монополии, основанные на:	
2. ...возрастающей отдаче и/или сетевом эффекте	Авиалинии, Интернет, мобильные телефоны
3. ...местоположении	Жилье, офисы, отели и т. п.
4. Инновации в бизнесе	<i>Facebook, Google</i> и т. п.
5. Личные (природные) дарования	Спорт и искусство
6. Соревнования и тренировки	Спорт
7. Унаследованный социальный капитал	Поступление в университеты “Лиги плюща”
Рыночные ограничения:	
8. ...ограничение выхода на рынок только кругом приближенных	“Оккупационное” лицензирование, картельный сговор, лоббирование, коррупционные практики
9. ...монополии, созданные государством	Инновации и новые продукты (например, лекарства), защищенные правами интеллектуальной собственности
<i>В. Ренты солидарности, создаваемые</i>	
10. ...национальными государствами	Торговый протекционизм, иммиграционный контроль, позитивная дискриминация
11. ...коллективными сделками	Местные и национальные профсоюзы
12. ...государственной системой социального обеспечения	Социальное здравоохранение и пенсии
13. ...благотворительными организациями	Помощь и содействие внутри страны или на международном уровне

моральную проблему, если его источником является рента, “порождаемая” при ограничении конкуренции. Именно такая рента, как справедливо подчеркивают авторы, “подрывает меритократические основы либерального капитализма и эффективность капиталовложений” (с. 29, 55-56).

Авторы исходят из формулы ренты датского социолога О.Б. Сёренсена как разницы между доходом закрытых отношений отдельных лиц или группы лиц и доходом открытых отношений, складывающихся в условиях совершенной конкуренции³. Рента может быть временной в условиях открытой конкуренции, например когда возникает при применении новой техники, пока конкурент не создаст подобную технику. Примером может служить эволюция ИКТ в XXI в. на базе микроэлектроники.

Рента может быть длительной и поддерживать у монополий путем экономии на масштабах производства, например, в крупнейших быстро развивающихся странах – Китае и Индии, успешно конкурирующих с развитыми странами, как Япония и Германия. Выше представлены выделяемые авторами (с. 74) типы ренты.

Ренты солидарности, или общественно необходимые ренты, обеспечивают социальную стабильность в форме социальной поддержки населения. Ренты солидарности направлены на компенсацию “провалов рынка”, улучшение условий кон-

³ Sørensen O.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*, 2000, vol. 105, no. 6, p. 1537.

курентии и предполагают перераспределение или вмешательство государства в целях социальных, а также повышения конкурентоспособности, поскольку расходы на создание конкурентного производства могут быть запретительно высокими. Рентой солидарности пользуются получатели пенсий, бесплатной медицинской помощи, пособий по безработице – доходом, который заслужили, но не заработали (с. 69).

К рентам солидарности авторы относят и стимулирование научно-технических нововведений – финансирование государством фундаментальных исследований, повышение качества бесплатного образования (с. 129). Этим же целям может служить оформление права интеллектуальной собственности (ИС), что защищает авторов нововведения от рыночной конкуренции, потенциально разрушительной для их ренты (с. 25-27). Правда, жесткая система защиты прав ИС может угрожать социальной стабильности, ограничивать экономический рост, особенно в менее развитых странах.

Авторы выделяют и “вредные” ренты ограниченности, например, в пользу избранных предпринимателей, когда государство позволяет выходить на рынок “своим клиентам”, что особенно характерно для постсоциалистических стран (с. 54).

Предметом наиболее острой полемики П. Миахайи и И. Селеньи с экономистами-теоретиками является вопрос о роли сверхбогатых в политической и экономической жизни США. “Никто, – утверждает Дж. Стиглиц, – не может отрицать

сегодня существования огромного барьера, отделяющего самых богатых – иногда определяемого как 1% – и остальных”. Далее он продолжает: “1% американцев ежегодно получает почти четверть национального дохода... контролирует 40% богатства”. Говоря об их роли в политике, Дж. Стиглиц утверждает: “Фактически все сенаторы США и большинство Палаты представителей избираются из 1%, содержатся на деньги 1% и знают, что... они будут вознаграждены 1%, когда оставят государственную службу”⁴.

П. Михай и И. Селеньи считают такой подход ошибочным из-за высокой социальной мобильности на вершине пирамиды доходов. Тезис о происхождении “доминирующего ранга” верхних слоев общества по рождению мог бы быть подкреплен данными, что помимо роста дохода/богатства верхние 5–20% характеризуются и снижением мобильности, возможности входа/выхода из этой группы в пределах одного или нескольких поколений. Однако такого рода данных нет. Напротив, авторы приводят пример Б. Гейтса, Дж. Сороса, Л. Месароша (друга венгерского премьер-министра В. Орбана) как богатейших людей мира с очень скромным происхождением, предполагая, что “вход/выход в группу 0.1% сравнительно свободный” (с. 83). В то же время, “если следующее поколение превращается в наследников, то их богатство все в меньшей степени зависит от их достоинств или усилий, но все в большей степени превращается в источник ренты” (с. 84–85).

В настоящее время в литературе все большее внимание привлекает растущий разрыв в доходах верхних 5–20%, то есть высшего среднего класса, и нижних 10–20% населения. В таблице типов рент главная проблема рентного неравенства обозначена как “унаследованный социальный капитал”. Так, в США речь идет о поступлении в университеты “Лиги плюща” – неофициальной ассоциации 8 лучших и старейших университетов. Авторы выделяют и рассматривают элитарное образование как один из трех механизмов “закрытия” высшего среднего класса, наряду с наследованием состояния и избирательными браками (с. 86–93).

Принадлежность к выпускникам университетов “Лиги плюща” хотя бы одного родителя дает детям преимущество при поступлении и называется “наследственным поступлением”, которое обеспечивает до трети приема в престижные вузы. Обучение в частных средних школах с платой до 200 тыс. долл. в год направлено на получение выпускниками высокого итогового балла. Диплом элитарного университета дает значительные преимущества на рынке труда, обеспечивая воспроиз-

водство высшего среднего класса, и этот механизм укрепляется.

Воспроизводство высшего среднего класса как привилегированного сословия объясняется в основном не накоплением капитала (что относится больше к высшим 1–5%), а наследованием богатства в форме недвижимости, произведений искусства. В мире повсеместно выросла стоимость жилой недвижимости (ренты в классическом понимании Д. Рикардо). Так, в XXI в. значительно выиграли в ренте владельцы квартир, купленных в середине 1960-х.

В книге подчеркнуто, что выпускники элитных школ, “Лиги плюща” стремятся и браки заключать с выпускниками учебных заведений того же уровня. Если в начале XX в. браки такого рода не были исключением, то к концу века они получили еще большее распространение; намного выросло число браков между парами с одинаковым образованием. Избирательные браки обеспечивают супругам престижную работу, включение ренты в их доходы сверх рыночного уровня зарплаты.

Самым острым социально-экономическим вопросом авторы считают расслоение общества, отделение высшего среднего класса от остальных. В 2015 г. в журнале *The Economist* было заявлено о “рождении новой аристократии” не только в США, но и в мире в целом. Данные исследования 70 тыс. детей, рожденных в Великобритании в 1946, 1958 и 1970 гг., показали, что условия, в которых они росли, определялись социальным статусом родителей и оказали значительное влияние на их статус, на неравенство на протяжении всей жизни, несмотря на правительственные меры поддержки малоимущих.

Особое внимание в монографии уделяется происхождению нуворишей в постсоциалистических странах. С учетом исторических и географических особенностей, различий в культуре и традициях авторы выделяют три механизма извлечения ренты с 1989 г.: захват рынка политическими элитами; захват государства олигархами; захват олигархов авторитарной властью (с. 97).

Постсоциалистический капитализм – это система, в которой во многих случаях (в России после 2000 г., в Венгрии после 2010 г., в определенной мере в Польше после 2015 г.) “политика продолжает командовать” (с. 98). Партийные кадры использовали рыночные механизмы для приватизации государственности. Институциональная инерция усугублялась представлением о необходимости ее быстрой трансформации в частную собственность. Крупные предприятия приватизировали через продажу на аукционах. Для этого национальным инвесторам требовались займы с государственными гарантиями, что подразумевало отбор участни-

⁴ Stiglitz J.E. *The Great Divide. Unequal Societies and What We Can Do About Them*. L., Allen Penguin Boors, 2015. P. XI, 88, 92.

ков аукционов. В ряде случаев, пишут авторы, бизнесмены были признаны новым состоятельным сословием; предполагалась их лояльность в обмен на “управляемые аукционы” (с. 101–102).

Авторы выделяют Россию как единственную мировую силу, на которую значительно влияет ресурсная рента. Когда на мировом рынке цены на сырье растут, любой российский лидер испытывает искушение ограничить или замедлить обогащение нефтяных и газовых “баронов” с помощью налогов на экспортируемую продукцию. Когда цены падают и рентный компонент экспортных цен уменьшается, ренационализируются компании, контролирующие производство углеводородов (с. 108). На самом деле ренационализации не было. Был создан концерн Роснефтегаз (100% федеральной собственности). Из дивидендов, принадлежащих концерну компаний, руководство страны может формировать резерв для финансирования приоритетных нужд⁵.

Среди постсоциалистических стран выделяется Китай, где приватизация крупных госпредприятий началась только в 1997 г. и продолжается по сей день. В 2012 г., когда в Китае произошла передача власти Си Цзиньпину, было объявлено, что в ходе антикоррупционной кампании будут ловить “тигров и мух”, но “тигры очень походили на политических противников”, — пишут авторы (с. 109–110). В то же время, подчеркивают П. Михай и И. Селеньи, не расследуется деятельность многих партийных лидеров, богатство семей которых исчисляется миллиардами долларов. Примеры схожей “избирательной криминализации” в монографии приводятся и по другим странам, в частности по Румынии и Венгрии.

Значительное место в монографии отводится влиянию глобализации на развитие экономики. Авторы приводят мнение антиглобалистов, которыми движет уверенность, что национальный суверенитет нуждается в защите от глобализма. Критика ТНК, этих главных акторов глобализации, по моему мнению, не лишена оснований. Свободный перелив капитала зачастую разрушает отлаженный малый бизнес, уничтожает в национальной экономике хорошо оплачиваемые рабочие места. Об этом писал и Дж. Стиглиц⁶. Однако авторы представляют влияние глобализации на экономику шире. Они видят задачу в том, чтобы показать, как глобализация ведет к исчезновению ренты. В доходах между странами неравенство между людьми снижается благодаря быстрому эконо-

номическому росту в самых населенных странах мира — Китае и Индии. Авторы подчеркивают как взаимосвязь, так и разнонаправленность двух процессов в условиях глобальной экономики: благодаря международной торговле и миграции разница в доходах между развитыми и менее развитыми странами сократилась, но внутри стран неравенство усилилось (с. 127).

Современные потоки миграции из беднейших стран в развитые связаны в основном с глобализацией. Перемещение человеческого капитала в экономики, где он более востребован, способствует росту мирового ВВП, и вклад в него мигрантов составил в 2015 г. 6.7 трлн долл., или 9.4%, что на 3.3 трлн больше, чем они могли произвести в своих странах. За счет мигрантов на 2.5 трлн вырос ВВП стран Северной Америки и на 2.3 трлн долл. — стран Западной Европы. При этом во многих богатых странах 10% беднейшего населения — это первое или второе поколение мигрантов. Парадокс, указывают авторы, состоит в том, что низшие 10% в богатых странах зарабатывают втрое больше высших 10% в беднейших странах, а зарплата мигрантов на 20–30% меньше, чем у местных работников той же квалификации (с. 124–125).

Д. Трамп победил на выборах в США в 2016 г. в немалой степени благодаря голосам рабочих, потерявших работу или вынужденных согласиться на более низкую зарплату из-за конкуренции со стороны мигрантов. Ему удалось сыграть на чувствах этой категории избирателей, часть которых “чувствуют себя значительно лучше, чем на открытом рынке” (с. 94).

Т. Пикетти и Дж. Стиглиц полагают, что изменения в мировой экономике в XXI в. ведут к неуклонному сокращению доходов работников низкой квалификации. По данным Дж. Стиглица, среднечасовая зарплата производственных рабочих в США за 1990–2009 гг. снизилась на 30%⁷. Авторы монографии видят причину изменений в возросшей конкуренции со стороны крупных менее развитых стран. В итоге прежде закрытые отношения стали более открытыми, а многие ренты просто исчезли. В поддержку своей позиции они приводят аргументы Р. Солоу, который полагает важным учитывать “элемент ренты” в зарплатах и в прибылях⁸. Практически одновременно с Р. Солоу Дж. Стиглиц сделал схожее заключение по США: “Изменения в ренте... возможно находятся в центре происходящего. Экономиче-

⁵ Большая пресс-конференция Владимира Путина. 22 декабря 2016 г. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573#sel=552:2:Xki,552:11:hSg> (accessed 22.02.2021).

⁶ Stiglitz J.E. *Globalization and Its Discontents*. N.Y., W.W. Norton, 2002, pp. 5–9.

⁷ Stiglitz J.E. *New Theoretical Perspectives on the Distribution of Income and Wealth Among Individuals. Part I. The Wealth Residual*. NBER Working Paper No. 21189. May 2015. P. 2.

⁸ Solow R. *The Future of Work: Why Wages Aren't Keeping Up*. Pacific Standard, original: Aug 11, 2015, updated: Jun 14, 2017. Available at: <https://psmag.com/economics/the-future-of-work-why-wages-arent-keeping-up> (accessed 03.03.2021).

ский анализ должен сконцентрироваться на том, как... институты и политика могут повысить эту ренту”⁹.

Главный вывод книги состоит в том, что вопрос не в степени неравенства на конкурентном рынке, а в том, насколько неравенство “является следствием рентных доходов, возникших вследствие ограничения конкуренции. Общества, основанные на извлечении ренты, склонны к экономическому застою и упадку и социально нестабильны. Общества, основанные на свободной конкуренции, экономически динамичны и сравнительно стабильны в социальном плане” (с. 138). В качестве теоретико-политических выводов указывается на слабую корреляционную связь между экономическим неравенством, с одной стороны, и экономическим ростом, социальной стабильностью, с другой. Имеет значение *источник*, а не *степень* неравенства по заработкам и прибылям. Рентное неравенство подрывает принципы либерального капитализма и эффективность инвестиций.

⁹ Stiglitz J.E. *New Theoretical Perspectives...* P. 3.

Теоретически было бы справедливым и экономически эффективным налогообложение незаработанного дохода. Доходы в виде прибыли и заработков могут иметь рентный компонент, однако определить соотношение составляющих практически невозможно. Это позволяет оправдывать налогообложение сверхвысоких прибылей и зарплат, поскольку предполагается, что часть их “не заработана”.

В заключении авторы возвращаются к вопросу о том, в чем они видят ошибку Т. Пикетти, сосредоточившегося на доходах и богатстве 1 и 0.1% населения. Сторонники идей Т. Пикетти, принадлежащие к 20%-му верхнему слою, возмущены богатством 1%. Авторы считают позиции элитных групп недолгосрочными и необязательно наследуемыми. Большую угрозу социальной стабильности представляет разрыв между верхними 20% и остальным населением. В этом контексте можно согласиться с их выводом, что укрепление привилегий верхнего слоя (20%) среднего класса представляет опасность для “открытого общества”. А пристальное внимание к 1% верхушки служит интересам привилегированного слоя среднего класса.

A NEW VIEW POINT ON INCOME INEQUALITY

[Review of the book: Mihályi P., Széleányi I. *Rent-seekers, Profits, Wages and Inequality, The Top 20%, Moscow, Magistr, 2020. 176 p. (in Russ.)*]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 11, pp. 147-151)

Received 22.03.2021.

Vilenin G. KLINOV (*vg.klinov@mail.ru*),

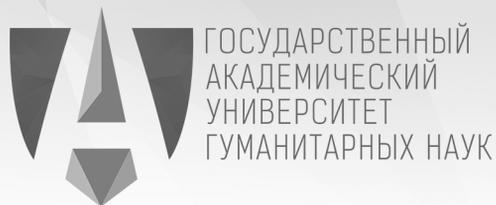
MGIMO University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation;

Institute for US and Canadian Studies RAS (ISCRAN), 2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Keywords: Inequality, Income, State Ownership, Privatization, Globalization.

About author:

Vilenin G. KLINOV, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Chief Research Fellow.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

